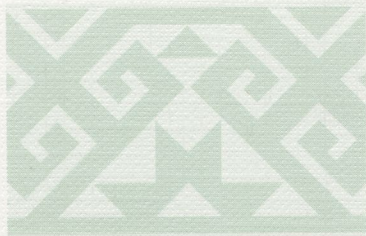

к 72.96:81
А 98
К-55184

АШМАРИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

сборник научных статей

Выпуск 7

*Посвящается 140-летию
со дня рождения Н.И. Ашмарина
и 20-летию факультета
гувашской филологии и культуры*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
(РОСОБРАЗОВАНИЕ)
Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

АШМАРИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 7

Сборник научных статей

*Посвящается 140-летию со дня рождения Н.И. Ашмарина
и 20-летию факультета чувашской филологии и культуры*

Чебоксары 2010

УДК 811.512.1
ББК Ш 12=653.1
А 98

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, профессор В.Г. Родионов (гл. редактор),
д-р филол. наук, профессор Г.И. Федоров,
д-р филол. наук, профессор А.Ф. Мышкина (редактор-составитель),
д-р филол. наук, профессор Г.А. Ермакова,
д-р филол. наук, профессор Г.Н. Семенова,
канд. филол. наук, доцент И.В. Софронова.

А 98 Ашмаринские чтения. Вып. 7: сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред.
А.Ф. Мышкина. - Чебоксары: Изд-во «Новое Время», 2010. - 280 с.

В сборник включены научные изыскания ученых Урало-Поволжья, России и Зарубежья (Казахстан, Финляндия). Авторы статей исследуют различные аспекты и актуальные проблемы общей и региональной филологии, методики преподавания гуманитарных дисциплин, национальной культуры и истории общества.

Ответственность за содержание, глоссирование и перевод примеров несут авторы статей.

Для научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов.

© Мышкина А.Ф., составление и научное редактирование, 2010

Историческая справка

АШМАРИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ [22.9(4.10).1870, г. Ядрин Казанской губернии – 26.8.1933, Казань], советский языковед, тюрколог, член-корреспондент АН СССР (1929). Автор работ о чувашском языке: «Материалы для исследования чувашского языка» (1897-98), «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (ч. 1-2, 1903-23), «О морфологических категориях подражаний в чувашском языке» (1928). Главный труд – 17-томный «Словарь чувашского языка» (в. 1-17, 1928-58), подготовлявшийся учёным более 30 лет. Ашмарин собирал и обрабатывал фольклор чувашского народа. Опубликовал книги: «Очерк народной поэзии у чуваш» (1892), «Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской» (1900), «Сборник чувашских пословиц» (1925).

Истори справки

ЧАВАШ ФИЛОЛОГИЙЁПЕ КУЛЬТУРА ФАКУЛЬТЕЧЁ

Помните, что долг работать над просвещением чуваш лежит, прежде всего, на вас, на людях, которые вышли из их же среды. Возвращайтесь же к своим соплеменникам с сокровищами научного знания. Помните, что владеет сердцем народным вы сможете, только если не будете чуждаться языка народного...

(И.Я. Яковлев. «Духовное завещание...»)

Чăваш чĕлхипе литературине аслă шкулта чи малтан Хусанти хĕвел тухăç педагогика институтĕнче вĕрентме пуçланă. 1926 çулта çав вузра «Чăваш наци чĕлхи» уйрăмĕ вырăнне «Чăваш чĕлхипе литератури» уйрăмĕ йĕркеленет. Унта Н.И. Ашмаринпа Н.В. Никольский профессорсем, Г.И. Комиссаров доцент ёçленĕ.

1930 çулта çак уйрăма тин кăна Шупашкарта уçалнă Чăваш патшалăх педагогика институтне куçараççĕ. 1937 çулта унта чăваш чĕлхипе литература кафедре уйрăм пулса тăрат. 1967 çулта çĕнĕрен уçалнă Чăваш патшалăх университетне пединститутри вырăс-чăваш уйрăмне те куçараççĕ. 1967-1970 çулсенче кафедрăна СССР педагогика аслăлăхĕсен академийĕн член-корреспондентĕ М.Я. Сироткин профессор ертсе пырат. 1968 çулта таса чăваш уйрăмĕ уçалать. Унта студентсене С.П. Горский, М.Р. Федотов, Н.П. Петров профессорсем, С.П. Юшков, А.С. Канюковпа В.Я. Канюков, Г.Я. Хлебников тата ыт. доцентсем те ас параççĕ, пурнăç çулĕ сине тухма пулăшаççĕ. 1973 çулта пединститутран куçнă кафедра иккĕ пайланать: чăваш чĕлхи тата чăваш литератури кафедрисем суралаççĕ. Историпе филологи факультетĕнче шутланнă чăваш чĕлхипе литературин уйрăмĕ çулсерен аталанса та вай илсе пынă. Çакă вара 1990 çулта унăн никĕсĕ çинче чăваш филологийĕпе культура факультетĕ уçма майсем туса панă. Çĕнĕ факультета йĕркелесе яма тата ура сине тăма университетăн ректорĕ Л.П. Кураков уйрăмах хытă тăрăшнине палăртмалла. 20 çул

хушшинче культурологи, чăваш чĕлхипе литература методики, филологин пĕрлĕхлĕ тĕпчевĕсен кафедрисем уçалчĕç. 2003 çултанпа малтан ятарлă пĕлÿ илнисем (культура училищи, педагогика училищи, педколледж пĕтернисем), иккĕмĕш аслă пĕлÿ илес текенсем чăваш филологийĕпе культура факультетĕнче тÿлевлĕн виçĕ çул е виçĕ çул сурă вĕренсе алла диплом илме пултараççĕ. 2006 çулта вара çĕнĕ специальность, «Культурологи» специальносĕ, уçалчĕ ширĕн факультета.

Чăваш чĕлхипе литературине Хусанти тухăç халăхĕсен институтĕнче (1925-1930) тата Шупашкарти педагогика институтĕнче (1930-1967) тĕпрен илсен шкул вĕрентекенĕсем валли вуланă. Университет тапхăрĕнче (1967-2010) тăван чĕлхемĕрпе сăмахлăх аслăлăх шайне çĕкленме пултарчĕ. Халĕ эфир чĕлхемĕрĕн тымарĕсене те тĕпчетпĕр, хурăнташлă чĕлхесене тишкеретпĕр. Анаçăнне кăна мар, тухăç литературине те аша хывма тăрăшатпăр. Университетăмăр классикалла вĕрентÿ заведенийĕ пулса тăнă май кунта чăвашсен академилле филологийĕ çунат сарса тĕрекленчĕ.

Университет тапхăрĕнче вай илнĕ тепĕр курăмлă туртăм вăл тĕрлĕ дисциплинасен интеграцийĕ, хайне евĕрлĕ çывăхланăвĕ. Чăваш филологийĕн никĕсĕ çинче кунта филологсемсĕр пуçне журналистсене, ташă-юрă асгисене, театр режиссерĕсене, библиотекарьсене, музей çыннисене хатĕрлетпĕр. Çак ёç малтанласа нушаран (çав ачасене хатĕрлемелли аслă шкул çукран) пуçланчĕ. Халĕ республикăмăрта культурапа искусство институтĕ пур. Библиотекарьсемшĕн тата маларах Хусана çул уçалнăчĕ. Çав аслă шкулсем чăваш филологийĕпе культура факультетĕ паракан чи кирлĕ енне – чăвашлăх чунне – пама пултараймаççĕ иккен. Эппин, халăхăмăр культурин ёçченĕсене классикалла филологи пĕлĕвĕ пани питех те пĕлтерĕшлĕ. Вĕсем профессионалсем кăна мар, чи малтан чăваш чĕлхипе сăмахлăхне юратакан, вĕсене ытгисенчен тарăнрах пĕлекенсем пулса тăраççĕ. Ташлама-юрлама пĕлекен çамрăка шкулсенче те яланах хапăл туса йышăнаççĕ. Çавăн йышши вĕрентекенсене шкул ачисем ытларах кăмăллани те паллă. Чăваш филологийĕн дисциплинисем специалист пулма майсем туса панипе пĕрлех чăваш çынни пулма та пулăшни паянхи кун кĕретĕн курăнать.

ЧФКФ чăваш филологийĕн тата культурин лаççи кăна мар, вăл аслă пĕлÿллĕ ачасен пултарулăхне аталантармалли вырăн та. 90-мĕш çулсенче кунта диссертаци канашĕсем уçалчĕç. Çав канашсем чăваш филологĕсемпе пĕрлех коми тата мари филологĕсене те хатĕрлеме, кандидат ёçĕсене хÿтĕлеттерме пултарчĕç. Танлаштаруллă, шайлаштаруллă тата типологиллĕ чĕлхе пĕлĕвĕн, Раççей халăхĕсен литератури ыйтăвĕсемпе тĕпчев ёçĕсем сÿрсе хÿтĕленме пулат паян кунта. Çак енне те пирĕн факультет çывăх вăхăтрах регионти чи пĕлтерĕшлĕ центрсенчен пĕри пулса тăрĕ.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РФ

*В.Г. Родионов,
Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

*Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда проект № 10-04-22407 а/В*

Многие существующие истории национальных литератур относятся к описательным, ибо в подобных работах изложение понимания литературного процесса соединяется с пересказом многих известных фактов, в той или иной степени связанных с писателями и их произведениями. В подобных работах мало конкретного анализа, они больше всего служат учебным целям, чем научным. Такие традиционные истории литературы находили и всегда будут находить своих читателей различного уровня в школах, а также в библиотеках для массового пользования. Они всегда востребованы, поэтому подобные учебники и учебные пособия имеют полное право на существование.

Чисто научные истории литературы традиционно называются академическими, в них должны преобладать теория и научный анализ. К сожалению, многие подобные «Истории» грешат описательностью и фактографичностью, которые в данной разновидности жанра выглядят как недостаток.

На рубеже 60-70-х гг. XX в. академик Д.С. Лихачев впервые определил научную историю литературы как «теоретическую историю» [1. С. 159]: «Цель теоретической истории другая, – пишет ученый, определяя границы между двумя разновидностями «Истории». – У читателя предполагается некоторый необходимый минимум знаний, сведений и некоторая начитанность в <...> литературе. Исследуется лишь характер процесса, его движущие силы, причины возникновения тех или иных явлений, особенности историко-литературного движения <...> сравнительно с движением других литератур» [2. С. 4].

Методика построения теоретической истории литературы требует рассмотрения больших эпох и более мелких периодов в их динамике, выявления закономерностей их смены. Историко-литературные эпохи, как правило, выдвигают свои жанры и стили, разрабатывают специфическую тематику и проблематику. В область теоретической истории, как утверждает Д.С. Лихачев, входит и изучение национального своеобразия литературы: «Национальный характер – это и особенности исторического пути

литературы, особенности ее развивающегося взаимоотношения с действительностью, особенности меняющегося положения литературы в обществе» [2. С. 8]. Для определения национального своеобразия литературы важны как инвариантные постоянные, так и исторически изменяющиеся. В таком аспекте история литературы – это национально-самобытный путь развития словесной культуры народа.

Следующий момент, требующий учета при создании теоретической истории литературы, связан с общими закономерностями развития мировой культуры. Единство мирового развития культуры выражается, как отмечает Д.С. Лихачев, «в том, что народы в случае пропуска у себя того или иного «закономерного» этапа развития культуры могут ускоренно проходить свое развитие, используя опыт соседних народов» [2. С. 11]. К подобным «ускоренникам» относится и чувашская литература, как составная часть новой профессионально-письменной культуры чувашского народа. Итак, целью теоретической истории является не только выявление инвариантного и вариантного, но и обнаружение в «ускоренных» литературах тех законов, которые четко прослеживаются в литературах «классического» типа, главным образом в западноевропейских (Античность, Средневековье, Возрождение, Просвещение). В силу ряда объективных причин средневековые народы Поволжья продолжались вплоть до второй половины XIX в. Поэтому решать проблемы Возрождения и Просвещения им приходилось в совершенно новых условиях, а это глубоко повлияло на своеобразие их культур и литератур.

Данный аспект изучения истории чувашской литературы (шире – культуры) требует типологического подхода, прежде всего выделения разноразноуровневых «типов национальных систем» [3. С. 247]. По схеме И.Г. Неупокоевой, чувашскую культуру следует отнести к типу прерванного развития, «когда иноземный гнет сковывал развитие народа и его культуры и возможности народного языка были надолго подавлены» [3. С. 247]. В таких культурах письменность и литература зарождаются как бы заново, но, в отличие от других литератур нового времени, они имеют более интенсивный темп развития (например, чувашская и коми литературы сложились к середине, а удмуртская, марийская и мордовская – только к концу XIX в.). Татарскую и башкирскую литературы можно отнести к такому типу развития национальной литературной системы, в которых письменные традиции полностью не прерывались, но литература развивалась «с определенным замедлением на отдельных этапах, вызванным тяжелыми обстоятельствами национальной истории» [3. С. 247]. Итак, в регионе следует выделить три типа литературных систем, которые составляют следующие группы:

1) тюрко-мусульманские без полного разрыва со средневековыми письменными традициями (татарская и башкирская литературы);

2) тюркско-финно-угорские с прерванными и относительно старыми письменными традициями (коми, чувашская литературы);

3) финно-угорские с относительно новыми письменными традициями (удмуртская, марийская и мордовская литературы).

При сопоставлении литературных систем региона или же творчества классиков исследователь всегда должен помнить о наличии вышеперечисленных типов. Например, поэзия классиков Г. Тукая и К. Иванова типологически никак не сопоставимы с творчеством первых удмуртских или же марийских и мордовских поэтов, хотя они творили в одно и то же время и являлись современниками. Проблемы типологии современных национальных систем тесно связаны с историей перевода и определения литературы-посредницы. На татарскую и башкирскую литературы и в Новое время сильное влияние оказывала средневековая мусульманская культура, а к концу XIX в. – европеизированная турецкая литература (на данный факт указывает наличие приличных переводов и подражаний) и русская литературная классика.

Творчество чувашских просветителей первой половины XIX в. развивалось в рамках жанровой системы старославянской (болгарской и древнерусской) литературы (проповеди, жития и др.) и русского Просвещения (оды, очерки и др.). В 1860–1870 гг. появляются переводы произведений русских писателей первой трети XIX в. (литературных сказок А.С. Пушкина и др.), а к концу XIX в. – дидактических рассказов Л.Н. Толстого (они переводились и в первом десятилетии XX в.). В зрелый период чувашской литературы (начало XX в.) в основном переводится русская классика XIX в. и частично – зарубежная литература (Г. Гейне, Ж. Мольер и др.).

Классик коми литературы И. Куратов прошел весь путь приобщения чувашской литературы к мировой классике еще в 60 – 70-е гг. XIX в. После достижений И. Куратова коми литература как бы «отдыхала» и набирала силы для нового «рывка» (творчество К. Жакова). Отсюда следует заключить, что она прогрессировала скачкообразно. На таком фоне развитие чувашской литературы выглядит более равномерным, ее поступательные шаги подчинены внутренней логике развития нового художественного сознания народа. Коми литература, очевидно, более привержена к внешним влияниям литератур-посредниц. В этом – главное отличие чувашской литературы от другой однотипной литературы региона. Удмуртская, марийская и мордовская литературы в начале XX в. «ускоренно» проходили полувековой путь татарской, чувашской и коми литератур второй половины XIX в. и в 1920-е годы выдвинули своих классиков регионально-общероссийского уровня (К. Герда, А. Оки, С. Чавайна, З. Дорофеева и др.). В данный период литературы народов Урало-Поволжья выровнялись: «отстающие» догнали «более развитых». Примерно с конца 20-х гг. XX в. начинается общая история

литератур народов СССР, хотя региональные особенности литератур Урало-Поволжья сохранились вплоть до рубежа XX и XXI вв.

В развитии литературы действуют, как известно, внутрилитературные и внелитературные факторы [4. С. 296]. К первым относятся область поэтики и закономерности взаимоотношений литературы с устным поэтическим творчеством (фольклором), а также другими видами национальных искусств. В состав внелитературных факторов следует включить социально-общественные, этнические и политические процессы. Весьма часто ускоренные факторы сложно переплетены, они тесно соприкасаются и взаимодействуют. Поэтому историк литературы должен проследить моменты перекрещивания факторов внелитературного порядка с чисто художественными факторами [4. С. 279], а когда возможно, показать и органику их синтеза.

Основной единицей «Истории» является «национальная литература в своей целостности и внутренней диалектике», а объектом внимания и характеристики должен стать прежде всего тот писатель, который вложил «заметный вклад в развитие родной литературы» [5. С. 8]. Лишь целостное изучение литературного процесса способствует раскрытию его внутренней диалектики, обусловленной «борьбой противоречивых тенденций» [5. С. 8]. В другой работе Ю.Б. Вишпер корректирует последнее положение, утверждая, что взаимодействие не всегда сводится к борьбе, зачастую оно обретает характер соревнования [5. С. 308].

Как известно, свою целостность и автономность художественная литература обретает постепенно, по мере обогащения определенных традиций и прохождения ряда последовательных этапов становления. В частности, чувашская литература стала вполне автономной и имеющей свои собственные художественные традиции в начале XX в. Но в этой литературной системе оставались и активно функционировали некоторые жанры чувашского обрядово-театрализованного фольклора и народной прозы, которые в достаточной степени компенсировали отсутствие разнообразных жанров драматургии и театра, а также некоторых видов прозы. До начала XX в. чувашская литература была подчинена прежде всего просветительским целям, поэтому она действительно не имела своей автономии, точных ограничительных границ. Литература являлась многофункциональной, со строгой иерархией как фольклорных, так и литературных (религиозной и светской) жанров.

XX век – это целая эпоха смены литературных течений и, возможно, направлений. Художественная литература начинает свою полнокровную, самостоятельную жизнь, не очень реагируя на фольклор. Наоборот, фольклор интенсивно начинает развиваться в авторских вариантах, т.е. он частично обретает черты индивидуально-авторского творчества. Правда, как уже было отмечено, еще на рубеже XIX – начала XX вв. система жанров литературы

активно дополняется рядом фольклорных жанров. Подобный процесс проходил, как отмечает Д.С. Лихачев, и в древнерусской литературе [2. С. 44-47].

Проблема соотношения фольклора и литературы приводит нас к следующей мысли. Чувашский народ в своей основной массе с XV по XVIII вв. был земледельческим и языческим. А фольклор, по утверждению Д.С. Лихачева, целиком удовлетворял эстетическим потребностям трудового народа в художественном слове, литература же охватывала только те области, которые превышали возможности устного народного творчества [2. С. 49]. Вся феодальная верхушка чувашского общества пользовалась старотатарской (мусульманской) письменностью и литературой, которые впоследствии не были унаследованы простыми чувашами из-за их конфессиональных различий. Поэтому чувашскую литературу следует начинать с XVIII в., когда она стала медленно зарождаться под благодатным воздействием идей европейского Просвещения. Наличие средневековой литературной традиции для татарской передовой интеллигенции создавало определенные проблемы (борьба со средневековыми традициями и мировоззрением). В этом плане для чувашских писателей путь к свободной личности был значительно короче и прямее, но в то же время с глубоко философичной трагедией.

Следующей внутрикультурной (имеется ввиду культура художественная) проблемой является рассмотрение литературного процесса в кругу искусств. В свое время М.М. Бахтин особо подчеркивал важность изучения литературного процесса в тесной связи с «глубоким анализом культуры» [6. С. 330]. «Литература и все виды других искусств управляются воздействием социальной действительности, находятся в тесной связи между собой и составляют в целом одну из наиболее показательных сторон развития культуры, – отмечает Д.С. Лихачев важность культурного контекста в истории литературы. – Вот почему при построении истории литературы показания других искусств помогают отделить значительное от незначительного, характерное от нехарактерного, закономерное от случайного» [2. С. 29].

Сопоставительное изучение литературы с другими искусствами не должно сводиться лишь к поиску аналогии и сходств. Не менее важным аспектом является выявление их различий и своеобразия. Очевидно, в определенные периоды внутри одной культуры они выполняли компенсаторные функции по принципу дополнительности.

В чувашской литературе имеются жанры (романсы, песни, драмы), в которых слово синтезировано с музыкой; общими для поэзии и изобразительного искусства являются национальная цветосимволика, язык образов, мировидение и т.д. Геометрическая зеркальность народной вышивки сопоставима с некоторыми особенностями поэтики художественной

литературы (разного вида повторы, образный параллелизм в поэзии, цикличность и др.).

К особому феномену следует отнести следующий уникальный факт: ряд писателей владел даром либо художника (К. Иванов, М. Сеспель), либо композитора и музыканта (Ф. Павлов, П. Осипов). При анализе литературных произведений этих писателей весьма желательным сопоставлением их творений в различных видах искусств. Синтетизм искусств, их тяготение друг к другу в истории возникало не случайно и оно всегда имело определенные причины. В русской литературе его связывают с периодами «национального духовного подъема и с такими творческими методами, как романтизм и неоромантизм» [7. С. 131]. Три классика чувашской литературы – К. Иванов, Ф. Павлов и М. Сеспель – жили и творили в период национального возрождения чувашского народа, а в их произведениях – немало характерных сторон романтизма как литературного течения (не путать с направлением, имеющим эпохальную значимость и долгую продолжительность функционирования).

Таким образом, обнаружилась и требует своего решения проблема изменчивости содержания литературоведческих терминов. По убеждению Вл. А. Лукова, комплексный подход к изучению литературного процесса осуществляет так называемый «историко-теоретический подход», опирающийся, с одной стороны, на теоретические выкладки, а с другой стороны, на необходимость внесения в теорию исторического момента. Главной особенностью данного подхода считается признание того факта, что на разных этапах и в различных исторических условиях одни и те же понятия могли менять свое содержание. Применяя известную терминологию к подобным явлениям, историк литературы обязан корректировать содержание используемых им терминов с учетом исторического момента [8]. Очевидно, не просто исторического, а национально-исторического момента, ибо литературы разнотипны и все имеют свое национальное своеобразие.

Хотелось бы не согласиться с Вл. А. Луковым и по поводу его принижения возможностей типологического подхода к литературным процессам, в особенности по отношению к однотипным словесным культурам. Если исследователь умело корректирует содержание используемых им литературных терминов, то обнаруженные типологические аналогии и сходства могут быть полностью результативными в плане их объективности. Для изучения чувашской литературы начала XX в. весьма полезно знание аналогичного процесса в татарской культуре того же периода. Как уже было отмечено, необходимость непримиримой борьбы со средневековыми устоями в культуре и религии вынудила основную часть татарских писателей стать публицистами и сатириками, активно развивать комическое начало в литературе, жанры комедии, памфлета, фельетона. Не случайно в те годы в татарском мире

функционировало несколько сатирических журналов, редактором одного из них до самой смерти был великий и гениальный Г. Тукай. У чувашских писателей начала XX в. были несколько иные задачи (борьба с национальным нигилизмом, традиционным консерватизмом старшего поколения, в том числе и с религиозным просветительством второй половины XIX в. и др.).

Вышеназванные внутринациональные задачи определили литературно-жанровую специфику двух соседних и родственных народов. Следовательно, типологическое изучение нескольких синхронных литератур внутри одного региона позволяет обнаруживать не только сходства, но и определенные различия. Фундамент истории национальной литературы создается прежде всего из фактов и явлений, которые имеют внутриэтнический характер и национальную иерархию ценностей. Выход на другие литературы региона и определение их схожестей и несхожестей позволяет литературоведу совершенно по-новому, со стороны увидеть исследуемый объект и полнее определить его специфику, своеобразие и самобытность. Такая история литературы будет представлять из себя как органическая часть общества более высокого порядка, она будет вписана в историю мировой литературы со своей национальной самобытностью.

Итак, возможности типологических сравнений далеко не исчерпаны, в них прежде всего нуждаются литературоведы, изучающие литературы «ускоренного» развития без прохождения последовательных стадий «классических» литератур. Типологический метод позволяет изучить как внутрилитературные явления, так и внелитературные факторы развития. Подлинная аналитичность в литературных сравнениях прежде всего предполагает типологический поиск. Художественный образ всегда жиждется на сравнении, и потому всякий литературный анализ по-своему компаративен [9. С. 24-25].

К основному внелитературному фактору развития следует отнести социально-политическую жизнь общества, которой в конечном итоге принадлежит решающая роль. Еще недостаточно изучены под теоретическим углом зрения разновидности, типы, формы и степени взаимодействия и соотношения этих двух факторов (внутрилитературного и внелитературного) развития литературного процесса. По наблюдениям Ю.Б. Виппера, в литературном развитии наряду с плавной эволюцией существенную роль играют и качественные скачки, когда новая литературная система противопоставляет себя тенденциям, на смену которым она идет [4. С. 299].

Литературный процесс следует осмысливать и с точки зрения философии истории, других наук. Утверждение о том, что подобный широкий аспект, свободно соприкасающийся с историей, философией, этнологией, социологией, историей общественной мысли и др. сферами науки, способствует нивелировке границ литературоведения, не оправдано.

Такой «контекстный» метод способствует выявлению связи литературы с историческим движением этноса, этноландшафтом и т.д. [3. С. 10-11]. Именно философско-художественный уровень произведений дают наибольшие основания для их причисления к литературе более высшего порядка (регионально-российской, мировой). Основным предметом исследования в подобных случаях становятся не сами процессы исторического развития, но история общественного, главным образом – художественного, сознания [10].

Выявление динамики национального художественного сознания и его форм, изучение его связей с другими видами сознания (этническим, социальным и др.) должны занимать в «Истории» достойное место. Особое внимание уделяется сейчас такому уникальному явлению в художественном творчестве, как национальная идея, которая есть нечто большее, чем ментальность. «Реально же культурные основания, культурная конфигурация национальной идеи, – замечает К.К. Султанов, – всегда задача, а не данность, всегда проблема, а не аксиома» [11. С. 137]. И литература, как полагает известный литературовед, не воспроизводит и не транслирует национальную идею, а каждый раз как бы заново порождает как новость, как акт открытия произведения.

В советское время, особенно до 70-х гг., не принято было говорить о национальной идее как о явлении художественном. Затем ее заметили и квалифицировали как «пробуждение и становление национального самосознания». Лишь в последней четверти XX в. вернулись к народу из спецхранилищ ярко выражающие национальную идею произведения «забытых» писателей (братьев Турханов, Г. Комиссарова-Вандера, А. Милли, М. Юмана и др.). «Социалистический реализм», который полностью исключил национальную идею и опирался, как известно, на идею-содержание классово-социального объединения всех народов и рас – есть категория идеологическая и философская. Данный метод, по выражению С.У. Алиевой, «диктовал насильственное псевдоразвитие художественной словесности», в которой не было «места ничему национально-индивидуальному» [12. С. 75].

В советский период литература развивалась не благодаря, а вопреки диктату «социалистического» реализма. Проблему власти и народа, национальной идеи по своему решают В. Митта (перевод «Бориса Годунова» А. Пушкина, цикл-поэма «Тайр»), П. Хузангай («Песни Тилли»), «лагерную» поэзию создает А. Воробьев, на официальную национальную политику властей своеобразно реагирует С. Эльгер (серии его рассказов, стихотворений и писем). Национальная идея в них существует не только в форме определенной данности, она актуализирована как художественная, так и политико-идеологическая задача (для примера следует привести факт обсуждения «национализма» С. Эльгера на пленуме Чувашского обкома КПСС).

Итак, вне контекста общественно-политической жизни народа и страны, без истории общественного сознания со всеми его разновидностями немислимо серьезное изучение литературного процесса. Как точно подметил К.К. Султанов, история литературы в определенном смысле есть и «история кристаллизации национальной идеи» [11. С. 139]. В историях национальных литератур она должна быть прослежена от начала до конца XX в.

Литература

1. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачев. - М., 1970.
2. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили / Д.С. Лихачев. - Л., 1973.
3. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа / И.Г. Неупокоева. - М., 1976.
4. Виппер Ю.Б. Творческие судьбы и история (О западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века) / Ю.Б. Виппер. - М., 1990.
5. Виппер Ю.Б. Вступительные замечания / Ю.Б. Виппер // История всемирной литературы. В 9 т. Т. 1. - М., 1983.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. - М., 1979.
7. Корецкая И.В. Литература в кругу искусств / И.В. Корецкая // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. - М., 2000.
8. Луков Вл.А. Концепция теоретической истории литературы Д.С. Лихачева / Вл.А. Луков // URL: <http://www.zpujournal.ru/e-zpu/2008/5/likachev/#>, (дата обращения: 01.02.2010).
9. Большакова А.Ю. [Статья] / А.Ю. Большакова // Проблемы современного сравнительного литературоведения. - М., 2004.
10. Бассель Н. Проблемы межлитературных отношений / Н. Бассель // Вопросы литературы. – 2002. – № 6.
11. Султанов, Казбек. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы / Казбек Султанов. - М., 2001.
12. Алиева С.У. Национальная идея и эстетика социалистического реализма / С.У. Алиева // Нация. Личность. Литература. Вып. 1. - М., 1996.

Г.И. Федоров,

*Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

ОБ ОДНОЙ ИЗ ВЕТВЕЙ РАЗВИТИЯ ПРОЗЫ НАРОДОВ УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

*Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда проект № 10-04-22407 а/В*

Герой, как известно, не только образ человека, но и категория исследования Мира, он концептирует в себе философию душ многих действующих лиц, близких ему по духу, вбирает в себя многогранный мир

человеческих судеб. Как категория поэтики персонаж концентрирует в себе свойственную для него характерологию, отражает эстетические наблюдения писателя, элементы его художественной методологии, пути и способы отображения им реального мира и т.д. Действительность, отраженная художником через внутренние переживания героя, через философскую его конституцию, во многом зависит от мотивационно-эмоционального состояния субъекта. Поэтому задача изучения духовного механизма действующих лиц приобретает в этом аспекте первостепенное значение. Исходные стимулы, определяющие бытийное поведение героя, помогают осмыслить через них круг познавательных, эстетических интересов писателя, осмыслить его концепцию человека и мира.

Действительно, в произведениях чувашей Хв. Уяра, А. Артемьева, М. Ильбека, Ю. Скворцова, А. Емельянова, Хв. Агивера, башкирских авторов М. Карима, Х. Гиляжева, Н. Гаитбаева, татарских прозаиков Г. Баширова, А. Еники, А. Гилязова, А. Гаффара, удмурта Г. Красильникова, марийца Ю. Артамонова герой является организующим центром сюжета, композиции, жанра произведений. Каждый из названных писателей «привел» в литературу своего героя, именно в нем и кроется тайна принципов построения художественного пространства произведения.

Сразу после войны в литературу пришел герой, освященный романтическим ореолом: воин-освободитель, самозабвенный труженик тыла. Такой герой потребовал рельефного обозначенного приема романтической антитезы, идеализированные черты его характера оттенялись средствами сгущенного гротеска при показе противоположных ему «отрицательных», «принижённых» лиц. Естественно, что в таких условиях на авансцену выходила проблема нравственного выбора. Причем структура произведения создавалась как монолог героя-ореола. Феномен его образного рассказывания о героических историях, событиях, людях формировался в центростремительном ключе, сам рассказ (и как жанр, и как сюжетно-композиционная категория) приобретал субъективированный характер.

Особенно характерны в этом отношении повести чуваша А. Артемьева «Саламби», «Зеленое золото», «Большая медведица», рассказы «Бирюк», «За мир» и т.д. В ходе рассказывания монолога создается «я-концепция» рассказчика, который смотрит на персонажей, ситуации изнутри создаваемых картин, смотрит как герой, а не извне как повествователь. Художественный мир писатель строит, таким образом, на динамическом взаимодействии рассказчика, других героев, «концептированного» читателя, который находится внутри произведения (Б.О. Корман), или слушающей аудитории. Внимание тех и этих рассказчик концентрирует на одном или нескольких качествах обсуждаемого героя-ореола, на идее его идеализации. Актаев, например, (повесть «Зеленое золото») отображается в основном как

мужественный человек, стойкий персонаж, который не сломался и в немецком плену, и в советских лагерях. Главный герой всех произведений Артемьева «движется» к наивысшему подъему своих чувств, через разнообразные витки рассказывания-монолога. В рассказах и новеллах писателя – один, два витка («Незабываемые», «Не гнишь, орешник»), в повестях («Зеленое золото», «Саламби») – целая серия. Со схожим явлением встречаемся в новеллах татарского писателя А. Гаффара. В «Венской гармонии» он опирается на внутреннюю рефлексии старушки Шамсенур. Муж Шамсенур, уходя на войну, оставил ей венскую гармонию. После гибели его на войне гармония по очереди переходит к другим мужчинам, которые с войны также не возвращаются. Теперь же старушка живет одна и ходит за водой по извилистым и трудным тропам. В силу всего сказанного рассказ принимает не только лирико-романтическое звучание, но и философско-онтологическое. Это означает, очевидно, что литература со временем переходит на другие пути. Творческие поиски А. Артемьева, его, соратника В. Игнатьева (рассказ «Танец маленьких лебедей»), башкира А. Бикчентаева (роман «Я не сулю тебе рая»), марийца К. Васина (новелла «Курган») стали заметно снижать свои потенциалы. Писатели начали обращаться к такому герою, который находит свое органичное «я» в общении с адекватной средой, степень же участия в жанрообразовании автора монологов стала убывать.

Данное обстоятельство вызвало к жизни центробежные повести и романы: круг действующих лиц заметно расширился, каждый герой стал иметь свою характерологическую среду, свою сюжетную линию. Ошибка этих линий позволила выработать феномен многоплановой композиции. Взять хотя бы роман башкирского писателя Х. Гиляжева «Соладты без погон». Яубасаров, вернувшийся с фронта, - это не носитель романтического нимба, его бахвальства перед тружениками тыла хватило на первых порах только на то, чтобы удариться в пьянство. Такими же качествами наделен Улатти, герой романа «Пчелка Золотая» чувашского прозаика В. Аллендея. Герои обоих писателей приходят к сшибке с позициями других героев. Такое своеобразие возможно обнаружить в произведениях чувашских авторов Хв. Уяра (диалогия «Близ Акрамова») и М. Ильбека (роман «Черный хлеб»), удмурта Г. Красильникова (повесть «Начало года»), татарских мастеров слова (повести А. Гилязова «Три аршина земли», «В пятницу вечером» и др.). Каждый герой этих произведений диктует необходимость своей, неповторимой стиливой палитры.

Примечательно, что внешняя красота без внутренней целеустремленности природы подчас приводит героя к авантюрной конституции поведения. Целую галерею таких героев представил в своем творчестве Хв. Уяр. Это самовлюбленный и недалекий жестокий Илле из романа «Тенета», это тип «я-маки» Липа из повести «Лунный свет». Явление деперсонализации

индивидуальности достигла высшей точки. Илле, исповедуя свою исключительность, становится на путь убийств и терроризма. Липа, исходя из чувства своей неповторимости, исключительности, методично тиранит мужа, невзрачного врача Никонова. Схожим образом обстоит дело в повести башкирского прозаика Н. Гаитбаева «Поздний дождь». Сария, упивающаяся, как и Липа, своей несравненной красотой, в течение 15 лет отвергала самых достойных парней и свергла себя в тяжелое одиночество. Мечтает порвать с женой и Никонов, но хватит ли у него на это сил и выдержки.

Сродни таким событиям и перипетии повести Хв. Агивера «Свадьба». Васьелис хотела бы соединиться с Петром, отправившимся в армию, но легкомысленно теряет свое девичество с пустым Ардиваном, собирается выйти замуж за Васьси Саттула. Ее легкомыслие произрастает из недр тех же авантюры. К этой же типологии относится Лиди из рассказа «Затяжные дожди»: она много лет тиранит мужа, как и Липа, то уходит из семьи, то возвращается. Не менее ярко Борис из «Пощечины» писателя. Он, казалось, и не любил Клаву, но узнав, что она выходит замуж, идет на озеро, где купается будущий муж Клавы, окунает его одежду в воду. По характеру Борис, Васьси, так же жестоки, как и Илле. Авантюрные их запросы не знают конца.

Таким же потенциалом безнравственности наполнена душа Мирвали из повести «Три аршина земли». Женившись на Шамсегаея, он уводит ее в город, где та изнывает от гнетущего одиночества. Муж же тем временем где-то пропадает днями и ночами. В конце повести мужчина везет свою безнадежно больную жену в ее родной аул – Карачурово, чтобы там достались ей «три аршина земли». Теперь Мирвали чувствует вину и перед аулчанами (ведь он поджег поля с несжатым урожаем), и перед женой (именно он является причиной того, что жена исчахла от одиночества и переживаний).

Таким образом, проза народов Урало-Поволжья послевоенного времени развивалась некоторым образом на пространстве сходных поисков. Практику показа романтически идеализированных героев сменила тяга к философскому осмыслению жизни, на смену ей пришла изучение авантюрного статуса жизни. Но это, безусловно, не единственная особенность движения прозы, а лишь одна из его ветвей.

*Р.А. Кудрявцева,
Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола*

К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ ЛИРИКО-ДРАМАТИЧЕСКОГО РАССКАЗА В МАРИЙСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1960-1970-Х ГОДОВ («Гибкая ива» А. Александрова и «Вдова» Н. Максимова)

Лирико-драматический рассказ, как и другие разновидности лирического рассказа (лирико-романтический, лирико-психологический), в марийской и чувашской литературе 1960 - 1970-х годов, развивался в рамках субъективного художественного дискурса, повествование отличалось эмоциональной напряженностью и выразительностью, в организации художественного мира доминирующую роль играли композиция и пафос [5. С. 80], объектом поэтизации были человеческие чувства.

Но если в лирико-романтических рассказах лирическая тема раскрывалась с преобладанием позитивно-светлой эмоциональной модальности, соответственно в них утверждались возвышенные человеческие чувства, поэтизировался окружающий мир, то в лирико-драматических рассказах доминировали драматическая ситуативность и драматический пафос. Но, несмотря на то, что стилиевой доминантой таких рассказов в марийской прозе была драматизация внешнего или внутреннего сюжета (последнее можно рассматривать как развитие поэтики жанра), в нем очень часто имели место элементы счастливого разрешения событий. Именно этим марийский лирико-драматический рассказ заметно отличался, к примеру, от чувашского рассказа 1960 -1970-х годов, который представляется более выдержанным в плане драматизации повествования.

Рассмотрим рассказы «Гибкая ива» («Лывырге вѹдуа») А. Александрова (написан в 1968 году) и «Вдова» Н. Максимова (опубликован в 1977 году) с общим, весьма распространенным в марийской и чувашской лирико-драматической прозе 1960 - 1970-х годов, структурообразующим мотивом несчастной любви.

Форма повествования в них разная. В рассказе Максимова – аукториальный повествователь, есть элементы соединения перспектив повествователя и главного персонажа – культработника Антона (несобственно-прямая речь). У Александрова – характерный для марийского лирического рассказа перволичный повествователь, близкий к автору (назван его именем – Алеша), и рассказчик, лично выраженный, обозначенный «фразеологической точкой зрения» (Б.О. Корман) и помещенный в фабульное пространство рассказа (рассказчик в роли главного героя – учитель Саню). Как видим, уже в самой форме повествования в произведении марийского автора заложена установка на характерные для марийского лирического

рассказа 1950 – начала 1980-х годов максимально доверительную интонацию и исповедальность, в рассказе чувашского писателя это достигается, прежде всего, с помощью субъекта несобственно-прямой речи.

Внимание авторов сосредоточено на изображении внутреннего мира героев и постижении нравственных основ жизненного поведения. Основная часть повествования в обоих рассказах, в целом, раскрывает историю несчастной любви, связана с мыслью о близости и невозможности счастья двух любящих сердец.

Перипетии любовных отношений героев в рассказе Александрова даны в ретроспективе, а у Максимова – в настоящем времени, и лишь их предыстория представлена с помощью ретроспекции.

В рассказе Максимова представлена следующая цепь «связанных» (Б.В. Томашевский) мотивов, конкретизирующих на сюжетном уровне «макромотив» несчастной любви: командировка в деревню – рождение любви (ретроспекция) – женитьба на нелюбимой (ретроспекция) – случайная встреча с возлюбленной – страдание и ожидание встречи – встреча и застолье – неожиданное расставание – возвращение домой – несостоявшаяся встреча.

В рассказе Александрова: рождение любви – расставание – письмо от любимой (отказ от счастья: «Я тебя никогда не догону <...>. Я гождусь только для фермы. <...> Со мной ты не будешь счастлив, я тебе не пара. <...> Когда ты будешь читать это письмо, я... буду женой. Завтра должна прибыть свадьба» [1. С. 144-145]. - Пер. с мар. здесь и далее наш – Р.К.) – поездка в родные края – случайная встреча с возлюбленной – посещение роши – подарок любимому – страдание и ожидание встречи – ссора с мужем – встреча.

Рассказ марийского писателя заканчивается не просто мотивом состоявшейся встречи. Его концовка, неожиданная (новеллистическая) с точки зрения сюжетного движения, которое связано исключительно с драматическими событиями и переживаниями в жизни героев, – это сообщение о предстоящей свадьбе и ожидание будущего счастья двух людей, сохранивших в душе любовь в суровых испытаниях жизни.

Это отличие подтверждается и самими названиями рассказов, в которых обозначен лирический объект, – сурово-драматическим у Максимова и романтически-возвышенным у Александрова. В них – глубокое обобщающее (и даже символическое) значение. Так, героиня Максимова Верук – это дважды вдова. Если в первый раз она стала ею после смерти мужа, то во второй раз, когда она распродала вещи, оставила дом и уехала из деревни, то есть, оберегая от неприятностей своего женатого возлюбленного, мужественно подавила в себе свои чувства и разорвала клубок драматических противоречий и метаний любимого человека. Это – сознательное обречение себя на вдовство (на потерю любимого человека), сознательное отречение от

любви, «чтобы все стало определенным, окончательным» [6. С. 242] - (Пер. с чувашского А. Финько).

Авторская «мысль-переживание» (по мнению С.А. Липина, важнейший компонент лирического произведения [3]) в этом рассказе, таким образом, связана с нравственной состоятельностью (чистотой) человека. В этом свете Верук – воплощение любви, душевной чуткости, искренности, доброты, честности и открытости; она была достойна счастья, которое не состоялось. Такая авторская оценка героини (с явными элементами дидактизма) вложена в уста пожилой, немолодой доярки Варвары Пизень, обращающейся к Антону: «Да, сынок, <...> упустил ты счастье свое, вот что я тебе скажу. Что и кого ты там нашел, я не знаю, но что Верук в тебе души не чаяла, это я уж тебе скажу точно. А это уж надо уметь ценить» [6. С. 242].

Все повествование строится на осмыслении автором внешнего поведения и внутреннего состояния героев, причем, постоянно подчеркивается несоответствие между ними. Антон высказывает безразличие, «искусственную бодрость» и «искусственную развязанность», Верук пытается шутить и дразнить его. На самом деле они по-настоящему любят друг друга: Антон ревнует ее, восхищается ее деловитостью, красотой, жалеет ее, Верук по-матерински заботится о нем, беспокоится за него.

В несобственно-прямую речь Антона включается характеристика (композиционная форма речи, представляющая собой «образ-рассуждение, цель которого – объяснить читателю характер персонажа» [2. С. 342]), активно используемая в чувашской прозе с 1920-х годов, главным образом, в речи героя-рассказчика (пример – рассказы И. Тхти) и потому всегда являющаяся субъективной. В рассматриваемом рассказе Максимова – это характеристика Антоном своей любимой женщины (на примеси игры, юмора, насмешки и серьезности) и самого себя (на уровне развернутой саморефлексии).

Автор обращает внимание на внутреннее противоречие Антона, которое снимается только в конце рассказа, придавая произведению еще больший драматизм. С одной стороны, у Антона отношение к Верук несерьезное (она для него ассоциируется только с прошлой его жизнью) и желание жить настоящим (у него молодая и красивая жена Настусь, ждущая от него ребенка), с другой стороны, он испытывает к ней любовь, тоску и жалость. Обратимся в качестве примера к несобственно-прямой речи Антона, в которой герой обращается к себе (очень характерный прием лирической прозы): «Электрическая лампочка в избе слабая, поэтому лицо Верук кажется каким-то серовато-бледным. Да и сама она, хлопчущая в этой пустоватой избе среди ночи, вызывает щемяще-жалостливое чувство. Нет, никакими узелками, видать, от прошлого не отвяжешься. Прошлое – это всего лишь то, что в настоящем мы старательно прячем в душе. Ну тогда подойди к Верук, Антон, обними ее, как прежде, крепко-накрепко, чтоб глаза ее засияли

радостным блеском, чтобы румянец на щеках вспыхнул... Нет, так нельзя. Так теперь просто невозможно. Тогда возьми себя в руки, Антон...» [6. С. 236].

На первом месте в повествовании – саморефлексия героя в ее динамике. Вначале в ней преобладает оправдание себя, своих поступков, своего несерьезного отношения к Верук, затем появляются элементы самобичевания, самоосуждения. Усиливаясь от эпизода к эпизоду, эти элементы низводят на нет самооправдание. В конце рассказа герой приходит к беспощадному для себя прозрению («Безвольная рука что-то нынче у хозяйина» [6. С. 242]. – Курсив наш – Р.К.), впервые по-настоящему понимает силу характера и самоотречения любимой женщины, живущей открыто и честно, понимающей свою ответственность перед миром: «Уже доходя до реки, он подумал: постой, как же это получается? Значит, о дружбе Антона и Верук знала вся деревня? Стало быть и весь совхоз? <...> Значит, в открытую, не таясь жила Верук со своей любовью к Антону, не так, как он – украдкой, по ночам, словно чужое воровал. И это она тоже молча переносила...» [6. С. 242].

В последнем абзаце рассказа (описание лодки и реки) внутренняя сила Верук в глазах читателя невольно начинает ассоциироваться с силой широкой реки Волги, которая «только в бурю покажет свой характер, словно напоминая о своей силе», и которая «мощно и неукротимо течет и течет вперед безостановочно» [6. С. 242].

Название марийского рассказа связано с образом раскидистой ивы, одиноко нагнувшейся над водой («Как будто горюет, повесив голову»; «Печальная ива... Друг ее высох» [1. С. 144] – так подмечает девушка). Впервые этот образ возникает в сцене расставания влюбленных, и уже тогда в их сознании ива ассоциировалась с Надей, которая расставалась с любимым человеком и предчувствовала свою, иве подобную, печальную судьбу («Сегодня теряется мое самое хорошее настроение, прерывается самое заветное желание» [1. С. 144]). Затем этот образ появится в письме, в котором Надя сообщала о своем замужестве, отчего повествование становится еще более драматичным: «Стоявшую около воды одинокую иву кто-то срубил. Горечь в сердце» [1. С. 144]. И только в последнем абзаце рассказа (слова перволичного повествователя) словосочетание «гибкая ива», помещенное в лирико-оптимистический стилистический контекст, полностью теряет свое первоначальное (природное) значение. Теперь оно обозначает женщину, наконец-то обретшую заслуженное счастье с любимым человеком («Мы, сорвавшись с шумом, пошли к Санно смотреть на гибкую иву» [1. С. 150]). Разворачивая драматическую историю любви, автор утверждает красоту человеческих отношений, душевную доброту и нравственную чистоту как залог будущего счастья своих героев.

Повествование в обоих рассказах сопровождается множеством описаний. В рассказе «Гибкая ива» они включены в прямую речь героя-

повествователя и выполняют характерологическую функцию, в рассказе «Вдова» – в несобственно-прямую речь персонажа, выполняя при этом, в основном, психологическую функцию. Безусловно, в рамках лирического произведения, они являются средством субъективизации повествования, достижения «взаимопроникновения двух голосов в слове» [4. С. 110] (автора и персонажа). Портретные и пейзажные описания придают произведениям лиризм (преобладает у Александрова) и способствуют драматизации повествования (преобладает у Максимова).

Пример яркой лиризации с помощью характерных для марийского рассказа приемов (звукоподражательных слов, риторических восклицаний) – описание священной рощи в рассказе Александрова: «У дороги роща перешептывалась со своей семьей. <...> Роща по-прежнему чистая. Изредка, развеиваясь, падают желто-коричневые листья. Под ногами слышен шорох. А вокруг – спокойствие! Мы, разместившись на скамейке, чувствуя прелесть воздуха, смотрим на рощу» («Корно воктене ото шке ешыж дене шыве-шыве йўклана. <...> Ото ожысек гаяк ару. Коклан нарынче-кўрен лышташ лой-лой велалгеш. Йол йьмалне вушт-вушт шоктен кодеш. А йьрваш – ласкалык! Ме, тенгылеш верланен, юж ямым шижын, отым ончена») [1. С. 146-147].

В качестве характерного примера использования пейзажного описания для драматизации сюжетного действия в рассказе Максимова можно привести развернутое описание ночной непогоды на Волге, предваряющее и сопровождающее мотив неожиданного расставания. Причем, по мере драматизации ситуации описание становится все более тревожным и мрачным: «Непогода на улице» [6. С. 238] (перед расставанием); «Ветер гудит, словно сирена «Ракеты» [6. С. 239] (момент принятия Антоном решения об уходе); «Погода действительно разбушевалась. Антон даже и не думал, что до такой степени. Ветер рвет куртку, упругими толчками хочет отбросить назад...» [6, с. 239] и «Ветвистая молния хлестнула по небу, расколов его на куски, словно камнем стекло. Показалось, что сверху посыпятся сейчас черные острые осколки. Оглушительно грохнул гром» [6. С. 239-240] (момент ухода); «Высокие волны зло ударили в борт лодки одна за другой, наполняя ее водой. Так и кажется, что несчастное суденышко вот-вот может опрокинуться» [6. С. 240] (после прощания).

Итак, анализ двух рассказов (чувашского и марийского), разных по форме повествования, но сходных по структурообразующему «макромотиву» и лирико-драматической стилиевой стратегии, позволяет сделать вывод о том, что все основные событийные картины отличаются психологической напряженностью, нацеленностью на раскрытие нравственных основ характеров и утверждение нравственных ценностей. Все описания и характеристики, взволнованно-лирические по своему характеру, способствуют

не только более полному раскрытию внутреннего мира героев, но и драматизации сюжета.

Литература

1. Александров А.А. Ымьр кыл: повесть ден ойлымаш-влак / А.А. Александров. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989.
2. Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2004.
3. Липин С.А. Сквозь призму чувств: О лирической прозе / С.А. Липин. – 2-е изд., доп. – М.: Совет. пис., 1978.
4. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008.
5. Утехин Н.П. Жанры эпической прозы / Н.П. Утехин. – Л.: Наука, 1982.
6. Чувашская литература: учеб. хрест. в 3 ч. – Ч. 3 / авт.-сост. В.Н. Пушкин. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001.

Г.А. Ермакова,

*Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

ВОЗВРАЩЕНИЕ К САКРАЛЬНОМУ В ЛИРИКЕ ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА

У поэтов, представляющих чувашский этнос, М. Сеспеля, В. Митты, Г. Юмарта, Г. Айги, М. Карягиной, С. Эрдивана, А. Аттилы, Л. Мартыановой, Л. Федоровой, мы не увидим поспешности, прямолинейных путей чувства и мысли, они сосредоточены, как Пауль Целан, Филипп Жакете, на переживании «бесконечно малых величин» (О. Седакова) и их соотносительности с бесконечно «большими величинами».

У них через малое – крыльцо родного дома, платок любимой, цветок, иву – родовое дерево чувашского этноса, березу, поле – представлено устремление человека к чистому, духовному – «устоям» бытия. В сравнении с классическим модерном – поклон целому, своему языку, народу, предкам, вечности, памяти. Они сообщили модерну новый тон. Страдание – также один из ведущих мотивов их творчества, но за ним угадывается движение к сакральному. Вызову, «неисцелимой» страсти Целана отвечает почти бессловесная колыбельная Айги:

ОНА

пустым (ибо все уже отдано)

лицом: будто место безболья

высится – по – над польнюю (*Последний овраг, Пауль Целан, 1983*)

По этой «колыбели» и тосковал полный катастроф XX век. Г. Айги вошел в литературу сборником «Именем отцов» и ушел из нее чувашским поэтом.

Там – проживание себя в природе и финно-угорский субстрат – длящиеся всю сознательную жизнь приготовление к смерти:

Не падают ли пояса с наших талий,

Не прошла ли жизнь?

Спрашиваю так, как кукушка кукует, как бьют часы.

Смотрю на воду – она спокойна,

и думаю тихую мысль:

можно пережить еще что-то хорошее,

ведь может быть доброй и смерть.

Художественные миры указанных поэтов отражают трагические ситуации XX века, основные мотивы их творчества – покинутость, одиночество, боль, гибель, распад, что видим и в творчестве Пауля Целана.

Художественное творчество XX века как бы типологически схоже с художественным творчеством XVII века – это переходные эпохи. В переходные эпохи культура образуют некую биополярную метаструктуру, прочно связанную отношениями зеркального взаимопроникновения, что мы и видим в творчестве как поэтов чувашского этноса (В. Митта, Г. Юмарт, А. Аттилла, Г. Айги), так и в творчестве поэтов иных этносов (Кадыр Мурзалиев – казахский поэт, Юстинас Марцинкявичюс – литовский поэт, Ибрагим Юсупов – каракалпакский поэт, В. Луговской – русский поэт, Флор Васильев – удмуртский поэт). В XX веке звучала философская лирика Мирзо Турсун-заде, Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, Назым Хикмета, Межелайтиса, представлявшая среди множества мотивов мотив духовной мощи. Так, И. Юсупов заметил:

Безмянный на страже стоит в одиночестве он,

Если в схватке погибнет, не требует почестей он.

Но куда живет, будет молча с пустыней сражаться,

Как верблюд, терпелив, как сказочный воин, силен. *(Перевод С. Северцева).*

Мотив Хаоса в этом стихотворении прочитывается через мотив одиночества – человек брошен в мир, он одиноко стоит, что видим и в стихотворении М. Сеспеля «Жизнь моя», где лирический герой в хаотическое время «лобит», «брошен», где уютный дом лишь мечта, и в лирике Г. Айги, лирический герой его художественного мира одинок, покинут, но у этих же поэтов мы встречаем мотив Космоса: у И. Юсупова лирическому герою свойственно, как и лирическим героям М. Сеспеля, Г. Айги, М. Карягиной, С. Эрдивана, С. Сагура, терпение, умение видеть созидательные силы земли. Так, в художественном пространстве Г. Айги имеется стихотворение на чувашском языке («Ветка»), где говорится о вечном возрождении жизни. М. Сеспель верит в силы чувашского народа, в то, что и язык, и этнос сохраняются для будущих свершений.

Таким образом, силы Хаоса и Космоса взаимодействуют, взаимопроникают. С точки зрения Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого, биополярная метаструктура и процессы, в ней происходящие, определяют «внутреннюю логику художественного развития в переходную эпоху» [З. С. 670].

XX век оставил человека наедине с Хаосом, заставив осознать ужас своего одиночества (труды Ницше, Камю, Сартра), трагизм своей судьбы и искать в самом себе ресурсы сопротивления, что и представили через свои художественные миры И. Юсупов, М. Сеспель, Г. Айги, Н. Ижендей (поэма «Голос нерожденного ребенка»).

В переходные эпохи, коей является век XX, «метания» из крайностей в крайность говорят о развитии, но следует помнить, что в масштабах истории переходные эпохи относительно недолги, им, с точки зрения Н.Л. Лейдермана, принадлежит роль «мостов» [З. С. 671]. Образ моста присутствует и в лирике М. Сеспеля. Через разрушение, боль, оставленность вектор его лирического героя направлен к сакральному, как и вектор лирических героев И. Юсупова, Леона Робеля, Г. Айги:

...ослепи и прими

и откройся – коль есть обнаружится

О тишина – Иисус!.. *(И: как белый лист, 1967)*

Ницше сказал «Бог мертв», Хайдеггер прокомментировал это высказывание, Казимир Малевич в одном трактате заметил, что «Бог не скинут». Он мертв для толпы, но отдельный человек способен выйти на «мост», соединяющий земное с небесным, как это смогли сделать М. Сеспель, В. Митта, Г. Айги. Они обозначили в своем творчестве, как и А. Тарковский, Д. Самойлов, С. Липкин, вечные мотивы – это есть возвращение к началу. Указанные поэты чувашского этноса смотрят на простые вещи окружающей действительно сти и видят в них новую загадку, постигают что-то новое, зовут и читателя к этому постижению, прикасаясь «к темным корням бытия». Они не только живописуют увиденное, а подводят читателя к Макрокосмосу через Микрокосмос внутреннего Я, из «нет» извлекая «да».

Литература

1. Айги Г.Н. Поклон пению: Сто вариаций на темы народных песен Поволжья / Г.Н. Айги. – М.: ОГИ, 2001. – 70 с.
2. Айги Г.Н. Теперь всегда снега / Г.Н. Айги. – М.: Советский писатель, 1992. – 318 с.
3. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы. В 2 т.: Учебное пособие. Т. 2. 1968–1990 / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – 2-е изд. испр., доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 688 с.
4. Сеспель М. Собрание сочинений / М. Сеспель. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. – 526 с.

*А.Ф. Мышкина,
Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

МЕНТАЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

*Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда проект № 10-04-22407аВ*

Лицо каждой литературы определяется своим кругом идей и образов, берущих начало в фольклорных богатствах, в истории и современности, в специфических чертах традиций и быта данного народа. Любой национальной литературе свойственно культивирование своей тематики и идейно-образной системы, которые могут совпадать или же не совпадать с темами и идейно-образными элементами других литератур. Поэтому при исследовании очень различных национальных культур и обнаруживается, что основная трудность – это понять, как мыслит другой народ: лишь осилив жанр, структуру мысли, можно понять и ее предмет.

И главная проблема здесь заключена в том, есть ли у каждой национальной целостности устойчивая физиономия, структура мира и мышления, свойственная только ей? Или же все они на одно «лицо», а их различие в том, что одни находятся на более ранней, а другие на более поздней ступени исторического развития? Так, по утверждению Г. Гачева, национальное, естественно, находится во времени (вместе с Землей и жизнью на ней), но его период обращения, его «год» – иной, чем год исторический. При том, что все народы ходят под одним солнцем и луной и почти одинаковым небом, вовлечены в единый мировой исторический процесс, они, тем не менее, ходят по разной земле и имеют разный быт, вырастают из различной почвы, и их жизненные темпоритмы различны. А отсюда и ценности, общие для всех народов (жизнь, свет, дом, семья, слово, бог и т.п.), располагаются в разном соотношении. Эта особая структура общих для всех элементов и составляет национальный образ, а в упрощенном выражении – модель мира [2].

И такую особую модель мира создает художник в каждом своем произведении. Степень полноты выражения национального духовного мира и быта здесь, с одной стороны, полностью зависит от художественного мастерства писателя и от его эстетического взгляда на мир. Например, татарский писатель А. Гилязов в каждом своем произведении с особой любовью описывает уголок природы (чаще какой-нибудь аул) и традиции народа, при этом весьма гармонично соединяет их в характере своих героев. С другой стороны, особенность создания модели мира в художественном

произведении зависит от глубины понимания художником национального своеобразия своего народа.

Важным аспектом в различении национальных мирозерцаний становится растительный или животный символизм. Для кочевых народов священны животные Конь, Верблюд, Лев, Овца. Это, к примеру, наблюдается у арабов и тюркских народов: казахов, киргизов, татар. Именно на этом основывается образность киргизского писателя Чингиза Айтматова.

И чувашский прозаик Ю. Скворцов прекрасно чувствует интонацию душевных переживаний своих героев, всякий раз улавливает в них огромную тягу к природе. Природа эта чаще всего олицетворена. Герой (например, Герман из рассказа «Во время цветения пруда», Вася из рассказа «Певец Вася» и т.д.) слышит каждый шорох, каждое дуновение ветерка, знает мифологическую подоплеку всех этих звуков, прекрасно ориентируется в особом раскладе нравственной и трудовой жизни народа, отраженного в поверьевых притчах, аллегорических притчах, иносказательных легендах и бытовых сценах. Причем часто все это дано именно через шуршание листьев, плеск воды, шорохи ночного леса, шум ветра, звук от лопающегося стручка поспевшего гороха, крики птиц.

В рассказе «Во время цветения пруда» автор для раскрытия чувствительной и твердой природы героя до мельчайших подробностей описывает подготовку и сам процесс рыболовства. Заметим, в произведениях Ю. Скворцова описания пейзажа, «дыхания» природы имеют глубокий художественный и философский смысл. Все они обращают внимание читателя в огромные толщи народного эстетического, мифологического, этнологического сознания. Из таких средств вырастает органическая сила художественности произведений писателя, возникает цельная система его философско-мистических взглядов. Отсюда же вырастает никем еще не созданная до наших дней эпическая фигура человека, сосредоточившего в себе огромный, тысячелетний опыт национальной художественной культуры.

Однако в ходе своей истории каждый народ не только обретается в диалоге с природой своей страны в вертикальном измерении, но и вступает на поверхности Земли в горизонтальные контакты с другими странами и народами – в торговле, войнах, дипломатии, в культурном обмене. Пока народ существует изолированно, он не имеет возможности иметь национальное самосознание (Он его имеет, но, может быть, не осознает). Оно начинается лишь в актах сравнения с другими народами, которые представляют собой многостороннее зеркало для многогранного познания данным народом себя в рефлексии.

Именно поэтому национальный характер литературы – это и особенности исторического пути литературы, ее развивающихся взаимоотношений с действительностью, меняющегося положения литературы в обществе, ее

общественной «позиции» и той роли, которую она играет в жизни общества, так как литература умеет идти смело впереди реальности, давая ей новые мировоззренческие ориентиры. Следовательно, если выразиться словами академика Д.С. Лихачева, «для определения национального своеобразия литературы важны не только постоянные, неизменяемые моменты, ее общая характеристика как единого целого, но и самый характер развития, характер отношений, в которые вступает литература, - не только черты, присущие литературе как таковой, но и положение ее в культуре страны, ее взаимоотношение со всеми другими сферами человеческой деятельности. Отличительные особенности исторического пути литературы многое объясняют в ее национальном своеобразии и сами являются частью этого своеобразия» [1. С. 29-30].

Очевидно, что в ходе мировой истории и особенно в XX веке все народы сблизилась и стали унифицироваться в быту (у всех телевидение и автомобили) и в мышлении (интернационализм и математизация в науках, компьютеры) – и тем не менее в своем ядре каждый народ остается самим собой до тех пор, пока сохраняется особый климат, пейзаж, национальная пища, этнический тип, язык, потому что они постоянно подкармливают и воспроизводят национальную субстанцию, особый склад жизни и мысли. «Соответственно Единое материальной вселенной (Космос) или Духа (Логос) приобретает специфический образ у каждого народа» [2. С. 32], - считает, к примеру, Г. Гачев. И все это, на наш взгляд, становится свидетельством того, что каждому народу и его мыслителям как бы врожденны бытием определенные идеи - видения, интуиции, схемы, модели, в которых ему свойственно представлять все явления.

Вместе с тем выражение национально-философского мировосприятия в произведении прозы напрямую связано с исследованием традиций народа. «Пристрастие» к обрядам, обычаям, верованиям народа, к особенностям его быта характерно всем национальным литературам. К примеру, как в повести Гилязова, так и в повести Скворцова описание праздника имеет определенное смысловое значение. Это не просто традиция, не только народное веселье. Это та «живая ткань» произведения, на которой срачивается сюжет, без которой герои теряют свою национальную самобытность. На таком же «вечнозеленом дереве» национальных традиций держится и фабула повести башкирского писателя А. Хакимова «Байга». Описание традиций и национального быта здесь становится неотъемлемой частью духовной сущности человека. И, как видно из повестей А. Гилязова, Ю. Скворцова и А. Хакимова, у любого человека, независимо кто он по национальности – татар, чуваш или башкир – одни и те же ценности – вера в справедливость, гуманность, любовь к ближнему, почитание традиций своего народа, любовь к Земле и труду. По мнению исследователей марийской литературы (К.К. Васин, А.А. Васинкин,

А.Е. Иванов и др.), «детали национального быта, описание народных обычаев, несмотря на некоторые этнографические излишества, служат передаче основного замысла автора, изображению процесса социального духовного возрождения народа, сумевшего в кратчайший исторический срок совершить скачок от патриархально-родовых представлений до социалистического сознания» [3. С. 131-132].

Тут возникает немаловажный вопрос о характере использования народных традиций в художественном творчестве. В литературе второй половины XX века, проявляющей постоянный интерес к этим традициям, по замечанию исследователя татарской литературы Ф. Мусина, можно наблюдать двойного рода отношение к ним. В своей книге «По координатам жизни» он пишет: «Для одних писателей они служат историческим материалом, предметом изображения. В таких случаях обращение к традиции нередко становится как бы самоцелью и она начинает довлеть над писателем. Это открывает путь к голому этнографизму, который влечет за собой ослабление реалистического анализа действительности. А в других случаях традиции становятся средством художественного раскрытия национального характера и духа» [4. С. 33]. Действительно, если, к примеру, обратимся к творчеству Г. Баширова, А. Гилязова, Ю. Скворцова, М. Карима, Ч. Айтмагова, то обнаружим, что они используют народные обычаи для показа лучших нравственных качеств своего народа, его поэтической души и духовного оптимизма.

Проблема выражения национальных традиций в художественно-философской прозе напрямую связана и с проявлением национального менталитета и мировоззрения в художественном творчестве, то есть с проявлением психических, интеллектуальных, идеологических, религиозных, эстетических особенностей мышления народа. Так, мировоззрение любого народа с самого его зарождения складывалось в противостоянии, как с природой, так и с более сильными народами и нациями, которые стремились захватить их территорию и поработить самих. К примеру, на социально-экономическое, духовно-культурное развитие народов Поволжья и Приуралья имели существенное воздействие булгаро-тюркские, монголо-татарские и русские компоненты. Это воздействие происходило на языковом, этнографическом и мировоззренческом уровнях. Более того, и философско-эстетическое мировосприятие этих народов во многом обусловлено воздействием именно таких культурно-исторических компонентов.

Бесспорно, для становления мировоззрения и менталитета, характерного для того или иного народа, большое значение имеют культурные, духовные и религиозные тенденции соседствующих народов. И если говорить о менталитете чувашского народа, осевшего в Поволжье, то необходимо заметить, что на него огромное влияние оказывали русские (соответственно учения православной религии) и татары (через них и мусульманство), каждый

из которых стремился обратить его в свою веру. Как отмечают исследователи, в религиозных воззрениях чуваш «присутствовали моменты, воспринятые от зороастризма древних иранцев в период пребывания предков чувашей в Азии, иудаизма (через хазар), ислама (в период вхождения чувашей в состав Волжской Болгарии, Казанского ханства). С первобытных времен осталось почитание огня, воды, солнца. Важное место в верованиях чувашей-язычников занимала земля. Сохранились отголоски тотемизма: почитание ежа – первого земледельца, представления о родстве людей с сурками. Чуваша верили в двойственность человеческой природы, в самостоятельное существование человеческой души. <...> Для язычества чувашей был характерен дуализм, воспринятый от зороастризма: вера в существование, с одной стороны, добрых богов и божеств во главе с сўлти турă – верховным богом, а с другой, – злых божеств и духов во главе с шуйтганом – дьяволом» [5. С. 93-94].

Вполне естественно, что система религиозных верований чувашей, которая во многом определила его мировоззренческие особенности, претерпела множество изменений в ходе исторического развития народа. И если же говорить о мировоззрении современных чувашей, то оно выходит далеко за рамки религиозных представлений и учений. Осознанно придерживаясь православной религии, чувашский народ в своем менталитете и сегодня проявляет зачатки языческого видения мира. Они особо проявляются в тех привычных для него ритуалах и действиях, о происхождении и значении которых давно никто глубоко не задумывается, но проводит их обязательно.

Заметим, что в чувашском литературоведении конца XX – начала XXI века появились разнообразные, иногда противоположные точки зрения на национальное чувашское мировосприятие. Так, по мнению одних, герою чувашской литературы свойственно осознание себя через коллектив (Г.И. Федоров), по высказыванию других, личность чуваша характеризуется своеобразной обособленностью (Ю.М. Артемьев, А.П. Хузангай, Ю.В. Яковлев), по учению третьих, чуваш стремится примирять противоположные начала, стремится к гармонии во всем, к «золотой середине» (В.Г. Родионов). И все они, на наш взгляд, по-своему правы, так как в чувашской литературе есть множество доказательств в пользу той или иной гипотезы.

Одним из способов выражения национального менталитета и мировоззрения в художественно-философской прозе стало изображение деталей повседневной жизни героя. Отсюда и пристальное внимание писателей к судьбе «маленького человека». Этим методом весьма удачно пользуются в своем творчестве такие писатели, как Ю. Скворцов, А. Гилязов, Г. Баширов, М. Карим.

Повесть башкирского писателя М. Карима «Деревенские адвокаты», к примеру, полностью «соткана» из таких эпизодов из жизни. Однако это отнюдь не хаотический набор различных комических или трагических

ситуаций. Все они подчинены одной идее – идее раскрытия законов вечности через повседневность жителей небольшого башкирского аула. Вероятно, поэтому в творчестве М. Карима смерть – это не уродливый образ, несущий горе, а всего лишь переход в вечность. Он несет собой покой и духовную проверку.

Обобщая все наши исследования в данной статье, следует подчеркнуть, что выражение особенностей национального менталитета в поэтике художественного произведения подчинено, в первую очередь, стремлению писателей дойти до самых глубинных пластов человеческой души. При этом в каждом произведении создается особая модель мира, которая соответствует национальному своеобразию данного народа (национальный характер, формы трудовой деятельности, особенности природно-географической и социальной среды, особенности быта, традиций и т.д.).

Литература

1. Лихачев Д.С. Избранные работы. В 3 т. Т.1. О себе. Развитие русской литературы. Поэтика древнерусской литературы: Монография / Д.С. Лихачев. – Л.: Худож. лит., 1987. – 656 с.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – М.: Совет. писатель, 1988. – 448 с.
3. История марийской литературы / отв. ред. К.К. Васин, А.А. Васинкин. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – 432 с.
4. Мусин Ф.М. По координатам жизни: размышления о современной татарской прозе / Ф.М. Мусин. – М.: Современник, 1976. – 206 с.
5. Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии / под ред. Н.Е. Егорова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 303 с.

Л.Н. Сарбаш,

Чувашский государственный университет,

г. Чебоксары

ЧУВАШСКИЙ ОБРЯД «ОПАХИВАНИЯ» В ИЗОБРАЖЕНИИ В.Г. КОРОЛЕНКО

*Исследование выполнено в рамках проекта № 09-04-22-410 а/В
при финансовой поддержке гранта РГНФ*

В публицистике В.Г. Короленко возникают картины жизни народов Среднего Поволжья: в цикле «В голодный год» даются эпизоды из жизни мордовских сел, в сборнике «В холерный год» описывается чувашский обряд «опахивания»; в «Мултанском жертвоприношении» излагаются «следы родового быта» у вотяков. В сборнике «В холерный год» писатель-публицист описывает пришедшую буквально вслед за голодом 1892 г. холеру и принимаемые народом меры относительно «незваной гостьи». В одном ряду с русскими (жители станиц Кубани, нижегородской деревни Кузнечихи, духоборы села Славянского Елизаветпольского уезда) появляются у

В. Короленко другие российские народы: кавказские – ингуши и кабардинцы, поволжские – чувашы и их обычаи и обряды, применяемые «перед лицом общего бедствия». Писатель использует не только свои этнографические познания, но и информацию корреспондентов периодической печати – кавказской газеты «Каспий», казанского «Волжского Вестника», московских «Новостей Дня». Ингуши проходят по подземным галереям, считая себя тем самым застрахованными от холеры, кабардинцы устраивают процессию вокруг селения с пением стихов из Корана, у чувашей Белобеевского уезда Уфимской губернии существует своя обрядность.

В.Г. Короленко описывает чувашский «обычай седой старины», древний, идущий от предков обряд «опахивания» селений, ограждение домашнего скота и людей от повальных болезней. Писатель отмечает приверженность чувашей к язычеству и дает подробное описание обрядности: *«Все население чувашской деревни, по общинному уговору, вымылось в бане и оделось в чистое праздничное платье. Мужчины, кроме нескольких человек, поставленных с заряженными ружьями по околицам, остались дома, а замужние женщины и девушки вышли за деревню. Туда же был привезен и плуг (сабан). Несколько девушек и замужних (преимущественно первенцы) впрягались в этот плуг и стали проводить борозду вокруг своего селения. Другие женщины или впереди плуга, плясали и пели песни, в которых выражали, главным образом, следующие мысли и желания: «Иди ты, беда, на сто сажень выше, на сто сажень ниже и на сто сажень в сторону от нашего селения!». У околиц это шествие, сопровождавшееся неистовым визгом женщин, останавливалось, и находившийся в засаде мужчина делал выстрел из ружья, веруя, что испугает и отгонит этим от селения незваную гостью»* [2. С. 376]. В.Г. Короленко, вслед за корреспондентом «Волжского Вестника», выделяет значимые моменты языческого обряда: мытье в бане, чистое платье, проведенная вокруг селения борозда, принимающие участие в опахивании только девушки и вышедшие недавно замуж женщины, песни, отпугивающие холеру. Аналогичный обряд «опахивания» был и у русских. В.А. Токарев в работе «Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX веков» отмечает, что магическое значение апотропея (оберега) в данном действии придавалось и фигуре круга, и железному сошнику, и женской половой силе» [7. С. 132]. В.К. Магницкий в работе «Материалы к объяснению старой чувашской веры» тоже описывает этот чувашский обряд: «...по приказанию мирского схода, наряжаются все подворно взрослые девушки, из коих одна девица – единственное дитище в семье, выбирается для управления предназначенной для опахивания села сохой (ага, сога), а остальные девицы запрягаются в эту соху... распустив косы. Впрягшиеся в соху девицы берут в руки жгуты, а управительница – обыкновенный кнут. Нарядя девиц для опахивания селения, староста в то же

время приказывает во всех домах тушить огонь... Процессия идет вокруг деревни по солнцу» [4. С. 135-136]. Также В. Магницкий сообщает, что в деревне Решетниковой (Вагнэр) чувашы верят, что «вокруг их деревни под землей проведена железная проволока, и потому у них падежей скота не бывает» [4. С. 135].

Ф. Виноградов в изданной в 1897 г. работе «Следы язычества в домашнем обиходе чуваш» писал, что существует много обрядов ограждения селений от болезней, но более «популярными считаются два: а) прогон скота под мостиком и б) опахивание села плугом» [1. С. 14]. Виноградов, скорее всего, под «прогоном скота под мостиком» имеет в виду еще один обряд чувашей – «Прохождение в земляные ворота». Чувашский священник К. Прокопьев писал, что чувашы придают этому обряду, как и опахиванию селения, «громкое значение», а во время эпидемий он считается «единственным средством спасения» [6. С. 6]. Священник подробно описывает этот обряд: роют проход размером с настоящие ворота, закрепляют свод досками, так что получаются настоящие земляные ворота с «сводчатойобразной крышей», через который проходят люди и прогоняется скот; обязательно при это добывается «новый огонь». К. Прокопьев отмечает, что обряд «Прохождение в земляные ворота» в прежние годы совершался повсеместно (он сам участвовал в нем в «малолетстве»), практически каждый год или через год; сейчас он наблюдается реже: чувашы-язычники прибегают к нему в годы «общенародных бедствий». Священник сообщает, что этот обряд в последний раз совершался в деревне Средние Алгаши Симбирской губернии «в 1892-м холерном году», в том самом, о котором пишет в своем цикле В.Г. Короленко.

Русский писатель считает, что эти языческие «волшебные церемонии», связанные с землей, свойственны многим народам, почти одинаковы «у ингушей, духоборцев, у жителей нижегородской деревни Кузнечихи, в станицах Кубани и у чуваш» [2. С. 387]. Жители Кузнечихи, как и чувашы, «опахивание» проводили в белых длинных повязках и расстегнутых одеждах; во главе толпы, впрягшейся в соху, шла девушка с распущенными волосами. В. Короленко этнографически точен в передаче главного и при этом общего для многих народов в этом обряде: он неизменно происходит вечером или глухой полночью, связан с землей, у чувашей и русских это опахивание деревни, проведение сохой круга; как пишет о русских С.В. Максимов, при этом происходит «выход земляной силы, невидимой, непонятной, но целебной и устрашающей самую смерть», ограждение селения «таинственным, заколдованным поясом земли» [5. С. 477]. Главными участниками обряда являются молодые люди, в белых повязках, рубахах, платках, нижнем белье с распущенными волосами; у чувашей только девушки, у русских могут быть и парни; обязательно наличие огня. Писатель отмечает разнообразные внешние формы отпугивания: у ингушей

проходящие по подземной галерее отплеваются; у чувашей крики женщин и выстрелы мужчин из ружья; у русских грабли, вилы, дубины, которыми побивается во время процессии «первое встречное существо», в которое, по поверью, вселилась холера, чтобы войти в селение; поэтому полиция принимала меры, чтобы не допустить встречи толпы с каким-нибудь «запоздавшим путником». В «Мултанском жертвоприношении» Короленко, говоря о народных суевериях, пишет, что еще недавно в Сибири убили «мимо идущую холеру» в лице какого-то странника; «холера» умерла, как умирает человек, пришибленный колом, а убийцы были осуждены [3. С. 348]. Ф. Виноградов также сообщает, что верховые у чувашей выстрелами оповещают о шествии процессии, чтоб «никто из смертных не попал навстречу, и горе тому, кто ослушается: его ждут побой плетью, палками и даже он рискует попасть под ружейный выстрел» [1. С. 15].

Эти старинные обряды, по мнению В.Г. Короленко, причудливо соединяют в себе древнее языческое с христианским, о чем свидетельствуют действия, происходившие в русской Кузнечихе: во главе процесс «опахивания» шла девушка с распущенными волосами и кидала перед иконой «старинного письма», при этом происходило пение молитв. Русский писатель С.В. Максимов также отмечает, что доживший до XIX века обряд «опахивания» считается у русских особо надежным и нередко выполняется «с участием христианских святынь», которые как бы «закрепляют обычай»: это икона (образ Богородицы, Спасителя, св. мученика Власия), пение молитв, вырезывание сохой крестов во время опахивания селения [5. С. 479]. «О полном смешении» языческого с христианским в обряде «Прохождения в земляные ворота» пишет и чувашский священник К. Прокопьев [6]. Он отмечает, что вначале обряд совершался на старый лад: получение «нового огня», на котором варилась каша, отдаваемая матери Киремети; печенье «лепешек-йусманов», предназначенных детям Киремети; чтение молитвы йомсей. Само же прохождение в ворота происходило при непосредственном участии православных служителей церкви: «Духовенство, явившись сюда с иконами, совершало здесь водосвятный молебен, при чем священник погружал крест в ту же кадущку, над которой раньше читал свои молитвы чувашский ёмся. После освящения воды священником начиналось самое прохождение в ворота, при чем каждый проходящий творил крестное знамение и просил Бога, чтобы Он сохранил их самих и их скотину от всяких бед и зол. Священник, стоя у выхода из ворот, каждого проходящего кропляет святой водой [6. С. 5].

В.Г. Короленко объясняет и причины широкого обращения чувашей к языческой «наивной премудрости предков»: отчуждение народа от господ с их непонятной и по-своему «волшебной» наукой, страх перед лицом надвигающейся беды и стремление найти средства борьбы, из чего следует

обращение к старине: «*Растерянная, испуганная толпа... обращается к... престарелому начетчику... И встает в дряхлом уме полузабытая картина, с глухой ночью, огнями, освещавшими белые фигуры, с сохой, которою вели борозду, с какими-то выдохшимися обрывками языческого обряда и давно брошенной языческой молитвы. И то, что умерло тысячу лет назад, оживает, как привидение, в минуту народной невзгоды*» [2. С. 387].

Литература

1. Виноградов Ф. Следы язычества в домашнем обиходе чуваш / Ф. Виноградов. - Симбирск, 1897. - 18 с.
2. Короленко В.Г. В холерный год / В.Г. Короленко // Полн. собр. соч. Т. 3. - СПб: Изд-е т-ва А.Ф. Маркс, 1914. - 432 с.
3. Короленко В.Г. Мултанское жертвоприношение / В.Г. Короленко // Собр. соч. В 10 т. Т. 9 - М.: ГИХЛ, 1955. - 773 с.
4. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В.К. Магницкий. - Казань, 1881. - 267 с.
5. Максимов С.М. Нечистая, неведомая и крестная сила / С.М. Максимов // Избранное. - М.: Сов. Россия, 1981. - 560 с.
6. Прокопьев К. Обряд прохождения в земляные ворота (Из быта чуваш) / К. Прокопьев. - 1903. - 6 с.
7. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX-начала XX веков / С.А. Токарев. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. - 164 с.

И.В. Софронова,

*Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

ВОСТОЧНАЯ ТЕМАТИКА В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда проект № 10-04-22407 а/В*

Описание быта, культуры, особенностей другой страны способствует обогащению своей литературы новыми жанрами, образами, идейно-тематическими особенностями, образцами художественной литературы, а также расширению мировидения читателей. Воспроизведение восточной тематики в чувашской литературе находится в тесной взаимосвязи с историей народа. Восточная тематика присутствует уже в фольклорных текстах, особенно исторических преданиях и песнях. Упоминание восточных стран характерно для преданий, описывающих происхождение народа, ее переселение на Волгу. Особенно часто употребление таких топонимов как Кавказ, гора Арамази, Каспийское море. Для некоторых исторических песен характерно упоминание и о прародине, соседстве с Китаем. В данных образцах встречается только упоминание названия местности, нет его описания, характеристики. Для преданий о разрушении государства

Волжской Булгарии характерно использование названий арабских стран и городов, этнонима татаро-монголы. В чувашский фольклор XVII-XVIII вв. под влиянием татарской словесности, определенных исторических условий проникает названия турецкой державы. В исторических песнях эта страна изображается как земля обетованная, в которой «рожь растет без посева, хлеб убирается без труда». В произведениях Н. Шелепи «Чăвашсем Константинополь хулине тунн снчен чăваш ваттисем калани» (Сказание чуваш об основании Константинополя), Д. Архипова «Константинопольти чăвашсем» (Чуваши Константинополя), Л. Молгачева «Вильмпе Мухамет» (Вильгельм и Мухаммед) присутствует изображение турецкого государства, ее природы, политических условий. Если в основе произведений Н. Шелепи сказочные, мифологические мотивы, то другие два несут реалистический характер.

Описание истории государства Волжской Булгарии в чувашской литературе так же можно рассмотреть как проявление восточной тематики. В произведениях присутствуют изображение мечетей, представителей мусульманской религии, их одежды и элементов культуры. Через упоминание о приезде купцов из далекой Индии, арабских стран, иногда и Китая, поэты показывают с каким множеством государств Волжская Булгария имела торговые отношения. Если представителей других восточных стран художники слова рисуют как простых торговцев, то при изображении арабских купцов подчеркивается их хитрость, скрытые помыслы. Нередко, главные героини оказываются обманутыми и проданными в эти страны в рабство. Произведения Г. Тал-Мрсы, Г. Коренькова, Г. Юмарта, В. Ахуна, Н. Шелепи, И. Петровой, Ф. Сюина, Б. Борлена, В. Эктеля посвящены изображению истории государства Волжской Булгарии.

Восточная тематика в чувашской литературе представлена и через изображение Афганистана. Проникновение образа этой страны в нашу литературу стало возможным после Афганской войны. Б. Борлен в поэме «Ылханий йăх» (Проклятый род), В. Эктель «Пирĕн патĕрлăх – юнра» изображают военные действия, участие в них чувашских солдат. В обоих поэмах есть намек на некоторую связь восточной страны с историей чувашского народа. Не случайно герои находят общие черты в культуре, языке. Герои Б. Борлена наталкиваются на сундук со старинной чувашской одеждой и книгой «Сказки и предания чуваш» 1908 г. издания, а герой В. Эктеля встречает акакала, знавшего П. Хузангая.

К произведениям с восточной тематикой можно отнести сказки И. Петровой «Савпи и Кришна» и Е. Лисиной «Лопухий Илюк», очерк «Чăваш сынни инçетри сĕршывсенче курса сĕрени» (Путешествие чуваша в далеких странах) Ф. Уяра, посвященные описанию Индии. Ее проявление в современной чувашской литературе можно разьяснить как реконструкцию былых взаимоотношений, обращение к историческому прошлому чувашского народа.

Чуваши воспринимают Индию как волшебную и сказочную страну. Эта особенность выражается и в жанре, композиции, особенностях повествования произведений, посвященных этой стране. Сказка И. Петровой «Савпи и Кришна», посвящена описанию истории государства Волжской Булгарии. Хотя действия в произведении разворачиваются в определенной местности, в нем присутствуют представления о далеких странах, давно прошедшем и будущем времени. В повествовании о судьбе индийского юноши Кришны проявляются авантюризм, приключения, традиционные для индийской литературы. Использование образов морских разбойников, искателей жемчугов придает повествованию авантюризм. Выбор имени главного героя в произведении так же не случаен. Он соответствует имени одного из почитаемых богов в Индии. Кроме того, из уст героя читатель узнает о священной реке Ганг, об обрядах почитания камней. Расширяя художественное пространство, повествователь вводит мысль о том, что смуглые люди среди современных чувашей, возможно, являются потомками того самого Кришны.

Произведение Е. Лисиной «Лопухий Илюк» предназначено для детского чтения, в нем присутствуют образовательные и воспитательные цели. В соответствии с замыслом произведения повествование построено в нем в виде описания путешествия. Слоненок, живущий на Индийском полуострове, узнает, что его ждет трехлетняя Федосия, живущая в Чебоксарах и отправляется в путь. По дороге ему приходится проходить через разные страны, переходить через горы и реки. В путешествии он встречает добродушных и злых людей, благодаря помощи и поддержке своего друга достигает намеченной цели.

В самом начале повествования есть описание Индийского полуострова, его природы, растительного и животного мира. Жизнь слоненка Кришны протекает безмятежно. Он занят поглощением пищи и купанием в водоемах. Индусы почитают священную реку Ганг. Описание особенностей жизни полуострова носит и познавательный характер. Знания о географических особенностях, биологические и ботанические сведения преподносятся через увлекательный сюжет. Как и во многих индийских сказках, герой отправляется в путь и попадает в разного рода приключения. Их описание способствует развитию сюжета, ознакомлению с географическими особенностями разных стран, носит дидактический характер. Кроме того, в произведении представлены не только внешние особенности индийской страны, но и его культурный, духовный мир. Слоненок Кришна-Илюк является носителем индийского мировидения. Это проявляется в совершаемых им поступках, в отношении к другим героям, в общении и монологах.

К основным особенностям индийского мировидения относятся закон гармонии, представление об окружающем мире как о живом. Описание появления хомяка на дороге способствует утверждению мысли об

одушевленности окружающего мира. Мир заселен большими и маленькими животными, которые также чувствуют, ощущают, имеют свой уклад жизни. В произведении проявляется представление восточных народов о взаимосвязи космоса с миром человека. Так, слоненок и хомяк радуются появлению нового попутчика. Голубая звезда не только освещает им путь, но показывает верную дорогу. Описание разнородности песка в пустыне носит не только образовательный характер, но и учит видеть в предметах его разные грани. Оказывается, песок в пустыне меняет свой цвет в зависимости от времени суток, имеет разную структуру.

Во время своего путешествия слоненку приходится встречать разных людей и животных. Судя по действиям и размышлениям их невозможно разделить только на положительных или отрицательных. В каждом из них присутствуют и те, и другие качества. Даже рыжебородый охотник, который мечтает разбогатеть, поймав слона, оказывается был хорошим садоводом. Он, нарушивший гармонию в своей жизни, становится плохим. Если бы он продолжал делать предназначенное, т.е. заниматься выращиванием арбузов, то эта гармония не нарушилась бы.

В жизни смена плохого и хорошего происходят согласно жизненным законам, это не возмездие или вознаграждение за что-то. Так, слоненок засыпает в снегах Гималая, ему не дают погибнуть пастух с его стадом овец; томящийся в пустыне от жажды из разговора орлов узнает о существовании поблизости родника. Спасение в трудную минуту приходит не согласно каким-то жизненным законам, в этом проявляется умение видеть и слышать окружающий мир.

«Путешествие чуваша в далеких странах» Ф. Уяра, посвященное непосредственному описанию индийской страны, относится к жанру путевого очерка. В нем автор описывает свое путешествие в Индию. На глаза повествователю попадают преимущества и недостатки этой необычной страны: богатство одних, бедственное положение других, наличие диких зверей на улицах города. В тексте приводятся статистические данные о численности населения, тех же самых животных, о количестве выпускаемых газет, об уровне грамотности. Через лексику автор выражает свое стремление понять этот многомерный и многогранный индийский мир. Он старается пройти по многочисленным закоулкам, запомнить построения храмов. Но у него чаще, получается, смотреть на него глазами европейца, а точнее, глазами советского человека. Не случайно, он с жалостью относится к людям, живущим в трущобах, критикует врачей, «обкрадывающих» своих больных, а также феодалов, пользующихся дешёвым физическим трудом, пренебрегает мусором и нечистотами на улицах, удивляется их не привередливости к еде. В то же время автор восхищается одеждой индианок. Попытки прикоснуться к духовному миру индусов остаются неудовлетворенными. В множественности

религиозных обрядов он видит способы порабощения простого народа. В некоторых случаях его намерения узнать эту культуру встречают предостережения со стороны экскурсоводов.

Очерк Ф. Уяра знакомит с особенностями нескольких городов Индии. Автор фиксирует индустриальные достижения, наличие образовательных школ. Кроме своих ощущений от увиденного он передает и материал, услышанный от экскурсоводов.

Таким образом, восточная тематика в чувашской литературе представлена многогранно. Ее олицетворяют образы индийских купцов, рассказы героев, очерковое описание восточной страны, передача индийского мышления через действия и поступки персонажей. Обращение к восточной тематике в чувашской литературе, находится в тесной взаимосвязи с историей народа, страны, в нем также проявляется отголосок возможных культурных контактов народа в далеком историческом прошлом.

И.Ю. Кириллова,

*Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

СОВРЕМЕННАЯ ЧУВАШСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ В АСПЕКТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ

Чувашская драматургия, благодаря творчеству таких писателей как Ф. Павлов, П. Осипов, Н. Терентьев, Н. Сидоров, Б. Чиндыков, Н. Угарин, А. Тарасов и др. сравнительно быстро преодолевает отставание от других жанров литературы. Тем не менее до настоящего времени остаются нерешенными проблемы театра (в плане обеспеченности новыми репертуарными произведениями), и вопросы, связанные с жанрово-видовыми особенностями самой национальной драматургии. Мы же попытаемся исследовать чувашскую драматургию в аспекте проблем историзма и национальной самобытности, которые приобретают все большую актуальность в современной науке о литературе и театре.

На протяжении века чувашская драматургия отличалась углубленным изображением национального быта и процессов, происходящих в нем, психологически достоверным изображением народного характера. И в произведениях, посвященных исторической тематике, на первый план активно выдвигались общечеловеческие ценности. Так исторические события авторами оценивались в категориях добра и зла, усиливая философское осмысление бытия и обогащая его истинно национальным мировидением. При этом драматурги пытались придерживаться основных принципов

историзма - достоверности фактов, хронологической последовательности событий и явлений, временной дистанции между ними.

Чувашская профессиональная драматургия еще на этапе своего становления (1910-20-ые гг.) особый интерес проявила к прошлому своего народа, что было вызвано ростом национального самосознания народа в период революционных преобразований в стране. Закладывая основы национальной драматургии, авторы первых пьес становились на путь историзма. Поиски реалистического метода приводили писателей к национальным истокам, к традициям народа.

Во многих случаях открытие таких творческих принципов реализма, как историзм, народность, взаимосвязь судьбы народа и героя, совершалось через переосмысление фольклорного материала. Так, Г. Тал-Мрза в незаконченной трагедии «Сильби» (1921) рассказывает о разгроме Волжской Булгарии монголами. Сюжет о чувашской девушке Сильби, которая по воле судьбы разлучена с любимым и стала женой врага, был взят автором из народных преданий. М. Юрьев в своей трагедии «Последние дни Волжской Булгарии» (1921-25), раскрывая проблему этой же эпохи, пошел дальше. Автор не только раскрыл причины падения сильнейшего в свое время государства (внутренний раскол, измена и предательство), но и «сумел показать размышления и чаяния чувашского народа, сохранившиеся в течении 700 лет (с момента падения до сегодняшних дней). Национальная интеллигенция начала XX в. мечтала о свободе народа, его развитии наравне со всеми. И поэтому в исследовании прошлого чувашского народа драматург видел его будущее, призывал бороться против национального гнета, за что и был обвинен в «национализме» [1. С. 118-119]. Так художественный историзм здесь помогает определить концепцию общественного развития самого народа, его духовно-нравственные традиции и быт.

В центре исторических драм как правило стоит образ типичного героя из народа. Чем больше воплощает в себе герой свойства народа, преобразующего мир и самого себя, тем он становится типичнее - при всем своем своеобразии. Человеческое побеждает во всем, меняет соотношение психологического, национального и общечеловеческого в облике героя. Огромную роль при этом играет исторический фактор. В драме П. Осипова «Наше спасение в густых лесах» (1926) главный герой Айдар на первый взгляд вовсе не положительный герой. Он богат-тиран, все чувашские деревни находятся в его подчинении, берет в жены самую красивую и молодую девушку. Но он вместе с народом встает на защиту своей веры и традиций (его последние слова: «Берегите нашу веру!»), борется против национального гнета, насильственной христианизации чувашей (XVIII в.). Этим он становится духовно близким своему народу, национальным героем.

Постижение прошлого сопровождалось постоянным интересом писателей к истории и национальной самобытности. Современные чувашские драматурги, обращаясь к возможностям реалистической, психологической драмы, все более овладевая принципом историзма, сумели создать и раскрыть значительные характеры героев, разработать сложные сюжетные ходы, показать героя и обстоятельства в их взаимообусловленности. Б. Чиндыков в трагедии «Урасмет» (1993) раскрывает черты жестокого правителя. О жестокости Урасмета в народе слагались легенды. После падения Волжской Булгарии чувашаи оказались под татаро-монгольским гнетом. Казанские правители выбирали среди народа великих предводителей, заманивали их деньгами и положением, взамен заставляя работать на себя. Урасмет был одним из таких, собирал среди своих дань для Казанских царей. В этом образе автор создал сложный характер – с одной стороны жесткий правитель, враг народа, с другой – колеблющийся перед выбором любящий сын, проклятый своей матерью.

В пьесах на историческую тему, созданных современными драматургами в последние десятилетия, история народа, ее движение, судьба народа оцениваются на принципиально новой концептуальной основе. Стремление истолковать наиболее судьбоносные моменты жизни требует от драматурга исторических, философских знаний для глубокого и всестороннего воссоздания исторического бытия народа. Так Н. Сидоров в исторических драмах «Плач девушки на заре» (1999), «В ночь, когда погасла звезда» (2002) продолжает тему падения Волжской Булгарии (1236) и присоединения чувашского народа к Российскому государству (1551) уже с новой переоценкой исторического прошлого народа.

Проблема духовной преемственности, закономерная и для чувашской литературы на современном этапе ее развития, определяет и трактовку героя. В произведениях драматургии обретает прочное место тема памяти, укрепляются нравственные и духовные критерии народа. Здесь большую роль играет богатое устно творчество народа. Мифология, вобравшая в себе национальную идентичность народа, главным образом помогает авторам раскрыть сложный чувашский мир современному читателю (зрителю). Так сравнительно молодой автор, пробующий себя в драматургии, М. Карягина в трагедии «Серебряное войско» раскрывает современному читателю сущность чувашской женщины и ее роль в истории народа. По преданию женщины-чувашки когда-то были амазонками. Об этом говорит и старинный женский наряд. «Серебряное войско» - история древнего племени наших предков. Главные действующие лица – хрупкие с виду, сильные духом, воинственные женщины, на долю которых выпала нелегкая судьба – сохранение племенного очага, продолжение рода, традиций, а вместе с ними и родного языка. Богиня-мать, в которой издревле чувашаи воплощали творческое и созидательное

начало мира, в период зарождения цивилизации явилась покровительницей города, культуры, ремесел, самой жизни. Под ее руководством серебряное войско отстаивает право народа на существование.

Тему продолжает Б. Чиндыков в монодраме «Черная ласточка» (2005). В образе Чегесь, единственного действующего лица, воплощается идея преемственности связей времен и поколений, исповедующих древние традиции народа. Чегесь явилась воплощением образа чувашской женщины-матери, вставшей на защиту всего народа в войне против татаро-моногольского нашествия. Она стала национальным героем и примером мужества для всех женщин.

Сегодня, когда современные чувашские женщины возложили на себя непосильную ношу, эти произведения становятся весьма актуальными. Авторы показывают нам, что во все сложные времена сильная духом чувашская женщина вставала на защиту своего народа.

Как видим историзм как основополагающий принцип развития национальных литератур определил творческие интересы писателей на всем протяжении истории развития чувашской драматургии. В исторических драмах, трагедиях, монодрамах он определял концепцию общественного развития самого народа, его истории. Авторы, обращаясь к прошлому, стремились и стремятся показать богатую историю народа и его национально-художественные традиции. И не менее важным в связи с укреплением историзма мышления в литературе становится воссоздание национального характера.

Литература

1. Родионов В.Г. Чувашская литература (1917-30-ые гг.): Учебное пособие. – Чебоксары, 2005.

Г.Г. Ильина,

*Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

ОБРЯД ПРИНЕСЕНИЯ «СТРОИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЫ» В ФОЛЬКЛОРЕ ЧУВАШЕЙ

В чувашском фольклоре имеются произведения, указывающие на существование в древности особого обряда при выборе мест для поселения, который называется в фольклористике обрядом принесения «строительной жертвы»: «Включение в эпические произведения мотива принесения «строительной жертвы» обусловлено законами логики фольклорного сюжетостроения. Такой жертвой, как правило, является первый, кто оказывается на месте строительства в назначенное для жертвоприношения время» [2. С. 59]. Имеется несколько вариантов текстов об основании

города Казани [13; 12. С. 69]. И.И. Одюков отметил, что данное предание по содержанию схоже с преданиями об основании крепости Нижний Новгород [7. С. 67]. Мордовский материал о построении каменной церкви в Старой Бесовке полностью подтверждает существование такого обычая в старину: «Каменные стены на крови надо ставить. И чтоб кровь непорочной была. Девушку невинную надо под церковь положить» [3. С. 1-63].

От жительницы Очакассов Моргаушского района ЧР М.К. Кирилловой нами записан текст о замурованной девушке под церковь. Информатор утверждает, что русские улпутьи выгнали всё село в поле, для рытья фундамента под церковь. Девушку замуровали. А почему так это сделано, никто не знает [15]. «Чтобы «сооружение» сохранялось надолго, оно должно быть одухотворено, т.е. должно получить одновременно и жизнь и душу. «Перемещение» души, по представлениям древних, возможно лишь при принесении кровавой жертвы» [6]. Для принесения «строительной жертвы» выбирались единственные в чей-либо семье сын, или дочь: «Последнее явление вытекает из убеждения в необходимости совершения обряда, поскольку он является священным, лицом высоконравственным, в данном случае невинной девушкой и холостым парнем потому, что у чувашей, как и у многих других народов, нравственность понимается в половом, преимущественно, ее смысле» [10. С. 67].

Заменителями человеческой «жертвы» при основании поселений, зданий, мостов, мельниц и т.д. выступали животные. В.К. Магницкий утверждает, что: «казанские татары, прежде, при закладке водяной мельницы, приносили в жертву водяного поросенка или щенка, а некоторые даже ребенка» [4. С. 56].

Бескровная жертва.

а) Обряд переселения на новое место жительства.

О возникновении селений на Хоме сложено предание, в котором говорится о чувашенине Камае, основавшем их. Отец Камае при прощении с сыном дал ему жеребую кобылу, сказав: «Где кобыла ожеребится, там ты останешься жить навсегда». И когда кобыла ожеребилась, Камай говорит: «Прими, земля, мой хлеб, который даю тебе в дар. Я приехал сюда жить, прими меня. И до тех пор не откушу куска твоего хлеба, пока ты не попробуешь сама» [14].

б) Обряд открывания новых кладбищ.

У жителей Красноармейского района нами записан устный рассказ, в котором они поясняют следующее: «В самом центре кладбища вырыли яму. Сделали клетку для петуха, дали ему овса и воды и замуровали его заживо. Установили на его могиле большой дубовый крест, тем самым открыли «автансър ял» букв. «деревню без петуха»» [15].

в) Выбор места для захоронения покойника.

В исследовании Месароша читаем: «Пока готовится гроб, могильщики принимаются рыть яму. Начинает именно тот человек, которого назначил покойник. Могильщики берут с собой на кладбище хлеб, сыр, и, выбрав место будущей могилы, бросают туда кусок хлеба и сыра» [5. С. 175].

г) *Строительство нового дома.*

Начало строительства отмечалось обрядом жертвоприношения курицы, барана. Он проводился во время укладки первого венца избы. Под бревна первого венца, подушку окна, матицу укладывали деньги, шерсть, зерно - символы богатства и семейного тепла [11. С. 103]. Чуваши, как и другие народы, "разворачивали" строящееся здание из тела существа, принесенного в жертву Богам. По мнению древних, без такого "образца" бревна ни за что не могли сложиться в упорядоченную конструкцию. "Строительная жертва" как бы передавала избе свою форму, помогала создать из первобытного хаоса нечто разумно организованное. "В идеале" строительной жертвой должен быть человек. Новая постройка требует жертвы, и считается весьма опасным, если первым живым существом, которое длительное время пребывает или спит в новом доме, окажется человек, поэтому впускают в новый дом, прежде всего петуха или курицу. И причем впускали черного петуха или курицу [5. С. 86].

Чуваши верили в то, что получить для строения духа-покровителя можно похоронив умершего родича, который в дальнейшем становится домовым под углом, очагом, полом, порогом жилища (согласно поверьям именно в этих местах находится «хозяин»). Старые до сих пор свои остриженные ногти выбрасывают в щели половых досок, и до недавнего времени запрягивали детское место и пуповину в подполье в земле [8. С. 3-5], что подтверждает то, что у чувашей живо до сих пор представление того, что людей погребали именно в домах. В.Я.Пропп утверждает: «Там, где нет печи, где нет очага, хоронят просто в домах. Представление, что человек не умирает, приводит к тому, что умершего мыслят продолжающим жить в той среде, в которой он проводил жизнь. Его хоронят в доме, и выражается неразрывность связи умершего и живых» [9. С. 82]. По мнению ученого, это свойственно народам, достигшим оседлости.

г) *«Обживание» новой квартиры.*

Городские жители при покупке квартиры сначала «обживают» ее, т.е. запускают петуха или кошку, если это старая квартира при условии, что старые хозяева здесь умерли, поминаются их души и приносятся им жертва.

Таким образом, «строительную жертву» предки приносили с целью получения духа-хранителя культового сооружения, здания, поселения. И она являлась умиловительной жертвой духам места, т.е. платой за право строить на их земле. Целью принесения строительной жертвы является получение духа-охранителя здания. Первоначально «строительная жертва» всегда была человеческой, а животные жертвоприношения возникли как ее замещение.

Литература

1. Апшмарин Н.И. Словарь чувашского языка / Н.И. Апшмарин. - Казань, 1928-1950.
2. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры / Н.А. Криничная. - Л., Наука, 1987.
3. Легенды и предания мордвы / сост. Л.В. Седова. - Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982.
4. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В.К. Магницкий. - Казань, 1881.
5. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / Д. Месарош. - Чебоксары, 2000.
6. Мирча Элиаде. Священное и мирское / Мирча Элиаде. - М.: Изд-во МГУ, 1994.
7. Одоков И.И. Чувашские исторические предания о древних и волжских болгарях / И.И. Одоков. - Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1984.
8. Петров М. П. Чуваши (этнографический очерк) / М.П. Петров. - Казань, 1881
9. Пропп В.Я. Сказка. Обряд. Эпос. Песня / сост. В. Ф. Шевиченко. - М., 2001.
10. Руденко С. Добывание огня трением у чувашей / С. Руденко. - СПб., 1911.
11. Салмин А.К. Народная обрядность чувашей / А.К. Салмин. - Чебоксары, 1994.
12. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии / С.М. Шпилевский. - Казань, 1877.
13. Чувашское устное народное творчество: в 6 т. Т. VI.: Мифы и предания. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987.
14. НА ЧГИИГН, к.п. 10, инв. №3825
15. Личный архив Ильиной Г.Г.

М.Ю. Черноярова,

*Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

МОТИВ ПРЕВРАЩЕНИЯ В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ

В большей части мифологических рассказов, имеющихся в архивах кафедры русской литературы ЧГУ им. И.Н. Ульянова, встречается мотив оборотничества. В мифологии оборотничество определяется как «магическая перемена облика персонажа. Преимущественно – временное превращение с последующим возвращением к первоначальному (подлинному) виду» [3. С. 234]. Многие исследователи связывают перевоплощение, превращение героев фольклора с идеей трансцендентного существования человека, с его соприкосновением с потусторонним миром, царством смерти [2].

Оборотничество было связано с ритуальными практиками древних славян. Например, с обрядом ряжения в период новогодних праздников. Как справедливо отмечал А.В. Юдин, «новый год – это период своего рода оснований времени, перерыв, чреватый активизацией темных, хаотических сил. Это период выбора, решения дальнейшей судьбы мира, когда только согласованные ритуальные действия могут обеспечить дальнейшую жизнь и благосостояние» [5. С. 131]. В этот период наиболее зыбкими становились

границы между этим и «иным» миром. В связи с этим человек, перевоплощаясь в иную сущность, которую олицетворяла маска, попадал в мир хаоса, смерти. Этот мир, в представлении древних, был антимиром, в котором все было выворочено наизнанку: «Основным принципом построения смеховых обрядов было выворачивание наизнанку обычной системы знаков, выражающееся в смене полюсов бинарной оппозиции модели мира» [5. С. 259]. Подобные представления о перевоплощении отражаются также и в быличках: чтобы «оборотиться», нужно вывернуть наизнанку свою одежду.

Необходимо также отметить, что во время ритуала действия ряженных были направлены на то, чтобы «оказывать влияние на потусторонние сферы, возрождать из хаоса мир» [4. С. 33], так как «смыслом бытия традиционного человеческого коллектива в такие периоды становится спасение мира, противостояние хаотическому началу, а способы его спасения, поддержания устойчивости строения Космоса и его обновление хранит коллективная память в форме традиции» [5. С. 31]. Некоторые исследователи считают, что когда-то ведьмы и колдуны были языческими жрецами, которые непосредственно руководили ритуалами и обрядами древних славян. С появлением христианства их стали традиционно считать людьми, наделенными сверхъестественными способностями и связанными с нечистой силой. Именно они обладали магической способностью перевоплощения, так как чаще других вступали в контакт с потусторонним миром

Об этом свидетельствует также и тот факт, что в записанных на территории Чувашии быличках мотив оборотничества связан прежде всего с образом колдуна и ведьмы (встречается в 22 быличках), в меньшей степени – с образом домового (встречается в 3 быличках), чёрта (встречается в 12 быличках). Домовой показывается человеку в образе кошки (1, Б1, 1е), маленького лохматого существа (1, Б1, 1с*), маленького человечка (1, Б1, 1г*), огненного человечка (1, Б1, 1ц*). Ведьма может принимать как традиционные обличья собаки (1, Г1, 1в), кошки (1, Г1, 1д), свиньи (1, Г1, 1б), кобылы (1, Г1, 1е), так и редко встречающиеся в общерусском фольклоре превращения в теленка, лису, угольки. Локальной особенностью перевоплощений является магическая способность ведьмы превращать человека в волка (этой способностью обычно обладают колдуны). В имеющихся в нашем распоряжении текстах колдун чаще всего превращается в свинью (1, Г*11, 1б), быка, волка, какой-либо предмет (1, Г*11, 1г).

Наиболее часто мотив оборотничества связывается с нечистой силой: черт приходит к жене в образе умершего (1, Б6, 47*); появляется в облике обычного человека (1, В1, 1а), женщины (1, В1, 1б), человека с рожками и копытами (1, В1, 1в), слепого человека, собаки, лошади с цепью, змеи; вселяется в человека через вино (1, В6, 55*). «Заложные» покойники трансформируются в огненные шары, столбы, копны, мохнатых существ.

Часто встречается в быличках мотив разоблачения колдунов и ведьм, которым в их зооморфном облике отрезают уши, избивают.

Перевоплощения героев достигается с помощью переворачивания или перепрыгивания через какие-либо предметы (например, через кожи, ножи). Кружение, верчение способствует изменению ориентации, выходу из себя, «пересечению пространственных рубежей, то есть нарушению норм» [3. С. 235]. Это способствует попаданию героя в иной мир, в котором он наделяется дополнительной силой от тотемных животных - предков, в которых он перевоплощается. Как можно объяснить появление ножей во время ритуала оборачивания? Можно согласиться с мнением В.Ф. Филатовой, которая считала, что «нож, являясь орудием разрезания, расчленения, умерщвления, очевидно, разделяет физическую оболочку, плоть и внутреннее я обращающегося, умерщвляя плоть, которую поглощает жерло земли. Освобожденное «я» облекается порожденной землей же новой оболочкой, новой шкурой. Земля выступает здесь в качестве поглощающей, пожирающей плоть и в то же время возрождающей, преобразующей ее стихии» [4 С. 105].

В некоторых текстах подчеркивается взаимосвязь определенного предмета или части тела (например, пяточка или головы) с душой колдуна и ведьмы, которых можно извести, нейтрализуя их магические способности. Насильственные превращения совершаются с помощью сакральной маркированности знаковых предметов (овчинный полушубок, кушак, еда или питье) и действий (свист, обергивание, насильственное раздевание или переодевание). Большая вариативность перевоплощений героев былички свидетельствует о том, что многие жители русских деревень Чувашии продолжают верить в магические способности существ, связанных с потусторонним миром.

Литература

1. Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин / В.П. Зиновьев // Локальные особенности русского фольклора Сибири. -Новосибирск: Наука, 1985. - 112 с.
2. Каннети Э. Превращения / Э. Каннети // Проблема человека в западной философии.- М.,1988. - С. 483-503.
3. Неклюдов С.Ю. Оборотничество / С.Ю. Неклюдов // Мифы народов мира. Т.2. - М., 1988. - С. 234-235.
4. Филатова В.Ф. Былички об оборотнях / В.Ф. Филатова // Русская речь.- 2004. - № 6. - С. 103-108.
5. Юдин А.В. Русская народная духовная культура / А.В. Юдин.- М.: Высш. шк., 1999. - 331 с.

*Т.В. Краюшкина,
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток*

ДЕЙСТВИЯ СЕРДЦА И ДУШИ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

Мотив эмоций – один из специфических мотивов русских народных волшебных сказок. Его отличие от ряда других мотивов заключается в многосоставности. Так, его составляющими мы считаем причины возникновения эмоций, средства их выражения и причины исчезновения эмоций (или повествования о них). Средства выражения эмоций весьма разнообразны. Среди них встречаются как речевые (куда относятся обращения, наименования, междометия, призывание имени Божьего, нецензурные выражения, упоминание нечистой силы, диалоги, посвященные эмоциональному состоянию персонажа), так и ряд действий (жесты, плач, смех). Во вторую группу входят и разнообразные действия, которые приписываются сердцу и душе.

Аналізу были подвергнуты русские народные волшебные сказки, записанные на территории Сибири и Дальнего Востока в третьей четверти XIX – XX вв. (всего – 20 сборников), а также тексты из архива кафедры истории русской литературы ИРЯЛ ДВГУ, собранные во второй половине XX – начале XXI вв. В сказках было обнаружено 3663 эмоциональные единицы. Действия сердца и души составляют в них незначительный процент (1,12%). Чаще в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока речь идет о сердце (выявлено 37 единиц). Следует отметить интересную деталь: те или иные выражения со словом *сердце* присутствуют в 24-х текстах. Из них в 16-ти они употребляются по одному разу. А в 8-ми текстах используются дважды (в пяти текстах), трижды (в двух) и пять раз (в одном). Чаще всего о сердце говорит сказочник (27 раз), в 6-ти случаях реплика о сердце вкладывается в уста персонажа, которому оно принадлежит, 4-х – в уста другого персонажа (трижды он говорит о сердце своего оппонента, в одном – о сердце третьего персонажа, которого в момент речи нет рядом).

В сказках представлена целая россыпь выражений, связанных с сердцем. Лишь немногие из них повторяются по несколько раз. Так, *рассердить сердце* встречается чаще других (5 раз), применяется оно и к мужским, и к женским персонажам. У героя в двух случаях оно связано с гневом, который направляется на антагонистов. За то, что побратимы или брат бросили его

умирать в яме, причинили другие страдания, герой *«сердце <...> рассердил <...>»* и убил антагонистов [1. С. 114] (303 Два брата, 400₂ Царь-девица, 552А Животные зятья и др.). В третьем случае выражение указывает на сосредоточенность героя на действии, им выполняемом. Персонажи читают надпись на дубе: кто его разобьет, тот женится на Красоте. Герой *«<...> рассердил свое сердце, ударился на больших шагах <...>»* и разбил дуб стрелой [1. С. 102] (303 Два брата, 400₂ Царь-девица, 552А Животные зятья и др.). А у женского персонажа данное состояние возникает после того, как она не может разбудить героя, спящего сном от колдовства: *«Рассердила свое сердце <...>»*, сказала, где ее искать и уплыла прочь [1. С. 104] (303 Два брата, 400₂ Царь-девица, 552А Животные зятья и др.). Затем антагонист рассказывает герою о поведении Красоты, пока тот спал. Воспроизводятся и ее состояние, и ее слова: *«Рассердила свое сердце и сказала: «Лица меня за девять морей <...>»»* [1. С. 104] (303 Два брата, 400₂ Царь-девица, 552А Животные зятья и др.).

Только женские сердца предчувствуют будущую опасность или угрозу (четырежды). Речь идет об угрозе для мужского персонажа, с которым они состоят в родственных или свойственных отношениях. Мать предчувствует беду, которая может случиться с ее сыном (предстоящая битва со Змеем), жена – с мужем (антагонисты хотят убить его) невеста – с женихом и ею самой (антагонисты вот-вот настигнут их). Употребляются следующие выражения: *«чужло сердце недоброе»* [2. С. 10] (301А, В Три подземных царства), *«чувет мое сердце недоброе»* [3. С. 55] (СУС аналогий не дает), *«у ней серцо чужло <...>»* [4. С. 126] (СУС аналогий не дает), *«<...> сердце ее что-то неладное чувствует»* [5. С. 143] (313А, В, С Чудесное бегство). После возникновения предчувствия женский персонаж пытается остановить беду: говорит о своем предчувствии тому, с кем случится беда, а также пытается исправить ситуацию более активно (невеста просит героя припасть к земле и послушать нет ли погони).

Мужское сердце не умеет терпеть при возникновении критических ситуаций, связанных с самим персонажем или его близкими, причем сердце это принадлежит богатырю. Трижды сердце героя *не стерпело*. После долгой разлуки герой возвращается домой. Мать не узнает своего сына, *«не стерпело сердце Добрыни»* [3. С. 60] (СУС аналогий не дает), он признается матери, что он и есть ее сын. Действие сердца связано и с изменой жены (дважды). Жена при живом муже повторно выходит замуж. Добрыня идет на свадьбу и возвращает супругу домой. В сказке говорится: *«<...> но казакское сердце не стерпело»* [6. С. 129] (СУС аналогий не дает), *«<...> но не стерпело казакское сердце»* [6. С. 131] (СУС аналогий не дает), и герой убивает изменницу.

Дважды сердце героя *задает тоска*. Причем о своем состоянии персонаж говорит помощнику в ответ на его вопрос, почему герой запечалился: *«Ах, бабушка, <...>, задает мое сердце тоска»* [5. С. 155]

(313А Чудесное бегство). Герой рассказывает о причине печали и просит совета, причем снова употребляется указанное выражение: «Теперь я хочу просить тебя, <...>, как мне избавиться от тоски, которая заедает мое сердце ретивое» [5. С. 155]. Женскому сердцу тоже приписывается способность тосковать. Царевна, унесенная Змеем, говорит герою, пришедшему ее освободить: «у меня уж сердце стосковалось» [1. С. 65] (301А, В Три подземных царства, 300А Бой на калиновом мосту и 302₁ Смерть Кащея в яйце).

Сердце героя может загораться или разгораться. Эти действия связаны с потребностью героя обладать каким-то предметом, рядом с которым он находится. При виде богатырского коня «сердце Ивана загорелось» [3. С. 12] (300₁ Победитель змея), а когда герой смотрит на драгоценную клетку Жар-птицы: «<...> сердце его разгорелось.

– Ах, кака залато да драгоценна! Как же таку не взять?!» [7. С. 231] (550 Царевич и серый волк).

Сердцу в русской народной волшебной сказке приписывается и возможность китеть. Свояченица говорит герою, отправившемуся на поиск пропавшей невесты, что она просвагивается. Герой реагирует на ее слова следующим образом: «У него сердце закипело.

– За кого?» [1. С. 107] (303 Два брата, 400₂ Царь-девица, 552А Животные зятя и др.). Царевна узнает мужа, которого считала убитым: «У ней тожно серцо воскипело, слезы свои подтерла <...>» [4. С. 127] (СУС аналогий не дает).

Сердцу приписываются болезненные ощущения, связанные с отрицательными эмоциями, которые переживает герой. Состояние его сердца противопоставляется эмоциям женского персонажа. Герой приходит в город, где живет брат. Невестка путает его с братом и ложится спать, ластится к нему всю ночь, потом начинает плакать, потому что герой отворачивается от нее: «А у его сердце болит о брате» [2. С. 36] (567 Чудесная птица и 300А Бой на калиновом мосту). Героиня нашла исчезнувшего мужа, говорит ему об их ребенке: «Болит мое сердце об дите об своей» [8. С. 70] (425А Амур и Психея). В третьей сказке герой догадывается, что пирожница и есть его первая невеста, вспоминает, сколько раз она его выручала из беды: «Защемило у него сердце <...>» [5. С. 150] (313А, В, С Чудесное бегство).

Сердцу приписываются действия, которые характерны для человека. Когда герой остается безоружным перед Змеем, у него «дрогнуло сердце» [3. С. 55] (СУС аналогий не дает). Орел подвергает героя опасности – трижды сбрасывает его и подхватывает только у самой земли. Герой во второй раз произносит: «О-ох, чуть сердце не выскочило у меня!» [5. С. 295] (313А, В, С Чудесное бегство). Герой и его побратим просят родителей отпустить их прогуляться: «– Н-да, – оне на это, не утерпя свое сердце, – отпустите, просим!» [1. С. 102] (303 Два брата, 400₂ Царь-девица, 552А Животные

зятя и др.). У героя «радостно подпрыгнуло сердце», когда он возвращается на птице с того света и видит небо и облака [2. С. 7] (301А, В Три подземных царства). Царевна читает записку от героя, узнает, что он жив, «и у ней сразу взволновалось сердце» [4. С. 217] (300А Победитель змея, 567 Чудесная птица и 303 Два брата).

Кроме точно определенных действий, сердце в русских народных волшебных сказках может выступать в роли и некоего локуса. Так, что-то может быть на или в сердце. Отец все время ходит грустный, сын просит его: «<...> открой свою тайну, что у тебя на сердце <...>» [5. С. 181] (313В, С Чудесное бегство). Царевна так сильно разозлилась, что в ее сердце «не осталось <...> тепла» [2. С. 3] (СУС аналогий не дает). В сказке сердце может быть и в роли некоего локуса, из которого производится действие. Мать жалеет своего сына, «из серцов выбросила последние сто рублей» [8. С. 198] (560 Волшебное кольцо). Сердце может быть не только локусом, но и объектом, находящимся в эмоции, представленной как локус. О герое следующее: «Сердцо у него в радости, что птичек набил» [5. С. 16] (502 Медный лоб). Сердце выступает и некой мерой эмоций, которые испытывает персонаж. Так, царевна распускает косу, чтобы очаровать героя, тот отвечает: «<...> не греет твоя красота, не по сердцу она мне» [2. С. 3] (СУС аналогий не дает). В другой сказке говорится, что Иван-царевич приходит к сестре орла и просит милостыню ради орла. Она, услышав это, «от всего сердца обрадовалась» [5. С. 56] (302₁ Смерть Кащея в яйце).

Как действие можно интерпретировать наличие у персонажа какого-то особенного сердца? Так, женское и мужское сердца разнятся своими характеристиками. В зависимости от функции персонажа и от сюжетной ситуации оно может быть холодным (девушка отказывает сватающемуся герою), материнским (у матери) и довольным (у царевны). Мать говорит детям, что отец хочет их убить, и они убегают. Приходит муж, спрашивает о детях. Жена отвечает ему, что они убежали. «Как же: материнское сердце – жалко детей» [3. С. 28] (567 Чудесная птица и 300А Бой на калиновом мосту). Выражение материнское сердце связано с переживанием из-за опасности, возникающей в жизни детей. Герой показывается перед женой в богатырском облике. Царевна очень рада этому: «Она с довольным сердцем пошла домой» [1. С. 210] (530 Сивко-Бурко и 530А Свинка золотая щетинка). У героя сердце казацкое (дважды), когда он не может простить жене измены и убивает супругу, и молодецкое во время боя со Змеем. Добрым оно оказывается, когда герой сознается отцу, наказывающего слуг, в том, что это он нарушил запрет: «<...> имел доброе сердце, жалко ему стало, что слуги терпят напрасно <...>» [1. С. 197] (502 Медный лоб). Сердце героя становится ретивым от сильной печали.

В русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока выявлено лишь 4 выражения, связанные с теми или иными действиями души. Все они употребляются по одному разу (это связано с их небольшим количеством). Действия души присущи более женским персонажам (3 единицы), чем мужским (1 единица). Так, антагонистка, желая увидеть любовника, думает следующее: «<...> что-то душа моя волнуется, верно, сегодняшнюю ночь во первый и во последний сдуваю к своему другу <...>» [8. С. 38] (**518** *Обманутые черти (лешие)* и **306** *Ночные пляски*). Как и сердце, душа может болеть. Старик возвращается домой и не рассказывает жене о произошедшем с их сыном, «<...> чтоб старуха не болела душой <...>» [1. С. 144] (**325** *Хитрая наука*). Душе приписывается даже существование у нее крови. Так, «разыгралась кровь боева у Марфиды Прекрасной на душе», Марфида вызывает на бой двух богатырей [8. С. 83] (**519** *Слепой и безногий*). Эмоциональные переживания мнимого освободителя описываются в соответствии с функцией этого персонажа. Антагонист хочет наказать мнимого освободителя, тот «перепугался, душа в пятки ушла» [5. С. 28] (**502** *Медный лоб*).

Как видно из проделанного анализа, действия сердца и души – специфические средства выражения эмоций персонажей в сказке. В основном, словосочетания, связанные с сердцем и душой, являются существующими в русском языке фразеологизмами или построены на основе фразеологизмов. Интересно, что действия сердца и души во всех проанализированных случаях большей частью приписываются молодым персонажам, но не старикам. Чаще они связаны с выражением отрицательных эмоций, реже – положительных, причем у персонажей мужского пола процент положительных эмоций меньше, чем у персонажей женского пола. Почти все выявленные действия сердца и души индивидуальны, только в одном случае речь идет о парном действии. Если говорится о мужском персонаже, то практически все они приписываются герою (по одному разу – антагонисту и мнимому освободителю). У женских персонажей чаще действия сердца и души используются при описании эмоций царевны и второстепенного положительного персонажа женского пола.

Литература

1. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных / сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1993. – 352 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
2. Рукописный фонд кафедры истории русской литературы Института русского языка и литературы ДВГУ. Фольклорные тексты [Электронный ресурс]. 1980 г. П. 2. Т. 12.
3. Сказки Васюганья (Методические рекомендации для студентов пединститута) / сост. М.Н. Мельников. – Новосибирск: Изд-во Пединститута, 1983. – 61 с.
4. Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост. Р.П. Матвеева. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1979. – 303 с.
5. Русские волшебные сказки Сибири / сост. Р.П. Матвеева. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1981. – 334 с.

6. Приложение. Из материалов фольклорных экспедиций // Русский фольклор Сибири: элементы архитектоники: сб. науч. тр. / ред. колл. Р.П. Матвеева, А.Г. Игумнов, Н.В. Соболева. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 127–200.

7. Русские сказки Восточной Сибири / сост. Е.И. Шастина. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1985. – 464 с.

8. Русские волшебные сказки Тункинской долины / сост. Р.П. Матвеева. – Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2001. – 292 с.

В.А. Абрамов,

*Чувашский государственный университет,
г.Чебоксары*

МОТИВЫ ДАО В ЧУВАШСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Учение о Пути (Дао) или религиозно-философские мысли даосизма появились в Древнем Китае в IV-III веках до нашей эры. Наряду с конфуцианством, учение Дао из религиозных взглядов плавно перешло в философскую школу. Мирозрение Дао, присущее сначала китайской культуре, с течением времени широко распространилось и в других культурах (в частности, в Японии, хотя там и не существовала такая идеология в обществе, в верованиях). В Европе и Америке писатели и мыслители начали проявлять интерес к даосизму в конце XIX – начале XX века. Идея единения с природой, мысль о непротиводействии происходящему в мире, естественность и попытка вернуться к простой, незамысловатой жизни стали модными и в России. Многие образованные люди все чаще и чаще говорили о кризисе христианской морали, о кризисе западных рационально-материалистических ценностей и обращались к великим трактатам «Дао-Дэ цзин» и «Чжуан-цзы».

И в наше время многие разочаровавшиеся люди – начиная с простых обывателей и кончая пишущей братией – серьезно следуют учению даосизма, вовлекаясь в такие его идейные ответвления как нудизм, Анастасия, Фэн-шуй и т.д. И в будущем учение Дао, думается, не потеряет своей актуальности. «Ближе к природе!» - призывали даосисты. Их призыв не потерялся в течении многих веков.

Японский ученый Кимура Эйити, исследуя многочисленные идеи Дао, писал: «Даосизм отдает предпочтение жизненным проблемам, общим для всех людей». Действительно, противоположное даосизму учение конфуцианства не давало возможности человеку уйти в себя, все время напоминая, что НОМО SAPIENS есть член общества, рода, семьи и у него масса обязательств перед ними. Моральные и социальные пути сковывали человека. Даосизм, имея антропоцентрический прагматизм, в древнекитайском обществе всегда выигрывал в битве за умы людей. Даосизм воспевал индивидуальную

свободу человека. Конкретный человек (крестьянин, ремесленник, чиновник) всегда эгоистичен по своей физиологии. Он прежде всего задумывается о болезнях, горестях, старости, жизни и смерти, бессмертии... Творческая же натура размышляет об этом на другом возвышенно-поэтическом уровне, невольно ища естественную гармонию. В этот момент наступает время диктатуры идеи «изначального дуализма всего сущего». Об этом подробно писали теоретики даосизма Лао-цзы и Чжуан-цзы. Постигание гармонии с природой, состоящей из дополняющих друг друга **Инь** (темное, женское) и **Ян** (светлое, мужское) и есть цель искусства по даосизму. Психология чуваша близка к китайцам, ведь в рамках личной жизни, обыденного труда и отдыха, в творческом процессе и китаец, и чуваш исповедуют идеи даосизма.

Шанкър-шанкър шыв юхать	Течет звонкая вода
Шыв юхать те чул юлать.	Течет вода – камни остаются.
Шухăшлăр-ха тăвансем	Задумайтесь, родные:
Ĕмĕр иртет – кун юлать.	Век проходит – день остается

(Здесь и далее перевод мой. – В.А.)

В этой чувашской песне мы видим даосистский дуализм в восприятии мира: 1. Внешнее мироздание. Природа сама по себе, материальный мир, естество: «вода», «камень» (ключевые слова). 2. Внутреннее мироздание. Человеческая душа, так называемое внутреннее «Это». Это даже не «Я». «Это» возникает из всего, т.е. из космоса, из всего материального: «век», «день» (ключевые слова).

Склонность к импровизации, к созерцанию чуваша над природой заметили еще в первой половине XIX века русские исследователи чувашского фольклора. В русских песнях редко встречается воплощение такого созерцания над природой. В них на первый план выходит свое «Я» и чувствуется не задумчивость и рассудительность, а задорность и напряжение. Тема одиночества так или иначе в учении Дао имеет большое значение. Недаром великий даосист Ли Бо (VIII век) постигал тайны природы, уйдя в горы на пять лет, искал разные травы и специи в надежде приготовить пилюли бессмертия:

Меня спрашивают, что вы там
живете – в голубых горах?
Смеюсь и отвечаю: «Сердце мое спокойно».

Так поступил и Л. Толстой, воспринявший идеи даосизма. Временами уходил в одиночество, пахал землю, жил в деревне, ушел из семьи и умер в захолустной станции. И С. Есенин в людях сознательно выражал свой конформизм, а в пейзажных стихах – он явно даосист. Идеи Дао исключительно ярко проявились в творчестве народного поэта Чувашии Якова Ухсай. У него было великое чутье природы. Например:

Поэт талантĕ ситĕнет	Растет талант поэта
Чи шăплăхра анчах хитре,	В красивой типине

Ун кăмăлĕ тĕрекленет
Силре, Шывра та Кĕрлевре

И крепнет его душа
На ветру, в воде, в звоне

Творчество Я. Ухсай перекликается с взглядами Ли Бо, где лирический герой вольно летит по поднебесью, «оседлав ветер». И китайские поэты, и Я. Ухсай любят одиночество, стихию природы, стремятся к ней. Я. Ухсай не любил город, как и Ли Бо, Ван Вэй, Цюй Юань. Я. Ухсай любил все, что связано с водой, как китайские поэты, как японец Басё, много лет проживший около старого, заросшего пруда, воспевавшего этот образ так величаво в своих хокку. Ветер и вода (Фэн-шуй) у Я. Ухсай – самые распространенные образы, образы поэтов-даосистов. Встречаются близкие к воде и ветру образы: родник, туман, плот, чай, пиво, баня, веник... Да и свои значительные вещи поэт творил, глядя на природу через узкое, грязное окно бани. Как говорил Лао-цзы: «Не выходя со двора мудрец познает мир».

Даже Н. Бичурин, конфуцианец по убеждениям, не избежал даосистских мотивов в своем стихотворении «Китайская песня», где девушка мирно и красиво плывет на лодке по воде. Даосизм избежал так называемой «обнаженной натурь», анатомические пропорции человека, чужд был ему и европейский натурализм с мрачными болотами, тварями, химерами, катастрофами. Это свойственно и чувашской словесности, где редко видишь специально созданные образы натуралистической школы литературы. Спокойный, умиротворенный пейзаж преобладает и в восточной, и в чувашской литературе (если не считать взрывного, эмоционального М. Сеспеля).

Физиологические и психические свойства человека даосисты и большинство чувашских поэтов переносят на природные явления и на сам процесс творчества. И китайцы, и чуваша в большинстве случаев на жизнь смотрят не через призму религии, философии или науки, а мыслят образами и чувством. Вместо европейского рационализма – созерцание, поиски гармонии, сильное воображение. Европейцу свойственны творческие муки (А. Франс очень беспокоился, если написал за неделю только одну страницу). А у китайца и у чуваша сердце без усилий создает образы. Проблема «что такое хорошо, что такое плохо», свойственная христианскому искусству, где противопоставляются добро и зло, грех и раскаяние, высокая любовь и грязная нищета, в китайской даосистской литературе не встречается. Избежали этого и большинство деятелей литературы чувашской. И потому чувашская словесность более близка к даосизму, хотя все писатели получили воспитание и образование в конфуцианском духе. Послушание старших и власти, восхваление ритуалов и традиций очень сильно развилось при советской власти. Но в словесности более сильные позиции имеет личностное начало, а не общественное. Поэтому прав французский ученый А.А. Масперо: «Даосизм – религия личностная в отличие от общинных форм религии». Поэтому и Тилли у Хузангая, как даосист разговаривает о смысле жизни не с

попом, а со своей собакой Сарбай, думает о бессмертии, он оптимистичен как даосист в Китае. Да и сам автор «Песни Тилли» смотрел на смерть как на неизбежность, как на Вечность: «Ан тӑкӑнсам куҫсулӑ ман ҫине Йӑлт пушатах каймастӑр тӑнчене» (Не лейте слезы на меня Не оскудеет без меня Земля). Как и великий Лао-цзы, который завещал не хоронить его, а бросить тело в поле, на природу, где его склюют птицы, так и Хузангай говорит: «Из земли рождаемся, туда же идем».

Итак, мотивы Дао в чувашской словесности не привнесены извне, как в Европе. Они были заложены еще в древности – и в фольклоре, и в философии жизни чуваша, и в творчестве индивидуальных писателей.

*А.А. Клементьев,
Институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования УР,
г. Ижевск*

ЛИРИКА ПЕРМСКИХ НАРОДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В течение семи десятилетий в нашей стране складывалась многонациональная советская литература с общими тенденциями развития и в то же время – национально-специфическими особенностями в освещении различных сторон действительности, решении насущных проблем и образом их воплощении. На основе географического и эстетического принципов как отдельная общность стала изучаться литература народов Поволжья и Приуралья, что положило начало сравнительному литературоведению в нашем регионе. В исследованиях региональных ученых (Г.В. Беляев, В.М. Ванюшев, В.В. Пахорукова, Г.И. Федоров, В.Г. Родионов, Л.П. Федорова, С.Т. Арекеева и др.) получили развитие традиции сравнительного литературоведения.

Актуальным вопросом сегодня стало изучение словесного творчества пермских народов во взаимосвязи. Это обуславливается не только территориальной близостью проживания народов и типологической общностью развития их литератур, особенно начиная со второй половины XIX в. (что берется за основу литературного региона Урало-Поволжья), но и этно-языковым родством удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков. Мировидение поэтов часто выражается не просто с помощью похожих картин реального мира, но через одинаково или чуть измененных формах звучащих единиц лексики. Считается, что в удмуртском и коми языках обнаруживается более 80 % однокоренных слов. Не случайно в лингвистике основательно сложилось такое направление, как пермистика. Одинаковое звучание

словообразов в лирике пермских народов дополнительно сближает их литературу через такую категорию, как фоника.

Основываясь на типологическом и генетическом сходстве пермских литератур: удмуртской, коми-зырянской и коми-пермяцкой – Г.В. Беляев и В.М. Ванюшев изучают их в едином контексте. Объективной основой такого контекста являются территория, язык и культурные традиции. Общность историко-этнической территории данных народов способствовала формированию общего культурного, политического, экономического и социального ареала, в силу чего круг проблем в их литературах имеет близкие корни. Этим можно объяснить актуальность исследования удмуртской, коми и коми-пермяцкой литератур как трансляторов этнического своеобразия на современном этапе, в эпоху этнической мобилизации, роста интереса к своему историко-культурному наследию. В этой связи совершенно справедливо утверждение чувашского специалиста в определении подходов к изучению межлитературной общности Урало-Поволжья Г.И. Федорова: «<...> национальные словесные культуры не заполняют приготовленные кем-то эстетические ниши, они вырабатывают определенные традиции в соответствии с внутренними потребностями» [3. С. 3].

В данной статье, основываясь на принципе сравнительно-типологического изучения литературы, в качестве небольшой иллюстрации мы предлагаем выявить общее и особенное в национальном мировидении пермских народов на материале лирики пермских народов второй половины XX века, так как именно лирика наиболее быстро и остро на чувственном уровне отзывается на все изменения, которые происходят в обществе. В качестве предмета анализа предлагается рассмотреть семантику сквозных образов, наиболее характерных для лирики пермских народов второй половины XX века. Такими сквозными образами, воплощающими в себе их национальное мировидение являются образы *родины, дома, дороги и леса*. Остановимся лишь на одном из них – образе дороги.

Образ дороги является одним из распространенных в мировой литературе. Он является так называемой «горизонтальной» координатой [1. С. 57]. Свое воплощение образ дороги находит и в лирике пермских народов второй половины XX века. В творчестве удмуртского и бесермянского поэта Михаила Федотова дорога, в первую очередь, – это дорога, связывающая родную деревню Ворцу и столицу Удмуртии Ижкар. Дорога М. Федотова одухотворена.

<i>Ми палан сюрес но кырнатэ,</i>	<i>У нас и дорога заставляет петь,</i>
<i>Жадемез басэтэ со ас вылаз,</i>	<i>Усталость забирает себе,</i>
<i>Шкóкнтэм бурдьёс но кадь сётэ,</i>	<i>Будто невидимые крылья дарит,</i>
<i>Ожоен вёлске пыдьёс азяд.</i>	<i>Травой растмивается перед тобой.</i>
<i>(«Ми палан сюрес но кырнатэ»)</i>	<i>(У нас и дорога заставляет петь)</i>

Но, как справедливо замечает В. Шибанов, лирика М. Федотова ничуть не связана с жанром путешествия. Поэт рассказывает не о передвижениях по

асфальту и земле, но о поисках в самом себе [2. С. 57]. Это также поиски роли своего народа и вместе с тем личной роли в истории, душевной гармонии. В процессе поисков лирический герой попадает то в лес, то в мир снов, то на небеса, то в родную деревню, то в народную мистику.

Помимо мотива поисков своего места в жизни, дорога М. Федотова олицетворяет собой бегство из городской цивилизации – воображаемой тюрьмы. Но этот же путь привел в свое время героя в город. Дорога, ведущая в родную деревню, легкая, вдохновляющая.

<i>Пальшиа но кыръя слюэмы</i>	<i>Мое сердце улыбается и поет</i>
<i>Гурт пала кошкыны вырьемъя.</i>	<i>С отравлением в деревню.</i>
<i>(«Тани нош мон нукси поездэ...»)</i>	<i>(Вот и снова сел я в поезд)</i>

В раннем творчестве М. Федотова дорога несет лирического героя к людям, рассвету, горизонту, она наполнена делами. Интересная деталь – горизонт. Поэт говорил, что он вдохновляет, окрыляет его [4. С. 40]. В зрелый период творчества М. Федотова ее содержание трансформируется. Она уже не вселяет легкость, бодрость и веселье («Дэмдор» – «Брошь»). Лирического героя начинает давить бессилie и словно столетиями накопившаяся усталость. Героя дорога больше не приводит в пространство успокоения и энергетического заряжения. Тогда он прячется в лоно природы, в свой лесной домик. Во многих стихах М. Федотова используется деталь (архетип) печи и огня. Огонь греет, успокаивает лирического героя. Но и этот последний уголок оказался последним, не вечным и не стабильным. В этих условиях лирический герой в мыслях уходит в иные миры. Таким образом, дорога в поэтическом мире М. Федотова в конечном итоге приобретает семантику пути в мир иной.

<i>Мон мукет шаере лобьисько,</i>	<i>Я лечу в другой мир,</i>
<i>Кытын вань вузасьтэм эшьёсы.</i>	<i>Где есть непродажные друзья.</i>
<i>(Кулэм муртлэн дневникысьтымъз)</i>	<i>(Из дневника покойника)</i>

Этот иной мир расположен на небесах. Н. Ильина в этом факте видит влияние христианского учения о рае [5. С. 52]. Лирический герой уверен, что на Земле нет свободы («Музьем вылын кытын бен со – эрик?» – «На Земле где она – свобода?»). Лирический герой уходит в пространство, куда исчезают люди с чистой душой («Сюмыктэ-а туннэ лютиськод?..» – «Бокал поднимаешь ли сегодня?»).

Итак, в поэтическом мире М. Федотова дорога претерпевает своеобразную трансформацию: *дорога в родную деревню – дорога в иной мир*. Лирический герой понимает, что когда-то завершится и его жизнь. Но это еще не трагедия. Трагическое мировосприятие приходит в поздний период лирики М. Федотова. У лирического героя отнято самое дорогое, самое бесценное – его свобода («Мукет» – «Другой», «Сайкыт-сайкыт луэм потэ» – «Хочется стать свежим-свежим»). Дорога в творчестве коми-зырянской поэтессы Алены Ельцовой, пришедшей в литературу в 90-е годы прошлого столетия,

является дорогой, соединяющей два пространства – родину (родную деревню) и далекую незнакомую землю. Автор не описывает незнакомую землю. Расставание с родной деревней происходит тяжело, драматично, так как родина не хочет отпускать лирическую героиню от себя («Шуда колян, чужанін» – «Счастливо оставаться, родина»).

Родная деревня боится, что лирическая героиня ее покидает навсегда. Но героиня не забывает дорогу на родину. Тем не менее, ее возвращение в родную деревню проходит еще тяжелее. Каждый раз лирическая героиня возвращается уставшая, изгнанная, проклятая. Дорога проходит через массу препятствий: северный ветер, черный лес, дождь, град, бесконечные болота, грязь. Пройдя через них, лирическая героиня признается своей родине:

<i>Ме локті, чужанінкі, ме эе вункд.</i>	<i>Я пришла, моя родина, я не забыла.</i>
<i>Ме келі няйт и вуджи зыбуч нюр.</i>	<i>Я брела по грязи и перешла зыбкое болото.</i>
<i>Ме корси тэнік сэсь, кін муыс уна,</i>	<i>Я искала тебя там, где много земли,</i>
<i>А донаджыкыс тэыс эз и сюр.</i>	<i>А дорожке тебя так и не нашла.</i>
<i>(Ме муні гортік)</i>	<i>(Я отправилась домой)</i>

Лирическая героиня в свою очередь также опасается, что родина ее забудет («Бара муна, чужан сикткі, муна...» – «Снова ухожу, родная деревня, ухожу...»). Таким образом, дорога в поэтическом мире А. Ельцовой – вечный уход из родных мест и постоянное возвращение домой.

В лирике коми-пермяцкого поэта Леонида Никитина семантическое поле сквозного образа дороги носит довольно богатый и разнообразный характер. Основные ее семы: дорога как объект, наполняющий пространство малой родины лирического героя; дорога как медиатор, связывающий город Кудымкар с родными местами. В первом значении образ дороги раскрывается на фоне местной романтической ночи и приобретает персонализированный характер, ассоциируется с живым существом.

<i>И сы дорын нюжткчкм кузя-кузя,</i>	<i>И на его краю выпянувшись длинно-длинно,</i>
<i>дзор буса туй шоччиськ, видзк ськд.</i>	<i>с поседевшей пылью дорога отдыхает, темнеется.</i>
<i>(Мый бура донпан)</i>	<i>(Что хорошо ценим)</i>

В другом случае дорога олицетворяет путь лирического героя из города Кудымкара (приобретенного им пространства) домой, в родные места. Эта дорога, с одной стороны, широкая как символ уверенности, внутренней свободы лирического героя, с другой стороны, грязная, выражающая невзгоды, неприятности в жизни героя. Автор ничего не говорит о городе, но, судя по тому, как герой всегда спешит по направлению домой, где царят красота и гармония, думается, что правомерно говорить о нем как о противоположном, неполноценном («Ськлкшогтез» – «Печали сердца», «Тклок, кыз эрт, отсалк меным мунны...» – «Ветерок, как товарищ поможет мне идти...»). В этой картине прочитывается библейский мотив возвращения блудного сына.

Дорога, олицетворяющая жизнь лирического героя, наполнена

страданиями, трудностями и горькими переживаниями. Но, несмотря на это, она дорога герою тем, что она уже начата и ее необходимо пройти до конца, с достоинством. В неповторимости и индивидуальности заключается ценность пути.

*Но туй мкдікк ог артыв пондктыны,
мед вклі южк, керке увтк, дадк
вылк мед пуксин, эн вермы сувтктыны,
и гажкна цутняліс мед тклокыс
пеллезын, и нем бы эн казав.
(Оланкін туй)*

*Но дорогу другую не думаю начать,
чтоб была ровная, под гору, на санки
чтоб сел, не смог остановиться,
и весело свистел чтоб ветерок
в ушах, и ничего чтоб не заметил.
(Дорога жизни)*

Лирический герой не теряет под ногами дорогу, твердо ее ощущает в силу того, что освещена она красотой дома. Посредством этой метафоры в поэтическом мире Л. Никитина родные места в контексте поисков героя приобретают функцию духовной, нравственной опоры, ценностных ориентиров. Таким образом, дорога в творчестве удмуртских, коми-зырянских и коми-пермяцких поэтов является составляющей соотношения дом – дорога – дом. Дорога домой в поэтическом мире удмуртского автора М. Федотова характеризуется как легкая, веселая. В лирике коми-зырянской поэтессы А. Ельцовой и коми-пермяцкого Л. Никитина она наполнена драматичными переживаниями. Дорога удмуртского поэта испытывает трансформацию «дорога в родную деревню – дорога в иной мир». В итоге она становится самой трагичной в рассмотренных нами поэтических системах.

Итак, теоретическая значимость исследования удмуртской, коми-зырянской и коми-пермяцкой литератур обусловлена актуальностью применения принципов типологического анализа на материале пермской литературной общности в новом контексте литератур народов Урала и Поволжья. Подходы, осуществленные в анализе удмуртской, коми-зырянской и коми-пермяцкой лирики, могут способствовать выбору верных направлений в дальнейшем исследовании особенностей национального мировидения в творчестве других авторов пермской литературной общности, а также изучению междисциплинарной общности Урало-Поволжья. Практическое значение исследования заключается в том, что основные его теоретические выводы, раскрывая общее и особенное в развитии лирики пермских народов во второй половине XX века, помогут дальнейшему изучению особенностей поэтического творчества каждого из рассмотренных поэтов. Результаты исследования, полученные на основе сравнительно-типологического анализа, могут найти применение в вузовском преподавании на лекционных и практических занятиях по истории удмуртской литературы, истории литератур народов России, истории литератур финно-угорских народов; при подготовке вузовских программ, учебников и учебно-методических пособий, а также школьных элективных курсов, способствующих формированию поликультурного мышления и финно-угорской идентичности учащихся.

Литература

1. Ильина Н.В. Бесермянский поэт М. Федотов и удмуртская мифология / Н.В. Ильина // История и культура финно-угорских народов: материалы междунар. студен. науч.-практ. конф. Ч. 2. Языкознание. Фольклор. Краеведение. – Глазов, 1998. – С. 51–53.
2. Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира / А.Ф. Кофман. – М.: Наследие, 1997. – 320 с.
3. Федоров Г.И. Своеобразие художественного мира чувашской прозы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.И. Федоров. – Казань, 1997. – 46 с.
4. Федотов М.И. «Син азям медлю инвис» / М.И. Федотов // Инвожо. – 1990. – № 1. – С. 40.
5. Шибанов В.Л. «Шедьтӓ, лэся, аслым бергум сэрег» / В.Л. Шибанов // Кенеш. – 1992. – № 4. – С. 56–58.

В.И. Демин,

*Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева,
г. Саранск*

ТАК НАЧИНАЛОСЬ (НОВЫЕ ИЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ ЗАРОЖДЕНИЯ МОРДОВСКОЙ ПЕЧАТИ И ЛИТЕРАТУРЫ)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 10-04-23401 а/В)*

Известно, что в художественном слове, как в сверхчувствительном барометре, отражаются малейшие изменения и колебания общественно-политической жизни. И наиболее весомым представляется его звучание в переломные моменты истории. Как и в судьбах других народов нашей страны, таким переломом в жизни мордвы явилась Октябрьская революция 1917 года. К этому времени из среды эрзи и мокши уже выросла группа писателей, способных создать намного больше, чем позволяли условия предыдущей эпохи. Привлеченные большевистскими лозунгами, в частности, о перспективах развития литературы и культуры в целом, они получили простор и возможность объединения сил, создания произведений на родном языке, которые должны были способствовать практическим целям и задачам революции, идеям строительства новой жизни.

В создании и популяризации литературно-художественного слова на эрзя и мокша языках важную роль сыграло начало издания национальных газет и журналов. В отличие от некоторых других народов мордвы пришлось создавать свою периодическую печать и литературу при дополнительных трудностях, связанных с тем, что к тому времени в силу различных

исторических обстоятельств она оказалась разбросанной по одиннадцати губерниям страны.

Долгое время считалось, что зарождение мордовской печати связано с газетой "Якстере теште" ("Красная звезда"), выходившей в Москве с 1921 года по 1931 год. Однако научные изыскания последних лет свидетельствуют, что это не совсем так. Утверждение исторической правды требует считать началом национальной печати газету "Чинь стямо" ("Восход солнца"), которая издавалась в Симбирске с 15 июля 1920 года по апрель 1921 года. Ее тираж составлял 2 - 5 тысяч экземпляров. Она бесплатно распространялась среди жителей Пензенской, Симбирской и Самарской губерний, а также в местах дислокации частей Красной Армии.

Обе эти газеты - "Чинь стямо" и "Якстере теште" - выходили на эрзянском языке. Кроме этого для удовлетворения потребностей эрзянского читателя в родном слове с 1921 года в Саратове издавалась газета "Якстере сокиця" ("Красный пахарь"), с 1926 г. в Новосибирске - "Од эрямо" ("Новая жизнь"), Кузнецке - "Якстере веле" ("Красное село") и т.д. С 1924 года свою газету стали иметь и мокшане: она выходила в Пензе и называлась "Од веле" ("Новое село"). В конце 1920-х гг. эрзянские и мокшанские читатели получили и первые номера своих журналов - "Валда ян" ("Светлый путь", ныне - "Мокша") и "Сятко" ("Искра"), что свидетельствовало также о росте и признании национальной литературы.

Вокруг газет и журналов спланивались корреспонденты из трудовых слоев мордовского народа. Из их среды и выходили первые мордовские литераторы, многие из которых стали впоследствии известными писателями. Среди них А. Бухарев, Н. Егоров, Ф. Завалишин, Ф. Бездольный, П. Глухов, Я. Григошин, Ф. Чесноков, А. Дуняшин, А. Куторкин, К. Петрова, М. Безбородов, Ф. Фролов, Б. Валда (Гуськов), В. Сафронов (Тюртяк), И. Прокин и другие. Они пробовали свои силы в самых различных жанрах и жанровых формах. Так, по подсчетам, только в газете "Якстере сокиця" ("Красный пахарь") за 1921-1926 гг. начинающими авторами было опубликовано 115 стихотворений, 20 рассказов, 11 фельетонов, 3 пьесы, 2 литературных перевода с русского на эрзянский язык. Всего же за первые десять лет (1920-1929) существования мордовской печати на страницах эрзянских и мокшанских газет и журналов увидели свет более 600 произведений национальных авторов. Они создавались с опорой на богатый опыт русской литературы, а также традиции устно-поэтического творчества родного народа.

При этом усвоение фольклорного материала происходило в разных формах и на разных уровнях. Большинство из этих произведений, конечно же, были далеки от художественного совершенства, они носили в основном агитационный характер, но в них было стремление отразить пробуждение национального, политического и духовного сознания широких народных

масс, звучал призыв к труду, просвещению, образованию, раскрепощению женщин. Лучшие из них свидетельствовали о растущем идейно-художественном уровне литературы, соответствовали потребностям и эстетическому вкусу времени.

Размышляя о путях становления мордовской литературы, большинство исследователей отмечают ведущую роль поэзии в этом процессе. Впрочем, в последнее время получила распространение и иная точка зрения, заключающаяся в том, что с первых шагов своего развития национальная проза и поэзия шли параллельным курсом, обогащая друг друга художественными средствами. Нам представляется, что речь должна идти, прежде всего, о количественном соотношении поэтических произведений в период зарождения мордовской литературы было намного больше. Это, думается, естественно, если обратиться к богатству поэтических традиций эрзян и мокшан (того вида художественного творчества, который был наиболее близок начинающим авторам и, что не менее важно, неискушенным в печатном слове и привычным песенно-стихотворным формам родного фольклора читателям). В своих стихах поэты выражали думы и чаяния трудового народа. Отвечая на запросы жизни, во многих своих произведениях они бичевали невежество, лицемерие, ханжество и пьянство, средствами сатиры и юмора боролись с предрассудками и суевериями, выступали против бюрократившихся советских служащих. Многие из этих произведений создавались по примеру стихотворных фельетонов и агитстихов В. Маяковского и Д. Бедного. В них преобладали такие особенности сатирической типизации, как гипербола, гротеск, шарж, утрирование отрицательных черт. При этом наметился следующий принцип изображения: с одной стороны, происходило развенчивание негативного явления, с другой - показывалось, что дает человеку вступление на путь новой жизни, освобождение от разных суеверий. Именно в таком ключе написаны стихотворения "Паз ды ломань" ("Бог и человек") Боризнь Феде (псевдоним), "Пазинь озныця" ("Богомолка") и "Тядо кеме" ("Не верьте") Фоки Бездольного, "Чачома велем" ("Родное село") неизвестного автора под псевдонимом М.Ф., "Баягасто - книгас" ("От колокола - к книге") Морьянь Мити (Дмитрия Морского), "Тол валдса" ("При свете огня") Романа Федькина, "Авась Советонь кочкамста" ("Женщина на выборах в Советы") и некоторые другие. В эти годы у мокшан и эрзян утвердилась своя письменность, через русский язык они приобщались к сокровищницам отечественной и зарубежной культуры. В то же время нередко наблюдались элементы проявления национального нигилизма, что, к сожалению, весьма часто встречается и сегодня. Одним из примеров высмеивания подобного явления является стихотворение "Эрзяк овсе а корты, рузок кортамо а машгы" ("По-эрзянски совсем не говорит, по-русски говорить не умеет", 1924)

неизвестного автора, выступившего под псевдонимом Сардо (Заноза). Его герой, стремясь показать свою образованность, вводит в свою речь такие слова, смысл которых и сам часто не понимает. Комический эффект в таком стихотворении является следствием нарочитого насыщения его русскими словами и выражениями, что приводит к контрастированию внутреннего языково-стилистического строя, столкновению слов различных языков. Так, в стихотворении "Пазонь помощникне тев теить" ("Божьи люди дело делают", 1922) другой неизвестный автор с большой художественной силой показывает сельский "пейзаж": на глазах прихожан пьяный дьяк ведет не менее пьяного попа. И люди от всей души потешаются над ними. Первые произведения поэтического сатирического творчества мордовской литературы нередко сопровождалась "острым гарниром" - прозаическим текстом, содержащим конкретный адрес и объект осмеяния. Они создавались по критическим заметкам сельских, которые приходили в адрес редакций. Эти произведения явились началом мордовского стихотворного фельетона.

Первые шаги были сделаны также в освоении жанров басни и поэмы. Особенно значительной представляется поэма Михаила Ильича Безбородова (1907-1935) ("Сказка-быль"), опубликованная в газете "Од веле" ("Новая деревня") в 1929 году. Она примечательна не только своей актуальностью. Широко используя народные средства художественного воплощения, а также распространенный в устной поэтике метод противопоставления картин и образов, метод контраста между светлым и темным, автор достигает глубокой проникновенности, душевности и естественности.

Не все обстоит здесь гладко. Ратуя за изображение новой жизни "новыми средствами", на деле некоторые поэты сводили свои новации к обычным формалистическим опытам, к игрословию, исключаящую глубокую поэтическую мысль. Многие грешили с ударением, часто нарушали размер стиха, произвольно меняли ударные и безударные слоги в одном и том же слове, встречающемся в разных строфах. Игнорирование закона единства глубокого идейного содержания и соответствующей художественной формы приводило к крикливости, схематизму и штампу. Часто произведения писались "лесенкой", порой они полностью состояли из подражательных элементов. И наоборот, выигрывали те произведения, в которых страстность публицистического стиха сочеталась с выразительностью лирически взволнованной народной песни. Характерными в этом плане являются поэтические творения "Вирь" ("Лес"), "Паксяти" ("К полю"), "Вирти" ("К лесу") Михаила Безбородова, "Вирьге" ("По лесу") Семена Врагова, "Эйкашпнэнь" ("Детям") Ильи Кривошеева (Морыця), "Пиже тумо ало" ("Под зеленым дубом") Артура Моро (Осипова), "Тундо" ("Весна") Якова Григошина, в которых живописуется родная природа, ее своеобразная красота, олицетворяющая приподнятое настроение радующихся жизни людей.

Наряду с усилением поисковых начал в поэзии шло активное становление малых жанровых форм прозы: рассказа, фельетона, очерка. Из многочисленного потока начинающих прозаиков выделялись Федор Чесноков, Петр Глухов, Андрей Куторкин, Алексей Кочетков (Мокшони), Федор Завалишин, Яков Григошин, Алексей Дорогойченко, Алексей Дуняшин, Иван Прокин. По утверждению известного мордовского литературоведа В.В. Горбунова, несмотря на объективные трудности, они "успешно осваивали традиции родного народа в создании национальной прозы и художественный опыт русской литературы. Общая художественная культура рассказчиков воспитывалась под воздействием А.П. Чехова и А.М. Горького. Бесспорно, что им были доступны рассказы и других русских писателей, но Чехов и Горький стали непосредственными наставниками" [1. С. 26].

Наиболее значительный вклад в освоение жанра рассказа внесли Петр Семенович Глухов (1897-1979) и Федор Маркелович Чесноков (1896-1938). Их произведения, явившиеся своеобразной художественной летописью жизни мордовского народа того периода, характеризуются лаконичностью, краткостью и чеканностью формы, мастерством психологического анализа, умелым использованием всех богатств родного языка. Все это было характерно и для творчества зачинателя жанра фельетона в мордовской прозе Алексея Васильевича Дуняшина (1904-1931). За пять лет (1925-1929) им было написано более 30 фельетонов, которые были опубликованы в газетах "Якстере теште" ("Красная звезда") и "Од эрямо" ("Новая жизнь"). Лучшие из них составили сборник ("Пиципалакст") ("Крапива"), вышедший в Москве в 1930 году на эрзянском языке и до сих пор не потерявший художественно-эстетической ценности, оставшийся образцом национальной фельетонистики. В нем писатель, хорошо знавший требования фельетонного жанра, с большим мастерством вскрывал комическую сущность негативного, вызывая правдивость, а следовательно, и действенность, необходимая для утверждения нового, позитивного.

Менялась не только сама действительность, но и сознание людей. И писатели спешили отразить всё это в своём творчестве, осваивая при этом все многообразие жанров и жанровых форм как в поэзии и прозе, так и в драматургии. Драматургия оказалась активной силой в политической и культурной жизни народа. Она начала свое развитие с одноактной агитационной и бытовой пьесы. Эти пьесы создавались под непосредственным воздействием обновляющейся действительности. Постановка национальных спектаклей была могучей пропагандой морально-этических норм, веками складывавшихся в представлении мордовского народа. Молодых мордовских драматургов влекло работать в самом сложном жанре литературы потому, что театрализованные представления были доступны всему населению независимо от его грамотности, к тому же драматургическая форма широко

бытовала в фольклоре и была любимой у народа. Первое печатное мордовское драматическое произведение "Буржуйсь и генеральсь" ("Буржуй и генерал") Федора Завалишина было опубликовано в 1920 году в газете "Чинь стямю" ("Восход солнца"). В диалоге между буржуем и генералом выявляется несостоятельность их социальной позиции, в юмористическом ключе осуждаются их злобствующие характеры.

В одноактных пьесах изображается героизм народа в годы гражданской войны, поднимаются темы, связанные со строительством новой жизни, с освобождением людей от религиозных суеверий и патриархального консерватизма в быту. Социально-бытовые вопросы отразились в пьесах "Якувонь полац" ("Жена Якова") Федора Завалишина, "Пееень лечиця" ("Знахарка") Боризэнь Феда (псевдоним) и других. В 1924 году в Московском издательстве выходит сборник пьес Федора Чеснокова (в соавторстве с Е. Окиным и Т. Васильевым) "Эрзянь пьесат" ("Эрзянские пьесы"), куда вошли следующие произведения: "Кавто киява" ("По двум дорогам"), "А мон кеденэ палцинь" ("А я руки ему целовал"), "Роки туво" ("Хрюкающая свинья"), "Велув" ("Совместно"), "Барщинань шкасто" ("Во время барщины"). Пьесы поднимали острые проблемы времени, в живых и ярких сценических образах раскрывали конфликты, которые волновали широкие массы населения. Несмотря на все имеющиеся недостатки, они явились серьезным шагом в создании оригинальной реалистической драматургии, способствовали приданию мордовской литературе черт подлинно художественного творчества.

Уже к 1930-м годам мордовские драматурги перешли от написания одноактных пьес к многоактным, свидетельством чему опять же является национальная печать. Но это уже тема другого разговора.

Литература

1. Горбунов В.В. Признание / В.В. Горбунов. - Саранск, 1984.

*Е.Р. Афанасьева, П.П. Михайлов,
Чувашский государственный университет,
г.Чебоксары*

СИСТЕМА ЦЕННОСТНЫХ КООРДИНАТ В МИРОВОСПРИЯТИИ А. ТАРАСОВА

Сегодня в эпоху расцвета масс- и поп-культуры, шоу-бизнеса особенно остро встает проблема сохранения и преемственности этнокультурных традиций. Ломка сложившихся систем культурных ценностей сопровождается поиском новых ориентиров существования человека. Проблема поиска точки опоры в историческом прошлом в литературе возникла не случайно, человек

не может существовать без веры, без идеи. Духовный вакуум, в котором наше общество существовало в течение прошедших десятилетий, породил насущную потребность выразить свою индивидуальность. Перед многими нациями встала проблема определения идентичности, позиционирования себя как нечто отличающегося от всех, но в то же время и причастного к чему-то большому, ценному, идеальному. Не случайно на рубеже веков в мире отчетливо проявился интерес к возрождению этнической истории, традициям, языку, особенностям культуры и быта.

В то время как для западного общества абсолютной ценностью стала проблема *выживания* (именно так сформулировал британец А. Радклиф-Браун европейские ценности), а некоторые предлагали вовсе отказаться от предпочтительности той или иной ценностной позиции (постмодернизм), для российского общества за все время его существования *духовность* никогда не теряла своей актуальности. Не случайно английский культуролог и философ А. Тойнби еще в начале прошлого века с надеждой смотрел на Россию как на модель духовного обновления Запада и мира в целом (сходные идеи мы встречаем у Н. Бердяева и П. Сорокина).

Как отмечает профессор Г.П. Вьжлецов, «культура есть практическая реализация общечеловеческих и духовных ценностей в людских делах и отношениях» [1]. Поскольку художественная литература и фольклор являются проявлением нормативной функции культуры в обществе, мы, филологи, можем говорить о проявлениях ценностных ощущений на их примере. Факты, явления, события, произошедшие в обществе, осознаются через призму отношения человека к миру, его гуманистических представлений, нравственных и этических норм. Исследователи подразумевают под ценностью то, без чего человек не мыслит полноценной жизни, что свято для конкретного человека. В последнее время в литературе особенно остро проявился мотив отчего дома или концепт древа жизни в значении связи поколений. В драматической повести современного чувашского писателя А. Тарасова «Мелодия дикой яблони» люди срубили дерево (ама йывăç), связующую нить между прошлым и будущим, и природа «а-а-х-х-нула» от ужасающего поступка неразумного общества, «природа задыхалась звериными звуками». Флейгиста, играющего реквием по прошлой жизни, народ пытается отовсюду прогнать. Ему подавай зрелища и развлечения: слушать реквием – не современно! Герой повести «Последняя ночь в проданном доме», проведя последнюю ночь в отчем доме, встречается со своим детством, в один момент перед ним оживают все картины детства. Композиционно повесть выстроена как параллельное течение двух временных пластов – детства и зрелости. Зрелый Степан встречается с маленьким Сўппи, беседует с ним, вспоминает детские мечты и стремления и понимает, что ни одну свою мечту он не

исполнил. Таким образом он понимает, как навсегда теряет связь со своим прошлым, а значит, теряет самого себя.

Такую же связь олицетворяет в современной литературе образ сверчка, представленный во многих национальных литературах Поволжья. В рассказе А. Тарасова «Сверчок» главный герой Мидюк, прислушиваясь к пению сверчка, думает о том, что эту песню слушали и его отец, и, возможно, его дед и прадед, думает о преемственности поколений. И как же он, пожилой человек, раздавив сверчка, прервал его песню, получается – прервал преемственность поколений. Мидюк, ужасаясь своего поступка, пытается исправить, стремглав бросается искать по деревенским дворам сверчка. «А как же я без сверчка, – отвечает ему соседка-старушка, – у него же душа есть, как я без живой души, приходи после моей смерти». Другие сдали сверчка в красный угол как музейный экспонат. Мидюк вглядывается в грустные глаза экспоната-сверчка: «О чем он думал, когда его нанизывали на нитку?» В глазах мертвого сверчка Мидюк видит всю трагическую грусть исчезающей национальной культуры. Молодые люди только посмеиваются над Мидюком. Им же невдомек, что кроме сверчка у Мидюка никакой живой души в доме не было. Выдающийся ученый Р. Сперри однажды сказал, что «борьба за спасение планеты становится, в конечном итоге, борьбой за ценности более высокого порядка». И ностальгия сегодняшних писателей по так стремительно исчезающим из нашей реальности сверчкам, по грустно-протяжному их пению, отголоскам детства, исчезающим традициям есть не что иное как стремление приостановить убыстряющийся темп девальвации ценностей в пространстве «внутренней» культуры современного общества.

Литература

1. Вьжлецов Г.П. Аксиология культуры / Г.П. Вьжлецов. – СПб.: Издво СПбГУ, 1996.

Ю.Г. Антонов,

*Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева,
г. Саранск*

МОРДОВСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ 1920 – 1930-Х ГГ. НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект 10-04-23401 аВ)*

Первые газеты на родном языке сыграли ведущую роль в судьбе молодой мордовской литературы. Периодическую печать можно считать опорой национальной письменной литературы. Она сплачивала вокруг себя молодые творческие силы из числа талантливых корреспондентов. В редакциях первых национальных газет сложилась атмосфера творческих исканий. Начинающие поэты, прозаики, драматурги получали консультации, советы. Газеты на своих

страницах публиковали не только литературные произведения, но и рецензии, проводили конкурсы на лучшее стихотворение, рассказ, пьесу. В изданиях стали появляться литературные подборки, а затем и целые страницы. Почти все мордовские писатели, начавшие свое творчество в 1920 – 1930-е годы прошли школу национальной журналистики в качестве корреспондентов, литературных сотрудников, редакторов. На страницах газет не только формировалось мировоззрение первых мордовских литераторов, но и складывались специфические особенности их мастерства – умение остро и лаконично выражать важные социальные мысли и идеи.

В ноябре 1920 года в газете «Чинь стямю» («Восход солнца»), издаваемой в Симбирске, была опубликована одноактная пьеса «Буржуйсь и генеральсь» («Буржуй и генерал»). Это было первое произведение на родном языке, положившее начало мордовской драматургии. Действительность вызывала небывалый подъем, энтузиазм и огромную тягу к творческому самовыражению. Первым драматургам, вышедшим из бедных слоев народа, хотелось выразить мечты и надежды простого человека, который мечтал о хорошей жизни. В этой пьесе, как и во многих других, которые стали регулярно появляться на страницах газет, автор разрабатывал злободневные вопросы, поставленные самой жизнью. В подобного рода пьесах центральное место занимал человек, который вел борьбу за переустройство жизни и утверждал новые, доселе неизвестные формы общественных отношений. Такие произведения живо реагировали на происходящие события и пользовались большой популярностью у читателей и самодеятельных творческих коллективов, которые ставили по ним театральные представления.

В большинстве одноактных пьес поднимались проблемы, связанные с гражданской войной и новыми преобразованиями, происходящими во всех сферах жизни человека. Дальнейшему росту мордовской литературы в целом и драматургии в частности содействовало издание ежемесячных общественно-политических и литературно-художественных журналов. В 1927 году при газете «Од веле» («Новая деревня») начинает выходить литературное, общественно-политическое и сельскохозяйственное приложение «Валда ян» («Светлый путь»), которое через год стало самостоятельным журналом на мокшанском языке. С января 1929 года в Самаре стал издаваться журнал «Сятко» («Искра») на эрзянском языке. Эти два издания играли и играют сегодня большую роль в развитии мордовской литературы.

Много драматических произведений на страницах журнала «Сятко» печатала К.С. Петрова, которая была среди тех, кто закладывал фундамент мордовской литературы и искусства. Пьесы К. Петровой сыграли огромную роль в политическом и идейно-эстетическом воспитании населения. Проблематика ее произведений 20 - 30-х годов XX столетия во многом перекликалась с поэзией и прозой этих лет. Революция 1917

года, гражданская война, классовая борьба, восстановление разрушенного хозяйства, коллективизация, преодоление старых обычаев в сознании людей, освобождение ранее забитого народа от религиозных суеверий, патриархального консерватизма в быту — вот основные темы ее драматургического творчества.

Из агитационных пьес наибольшую, художественную ценность представляет «1921-й год», рассказывающая о трудностях строительства новой жизни в Поволжье, разрухе, голоде. В 1933 году в журнале «Сятко» была напечатана драма «Кода сынь глушась» («Как они глушили»), посвященная участию мордовского населения в революции 1905—1907 годов. Именно с нее начался новый период ее творчества, характеризующийся интересом к большим социальным проблемам.

Перед драматургом стояла задача художественно воссоздать важнейший период формирования нового самосознания мордовского народа. Драматургический конфликт пьесы строится на столкновении беднейших слоев мордовского крестьянства с представителями класса помещиков и духовенства. Уже в первом действии автор вводит нас в ту удручающую историческую обстановку, когда трудовой народ терпел огромные лишения. Особенно невыносимой жизнь была в семьях, где преобладали женщины, так как земельные наделы получали только мужчины. Лишенные права слова, нещадно эксплуатируемые помещиком, попом крестьяне, казалось, потеряли всякую надежду на избавление от беспросветной нужды. Но постепенно и в это глухое мордовское село стали доходить свободолюбивые идеи, носителями которых были люди из среды рабочего класса, крестьяне-отходники, работавшие в городе. Проводником этих идей в народ становится учительница, сплотившая вокруг себя актив из наиболее сознательной части крестьянства.

Трудовой народ стал ожидать перемен к лучшему:

«Митя. Кое-откуда стали доходить добрые вести.

Стена. О чем?

Митя. Скоро барские земли будут делить между нами.

О л д а. Неправда.

Митя. Разделят.

Стена. Когда?

Митя. Скоро. Есть уже письмо насчет этого.

Стена. Откуда ты знаешь?

Митя. Со станции человек приходил. Листовки распространял. Кое с кем поговорил».

Многие годы унижительного положения, экономического ограбления и духовного закабаления не сломили сильного характера этих людей. Драматургу удалось запечатлеть главное в их характере -

работоспособность, удивительную цепкость за жизнь. В 1905 г., в разгар революционного движения, беднейшие слои мордовского населения активно включились в эту борьбу. Запыхали помещичьи имения, но в большинстве случаев это движение было стихийным, крестьяне верили еще в царя и думали, что мирным путем, уговорами можно отобрать землю у помещиков.

В сюжетную основу другой драмы «Кизэнь ве» («Летняя ночь»), также опубликованной на страницах «Сятко» положены события гражданской войны в Самарской губернии, где происходил чехословацкий мятеж против молодой Советской Республики.

Сюжет пьесы строится на конкретных фактах. В свое бывшее имение возвращается с карательным отрядом помещик Каштанов для того, чтобы собрать и увезти спрятанное богатство, а заодно провести массовую мобилизацию крестьян в белую армию. Население встречает его враждебно. Многие ушли в леса и организовали сопротивление. Только незначительная часть поддается обману помещика, да и то ненадолго.

Самые ярые враги молодой Республики стали осознавать свою обреченность, хотя и продолжали сохранять надежду на возврат прошлого. Крестьяне идут за новой властью, хотя знают, что придется нелегко, у них мало оружия, боеприпасов, еды, одежды. Но их сила в справедливой борьбе. В пьесе выведены образы простых мордовских тружеников: шестидесятилетнего кузнеца старика Петра и бабушки Анны, познавших за свою жизнь все тяготы самодержавного строя.

К. Петрова в пьесе «Летняя ночь» создает образ организатора народных масс. Костя – выходец из бедной мордовской семьи. Он участник первой мировой войны, вернувшись домой, становится активным строителем новой жизни. Когда в село вступили белые, агитирует крестьян уйти в лес и организует партизанский отряд. В развитии драматургического конфликта образ Кости появляется эпизодически, но всегда чувствуется его активное воздействие на ход событий. Своеобразие пьесы состоит в том, что в ней как целостный образ выступает народ. Драматург часто обращается к массовым сценам: отдых сельской молодежи, обед отряда в лесу, подготовка к бою, суд над попом. Все это способствует лучшему раскрытию и выявлению общей идеи пьесы.

Драма «Летняя ночь» насыщена событиями, но она не создает впечатления их искусственного нагромождения. В ней все эпизоды связаны внутренне. В пьесе обилие действующих лиц, что не дает драматургу возможности сосредоточиться на всестороннем раскрытии характеров. Но драматическое действие развивается динамично, и, в конечном счете, создается целостная картина о народном характере борьбы за новую власть.

Несмотря на остро намеченный конфликт, на актуальность проблематики, на пьесе лежит печать незавершенности, что проявляется в показе событий, происходящих в годы гражданской войны. Острые социальные конфликты, психологически углубленные характеры, актуальность тематики придают пьесам К. Петровой ту силу, которая заставляет возвращаться к ним и задумываться о тех событиях, которые коренным образом повлияли на ход истории.

Периодическая печать 1920 – 1930-х годов сыграла главенствующую роль в становлении и развитии мордовской литературы в целом. На ее страницах прошли апробацию многие и многие произведения, ставшие впоследствии классикой национальной литературы. Вклад национальной печати в развитие литературного процесса и сегодня еще до конца не оценен. В этом направлении предстоит большая и кропотливая работа, которая даст объективную оценку данной проблеме.

Е.Ю. Иванова,

*Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА ОБРАЗА ДЕРЕВА В ПОЭЗИИ А. ВОРОБЬЕВА

Образ дерева в чувашской художественной словесности – яркий национально-культурный символ. Он восходит к мифологической первосущности – Мировому Древу, воплощающему фундаментальные представления об устройстве мира. Этот многозначный древнейший символ жизни и развития известен практически всем народам, но, следует отметить, что чувашаи всегда проявляли к нему особое отношение, начиная с различных религиозных ритуалов в прошлом и заканчивая изображением Древа Жизни (Ама йльвӑс) на государственном флаге ЧР.

Ещё в древние времена ощущение себя осью Бытия порождало у человека мысли о собственном тождестве с деревом. Не случайно в фольклорных песнях чувашей мы обнаруживаем такие соответствия: дуб – отец («Уй варринче лаштра юман, пирён атте мар-ши сав?») / «Посреди поля развесистый дуб, не батюшка ли это наш?»), липа – мать («Уй варринче лаштра сӑка, пирён анне мар-ши сав?») / «Посреди поля развесистая липа, не матушка ли это наша?»). Уместными для младшего поколения, как утверждают исследователи чувашской фольклорной поэтики, народ считал орешник, ветлу, рябину и черемуху. Представителей чужого рода обычно обозначали через вяз, березу, ель [1. С. 137].

В поэтической системе отдельных художников, в частности, А. Воробьева образа дерева занимает значительное место. В данной статье раскрываются многообразие смысловых значений данного символа, его связи с художественной концепцией мира автора. В произведениях А. Воробьева встречаются разные виды дерева: ветла, дуб, яблоня, черемуха, сосна, береза, липа, рябина и другие. Как и для народной словесности, для него характерно уподобление человека и дерева. Например, дуб и сосну поэт так же воспринимает как деревья, олицетворяющих мужское начало. В дубе он видит отца: «Юман, атте пек, саламтарё Сар сухалне шӑлкаласа» / «Дуб, словно отец, поприветствовал, Поглаживая светлую бороду»; «Кибенек»). Стройные сосны, которые «высоко подняли солнце» и «кричат во все горло» напоминают лирическому герою дружных парней, вышедших весенним днем забивать сваи. В стихотворении «В основном бору» та же сосна «роскошная», «близким другом кажется» ему.

Образ женщины у лирического героя ассоциируется с такими деревьями, как ветла, яблоня, черемуха, рябина. Любимую женщину он представляет цветущим и плодоносящим деревом: «Сана чӑнетӑп эп, плешӑм» / «Зову тебя: моя рябинка» («Строки о любви»); «Асрах-ске улмуҫси-савни» / «Помню яблоню-невесту» («Яблоня»); «Тӑрать хӑр йӑвӑҫ тӑлӑнче. Сӑн улмуҫси сӑкленчӑ, туршӑн, тесе эс калӑн тӑлӑнсе» / «Стоит девушка около дерева. Ты скажешь с удивлением, ей богу, выросла новая яблоня» («Анис»). Ветла вызывает в нём особое уважение и любовь. Каждый раз она предстает перед лирическим героем в разных обликах: «Хӑр кӑтнӑ пек хӑй йӑкӑтне, Хумханӑ май, Йӑмра сисмесӑр Шыва укернӑ сивӑтне...» / «Как девушка, ждущая милого, Ветла от волнения нечаянно В речку уронила косу...» («Ветла»). А одинокая ветла на кладбище получила невольное отождествление с покойной матерью («Кибенек»). Если в народных песнях символами родителей выступают дуб (отец) и липа (мать), то место последней в поэзии А. Воробьева достойно заняла ветла. Практически нет ни одного чувашского поэта, который не упомянул бы ветлу в своих стихотворениях. А. Воробьев же посвятил ей целую поэму с одноименным названием.

Образы дуба и ветлы связаны с тематикой родного народа. В поэме «Ветла» это ветвистое дерево с глубокими корнями выступает символом чувашей («Кашнин пур чи хакли чӑрешӑн, Чӑвашӑн йӑвӑҫӑ – йӑмра» / «Кому что сердцу дорого, А чувашу – ветла»), их истории, которую нельзя отвергнуть («Йӑмра тьмарӑ сирӑн, тарӑн, Чӑваш авалтайхӑ пекех» / «Корни ветлы глубоки и крепки, Как история чуваш»), плодovitости народа.

Образ дуба передает восхищение лирического героя физической мощью и крепостью характера чувашей:

Кур, ларать вӑрман ташпи – юман.   Посмотри, стоит лесной царь – дуб.
Чӑвашла чӑп лартиӑ сӑлкне.   По-чувашски он надвинул шапку.
Силе хирӑс сывласа ярсан   Как только он выдохнет воздух против ветра,

Туй вара сак улӑп тӑрекне!
«Сакӑршар йӑркен»

Ты ощутишь мощь этого великана.
«Восьмистишия»

В качестве символа народа встречался дуб и в поэзии П. Хузангая. Отмечая у этого дерева способность стойко преодолевать столетия, переживать человеческую жизнь, поэт дает нам знать о своей вере в долговечность родного народа («Здравствуй, Пушкин!»). Лирический герой А. Воробьева в дубе прежде всего ценит мощные корни, глубоко ушедшие в землю, и обилие желудей. Таким плодотворным и глубоко проникнутым в народные традиции видит он творчество чувашского поэта Я. Ухсяя («Дуб Ухсяя»). Надо отметить, что сравнения поэзии с деревом встречаются в стихотворениях и других поэтов. Например, у С. Шавли («Дуб Шевченко») и Я. Ухсяя («Лес Иванова»). Как Мировое Дерево, выступает центром мира, так и поэзия мыслится поэтом средоточием всей его жизни. Интересно то, что прилив творческого вдохновения А. Воробьев выражает в образе птицы (небесного существа, наиболее приближенного, по поверьям чувашей, к Богу), опускающейся на «березу стихотворения» («Сӑвӑ хурӑнӑ сине Пӑрр вӑҫсе анать сар кайӑк» / «На березу стихотворения Опускается птица»; «Как только ты придешь...»).

В силу насыщенности образа дерева у А. Воробьева философской идеей о бесконечности материи, он становится символом вечности и преемственности человеческих поколений: «Хӑрни – укет. Юрамӑ унсӑр. Сӑнни килет ун вьрӑнне» / «Засохшее дерево падает. Это не избежно. На его место придет другое» («Поцелуев лог»); «Вӑрман пӑтмест юман укнишӑн Хунав юлать ун вьрӑнне» / «Дуб падает – росток остается, Не пропадет лес от этого» («Кибенек»); «Пӑр йӑвӑҫ хӑйӑн вьрӑнне Хӑварнӑ хурӑн вӑрманне» / «За собою деревце одно Роцицу оставило березовую» («В Чебоксарах»).

Запоминающаяся деталь в поэзии А. Воробьева – это образ обнявшихся деревьев – символ родства, дружбы и стойкости: «Йӑвӑҫсем усеҫҫӑ ыгалашӑн. – Пӑр кӑкран ӑрченӑ тус-таван» / «Растут деревья, обнялись, словно родственники» («Обнявшиеся деревья»). Стремление к единству, почитание родственных связей – этими ментальными чертами чувашского народа обладает и лирический герой А. Воробьева. Он убежден в том, что беда может сломить одинокого человека, но не сплоченный коллектив: «Турат путмарӑ пултӑр йӑвӑ. Пӑччен пуҫпа тилсе хӑран» / «Пусть будет лес погуце, В одиночестве засохнуть можно» («Строки о любви»). Рубящийся лес напоминает поэту-фронтовику редущее войско в бою («Пила»).

Важное место занимает мифологический мотив противостояния дерева разбушевавшейся стихии (ветру, ливню, урагану). В лиро-эпической миниатюре «Черемуха», например, рассказывается о том, как сильный ливневый ветер, внезапно появившийся одним ранним утром, сломал цветущую черемуху: «спалил ее платок зеленый» и «в пепел превратил косу». Лишь спустя много лет поэт с чувством восторга обнаруживает возрождение

погубленной черемухи, которая дала росток от основания и распустила белые цветы. Произведение построено на символично-аллегорическом иносказании, где под бурей подразумевается Великая Отечественная война, начавшаяся утром 22 июня 1941 года. Черемуха олицетворяет юную девушку, чья молодость была потеряна, а судьба – изуродована. Автор посвятил данное произведение чувашским девушкам, участвовавшим в войне. Цветение черемухи, конечно же, ассоциируется с молодостью и любовью. Цветы – это выражение красоты и одновременно уязвимости и краткосрочности, которые, по мнению автора, присущи любви и молодости.

Неоднократно встречается образ цветущего дерева, перед которым возникает угроза уничтожения заморозками («Яблоня», «Черемуховый холод», «Липа» и др.). Причины возникновения данного мотива также можно свести к автобиографическим фактам жизни А. Воробьева. В своё время несправедливый тюремный приговор разрушил семью поэта. Горечь, вызванная этим несчастьем, выражена в стихотворении «Яблоня». Недолговечная любовь передана в образе яблони, белое одеяние которой «спалило пламя утренних заморозков». Но дерево сумело дать плоды. И лишь этим приходится утешать себя лирическому герою, так как «накидки белой время и плетения новой косы из листвы» ушло безвозвратно.

Аналогичное природное явление описывается в стихотворении «Черемуховый холод».

<i>Сил шăхăрчĕ вичкĕн пĕр си, Пăр сунă лек сурĕ сĕске Чĕррет самăрак сĕмĕрт пу-си, Кĕпи хывăнса укрь-ске.</i>	<i>Ветер резко подул, Градом посыпались цветы. Дрожит молодой стан черемухи, Платице слетело.</i>
---	---

Лирический герой, ставший свидетелем этой картины, переводит её в область человеческих чувств: «Савниçĕм, ачаш туйăма Тивминчĕ шур сĕмĕрт сивви» / «Милая, чувство уязвимое Как бы не прихватило морозом». Следует заметить, что образ черемухи часто проникает в любовную лирику чувашских поэтов, утверждаясь тем самым в качестве символа любви. К примеру, лирика П. Якузень («Весенний вечер», «Кисть счастья»).

<i>Халь тарийĕ ĕпĕ ман туртис карийĕм, Мана та сĕмĕрт хий титте чĕнет. <...> Пуçа савраль сĕске шĕршиллĕ сывăшш Тайран ярать пĕр сивĕч хĕрача. «Сурхи каç»</i>	<i>Утпыл мой корблик из цветки, Нынче черемуха манит к себе. <...> Кружат голову черемуховый воздух, Мутит разум девчонка озёрная. «Весенний вечер»</i>
--	---

По этому поводу интересны и наблюдения исследователя И.В. Софроновой. В ходе сопоставления художественных образов разных культур, она отмечает, что если в произведениях китайской поэтессы Ли Цинь-Чжао возлюбленный находит воплощение в образе хризантемы, то у чувашского поэта Г. Юмарта любимую лирического героя олицетворяет ветка черемухи [2. С. 16]. Свою трудную судьбу А. Воробьев сравнил с липой, которая зацветает летом позже

всех деревьев: «Сăка пекех ман сикчĕллĕ шăлаçăм Су варринче тин сурчĕ сар чечек» / «Судьба моя нелегкая, как липа, Лишь в середине лета расцвела» («Липа»). Он не теряет надежды самореализоваться («Тĕшше лармашкăн вăхăт пур-ха пирĕн, Вăрри кăна пулинчĕ тутăрах» / «Поспеть у нас еще есть время, только ядрышко было бы вкуснее»).

Через образ дерева лирический герой А. Воробьева раскрывает читателю свое душевное состояние. В стихотворении «Как только ты придешь...» он, оживленный теплом и светом, излучаемыми его любимой женщиной, чувствует, что вот-вот «Кăмăлăм лалка кăларĕ, Сулçă хушĕ чун-хавал» / «настроения почки распустятся» и «листочек прибавит внутренняя сила». Осознание собственной земной миссии побуждает поэта сравнивать себя с плодоносящим деревом.

<i>Эп хама улмасăр йывăç темĕл, Çапах та сук сăлтаваĕм килемне. Чун кĕтĕ сĕмĕс пиреймен, пĕлетĕл, Çырман-ха хамăн тĕп кĕнекеме. «Тĕп кĕнеке»</i>	<i>Не скажу, что я яблоня бесплодная, И все эсирчин довольствоваться нет. Не созрел еще плод долгожданный, Не написана мною главная книга. «Главная книга»</i>
--	--

Ассоциативную связь человека и дерева в творчестве А. Воробьева нельзя рассматривать лишь на уровне влияния фольклора, в ней находит воплощение художественная концепция личности, авторский идеал человека. Подобно Мировому дереву, соединяющему три яруса Вселенной (верхний, средний и нижний миры), человек, прежде всего поэт, выступает связующим звеном трех времен – прошлого, настоящего и будущего. Присущие дереву качества являются для А. Воробьева личностными критериями оценки человека. Это – способность человека свято хранить память о прошлом (корни), выстоять и не сломиться от ударов судьбы (ствол), а также потребность в постоянном росте (ветви) и стремлении к совершенству – солнцу. («Кашла та ус. Курса пĕлесшĕн. Шав тапашлан хĕвел патне» / «Расти, увидь, познай. Всегда стремись к солнцу»; «Строки о любви»).

Художественная семантика одушевления дерева как связующего элемента миров напрямую связана с категорией совести поэта, его стремлением к памяти. В особенности это проявилось в поэме А. Воробьева «Кибенек». Голос предков – т. е. голос совести поэта – звучит из уст березы на кладбище: «Кун курнă чух – сыгла эс пураĕн. Вилсесĕн. – юлтăр ыра ят! / «Пока живешь – живи как люди. После смерти чтоб осталось доброе имя!». Без сомнения, благодаря А. Воробьеву образ дерева в чувашской литературе стал значительно шире, глубже и многограннее. Фольклорные традиции поэт пересилил и художественно обогатил своим творчеством.

Литература

1. Культура Чувапского края. Ч. 1: Учеб. пособие /сост. М.И. Скворцов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. – 350 с.

2. Софронова И.В. Традиции восточной поэзии в чувашской лирике 20-90-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Софронова. – Чебоксары, 2004. – 22 с.

*О.Г. Владимирова,
Чăваш патшалăх университетĕ,
Шупашкар хули*

ЧĂВАШ ЛИТЕРАТУРИНЧИ ФИЛОСОФИЛĔ ШУХĂШЛАВ АТАЛАНĂВĔН ХĂШ-ПĔР ПАЛĂРĂМĔСЕМ

Чăваш культуришĕн философилĕх мĕн ĕмĕртен хай сĕткенне сухатман ана пулланă. Уйрăм сыннан кун-çулĕ, пайи пирки XIX ĕмĕрĕн пĕрремĕш сурринчех шухăша укнĕ. Каярах çак ыйтăва чăваш литературин классикĕсем çĕре сĕмне хурса ĕсленĕ. Чăн философилĕ литература XX ĕмĕрĕн иккĕмĕш сурринче татах та вай илет. Шухăша чун-чĕре вучахĕнче шăратса каларакан философилĕ хайлавсем калăшлакансем юлашки çулсенче те чылай.

XIX ĕмĕрĕн пĕрремĕш сурринчи чăваш литературин философилĕ туртăмне тĕпчевĕсем Хвети пултарулахĕпе сыхăнгараçĕ [1. 10 с.]. Унан пултарулахĕ авторан философилĕ шухăшлавĕ пуррипе сулăмлă. Ун пирки В.Г. Родионов тĕпчевĕ сапла палăртнă: «Хвети юрри-такмакĕ халăх сăмахлахĕн текĕсенчен вĕсенчи авторан харкам аһе пуррипе уйрăлса тăраçĕ [1. 151 с.]. Халăхăмăран таран шухăшне, ĕмĕрсерен кивелмен аһлавĕсене вăл куллен-кунхи пулăсемпе сăнлат, вулканан чĕри сĕмне ситерет.

Хвети пултарулахĕнче сăнарланă чăваш ас-хакалĕ, философийĕ сăвăç хыçсанхи сыравăсен аравĕнче те тымар ямасăр пултарайман. Аһа эпир М.Ф. Федоров, К.В. Иванов, Ф.П. Павлов т.ыг.те хайлавĕсенче усăнах асăрхатпăр. В.Г. Родионов тĕпчевĕ палăртнă тăрăх, XIX ĕмĕрĕн иккĕмĕш сурринче чăваш аһенче вĕренĕ идеи пуç пулса тăрат, вăл официалă шкулсемпе чиркĕсене мала лартма пуçлат. Вĕсен малтанхи тĕнĕпе пурăнакансем пурнăсран юлнă, тĕшмĕшлĕ сынсем пек кураһаçĕ. Çак улшăну чи малтан йăла-йĕркепе ĕненĕре пулса иртег. Аһ тата тĕнче туйăм пайĕнче чăваш малтанхи пекех юлат. Унан пиншер сул сирĕшленĕ философийĕ (этикпе эстетика, социальтура йĕркисем) сынна мĕн суралса вилчченех вай парат, мĕнле пурăнмаллине вĕрентет [1. 347 с.].

М.Ф. Федорован 1884 çулта сырнă «Арсури» поэминче те аһаннă тапхăрти чăваш халăхĕн аһете традициле философийĕ анлан укĕрĕннĕ. Унта сăмахлахри тĕрлĕ темăсемпе мотивсем тĕл пулаçĕ. Поэмари *Ырă вилĕм* мотивĕпе тĕлĕнрех паллашар. Хайлавра Энри старик çулта вилнĕ, йлпă вилĕмне тивĕснĕшĕн арсури пулса тăнă. Хĕветĕр вара ырă вилĕмпех вилеспĕн, хайне авалхи сынсен йăлипе тирпейлесе

парттараспăн. Лирика харкамси хай вилнĕ хыçсан аһемĕпе ачи-пăчи тăлаха юлса аһа-терг кураци пирки шухăша каят. Кунта Хĕветĕр вилĕмрен те ыглах пуласинчен шикленни-сехĕрленни кураһат. Ырă вилĕмлин ячĕ юлĕ, ачи-пăчи сĕне куçĕ. Сарăмсăр вилĕм вара ылкан вьрăнĕнчех, вăл ачи-пăчине те хĕн кăтарĕ. Çак шухăшра чăваш паянхи куншăн кăна мар, хай вилнĕ хыçсанхи пурнăс пирки те пуçне вагине асăрхама пулат. Апла пулсан, чăвашан ырă ятне ырă вилĕм тăват. Çак философи тарăншлă шухăш паянхи саманшăн та тĕпре пулмалла.

Пурнăс философине сăнлакан хайлавсем тăван литературăра сахал мар. Чăваш пурнăсĕн тĕп енесене, чăваш тĕнчине анлан сăнлакан, халăх чунне усă паракан К.В. Иванован «Нарспи» поэминде аһанмасăр иртеймĕн. Хайлавра нумай енлĕ, нумай сийлĕ, анла аһлавсем чылай: çут санталак, çут тĕнче, түпепе çĕр, иртнипе хальхи, малашлăх, вăхăт... Мĕнле мелсемпе чун туртăмĕллĕн аһкарса илмелле-ха çак мĕн пур пуяшлăха, нумай саслăха? Г.И. Федоров тĕпчевĕ палăртнă тăрăх, «чăвашан аһ екки, вĕсен кун-сул хакалĕ, чун аһлайĕ ыглах *çавра, тавра* сăнарсенче үтленет» [2. 9 с.]. Ку вăхăтра (XX ĕмĕр пуçламăшĕнче) пирĕн сăмахлах халăх никĕсенчен уйрăлса сьрулăха тарăннан кĕрсе кайма ĕлкĕреймен. «Сьрулăхĕ малтанхи тапхăрта ют, христиан тĕллевĕсемшĕн йăлана кĕртнĕ пулăм пек ĕсленĕ, каярах тин чăвашсен чăн халăхла аһ килтипе сыхана пуçланă. Илемлĕ литература вара, нацин этемлĕ аһ мифсенчен, юмах-халапран, юрă-сăваран, ваттисем каланинчен, кулленхи чĕлхерен пăтса паркаланин, ялан çав хунавсене кăмăшларах панă» [2. 10 с.].

XX ĕмĕрĕн иккĕмĕш сурринчи тăван литература аталанăвĕнчи философилĕ стиле тĕпчевĕсем ыглах Ю. Скворцов ячĕпе сыхăнгараçĕ. Çут санталак пурнăсĕне сăнаса писатель наци пайи пирки шухăша каят, этемре нимрен малта вăл чăваш пулнине асăрхат. Кун палисем ун калавĕ-повеçĕсенче халăхăн эстетика шухăшлавĕ пек йĕркеленсе пыраçĕ. Тăрна крикетни, карăш авăтни, пур кут кашкарни, улма йывăçси сĕмĕсĕр ларни, хурăн тунсаха путни – çакă пурĕ пĕрле чăвашсен мифла шухăшлавĕ, хайле тĕнче кураһĕ пулнине яр усăн кăтартат.

Чăваш литературинче вăхăт тата этем пайине аһланма тăрăшни XX ĕмĕрĕн юлашки вунăçулăхĕнче, сĕнĕ ĕмĕр пуçламăшĕнче те усăмлă палăрчĕ. Çак вăхăтри сыравăсене (Н. Исмуков, Энтип Ваçси, П. Эйзин, М. Карягина, Елен Нарпи, Н. Ильина т.ыг.те) чи малтан ĕмĕрхи вай, сын чунĕн тасалăхĕ тата халăх историйĕн пăрнăсĕсем кăсăклантараçĕ. Паллах, сълерех аһаннă пур сăмах аһтисен пултарулахне те пĕр тĕпчевре тишкерсе тухайман. Вĕсен пыравăсене тĕпчесе сумлă ĕссем кăлараси вăл пирĕн малашлахри тивĕс пулмалла. Халĕ вара Н. Исмуковпа Н. Ильина хайлавĕсенчи философи тарăмĕн хăш-пĕр уйрăмлăхĕсене кĕскен тимлер.

Философилĕ шухăшлав тарăнлăхне кăтартас тĕлĕвпе Н. Исмуков ыглах чухне тăватă йĕркелĕ саврамсемпе сьрат. Аһа кулленхи философилĕ пысăк проблемăсем канăс памаçĕ. Тĕнче тата çут санталак,

çĕр тата тăван ен, пурнăçпа вилĕм, ырапа усал, улгавпа çĕнлĕх, хурапа пурă, ухмакпа асчах, кăмăл-сипет т.ыт.т.е. Çак ăнлавсене эпир йăлтах поэтан саввисенчен илнĕ. Вĕсен пĕлтерĕшĕсем хайне евĕрлĕ, çенĕлге янăраççĕ:

Епле ан пултăр чушлăх сынсенче?! Эп çаксене текех ёненмесесĕн,
Епле ан пултăр сылăх сынсенче?! Ман пурăнни те усăр çĕр çинче.

Н. Исмукон хайĕн хайлавĕсенче кулленхи философиллĕ ыйтусене несĕлемĕрсен пухăш-ăсĕле сыкса-пĕрлешперсе çăвашпа сăнарлать. Çĕнлĕхпа сăмах асталăхне пĕлсе çитме ёлĕкхи-авалки асчахсен каларăшĕсемпе тишкерет. Поэтăмăран философиллĕ пухăшĕсем халăха валли сьраннă. Вăл килес арусене витĕм кўресси куç кĕретех.

Надежда Ильинан калавĕсен сьожĕсем те тарăн философиллĕ, психологиллĕ, ёç-пулăм синкерлĕхлĕ. Композицине йĕркелес епле илсен, хайлавĕсене ытти сьравăннипе арпаштараймăн. Унта сăнланнă ўкерĕксемпе синкерлĕхлĕ ёç-пулăм вулакана тарăн философиллĕ пухăша яраççĕ. Унан калавĕсенче геройсем пурнăçпа вилĕм, ырапа усал чиккисенче, пĕр сăмахпа каласан, трагедиллĕ самантсенче хайсене тивĕçлĕ сута йĕр пыраса тупаççĕ, тĕксĕм те йывăр лару-тăрава кĕрсе ўксен сĕç тўрĕ сул шыравне аңталаççĕ. Н. Ильина хайĕн хайлавĕсемпе сынсене тўрĕ чунша пурăнма хистет, усал ёсем тăвакансен хăсан та пулин пурпĕрех хайсен йăнăш утăмĕсепĕн хурав тыгма тиветех тесе асăрхаттарать. «Общество саккунĕсенчен тарса ўкме сул тупсан та, Турă умĕнче сут тăвасинчен хăталаймăн» – çакă, пирĕн шутпа, хайлавсен тĕп пухăшĕ.

Çапла вара, философиллĕ сăмахлăхра символпа сăнлăхсем, вăлгса каланă юптарăшсем, лейтмотивлă сăнарсем т.ыт.т.е тĕпре. Çăваш литератури çак меле пуçламăш утăмĕсенчех асра тыгна, мала хунă. Çăваш литературинче вăхăт тата этем шăпине аңланма тăрăшни ХХ ёмерĕн юлашки вунăсулăхĕнче, çенĕ ёмер пуçламăшĕнче те усăмлă палăрчĕ. Çак тапхăрти хайлавсен геройĕсем пурнăçпа вилĕм философийĕ тавра пухăшласа кĕрсе кайса сыннан пурнăçри вырăнĕ, тивĕçĕ, пĕлтерĕшĕ пирки пухăшланипе пĕр-пĕрне сьвăх.

Литература

1. Родионов В.Г. Çăваш лигератури. XVIII-XIX ёмерсем: вĕрену пособийĕ / В.Г. Родионов. – Ш.: Çăваш кĕнеке изд-ви, 2006. – 463 с.

2. Федоров Г.И. Сăнарлă сăмах пыравĕ / Г.И. Федоров. – Ш.: Çăваш кĕн. изд-ви, 1996. – 224 с.

Л.Ю. Трофимов,

Чувашикий государственный университет,

г. Чебоксары

ЯКОВЛЕВОВЕДЕНИЕ КАК ОТРАСЛЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ НАУКИ

Яковлевиана богата биографическими, научно-публицистическими, художественными и документальными трудами. Жизнь и творчество И.Я. Яковлева неразрывно связана с Симбирской чувашской школой (СЧШ). Много воспоминаний напечатано в разных изданиях. Наиболее полное собрание воспоминаний о великом патриархе издано в сборнике 1969 года («И.Я. Яковлев в воспоминаниях современников»). Современники просветителя, его ученики, воспитанники, коллеги, соратники приводят множество ценных фактов, в которых И. Яковлев предстает в разных жизненных обстоятельствах. Через всю книгу проходит мысль о том, что дело просвещения чувашского народа, подготовка учительских кадров было главной целью всей жизни Ивана Яковлева.

Литература о жизни и творчестве И.Я. Яковлева и СЧШ довольно обширна. Десятки имен мы видим в списке авторов-яковлеведов (Ф.П. Павлов, М.П. Петров, А.И. Яковлев, И.Я. Яковлев (Саламбек), Н.В. Муромцев, Г.Н. Волков, Н.Г. Краснов, Г.Н. Плечов, И.Я. Тенюшев, Г.А. Александров, И.В. Мукина и др.). А так же и мастера художественного слова в своем творчестве не раз обращались к образу народного просветителя. Скажем, его образ в истории чувашской литературы отображен по-разному: деспот и узурпатор, душитель народных талантов, великий просветитель родного народа и др. Например, К. Иванов в поэме «Наше время» (Хальхи самана) субъективно выражает чаяние всего чувашского народа. Н. Шубоссинни в произведении «Свет фонаря» (Хунар çути) определяет мысль, что дело образования нельзя оторвать от книгоиздания. Следующие писатели, как Г. Тал-Мрза («Вина сильного» -Вайлисен айăпĕ), П. Хузангай («Поэт и миссионер» - Поэтпа миссионер), И. Юркин («Иуда» - Иут), Я. Ухсай («Черная судьбина» - Хура элчел) описывают противоречивость жизни и деятельности чувашского патриарха. Они видят в нем больше отрицательных качеств. Они чаще всего опирались на субъективно-произвольное представление.

Впоследствии в художественной словесности наиболее объективно изображается жизнь и деятельность великого просветителя. Более широкое привлечение исторических, мемуарных, биографических материалов позволяло писателям показать Ивана Яковлева живо, правдоподобно (Хузангай П., Ухсай Я., Воробьев А., Юман А., Алга А., Чебанов А., Эльгер С., Трубина М., Артемьев А., Пăдеркки Т., Андреев Ф., Юхма М., Терентьев

Н. и др.). Это говорит о том, что 1) авторы выражают благодарность великому учителю, через описания его жизнедеятельности. Они внесли посильный вклад в увековечивание образа просветителя через свое представление о нем; 2) обращение к образу чувашского просветителя подпитывает интерес к жизни и творчеству И. Яковлева и СЧШ, который с течением времени не угасает, а, наоборот, возрастает. При этом необходимо учесть то обстоятельство, что научные работы по биографии патриарха нельзя сравнивать с биографиями художественными, у них совершенно различные цели и задачи. Однако научные изыскания все же способствуют цельному и глубокому художественному отображению портрета великого просветителя; 3) можно с уверенностью сказать, что в чувашском литературоведении закрепилась новая отрасль – яковлеведение. Известные литературоведы нового времени (Г.Я. Хлебников, Ю.М. Артемьев, Г.И. Федоров, В.Г. Родионов, П.Н. Метин, В.А. Абрамов, Ю.В. Яковлев и др.) критически осмысливая достижения литературоведческих работ, касающихся И.Я. Яковлева и СЧШ, наводят на мысль о том, что яковлеведение в своей истории развивалось не гладко. Их труды представляют собой свежую струю в литературоведческой мысли о великом патриархе.

К.А. Габбасова,

*Институт Истории АН РТ имени Ш. Марджани,
г. Казань*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКЕ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

При анализе пейзажной лирики Г. Тукая, возникает некая конфронтация взглядов на то, каким образом, и в какой степени можно единую природу разграничивать по национальным признакам. Прежде всего, сложность этого вопроса состоит в том, что у поэта любой национальности существует свой взгляд, характерный только для него мотив и образ природы, и между индивидуальными стилями поэтов существуют ощутимые различия. Они ещё не так заметны были в эпоху сложения народом своих мифов и фольклора (являлись выражением коллективного творческого сознания и не наделялись заметными авторскими индивидуальностями) [4. С. 64]. Общеизвестно, что пейзаж, передающий реальные приметы времён года или определённой местности, имеет ярко выраженное национальное своеобразие [1. С. 27]. Народ, проживающий длительное время в той или иной местности, не только сам изменяет её в процессе своей деятельности, но в большей степени оказывается пленником окружающей природы. Именно это послужило

основанием для утверждений, что менталитет формируется в прямой зависимости от природных условий [2. С. 114].

Рассматривая поэзию Г. Тукая, как «мегатекст» татарской литературы в изображении природы, мы можем определить этно-национальную ментальность татарского поэта. Через изображение природы Г. Тукаем мы приходим к пониманию, что в основе природных и общечеловеческих ценностей, как правило, лежат национальные ценности, которые глубоко и масштабно отражают дух родного народа и судьбоносные проблемы его бытия [3. С. 29]. Национальные мотивы, связанные с природными объектами и природоописаниями, встречаются в таких стихотворениях, как «Туган жиремэ» («Родной земле» 1907), «Пар ат» («Пара лошадей» 1907), «Туган авыл» («Родной аул» 1909), «Өзелгән өмид» («Разбитая надежда» 1910), «Казан вә Казан арты» («Казань и Заказанье» 1912), «Казан» («Казань» 1913) и др.

Г. Тукай вслед за великим татарским исследователем Ш. Марджани [5. С. 25] в своей поэзии установил историческую национальную преемственность, употребляя названия сёл, городов, озёр на родном языке (Кырлай, Казан, Чабаксар, Спас, Тәтеш, Мамалыш, Кабан, Чар, Малмыж). Описание «регионального» пейзажа в данном случае перекликается и с общим мироощущением Г. Тукая. Природа у Г. Тукая в различных ситуациях воспринимается и описывается по-разному, так как изображение природы у него характеризует народную сущность, его отношение к народному мировидению. Так, природоописания Г. Тукая в различных смысловых оттенках были обусловлены стремлением написать истинную, природную, т.е. естественную жизнь народа.

Таким образом, сложный, насыщенный необычными противоречиями переломных моментов татарской истории, жизненный материал Г. Тукай, прежде всего, использует, чтобы осмыслить национальные, духовные и нравственные природные ценности в обществе. Нравственные основы характера формируются природой – такова философская мудрость поэта.

Литература

1. Аминев В. Пейзаж в прозе русских и татарских писателей (Опыт сопоставления рассказов И. Бунина и Ш. Камала) / В. Аминев // Магариф. – 2005. – № 4. – С. 27.
2. Дьякова Т.А. Национальные пейзажи грезящей русской души / Т. А. Дьякова // Онтологические контуры пейзажа. – Воронеж, 2004. – С. 114.
3. Мусин Ф. Тукай в меняющемся мире / Ф. Мусин // Казань. – 2006. – № 7. – С. 29.
4. Сафин М. Поэзия природы (Система пейзажных образов в творчестве татарских поэтов) / М. Сафин // Научный Татарстан. – 1998. – № 2. – С. 64.
5. Шамиль-оглы Ю. Формирование исторического сознания: Шигабuddin Марджани и образ Золотой Орды / Пер. и комм. Д.М. Исхаков / Юлай Шамиль-оглы // Татарстан. – 1991. – № 10. – С. 25.

*Н.В. Егорова,
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева,
г. Саранск*

ЭССЕ: ДИСТРИБУТИВНАЯ ПОЛИФОНΙΑ ЖАНРА В СОВРЕМЕННОЙ МОРДОВСКОЙ ПРОЗЕ

К середине 1950-х годов в развитии русскоязычной литературы Мордовии намечился определенный прорыв. «Именно в этот период была закреплена возможность сосуществования в мордовской литературе несколько видов художественного билингвизма (написание художественных произведений только на неродном (русском) языке; временный переход на неродной (русский) язык творчества). Вместе с тем появляется особая тенденция, позволяющая относить к мордовской, литературе художественные тексты выполненные жителями Мордовии, но не мордвинами по национальности» [4. С. 56]. Намотившиеся перемены в художественной практике в 1960 – 80-х годах предопределили значительное количество произведений, написанных на русском языке. Появились художественные работы, которые можно назвать классикой инациональной (русскоязычной) прозы Мордовии. К таковым следует отнести произведения М. Петрова, Т. Якушкина, И. Янюшкина, А. Утешева и др.

Сегодня анализ текстовых парадигм современного инационального литературного процесса Мордовии плодотворно осуществляется при рассмотрении жанровых и стилистических особенностей художественных произведений. В русскоязычной прозе Мордовии развиты редкие для общего генезиса современной русской литературы жанры и жанровые версификации. Например, повесть-эссе И. Капитонова «Знакомься с умными людьми»; документальная повесть В. Дialeктова «Достался нам век беспокойный...»; миниатюра А. Шубникова «Видение»; эссе, литературные портреты В. Гадаева «В этот мир я пришел»; статьи, заметки, эссе К. и А. Смородиных.

Становление современной русскоязычной прозы Мордовии происходит на фоне общественных процессов, что требует от писателей углубления в проблематику и семантику происходящего. Именно поэтому на первый план выходят жанры, способствующие осмыслению действительности через призму авторского видения. Достижению всех этих целей способствует эссе. Согласно определению С.Г. Корконосенко, «эссе соединяет в себе бытийное и личностное: жизнь вокруг нас – это одновременно и наш внутренний мир. И наоборот: спектр чувствований публициста – это отражение чувствований, рождаемых внешним миром» [7. С. 166]. Балансируя с фактологичностью, личностное начало в жанровой форме позволяет автору посредством процесса самопознания приходиться к выводам, подкрепленным индивидуальным мировоззренческим опытом. В процессе развития и становления авторской

мысли смыслом обогащается каждая деталь в повествовании. И это не мешает, а, напротив, дополняет авторскую интерпретацию происходящего. «Так раздвигаются границы повествования: конкретная узкая тема развертывается в широкий план параллелей и аналогий, усложняя, обогащая тем самым контекст разговора автора с аудиторией» [7. С. 166].

В творчестве русскоязычных прозаиков Мордовии Константина и Анны Смородиных разговор имеет преобладающее значение. Особое место в общении с читателем занимает дидактическая, религиозная направленность эссеистики данных авторов. Реальность подается не только через процесс познания мира, но, в первую очередь, через обращение к религиозным догмам, как первооснове. Примечателен в этом отношении сборник статей, заметок, эссе «Хочется подумать...», вышедший в свет в 2008 году. Стоит заметить, что в новом издании творческий союз в лице супругов уходит от совместного псевдонима «Юрий Самарин», ранее известного читателям, в котором, по словам авторов, была выражена их «самарянская» сущность. Несмотря на то, что логику и закономерность творчества они видят в постоянном присутствии в произведениях соавтора, при этом Смородины не отрицают личные и индивидуальные фрагменты. В подобном соавторстве вышли такие сборники как «Исторический проезд» (Саранск, 1993 г.), «Заснеженная Палестина» (Саранск, 2001 г.) и др.

Работая над своими эссе, Смородины расширяют границы личного до пределов общественного. В результате эссеистика приобретает глубокое, социальное значение. Авторское «я» в большинстве случаев лишь дополняет содержательную сторону произведения, а не подавляет его, как в знаменитых «Опытах» М. Монтеня, написавшего в своем творении: «Содержание моей книги – я сам». Главные темы сборника «Хочется подумать...» – это, прежде всего, внутренний мир человека, размышления о его пути в церковь, к Богу. Думать действительно хочется, тем более, что есть над чем: о чудесах, о жизни, о спасении, о любви, о покаянии, о грехе. Генезис последнего дается в эссе под названием «На свете счастья нет...»: «...Шли годы. Грехи как вино притупляли совесть. Уже начал я разбираться, какой грех на какой срок удовольствие приносит, но в отличие от алкогольной зависимости или наркотической, совесть все меньше болела и мучила. И вдруг однажды понял – грань. Перешагнешь – возврата не будет. И стало мне страшно. Вспомнил я вычитанную у Паскаля мысль: если вы будете жить по заповедям Господним, а когда придет смерть, окажется, что Бога нет, – мало что потеряете, а вот если произойдет наоборот...» [8. С. 140-141].

Эссеистическая мысль в произведении не уходит за пределы насущного, она максимально точна в своих характеристиках и определениях. Благодаря этому рождается психологически достоверный образ не только повествователя, но и самого читателя как типичного представителя общественности. Особое

внимание следует обратить на откровенность описания интроспективных авторских переживаний, внутреннего состояния, так как именно исповедальность является важнейшим качеством эссеистического текста. В своем эссе «О чудесах» Анна Смородина не просто знакомит читателя с поистине чудесной историей ее рождения, но раскрывает божественную сущность появления на свет каждого человека: «Много лет рассказывала мне мама об эпизоде в роддоме накануне моего рождения. Уже в последние дни ее беременности в палату вошла врач, а с ней целая ватага интернов-практикантов. Вдруг безапелляционным тоном врачиха, указывая на мою мать сказала: «А в этом случае погибнет либо роженица, либо ребенок»... Только недавно, готовясь к очередному своему дню рождения, всерьез задумалась я о том, в какой именно день родилась. В день Покрова Пресвятой Богородицы. Так что жизнью, вероятно, обязана я не только своей мамушке» [8. С. 148].

Интроспективная прерамбула – не только литературная форма эссе, но и скрытая пружина повествования. Жизненные впечатления автора, пропущенные через сознание, оценки собственного опыта, внутренние работа ума и явление индивидуального смысла прочитанного чужого текста способны сплести стройную мелодию повествования. М.М. Бахтин называл это «включением слушателя (читателя, созерцателя) в систему (структуру) произведения» [1. С. 388]. Продолжая традиции национальной и инациональной литературы, эссеистика Константина и Анны Смородиных обогащает прозу Мордовии принципиально новой постановкой масштабных проблем, не просто заостряя, но во многих случаях разрешая конфликтность и противоречивость как отдельных ситуаций, так и включенных в общественный процесс.

Не менее ярко жанр эссе представлен в современной русскоязычной прозе Мордовии в творчестве Виктора Гадаева. В сборнике прозаических произведений разных лет «В этот мир я пришел», вышедшем в Саранске в 2000 году, собраны раздумья и размышления писателя о смысле жизни, нравственном долге, назначении человека на земле. Эссеистика В. Гадаева во многом автобиографична. В отличие от К. и А. Смородиных автор уделяет большее внимание событиям своей жизни, не утаивая ничего, будь то «крушение мечты» при поступлении в московский институт или начало самостоятельной жизни с профессии грузчика. Плавно скользя по пережитому и прожитому, соблюдая хронологию и динамику повествования, В. Гадаев с тонкостью и мастерством художника рисует свои впечатления, придавая им, тем самым, объемность и многоплановость за счет глубины авторской мысли. Особого внимания заслуживает ассоциативный ряд, как частый прием в эссеистике В. Гадаева. Размышляя о смысле жизни, он пишет: «На Волге отчетливее ощущал я масштаб человеческой жизни. У скоромного труженика жизнь течет тихо, незаметно, как моя тихая речка Рудня. А жизнь иного что бурлящее течение Волги широкой» [2. С. 70].

Также интересны взгляды В. Гадаева на литературное творчество, роль творца, то есть, автора, в современном мире: «Я понимаю, что поэт должен быть мудрым, должен много знать. И это действительно так. В минувшие века поэты считались пророками и мудрецами. Они стояли высоко “над толпой”, так как народ в массе своей был неграмотен и забит. В настоящее время, особенно в нашей стране, эта грань стерта» [2. С. 73]. Эта тема серьезно волнует писателя, и он привлекает читателя к своим размышлениям, проводя параллели, строя своеобразный диалог посредством многочисленных риторических вопросов и обращений: «А проблемы, поставленные в “Гамлете” почти четыре столетия назад? Разве они не современные? Философия Гамлета вечна, непреходяща, пока есть и будут люди на Земле!» [2. С. 74]. Размышления о литературе продолжает анализ типичности, новаторства, изобразительно-выразительных средств в отражении действительности, произведений отдельных творческих личностей. В центре каждого эссе четко обрисована проблема, которая выступает главной связующей нитью всего повествования. Конкретика в ее формулировке прослеживается даже на уровне заголовка. Так, в эссе «Национальное и народное» В. Гадаев затрагивает проблему возникновения искусства, которое, по мнению автора, берет свое начало в народе: «Культура любого народа самобытна и неповторима, она жива традициями, идущими из глубокой древности. Чем значительнее национальный художник, тем он заметнее в мировой культуре... Истинное национальное искусство всегда общечеловечно» [2. С. 98]. В каждом высказывании, мысли автора чувствуется хорошо осмысленные, усвоенные с годами истины.

Глубина эссеистики В. Гадаева несомненна. Выражается она, прежде всего, в рвении, искреннем желании автора четко и обоснованно донести до своего читателя выводы, так много для него значащие. Как мастеру современной русскоязычной прозы Мордовии ему удается достичь жизненной достоверности образа, глубины проникновения в тайны человеческой души. Эта черта свойственна многим мордовским прозаикам. Работа в жанре эссе углубляет как в русскоязычной, так и мордовской прозе значимость личности творца, выводит его на новый уровень развития, выделяя автора произведения в общей канве повествования. «Автор не только появляется в поле изображения, он (автор авторского образа) оказывается в новых взаимоотношениях с изображаемым миром: авторское слово лежит теперь в одной плоскости, в тех же ценностно-временных измерениях, что и изображенное слово героя и может вступить с ним (точнее: не может не вступить) в диалогические отношения и гибридные сочетания. Такое положение формального автора в зоне контакта с изображаемым миром, делает возможным появление в поле изображения авторского образа» [3. С. 31].

К жанру эссе обращается в сборнике «Знаясь с умными людьми...» и Иван Капитонов, входящий в число писателей современной русскоязычной прозы Мордовии. Эссеистика И. Капитонова, представленная в книге, - это подборка размышлений, посылом к которым послужили изречения и афоризмы известных правителей, философов, писателей, политических деятелей, историков. В пояснительной записке к своей книге автор указывает, что под знаком «P.S.» представлен более свежий взгляд, дополняющий мысли и комментарии, написанные им ранее. Поводом к размышлению служат даже выдержки из отдельных произведений. Так, отрывок фразы одного из героев пьесы Владимира Маяковского «Клоп»: «Я человек с большими запросами, я зеркальным шкафом интересуюсь» наводит автора на следующие размышления: «Каковы же запросы каждого из нас? Человеческая природа такова, что все мы прежде всего – испытатели. Собственных возможностей и чужого терпения. А также ходячие манекены, на которые эпоха вешает различное тряпье» [5. С. 162]. Автор не боится смелых характеристик, напротив, он намеренно прибегает к ним. В этом проявляется новизна мысли в эссеистике И. Капитонова. Сглаженным углам он предпочитает острую постановку проблемы: «...Чеченская война. Мать, потерявшая сына, думает о ней иначе, чем головорез, обменявший его уши на жидкую пачку кутюр. Политиком, делающим себе имя на подобных катаклизмах, это событие оценивается несколько иначе, чем завшивленным голодным солдатиком, судорожно подтягивающим к себе окровавленными дрожащими руками оторванную ногу...» [5. С. 50]. Рисуя натуралистические картины, автор не просто излагает свои мысли, но и выносит приговор злу и бессердечию, ставшими пороками современного общества. В этой ситуации авторское «я» помогает И. Капитонову максимально точно раскрыть и передать читателю частицы боли, тревоги, негодования, живущие в его сердце. Искренность выступает главным принципом в его эссеистике.

Как утверждает А.Л. Дмитровский, именно искренность является неотъемлемым спутником самоанализа: без нее он вообще не возможен. А поскольку эссе – принципиально! – писалось для себя, ради разрешения экзистенциально интересующих проблем, фиксировало интимные размышления «здесь и сейчас», то искренность можно назвать своего рода «индикатором эссеистичности» произведений этого типа. В отличие, скажем, от остальных художественных произведений, где экзистенциальные поиски также присутствуют, но опосредованно – через героев, сюжетные, языковые и композиционные элементы, то есть ценностно-завершающие моменты – через самоценно значимую форму, с которой борется эссеистическое «Я» [3. С. 33].

Изначально атмосфера искренности формируется в откровенном и честном разговоре автора с самим собой. Именно поэтому авторское «я» двусторонне – это и писатель, и его читатель одновременно. Читатель в его привычном понимании,

появляется в тот момент, когда разрушается этот замкнутый круг, точнее в момент прочтения и осмысления эссе. Так возникает согласие или несогласие с субъективной оценкой писателя. Степень откровенности каждый эссеист выбирает сам, направляя свои рассуждения на ту или иную область действительности. В большинстве случаев, затрагивая вопросы религии, политики, образования, литературы, искусства, автор стремится к кратким и лаконичным обобщениям, позволяющим быстро и понятно донести до читателя свою мысль, с ожиданием дальнейшей реакции и отклика. Однако для одних эссеистов читательское мнение первично, но есть и такие, которые пишут исключительно для себя, углубляясь в самоанализ и рефлексиию.

Давая определение жанру эссе в русскоязычной прозе Мордовии, обратимся к следующей дефиниции, которая дается в «Литературной энциклопедии терминов и понятий», и определяет эссе как «прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета. Как правило, эссе предоплагает новое, субъективно окрашенное слово о чем-либо и может иметь философский, литературно-критический, научно-популярный или чисто беллетристический характер» [6. С. 1246-1247].

Характер русскоязычной эссеистики Мордовии многосторонен. Это и философские искания, и духовные ориентиры, и социальная обоснованность, выраженные в умелом сочетании литературно-публицистических форм авторского самовыражения. Данный факт позволяет говорить о важности и необходимости жанровых концепций эссе в ключе развития мордовской прозы, как о принципиально новой среде развития и формирования авторской мысли. Билингвизм, ставший основным толчком к этому процессу, являет собой не просто толерантность сосуществования двуязычия в национальной культуре, но и способствует обогащению литературных традиций, тематического поля всей прозы Мордовии в целом.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. - М.: Искусство, 1986. - 424 с.
2. Гадаев В. В этот мир я пришел: Миниатюры. Эссе. Лит. портр. Воспоминания. Статьи / В. Гадаев. - Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2000. - 304 с.
3. Дмитровский А.Л. Жанр эссе. Очерк теории жанра. Монография / А.Л. Дмитровский. - Орел: ОГУ, Полиграфическая фирма «Картуп», 2006. - 130 с.
4. Жиндеева Е.А. По координатам жизни. Эволюция русскоязычной прозы Мордовии / Е.А. Жиндеева. - Саранск: Лаборатория множительной техники, 2006. - 166 с.
5. Капитонов И. Знаясь с умными людьми... / И. Капитонов. - Саранск: Тип «Крас. Окт.», 2006. - 348 с.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / РАН, Инт науч. информ. по общественным наукам, гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин – М.: НПК «Интелвак», 2003. - 1600 стб.

7. Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студ. вузов по спец. «Журналистика» / Ред.-сост. С.Г. Корконосенко. - СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. -272 с.

8. Смородины А. и К. Хочется подумать... : статьи, заметки, эссе / А. и К. Смородины. - Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2008. - 264 с.

К.Ю. Яковлева,

Чувашский государственный университет,

г. Чебоксары.

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ И НАРОДНОЙ СКАЗОК НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

Существует ряд черт, характерных как для народной, так и для литературной сказки. Литературную и народную сказки можно в полной мере назвать художественными произведениями, обладающими сложной структурой. В науке нет единого мнения относительно числа элементов этой структуры, однако большинство ученых выделяют четыре ее основных элемента: идейное или идейно-тематическое содержание; композиция в совокупности с сюжетом; образная система; язык (речевой стиль). В ряде работ сюда включают также и художественный метод. Согласно иерархическим законам элементы содержательного плана (в данном случае идейное или идейно-тематическое содержание) определяют форму и систему элементов плана выражения (у нас это - система образов, композиция и сюжет, язык), которые получили название носителей стиля. Художественный метод, по мнению А.И. Домашнева, также относится к стилеобразующим факторам художественного произведения, «особенности художественного восприятия действительности писателем, его художественный метод сказываются на языке произведения» [1. С. 156].

Исходя из вышеописанной структуры художественного текста, можно наметить, по каким критериям литературная сказка отличается от народной, и выдвинуть некоторые предположения относительно специфических черт литературной сказки.

1. Идейное или идейно-тематическое содержание литературной сказки. Идейное или идейно-тематическое содержание литературной сказки определяется автором произведения, в отличие от сказки народной. В фольклоре творчество, конечно же, принадлежит отдельным людям, но оно передает массовое мировоззрение и массовую психику. Приметы индивидуального творчества составляют наименее ценное в фольклоре и, как правило, не удерживаются им, тогда как при оценке авторского творчества особое значение имеют черты, характеризующие произведения того или иного автора. Кроме этого, литературная сказка, как плод трудов

определенного человека, принадлежащего определенному времени, несет в себе современные этой эпохе идеи, отражает современные ей общественные отношения, тогда как сказка народная, передающаяся из поколения в поколение, сохраняет отпечаток архаичных форм миропонимания и архаичных социально-экономических отношений.

2. Композиция и сюжет. Говоря о сюжетно-композиционной структуре народных сказок, необходимо остановиться на закономерностях построения народных волшебных сказок, выведенных В.Я. Проппом. Основываясь на понимании сюжета, как комплекса мотивов или повторяющихся элементов-функций действующих лиц, Пропп выделил 31 функцию действующих лиц, в комбинацию которых укладывается любая волшебная сказка. Элементы-функции действующих лиц волшебной сказки не обязательно присутствуют в каждой волшебной сказке, в силу закона перемещаемости, о котором Пропп упоминает в своей работе "Морфология сказки". "Сказки обладают одной особенностью - составные части одной сказки без всякого изменения могут быть помещены в другую сказку. Это закон перемещаемости, специфическая особенность каждой волшебной сказки" [3. С. 56]. Однако такого строго обозначенного сценария мы не найдем в литературной сказке. В литературных сказках мы найдем характерные для народных волшебных сказок ясность и тайну, проявления чудесного в разных формах. Чудесное может указывать на психологическую и моральную сложность человека, чудесному может придаваться духовное значение [4. С. 234]. Таким образом, для творческой фантазии создателя литературной сказки представлен полный простор, что не мешает авторам использовать традиционные функции героев. Что же касается сюжетов народных и литературных сказок, то здесь также наблюдаются серьезные различия. Сюжеты народных сказок являются традиционными и в какой-то мере заданными, в то время как сюжет литературной сказки всецело зависит от вымысла автора, что, как уже указывалось, не мешает писателям обращаться к народной традиции, как к источнику вдохновения.

3. Образная система. Одним из жанрообразующих признаков народной сказки является установка на сознательный вымысел. Наличие фантастики обуславливает особые свойства образности в народных сказках. Особая структура сказочного образа в народных сказках проявляется в тенденции к раскрытию типового содержания в изображении персонажей путем обобщения и абстрагирования, в стабильности персонажей, в постоянстве их функций, в лаконичности портретных и психологических характеристик персонажей, в построении сюжета на двух-трех главных героях, ограниченное число персонажей. Структура сказочного образа героев литературной сказки резко отличаются от образности в народных сказках по всем вышеперечисленным пунктам. В литературной сказке находят свое отражение следующие тенденции: 1) индивидуализация сказочного героя. Часто у него есть полное

имя (то есть имя и фамилия), автор сказки сообщает читателям подробности его жизни; 2) в литературных сказках бесчисленное множество персонажей; 3) постоянство функций в литературной сказке также нарушено: герой по ходу действия может переходить из разряда положительных в категорию отрицательных и наоборот; 4) портретные и психологические характеристики в литературных сказках играют важную роль для понимания образа героя. Автор старается обосновать действия персонажей, объясняя их особенностями характера; 5) основное действие литературной сказки строится на небольшом количестве главных героев, однако, система и иерархия героев значительно усложняется, появляется много "побочных", второстепенных героев. Таким образом, структура сказочного образа литературной сказки существенно отличается от структуры сказочного образа в сказке народной.

4. Язык (речевой стиль). Одним из основных элементов структуры литературного произведения является язык, или речевой стиль. В данной работе мы будем пользоваться определением стиля, данным З.И. Хованской, а именно: «Стиль - это специфический способ реализации целевой установки, наиболее характерной для того или иного типа общения» [5. С. 254]. В области литературной коммуникации целевая установка представлена эстетическим намерением писателя. Способ реализации эстетической функции включает использование всех доступных средств, начиная от системы художественных образов и общего построения произведения, и заканчивая использованием языковых средств. Исходя из этого, можно утверждать, что в фольклорной сказке стиль практически отсутствует, так как она является формой коллективного творчества, а в литературной стилю отводится важная роль. В зависимости от способа реализации эстетической функции, З.И. Хованская выделяет стили литературных направлений (например, романтизма), стили литературных видов и жанров, стили композиционно-речевых форм, индивидуальные, авторские стили. Так, стиль литературного направления является частью общей категории литературно-художественного функционального стиля речи и включает его свойства, обладает индивидуальными признаками соответствующего литературного направления. Стиль литературного жанра включает в себя как общие черты литературно-художественного стиля вообще и того литературного направления, и индивидуальные признаки соответствующего жанра, ограничивающие его от всех остальных стилей. Так, фольклорной сказке, как представителю эпического жанра, присущи такие стилистические особенности как наличие традиционных формул зачина и концовки, повторяющихся конструкций, разговорная речь, повторяющиеся приемы повествования, трехступенчатое строение сюжета. Литературная сказка в большинстве своем заимствует у народной ее стилистические особенности. Но только от воли автора зависит степень стилизации его произведения. Чаще всего автор литературной сказки жертвует разговорностью речи, усложняя строение фраз и придавая большое значение правильности их построения. Композиционно-

речевые формы также обладают своей стилиевой характеристикой. При разграничении композиционно-речевых форм необходимо учитывать, прежде всего, взаимодействие диалогической и монологической речи, а также речи самого говорящего субъекта, и роль композиционно-речевой формы в построении литературного уровня композиции, то есть в развитии сюжета и в раскрытии характеров. В эпической литературе преобладает монологический тип речи, по-разному взаимодействующий с диалогом. Он лежит в основе двух композиционно-речевых форм: повествования и описания. Повествование и описание противопоставлены друг другу по признаку "динамичность / статичность" [2. С. 89]. В народной сказке действие является сюжетным стержнем, поэтому преобладающей композиционно-речевой формой в ней является повествование. В сказке литературной, уделяющей большое значение характерам героев, важное место отводится описаниям и рассуждениям (которые вместе относятся к описательному стилю). С помощью повествовательных форм композиционно-речевой структуры, за счет динамики развивающегося сюжета воплощается художественное время. В народной сказке оно убыстряется (например, не описывается дорога героя, ведущая к цели, а просто сообщается факт отправления и факт прибытия). В литературной сказке писатель волен убыстрить одни события и задержать другие, нарушить их последовательный ход. Диалогическая речь выполняет различные функции в эпическом произведении. Так, манера говорить персонажа дает представление о его принадлежности к той или иной социально-профессиональной среде или раскрывает его психологическое состояние в момент речи и его взаимоотношения с другими персонажами. Диалог нередко принимает на себя функции повествования, одновременно сообщая сведения о происходящих событиях и характеризуя их участников. Это свойственно народной сказке. В литературной сказке диалог выполняет свои типичные функции. Авторский стиль, выделяемый по совокупности произведений одного писателя, обладает общими чертами литературного направления, к которому он принадлежит, жанра, в котором написана данная группа произведений, и индивидуальными чертами, привнесенными в них творческой личностью писателя. Наконец, авторский стиль, проявляющийся в отдельном произведении, - это наиболее конкретное понятие, вбирающее в себя все общие черты перечисленных выше стилистических категорий, в том числе авторской манеры в целом, и добавляющее к ним индивидуальные свойства данного произведения.

Таким образом, мы рассмотрели жанровые особенности, по которым литературная сказка отличается от народной, и вывели их специфические черты.

Литература

1. Домашнев А.И., Шипкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста / А.И. Домашнев, И.П. Шипкина, Е.А. Гончарова. - 2-е изд., доработанное. - М.: Просвещение, 1989. - 208 с.

2. Леонова Т.Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке / Т.Г. Леонова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. - 198 с.
3. Пропп В.Я. Морфология сказки / В.Я. Пропп. - Изд. 2-е. - М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1969. - 168 с.
4. Ропляну Н. Традиционные формулы сказки / Н Ропляну. –М: Наука, 1986. –234 с.
5. Хованская З.И. Стилистика / З.И. Хованская. - М.: Высш. шк., 1984. – 501 с.

*А.В. Тихонова,
Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Важным источником знания о жизни писателя, о духовно-нравственном развитии его личности, основанного на осмыслении прошлого, является мемуарно-автобиографический жанр. Вместе с тем, своим появлением он обязан и конкретной исторической эпохе, и конкретной национальной среде. В связи с этим весьма интересна история изучения проблемы развития мемуарно-автобиографического жанра в литературоведении. Так, в отечественной науке о литературе автобиографией называют прозаический жанр, в котором автор излагает историю своей собственной жизни, которая отличается большей сосредоточенностью на личности и внутреннем мире автора [1].

Жанр автобиографии родственен с мемуарами. Мемуары – повествование автора о событиях, свидетелем которых он был, переживаниях, с ними связанных, о людях, с которыми он встречался [2]. Они глубоко взаимопроникают друг в друга, поскольку предполагают рассказ о прошлом. Тонкое различие между ними заключается в том, что если биография (исповедь, биографические воспоминания) подразумевает акцентирование внимания повествующего на личности и внутреннем мире автора, литературным портретом которого и является произведение, то мемуары включают и жизнеописание самого автора, и документальную характеристику, а, значит, и объективную оценку действительности. Различие этих двух жанров можно обозначить присутствием (или отсутствием) в них художественной и эмпирической (внехудожественной) реальности, вымысла и факта, которые, являясь важными художественными образными средствами, могут синтезироваться в художественно-автобиографической прозе, тогда как в мемуарно-автобиографической прозе единственным началом, главной основой является только внехудожественная реальность, правда, факт, автобиография писателя. К примеру, среди многообразия русской литературы середины XIX века выделяется автобиографическая

трилогия Л.Н. Толстого «Детство» (1852), Отрочество (1854), Юность (1857), где воспоминания подчинены не собственно мемуарной, а художественной задаче – психологическому исследованию характера и творческому осмыслению важных для автора философских категорий (сознание, разум, понимание и т.д.). Главной целью Л.Н. Толстого становится показ развития человека как личности в пору его детства, отрочества и юности, то есть в те периоды жизни, когда человек наиболее полно ощущает себя в мире, свою нерасторжимость с ним, и затем, когда начинается отделение себя от мира и осмысление окружающей его среды.

В чувашской же литературе нет цельной работы, посвященной раскрытию проблемы мемуарно-автобиографического жанра, как нет и произведений, соответствующих особенностям мемуарного жанра. Напротив, есть произведения автобиографического характера и, как отмечает профессор Г.И. Федоров, автобиографический жанр, как повествовательная форма, оказал огромное влияние на развитие всей чувашской прозы (Ф. Уяр, Ю. Скворцов, А. Талвир и т.д.) Для произведений чувашских авторов, как и писателей других литератур, характерен определенный набор инвариантных элементов, наличие своего рода фабулы-«архетипа», включающего в себя такие понятия, как отцовский дом, родительская любовь, а еще такие эпизоды жизни, как общение с большой родней, потрясение от смерти близкого в семье или роду человека, учеба в школе, юность, вступление в большую жизнь, связанное с отъездом из деревни в город, первые в жизни самостоятельные шаги вдали от дома, профессиональный рост. Часто писатели обращаются к таким событиям, как репрессия 1920-30-х годов, поволжский голод, раскулачивание и др.

Почти все произведения чувашских авторов включают или полностью построены на личных воспоминаниях или их герои и судьбы взяты из исторической действительности. Сюжет этих произведений создается фрагментарно или мелко, т.е. в хронологическом порядке располагается цепочка или серия характерных эпизодов, ситуаций. Это, например, «Детство», М. Трубиной, «Дни детства» М. Уйпа, «Начало» Ст. Аслана, «На буинском тракте» А. Талвира. По мнению Г.И. Федорова, дробность и краткость художественного высказывания, фрагментарность жанрообразующих факторов, элементов композиции связана с необходимостью показа героя через прием отбора характерных событий и эпизодов, определивших становление личности героя, обозначивших его переходное время. Дробность автобиографической прозы связана и с тем, что в ходе воспоминаний повествователь создает пройденный им путь, «прожитый им мир» заново как мир настоящего времени. В ходе этого он неизбежно приходит к новому осмыслению отдельных событий прошлого, чувствует необходимость их увязки в одно целое путем ассоциаций. Однако полной совокупности достигнуть при этом невозможно, воспоминания так и остаются

воспроизведенными порциями, кусками, отрывками. Так происходит и в автобиографической повести М. Трубиной «Детство», над которой автор долго и упорно работала в последние годы жизни. Повесть состоит из отдельных рассказов, каждый из которых может рассматриваться как самостоятельное художественное произведение («Бедь», «В зимние вечера», «Мои друзья» и т.д.) и основывается на одном характерном событии. Выбор автором того или иного события говорит о растущем сознании героини. Отдельные части повести публиковались в 1954-56 годах в альманахе «Таван Атӑл» (Родная Волга). В 1960 году она появилась отдельной книгой.

В повести показываются те события жизни, которые способствовали становлению художественного мира героя (в частности Марфы), его внутреннему психологическому развитию, которые тем или иным образом повлияли на отношение автора к самому себе и к окружающим. Произведение начинается с эпиграфа, где читатель знакомится с семьей еще не родившейся героини повести, с укладом семьи, с жизнью и бытом чувашской деревни XIX века. В первой же главе мы видим, как автор начинает осознавать себя как человека, мыслить и ощущать окружающий мир по-другому и далее сохраняется биографическая канва жизни писателя как основа сюжетостроения. Затем Марфа выходит за пределы своего дома и начинает знакомить читателя с окружающими ее людьми (Иванюк, Степан, Васяси Казак, Иван Шулли и т.д.). Эти люди и обстоятельства так или иначе влияют на ее внутреннее развитие, на формирование определенного взгляда на мир. Также в повести просматривается национальный колорит, жизнь чувашской деревни, социальный строй, жизненный уклад.

По своему композиционному строю и по характеру изложения с повестью М. Трубиной схожа повесть М. Уйпа «Дни детства», которая была написана в 1956-1961 гг. «Дни детства» построена более в семейно-бытовом ключе, нежели «Детство» М. Трубиной. Повесть также дробится на небольшие куски и в центре каждого куска отдельное событие. Но в этой повести просматривается излишняя фрагментарность. И, на наш взгляд, излишне акцентирование внимания на отношении рассказчика к собственному отцу, к его жестокому нраву (отец часто поднимает руку как на мать, так и на сына). Также автор не побеспокоился о создании целостной картины повести.

Таким образом, автобиографическая проза основывается на воспоминаниях и обычно сюжет строится на чередовании отдельных эпизодов, поэтому она тяготеет к дробному сюжету. И, по свидетельству Г.И. Федорова, это объясняет происхождение многих чувашских произведений (Ф. Уяр, Н. Ильбек, Ю. Скворцов и др.).

Литература

1. Толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. Д.Н. Ушакова; сост. Г.О. Винокур и др. - М.: Мир книги, Вече, 2001. - 704 с.

2. Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник / А.Э. Мильчин - М.: Юристъ, 1998. - 472 с.

3. Федоров Г.И. Художественный мир Ф. Уяра / Г.И. Федоров. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. - 175 с.

О.Н Яковлева,

Чӑваш патшалӑх университетӗ,

Шупашкар хули

ИЛЕМЛĔ ЛИТЕРАТУРАИ ЧĔР ЧУН СӐНАРӢСЕН ПӢЛТЕРӢШӢ ТАТА ХАЛӑХӐН МИСТИКАЛЛА ТАВРАКУРӐМӢ

Этем ӗмӗрех куҫа курӑнман пулӑмсен, тӗлентермӗшсен тупӑмне шыранӑ. Паян вӗсене эпир мистикалла пулӑмсем тесе калатпӑр. Ӑслӑлах мистикалла пулӑмсене ҫынсен тӗшмӗшлӗхӗпе ӑнлантарма тӑрӑшӑт. Кунта ӗненӗ – *«вера в сверхъестественное, божественное, таинственное; вера в возможность общения человека с потусторонним миром; вера во что-то загадочное непонятное и необъяснимое»* малти вырӑнта тӑрат [1. 336 с.]. Мистика этем ӗненӗвӗпе ҫыхӑнат. Мӗншӗн тесен, тӗрлӗ лару-тӑру сӑлтавӗсене пула тӗлентермӗшсем сиксе тухине, ӑнсӑртран персе янӑ сӑмах е тӗлексен пӗлтерӗшӗ тӗр килнине тата ытти пулӑмсене ӑнлантарса пама май суккине шута илсен ирӗксӗрех мистика пурине ӗненме те, йӑшӑнма та тивет. Ҫав вӑхӑтрах мистикалла пулӑмсене халӗ те никам та уҫӑн тӗпчесе кӑтартса паман, ҫавӑнпа вӑл паянхи кунченех актуалӑ.

Акӑ, сӑмахран, мӗн ӗлӗк-авалтанах чӗр чуна, кайӑк-кӗшӗке, ҫӗлен-калтана, шыври пулӑсене тата ытти чунсене те ҫынсем хӑйсем пекех, анчах та урӑхларах ӗт-пӗллӗ тесе шутланӑ. Ҫӗр синчи кашни чунран вӗренмелли пайтах. Вӗсенчен нумайӑшӗ хӑйсене вӑйӗпе, ӑсӗпе, чеелӗхӗпе, хӑварглӑхӗпе, вӑртӑнлӑхӗпе уйрӑлса тӑрса ҫынсене тӗлентернӗ. Малтанхи ӗмӗр тапхӑрӗнче пуҫланса кайнӑ та ӗнтӗ ҫынсен чӗр чунсене турӑ вырӑнне хурса пуҫ ҫапасси. Паянхи наукара ҫакнашкал ӗненӗве тотемизм теҫӗ. Ҫак ӗненӗве уҫмлатса В.Г. Родионов «Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗ» кенекере ҫапла ҫырат: *«Халӑх ӗненӗвӗсем – паремисен чи авалхи тӗслӗхӗсем, вӗсене пирӗн несӗлсем тӗн, культ тата ытти тӗрлӗ тӗшмӗшле шухӑшлавсем ҫине тайӑнса никӗсленӗ. Кунта мӑн асаттесем асамлӑ чӗр чун – тотемсем, ыр-хаярсемпе туррисем, ҫутҫанталӑк пулӑмӗсене чӗрӗлетсе ҫын сӑнарлӑ туса кӑтартнисем, мифла шухӑшлавӗнчи «сылтам-сулахай» ӑплавӑн ҫыхӑнӑвӗсем, кунсен ячӗсемпе ҫыхӑннӑ тӗшмӗшле йӑли-йӗркисем т.ыт. авалхи ӑнсем палӑрнӑ. (Сӑмахран, чӑваисен тотем – чӗр чунӗсем вӑкӑр, ӗне, така, хуракаш, кӑвакарчӑн, кашкӑр тата ытти те иутланнӑ [2. 129 с.]. Ҫакӑнтах вӑл чарусем (табу) – ӗненӗсен пӗр тӗсӗ тесе ӑнлантарать. «Унта чӑваш халхӗн тӗрлӗ турра ӗненнисем, ҫутҫанталӑк*

япалисемпе пулăмессене пăхăнса тăнисем, тёрлĕ тён е тёмейиле ёненёвёсемпе сьхăннă. *Çапла майпа чарусен шутне чёр чунсем те лекнĕ. Ку вара тотемизма сьхăннă. Сын чёр чунсене хайён тăванё вырăннех хурса хисепленĕ, таса чунсем тесе шутланă* [2. 136 с.].

Халахăн сакнашкал ёненёвёсем илемлĕ литературăра хайне евёрлĕ үкерёнсе юлаççĕ. Сăмахран, Николай Максимов сьрнă «Шурă акăш сүлĕ» роман-легендăра шăпах тотем символика мала тухать. Пулат хёрĕ – Алсу пиччĕшĕпе шăллĕне вилĕмрен сăлса хăварас тесе Уксах Тимĕре качча тухма килĕшет, «чи чаплă урхамахсем» сине ларттарса «вёсене юлашки хут май килнĕ таран нумайрах пăхса» тăма «сүлхүнĕн иккĕмĕш хутнех» хăпарать те «унта ыттисем курман юлан утăсене» мён куçран сұхаличченех асатать. Вара сасартăк пусма хёррине чупса пырать те аялалла пуç хёрлех сиксе вилет. «Анраса кайнă Уксах Тимĕр» тăна кёрсен «анчăк сури виллине, хыçсăнах пуссёр ашишĕпе амăшне» сұламă ашне бивăтма хушать. «Пушар тётĕмĕ йăсăрланнă тёлте сасартăк пёлте сити сұламă йăлкăшса хăпарчĕ. Унчен те пуларĕ, сұлам хёлхемёнчен пысăк акăш вёссе уйрăлчĕ. Шăп-шурă акăш. Вăл суначёсене сарса янă та вёсене сатмасăрах вёсет. Шăп та лăп Юсуфпа Керим тăнă еннелле». Юсуфпа Керим хайсен йăмăкĕ «шăпах сакăн нек шурă тумлă» пуллине аса илĕççĕ. «Шурă акăш вара ёнтĕ пиччĕшĕпе шăллĕ тăракан тёл вёссе ситрĕ, вёсен пуçĕ тёлнче виçĕ хут саврăнчĕ те сурсёр-хёвел анăç еннелле вёссе кайрĕ, тахăш самантра куçран сұхалчĕ» [3. 75 с.].

Юсуфпа Керим «хайсем мён тавсăрса иллине» шарламасăр шурă акăш кăтаргнă сұппа малалла каяççĕ. «Инсех те мар кашкăр ларать иккен. Хай – тёлĕнмелле! – хёллехи мулкач нек шăп-шурă. Эпĕç пурттинне илсе апа хăваласа ячĕ. Савна май кашаман ларнă тёл ситрĕ те самаях такăр сукмака асăрхарĕ. Шурă кашкăр вара сав сукмакпа малалла пăртак кайнă та каллех тем кётсе ларать. Эпĕç хай лашине йёвенрен савăтрĕ те сукмакпа малалла утрĕ. Шурă кашкăр сав хушăра каллех малалла куçса пычĕ, аяккарах кайсан сұл суренсене кётнĕ некх чарăна-чарăна ларчĕ. Ара, сұл кăтартать мар-и ку? Ахальтен тискер чёр чун этем такăрлатнă сукмакпа тăр кăнтăрла сакăн чухлĕ сурес суж. Çапла шурă кашкăр вёсене хёвел тўпене хăпаричченех ертсе пычĕ. Кăнтăрла тёллелле вара урапа сүлĕ сине илсе тухрĕ те савăнттах пăч сұхалчĕ» [3. 83 с.].

Н. Максимов сьрнă роман-легендăри «шурă акăшпа», «шурă кашкăр» кунта тотем шайне хăпарнă. Таса чунлă айăпсăр сьн ансăртран сарăмсăр вилет пулсан, вăл савалпă чёр чуна саврăнса тепёр хут сёр сине аравă сыхлама, йывăр вăхăтра пулăшса сұл кăтартать тенине этем сём авалтан ёненнĕ. Вёсем малашне ару тотемĕ – йăха сыхлаканĕ пулса кайнă: «Кам та кам сав чёр чуна вёлерет, сав нумай пурăнаймать тесе ёнентернĕ, саванпа та сак тотем – чёр чунсене тёлĕнме юраман» Кайран сак апапусенчен нумайшĕ чăваш тёлнчи чару-табусене куçнă», – тесе анлантарать В.Г. Родионов тепчевсĕ [2. 102 с.].

Юлашки вăхăтра сывавсăсем хайсен пултарулăхенче тотем тага чару палисемпе анлан усă кураççĕ. Тёслĕхрен, Г.И. Федорован «Ан кай кайăк вăрман» повесре – «ийĕп сăрти пысăкăш чёрлилĕ» кайăкăн «хитре кăна йăвана савă вёсĕпе тирĕнтернĕ мён» [4. 35 с.]; Денис Гордееван «Кушак ылханĕ» калавра – «вёсренесиён тапаланакан чёр чун» форточкăран урамалла вăркăнать [5. 52 с.]; «Чёкес йăвине ан салатăр» повесре – «тёлкленĕ-тёлкленмен чёкес чёттисен» йăви пуртпе пёрле пăсаль [6. 221 с.].

Зигмунд Фрейдан сакăн пек сьрса хăварни пур: «...табу» – в полном смысле – называется нечто такое, что одновременно и свято, и стоит превыше обычного, так же как и опасное, и нечистое, и жуткое [6. 44 с.]. Чарусен теп палли – тивме юрамани, йăнăш сұлран пăранаси, сьнпа сьн хушшинчи лару-тăру йёркине тытса пырасси, савалпăх. «...Нарушение табу само собой повлечёт жесточайшее наказание. Имеются достоверные сведения о том, что нарушение подобного запрещения по неведению действительно автоматическим образом влекут за собой наказание [6. 43 с.]. Ёмёрсем иртнĕ май чару палисем ушăнса, халах сăмахлăхенче сёнелсе, хальхи пурнăсра куллен пулса иртекен йăла-йёркиче те, тёнре те тепёр хут вай илсе, сумлăланса ытарлă илемлĕх мелёсем (паремисем) пек кёрсе юлаççĕ.

Хусан енчи чăвашсен йăли-йёркинче сыхланса юлнă хальхи пурнăсра та усă куракан саламалик йёркисене те сак паремиех кёртме пулать: «130 сұхрам чăтлăх витёр тухрăмăр, ситмёл сұхрам уй урлă килтёмёр, 130 сұхрам чăтлăх вăрман витёр тухнă чух 12 майракалă палан куртăмăр: ури пусать – сұл юлат, чёрнителе сёр чавать – йёр юлат. Сав уй урлă кашă чух сұл сунатлă урхамах куртăмăр, пуçĕ пёлте кайит сес перёнмест, ури сёре кайит сес тивмест, сұл нек хăвалать, шыв нек юхат. Вёсем хыçсăн пьнă чух савра кулĕ куртăмăр. Савра кулĕ варринче чăрăш – йывăç тăрат; чăрăш – йывăç тăрринче уртăш – кайăк ларать. Сав кайăкăн сăмси ылтăн, чёрни кёмёл, хури пăхăр». Кайăкĕ хай калаçать, урилен вăл ташилать. Сав кайăкпа киленсе, ун кёввине итлесе сирён тёл ситрёмёр [7. 247 с.]. Саламалик йёркисенче те тотем чёр чунсем сұл кăтартаççĕ, ситмелли сёре илсе ситерĕççĕ.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – СПб: ИД «Весь», 2004. – 736 с.
2. Родионов В.Г. Чувашское устное народное творчество: Курс лекций / В.Г. Родионов, В.А. Ендеров – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та: 2004. – 294 с.
3. Максимов Н. Шурă акăш сүлĕ. // Таван Атăл. – 2009. – 12 №.
4. Федоров Г.И. Ан кай кайăк вăрман // Таван Атăл – 2002 – 2 №.
5. Гордеев Д.В. Сурта кунĕ. Калавсемпе повессем / Д.В. Гордеев. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2000. – 334 с.
6. Гордеев Д.В. Куккуклă сехет. Калавсемпе повессем / Д.В. Гордеев – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1988. – 352 с.
7. Фрейд З. Тотем и табу / Пер. с нем. М.В. Вульфа. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 256 с.

*А.В. Минеева,
Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ П.П. ХУЗАНГАЯ «РОД АПТРАМАНА»

С именем П. Хузангая неразрывно связан рост и расцвет чувашской поэзии. Он обогатил литературу многочисленными произведениями, наполненными глубокими раздумьями над прошлым, настоящим и будущим родного народа. Многие его произведения относятся к лучшим образцам чувашской литературы. Он любил людей, мир и поэзию. Самой большой любовью поэта была его Родина, его родная Чувашия, чарующая музыка загадочной народной речи и родного края.

Ни для кого не секрет, что Родина начинается с семьи. Именно поэтому мы хотим обратить внимание на семейные ценности, так как с семьи начинается формирование личности, в семье закладываются фундаментальные основы общества. К семейным ценностям чувашского народа относятся: уважение и почитание старших, любовь к Родине и готовность к ее защите, трудолюбие и т.д. Какие бы сложные задачи не ставила перед нами судьба, мы всегда опираемся на семью. А если семья большая и состоит из нескольких поколений, то и нравственные устои более крепки и прочны в этой семье. Издревле чувашки имели большую семью и гордились этим, так как сплоченность и коллективность вырабатывали у людей такие качества, как забота о близком, попечение, дружба, любовь и т.д.

Вот об этом и пишет великий поэт П. Хузангай в своем произведении «Род Аптрамана». Роман в стихах «Род Аптрамана» – многоплановое произведение классика чувашской литературы. Именно здесь, как тончайший орнамент разбросаны народные песни, поговорки, поверья. Именно здесь поэт излил душу в лирических отступлениях о Волге, о чувашской избе, о тухье, о России. Но как знаменитые чувашские вышивки ложатся на ткань, так и вся художественная система романа легла на прочную основу большого исторического полотна повествований. «Род Аптрамана» – роман о семье, о том, для чего живет человек на Земле. В «Роде Аптрамана» автор исследует природу того, что именно укрепляет нравственные устои этой семьи. Дом, семья, род — вот ценности, на которые мы обращаем особое внимание. Ведь именно им самозабвенно отдают всю свою яркую жизненную одаренность сменяющие друг друга поколения.

Род Аптрамана древний, его родословная затерялась в глубине веков. Аптраманы идут по жизни и делают жизнь, руководствуясь девизом «Не унывай!». Это мудрое изречение характеризует одну из ведущих черт чувашского национального характера. П. Хузангай создал запоминающиеся характеры, которые в совокупности дают социальный, политический, моральный облик чувашского народа. Молодое поколение (Эндри, Натали, Герман) с оружием в руках сражается с врагом, показывают мужество и героизм. Среднее поколение Аптраманов (Илле, Кулине) самозабвенно трудится в тылу. Не остались в стороне и старики – Хеведер и Сабани. Они тоже внесли свой посильный вклад в дело победы. Дед Хеведер всегда занят делом: ухаживает за садом и пчелами. Самобытен Иван Самаев, участник гражданской войны, основатель колхоза на селе. Когда над Родиной нависла смертельная опасность, он ушел на фронт, а вернувшись с войны без руки, опять возглавил колхоз. Старшее поколения является подтверждением следующих семейных ценностей: быть полезным не только своему роду, а также односельчанам. Они служат образцом для подражания в трудолюбии, проявлении патриотизма.

«Умение терпеливо переносить невзгоды и лишения, находчивость и смекалка, простота и искренность, умение преодолевать возникшие трудности и готовность к самопожертвованию, решительность в действиях и способность к героическому подвигу – вот ведущие черты рода Аптраманов. Они воплощают в себе национальные особенности чувашского народа, известного в истории как трудолюбивый народ, мужественно преодолевавший лишения, выпавшие на его долю» [1. С. 3]. Роман «Род Аптрамана» можно смело назвать книгой жизни чувашского народа. Где еще, как не здесь можно увидеть чистую и бескорыстную любовь к родным, близким, и, конечно же, родной земле. Само название романа «Род Аптрамана» раскрывает всю суть произведения. Семейные ценности рода Аптраманов будут жить до тех пор, пока есть кому передавать ее из поколения в поколение.

Литература

1. Идеино-эстетическое единство художественного произведения: Сб. ст. – Чебоксары: НИИЯЛИИЭ, 1989, – 176 с.

*А.Л. Антонова,
Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ К. ИВАНОВА

В начале XXI в. на фоне ускоряющихся процессов глобализации осевой проблемой общества становится взаимоотношение цивилизаций. Система ценностей одного времени не воспринимается человечеством другой эпохи, т.е. то, что для одних является нормой, с течением времени переходит в иной уровень восприятия. Есть определенная система ценностей, которой время и обстоятельства не подвластны. Именно с этих позиций хочется обратиться к творчеству великого чувашского поэта К. Иванова, отметить приоритеты автора в выборе тех или иных ценностей.

В одном из первых своих произведений – стихотворной сказке «Две дочери» – К. Иванов рассказывает, что в мире, построенном на угнетении одних другими, лезть и угождать ценятся больше, чем неприукрашенная *правда*. В народных сказках на эту тему правда остается на стороне правды – младшей дочери, получающей за умный ответ отцу половину его богатства. Но почему же поэт в своем произведении позволяет восторжествовать «сладкой лжи»? В чем суть правды? В сказке совсем иное содержание. В ней богатый отец прогоняет младшую дочь, а награждает своей милостью старшую за угодный его тщеславию ответ. Таким образом, К. Иванов заставляет задуматься над гнусностью мира лжи и обмана, чтобы вести с ним решительную борьбу. Изменение сюжетной линии народной сказки К. Ивановым внесло в нее элемент злободневности и приблизило ее к правде жизни. Через противопоставление *добра* и *зла* классик показал правду жизни: главной силой стали деньги, капитал.

Та же мысль, что мир обмана и насилия, построенный на силе денег, выправливает человеческие чувства, губит и уродует человека, превращая его в зверя, заложена в трагедии «Раб дьявола». Старший брат убивает младшего, но и сам оказывается наказанным судьбой, гибнет бесславной смертью. Таким образом, автор произведения наглядно показывает, что валюта – как материальная ценность, может разрушить тесные родственные связи, что правде и честности в том монетном мире нет места. Баллада «Железная мялка» еще глубже раскрывает мир насилия и угнетения, показанный в сказке «Две дочери». Гнет, существующий в обществе, переносится в семью, приобретая еще более гнусные формы семейного деспотизма, прямого примыкания старшими младших, издевательства со стороны свекрови над невесткой и т.д. Подобным образом К. Иванов убеждает, что с разрушения семейных отношений начинаются простои в обществе. Поэт наталкивает на мысль, что

существует большее зло, нежели происки коварной старухи. И это зло – мир социального гнета. Поэтому такая ценность, как *семья*, приобретает в произведении совсем иные окраски и заставляет задуматься о последствиях происходящего. Поэма «Нарспи» – наиболее совершенное из всех поэтических творений К. Иванова. В ней показана картина жизни и быта старой чувашской деревни, патриархальный уклад которой разъедается появлением денежных отношений и резким усилением классовых различий. Поэма полна мотивов глубокой ненависти к социальной несправедливости, страстного желания освободить человека от мертвящих оков морали старого общества.

Проанализировав некоторые произведения К.В. Иванова, можно отметить, что его основными ценностными ориентирами являются *семейные отношения, свобода и порядок, равноправие, гармония*, что вполне закономерно для общества, не достигшего достаточно высокого материального уровня и благосостояния. Однако, *добро и согласие*, как наивысшее, на чем должна строиться жизнь, не всегда одерживают победу над дисгармонией и полным не пониманием друг друга. Поэтому поэт активно борется против консерватизма, стараясь открыть глаза на устойчивый патриархальный быт.

*Л.В. Антонов,
Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (на материале чувашской литературы)

Вопросы специфики чувашской детской литературы на сегодняшний день изучены недостаточно. Существуют публикации нескольких литераторов и критиков, которые предполагают, какой должна быть детская литература, а не какая она. Они написаны в основном в годы формирования советского периода детской литературы и не являются актуальными для современности.

Детская литература должна быть направлена на формирование личности, на доставление ребенку эстетического наслаждения. На всем протяжении развития чувашской детской литературы эти качества не всегда учитывались в произведениях. Так, в конце XVIII - начале XIX века данная особенность не интересовала авторов книг. Религиозная литература, церковные книги, предназначенные для богослужения в церкви, грамматики использовались в качестве основного пособия для чтения. Н. Золотницкий, И. Яковлев начали создавать свои учебники, буквари с учетом особенностей детского восприятия, их национального мышления. Литературные деятели 30-х гг. XX в. использовали особенности детского восприятия для укрепления пролетариатского воспитания.

Только в 60-70-х гг. прошлого столетия развитие видов приключенческой литературы и других жанров, усиление национального компонента начало свидетельствовать о соответствии произведений детских авторов качественным характеристикам детской литературы.

Литература для детей должна быть основана на особенностях детского восприятия действительности, которое во многом отличается от восприятия взрослого человека. Особенности детского восприятия, его типологические возрастные качества вытекают из своеобразия антропологических форм детского сознания, которые зависят не только от психофизиологических факторов, но также и от социальных особенностей детства. Ребенок - общественный человек, но социальная основа, на которой развивается его общественное сознание, отличается от социальной основы сознания зрелого человека: взрослые люди непосредственные члены социальной среды, а в отношениях ребенка с социальной действительностью важную роль играет взрослый посредник. Дело заключается в том, что значительное количество жизненных функций подрастающего поколения удовлетворяется, формируется и стимулируется взрослыми, а это накладывает специфическую печать и на косвенный и на непосредственный опыт подрастающего поколения. Чем старше ребенок, тем более самостоятелен он в общественных отношениях, тем меньше в его положении социальной специфики детства.

Возраст человека делится на этапы - детство, отрочество, юность. Каждому этапу соответствует качественно своеобразный тип сознания. Поэтому художественные произведения для детей разных возрастов должны иметь разную лексику, структуру предложений, композицию произведения, оформление, иллюстрации, цели, а так же объем. Учет возрастных особенностей детского восприятия в истории развития чувашской детской литературы в разные ее периоды осуществлялось по-разному. Рассказы Е. Рожанского, состоящие из 4-5 предложений читали мальчики 10-12 лет, так как возраст приема в школу в начале века был иной. Переводы религиозных книг, предназначенные для чтения взрослых, применялись в школьном образовании. С яковлевского периода нам известны рассказы из букваря, а дети среднего и старшего поколения были заняты изучением русской литературы, собиранием фольклорного материала, сами создавали оригинальные произведения. В творчестве М. Трубиной присутствуют стихотворения и сказки предназначенные для младшего школьного возраста («Орешник», «Пришедшие из далека»), рассказы для среднего возраста (Рассказы о пионерах) и повести для старшеклассников («Мучар», «Детство»), а так же их родителей («Эрех сул», «Из гостей»). После М. Трубиной в чувашской литературе не наблюдается автора, который бы посвятил свое творчество малышам. В основном, это поэты и писатели, которые уделили свое внимание детям. Надо заметить, что не для всех возрастов в детской литературе на сегодняшний день в

неравномерно мере развиты художественные жанры. Что касается поэзии, то в основном она посвящена детям младшего и среднего возраста. Рассказы, опять же для них. Дети старшего возраста читают стихотворения классиков, а так же повести и романы.

В то же время нельзя забывать, что чем меньше возраст читателя, тем ярче проявляется возрастная специфика, тем специфичнее произведение для детей, и наоборот: по мере возмужания читателей исчезают специфические черты детского возраста, угасает и специфика детской литературы. Но детство не остается неизменным: оно меняется вместе с изменениями в социальной среде и действительности. Сдвигаются границы возрастных этапов, поэтому нельзя рассматривать возрастную специфику как нечто раз и навсегда данное и навечно застывшее. Изменения в возрастной специфике, естественно, приводят к изменениям в особенностях детской литературы.

Анализ многих образцов чувашской детской литературы позволяет нам заключить, что специфика детской книги заключается в учете возрастных возможностей понимания читателя, в расчетливом выборе художественных средств. У них должен быть соответствующий стиль. Действительность излагаться доступно детскому восприятию. Повествование быть живым, образным, увлекательным, красочным, эмоциональным, простым, ясным. Для детей предметы те же, что и для взрослых, но подход к явлениям действительности в силу особенностей детского миропонимания избирательный: что ближе детскому внутреннему миру - видится им крупным планом, что интересно взрослому, но менее близко душе ребенка, видится как бы на отдалении. Изменение угла зрения на действительность приводит к смещению акцентов в содержании произведения, возникает и необходимость в особых стилевых приемах. Детскому писателю мало знать эстетические представления детей, их психологию, особенности детского мировосприятия на различных возрастных этапах, мало обладать «памятью детства». От него требуются высокое художественное мастерство и естественная способность во взрослом состоянии, глубоко познав мир, каждый раз видеть его под углом зрения ребенка, но при этом не оставаться в плену детского мировосприятия, а быть всегда впереди него, чтобы вести читателя за собой. Не случайно К. Чуковский сказал: «Не забывать, что поэзия для маленьких должна оставаться поэзией и для взрослых». Говоря другими словами, детская литература должна быть «высоким искусством».

*А.Г. Захарова,
Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола*

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ И ЧУВАШСКОЙ
ПРОЗЕ 1960-1970-Х ГОДОВ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАССКАЗОВ
В. ТЕНДРЯКОВА «ХЛЕБ ДЛЯ СОБАКИ» И Е. ЛИСИНОЙ «КУСОК ХЛЕБА»)**

Экзистенциальная философия – не столько единое философское направление с общей системой категорий, исходных принципов и методологических установок, сколько выражение «духа времени» в определенной тональности. Экзистенциализм – это, в первую очередь, «зострение» внимания на уникальности иррационального бытия человека, преодоление (а не раскрытие) человеком собственной сущности, акцент на глубине эмоциональной природы. Согласно философии экзистенциализма, чтобы осознать себя как «экзистенцию», человек должен оказаться в «пограничной ситуации», например, перед лицом смерти. В результате мир становится для человека «интимно близким». Значительное место в философии экзистенциализма занимает постановка и решение проблемы свободы, которая определяется как «выбор» личностью одной из бесчисленных возможностей. Идеальная свобода человека в экзистенциальной традиции – это свобода личности от общества, открывающегося, прежде всего, своими абсурдными проявлениями [2. С. 5-6].

Экзистенциализм наложил определенный отпечаток на все отрасли культуры, в том числе, и на литературу. Актуализация экзистенциального сознания и экзистенциальной поэтики в литературе, как правило, отмечается в эпохи, отмеченные трагизмом, или при обращении писателя к темам, связанным с драматическим материалом – современным или историческим. Рассмотрим проявление экзистенциальных традиций в русской и чувашской литературах 1960-1970-х годов на примере рассказов В. Тендрякова «Хлеб для собаки» и Е. Лисиной «Кусок хлеба». Эти произведения, несмотря на то, что они написаны писателями разной национальной и художественной природы и повествуют о разных событиях в истории России, отмечены заметным сходством. Оно проявляется уже в том, что они написаны практически в одно и то же время: «Хлеб для собаки» – в 1969-1970 годах, «Кусок хлеба» – в 1970-ом (речь идет о чувашском тексте). Рассказы объединяются общей темой – темой голода, правда, писатели рассказывают о разном историческом времени: в первом произведении речь идет о 30-х годах XX века; во втором – о послевоенных годах. Рассказы похожи и тем, что в обоих предметом изображения выступает человек в условиях жизни экзистенциальной. Но если в первом рассказе («Хлеб для собаки») мы наблюдаем синтез социально-политической и экзистенциальной проблематики, то во втором представлена лишь экзистенциальная.

Рассказ В. Тендрякова «Хлеб для собаки» воспроизводит 30-е годы как народную трагедию. Эта трагедия представлена через сознание главного героя рассказа – Володи Тенкова, десятилетнего мальчика (в рассказе Е. Лисиной трагическое состояние мира также передается через детское сознание). Образ во многом автобиографичный. Для того, чтобы понять это, достаточно сравнить имена героя и самого автора рассказа: Владимир Тендряков – Володя Тенков. Неслучайно героем-повествователем в рассказе выступает ребенок: детское сознание более чутко к чужой беде, детская душа более тонко чувствует и воспринимает всё, что происходит вокруг. Но нужно оговориться и отметить то, что с образом ребенка соседствует образ автора, который смотрит на все события с «высоты» своего возраста. Такое «соседство» лишь добавляет трагические ноты в общую «канву» повествования. С этим связано и обращение к экзистенциальным мотивам. Володя Тенков – ребенок с душой, изломанной событиями тридцатых годов. Уже в самом начале произведения дается трагическое изображение того, что видел мальчик. Это и описание тех, «кого уже не считали людьми» [6. С. 126], описание покойников, которые «больше всего походили на людей» [6. С. 127]. Самое страшное и пугающее, что видит ребенок, – смерть, которая приходила ко всем по-разному, но одинаково страшно. Самое жуткое и парадоксальное в этом повествовании то, что взрослые не замечают того, что видит ребенок. Не замечают или не хотят замечать. Таким образом, автор уже в самом начале произведения делает заявку на экзистенциальное восприятие жизни. В процессе повествования трагизм возрастает, переходит на другой этап. Появляются мотивы страха, бессилия, одиночества, мечты, которой не суждено сбыться.

В рассказе есть еще один трагический образ – это образ начальника станции («красная шапочка»), размышляющий об абсурдности мира и человеческого существования. Именно он произносит слова, которые звучат как некое пророчество: «Что же вырастет из таких детей? Любуются смертью. Что за мир станет жить после нас? Что за мир?...» [6. С. 128]. Неудивительно, что начальник станции заканчивает жизнь самоубийством: он видит больше, чем видят остальные, он каждый день переживает смерть, смерть духовную, которая постепенно ведет к смерти физической. Да и сам автор говорит о том, что «уже взрослым он удивлялся и гадал: почему он, вобщем-то впечатлительный, уязвимый мальчишка, не заболел, не сошел с ума сразу же после того, как впервые увидел куркуля, с пеной и хрипом умирающего у него на глазах» [6. С. 128].

Володя задается желанием спасти голодающих, но, поскольку он ребенок, не учитывает того, что не сможет спасти всех голодающих физически. От этого все поступки мальчика становятся еще более трагическими. Наиболее показателен эпизод с бутербродами. Мальчик приносит их в школу для того, чтобы поделиться с одноклассниками. Но случается ужасное: один из кусков падает, и по нему проходятся «несколько ног». Это трагедия, ведь хлеб для голодных детей – это как что-то живое, недосягаемое. Отсюда и такие

сравнения: «растерзанный хлеб», «мы все сгоряча убили какое-то животное» [6. С. 129]. Мальчик стыдится того, что он сыт среди всеобщего голода и нищеты. И здесь ключевыми являются его слова: «Мне думается, что совести свойственно чаще просыпаться в теле сытых людей, чем голодных. Голодный вынужден больше думать о себе, о добывании для себя хлеба насущного, само бремя голода понуждает его к эгоизму. У сытого больше возможности оглянуться вокруг, подумать о других» [6. С. 133].

Мысли мальчика становятся мрачными, он начинает видеть больше, чем раньше. Он замечает телегу, которая каждое утро вывозит трупы «куркулей». После этого события Володя задается вопросом: «Не все ли равно, сколько лет проживу на свете? Да так ли уж мне хочется долго жить?..» [6. С. 134]. Это размышление сродни размышлениям героев экзистенциальной литературы, например, героев горьковских рассказов 1920-х годов. Жизнь теряет свою значимость в условиях сдвинутого мира. Заблуждения мальчика в поиске истины – тоже элемент экзистенциализма. Он пытается интуитивно определить, кто является самым голодным для того, чтобы помочь. Но Володя, как и многие другие, помогая людям, не замечает того, что самым несчастным существом являются не бедняки, не калеки, а собака. Людям хоть изредка, но помогают, а собака обречена на мучения. Володя понимает это не сразу, понимает благодаря отцу, который, сам того не ведая, помог сыну. Мальчик понял, что, говоря о собаке, все жалеют ее хозяина и никого не заботит судьба пса. Володе достаточно было кого-то кормить, поддерживать чью-то жизнь. Он считал, что это дает ему право есть и жить. Но тут же мы видим замечание самого Володи: «Не облезшего от голода пса кормил я кусками хлеба, а свою совесть. Не скажу, чтоб моей совести так уж нравилась эта подозрительная пища. Моя совесть продолжала воспаляться, но не столь сильно, не опасно для жизни» [6. С. 144]. Рассказ завершается документальной репликой, которая резко отличается от всего повествования. Она относится к другому историческому времени, более позднему, это, как бы взгляд повзрослевшего героя. Данная реплика звучит как реквием по умершим от голода в тридцатые годы и одновременно как осуждение власти, равнодушной к людям, которые голодали и вынуждены были влачить жалкое существование. В рассказе поднимается, таким образом, не только проблема жизни-экзистенции, но и социально-политическая.

Рассказ «Кусок хлеба», написанный чувашской писательницей Е. Лисиной, на чувашском языке появился в 1970-м году, русский вариант значительно позже – в начале 1990-х. Между русским и чувашским текстами есть небольшие расхождения: в чувашском варианте есть посвящение и небольшой по объему эпизод из жизни главной героини, который предшествует основной части рассказа. Посвящение звучит так: «Памяти сеньяльских детей, которые умерли от голода в годы войны» («Вăрçă хыççăнхи сұлсенче выçăпа вилнĕ Сĕньяль ачисене асанса») [5] (Пер. с чуваш. нащ. – А.З.). Таким образом,

сразу же заявлена основная тема рассказа – тема голода. Она раскрывается не в рамках аукториального повествования, а через несобственно-прямую речь героя-ребенка. В чувашском тексте основному повествованию предшествует своеобразное предисловие, в котором Еля объясняет, почему она, уже будучи взрослой, не покупает много хлеба. Оказывается, она просто не может выбрасывать еду, которая остается, поэтому она и не запасает ее впрок. Это связано с ее голодным детством, о котором речь пойдет в основной части рассказа. Таким образом, мы можем говорить о важной информативной функции рамочного текста (посвящение и предисловие предваряют идейно-тематическую составляющую основного текста рассказа). Русский же текст сразу начинается с чувашской поговорки: «Нет ничего дороже хлеба» [4. С. 143]. В остальном, существенных расхождений между текстами нет, поэтому далее мы будем работать с русским вариантом рассказа.

Данное произведение, как и первое («Хлеб для собаки»), тоже повествует о событиях прошлого, которые предстают в ретроспективе писательского сознания. Указание на это мы видим в самом начале рассказа: «Я это знаю, знаю с малых лет» [4. С. 143]. Следовательно, можно говорить о том, что время повествовательное отличается от времени действительного, рассказ представляет собой воспоминания. Это воспоминания героини об одном из дней своего голодного детства: «Дни, когда мне удавалось поесть хлеба, остались веками в моем детстве. <...> Вспоминается один из таких дней...» [4. С. 143]. Особенностью данного рассказа, как и рассказа Тендрякова, является то, что с образом взрослого повествователя неразрывно связан образ ребенка. Безусловно, оценка событий дается взрослым человеком, но эмоции, переживания, показанные в рассказе, детские. Такой выбор автора неслучаен: герои рассказа Еля и Лизук во многом автобиографичны – это сама Ева Лисина и её сестра Луиза. Данный факт, безусловно, добавляет произведению реалистичности, кроме того, рассказ приобретает исповедальный характер. Всё это помогает приблизить читателя к тому времени, когда происходили описываемые события, делает его одним из участников.

Трагические события послевоенного времени, которые легли в основу рассказа, и обусловили обращение к экзистенциальному повествованию. Вопрос об экзистенциальных началах в повествовании Лисиной в настоящее время является наиболее актуальным аспектом изучения ее творчества [1], [3]. Так, Е.Р. Афанасьева отмечает, что «все герои Евы Лисиной как будто скользят по острому лезвию ножа. Всего одно неправильное, необдуманное движение может разрушить их мир. Их сравнивают с героями Ф. Достоевского по схожести испытываемых ими экзистенциальных чувств» [1. С. 35]. Мы видим героя, который живет не только в «мире людей», но и в своем собственном, во многом экзистенциальном, пространстве. Для того, чтобы показать мир изломанного детского сознания и израненной детской души, автор

произведения обращается к таким экзистенциальным мотивам, как страх, одиночество, бессилие, несбыточность (крах) мечты и т. д.

Экзистенциальная концепция бытия мира и человека в рассказе раскрывается через образы двух девочек – Ели и Лизук. Мать, которая занята на колхозном поле, отправляет их в больницу за справкой, благодаря которой у них появится возможность косить жнивье. Девочки боятся, их пугает дальняя и незнакомая дорога, но мать воодушевляет их, говоря о том, что в районе есть столовая, в которой можно поесть хлеба. Путь до районной больницы, подробно нарисованный в рассказе Лисиной, сопровождается множеством пейзажных описаний, данных через наблюдения и восприятие героев. Это, в основном, экзистенциальные пейзажи: «Ветлы села Турхан выше и темнее наших, они словно спрашивают: «Что вы тут делаете?»» Подальше бы от них, и я тяну Лизук на середину дороги. И дорога здесь другая, хотя она покрыта пылью, а идёшь по ней как по острым камням» [4. С. 144]. В этом описании заявлен экзистенциальный мотив страха. Лисина также говорит о том, что человек в этом жестоком мире практически ничего не значит: «Для огромного поля две девочки – только две былинки, даже слабый ветер сгибает нас, как бурьян» [4. С. 150].

Также большое внимание уделяется экзистенциальному интерьеру: «Столовая то пропадает, то, сверкая своими окнами, ползет ко мне. Черные рамы окон стоят передо мной как ряды кладбищенских крестов» [4. С. 150]. И пейзаж, и интерьер способствуют раскрытию экзистенциальных мотивов одиночества, человеческого бессилия в зловещем, гнетущем мире. Мечтам Ели о хлебе не суждено было сбыться. Героиня стала жертвой этого жестокого мира, даже в чем-то жертвой своей мечты. Еля бьется в припадке: вокруг неё всё напоминает о хлебе: «Старые бревна столовой – цвета ржаного хлеба, от мха между бревнами слышится запах ржаного хлеба» [4. С. 150]. Всё вокруг пахнет хлебом и цвета хлеба, и лишь «лицо сестры красно от крови» [4. С. 150]. Сестра Ели, Лизук, в этот момент представлена как образ вселенского зла, как убийца чего-то живого, но, в то же время, это тоже жертва голода. Она обезумела, как сказал доктор, из-за отсутствия нормальной еды. Лизук – наиболее ранимый и беспомощный человек, она существует бессознательно, жизнь ее подобна жизни животных, бытие которых инстинктивно. В рассказе неслучайно появляется фраза: «Чернота обволакивает всё. И в середине этой черноты – Лизук, та, которая потеряла хлеб» [4. С. 150].

Еля – жертва абсурдного, жестокого мира, это человек с изломанным сознанием. Подтверждением этому служит мечта девочки о хлебе, ради которого она согласна идти хоть на край света. И она идет за двумя кусками хлеба, думая, что мечта претворится в жизнь. Но желание это так и остается нереализованным. Вся жизнь Ели – это неудачи, разочарования, удары судьбы, которые не дают ей достичь мечты. Признаком изломанного сознания является и то, что Еля не способна соотносить действие и его субъект: «Слышится чей-то дикий крик.

Оказывается, это я кричу» [4. С. 149]. И уже почти в самом конце рассказа появляется мотив свободы, о свободе говорит сама героиня: «Моя душа свободна, как ветер в скошенном поле» [4. С. 151]. Свобода экзистенциальная, ибо она не сулит счастья, она лишь «передышка» перед лицом будущих испытаний. Отсюда неслучайно автор завершает свое произведение сном. Парадоксальная мечта о хлебе, о физической и внутренней свободе осуществима только в волшебном сне, который видит Еля. Кроме того, только в состоянии забытья (сна) девочка предстает как обычный ребенок, с адекватно проявляющимися эмоциями: «Я улыбаюсь. От этой улыбки растаивает всякая боль и наступает блаженство. Не выдерживая его, глаза мои наполняются слезами. Я – самая счастливая девочка на свете. Я жду, когда выпечется кусок хлеба...» [4. С. 151]. Сон – это своеобразная антиномия реальному существованию героев – жестокому и абсурдному миру, в котором не может реализоваться даже такая абсурдная, казалось бы, мечта о куске хлеба.

Итак, героями и русского, и чувашского рассказов являются дети с изломанным сознанием, рядом с ними – образ взрослого человека, который дает оценку событиям с «высоты» своего возраста и включает восприятие героев в поле экзистенциального сознания. Герои обоих рассказов автобиографичные (Володя Тенков в «Хлебе для собаки», Еля и Лизук в «Куске хлеба»). В обоих произведениях реализуются экзистенциальные мотивы одиночества, страха, бессилия перед лицом жестокого мира. Герои рассказов имеют мечту, которую невозможно достичь в условиях абсурдного мира. Сходство произведений наблюдается и в их названиях, которые содержат слово «хлеб» (ключевое слово, характеризующее экзистенциальное сознание в условиях голода). Проблема жизни-экзистенции, общая для обоих рассказов, в произведении Тендрякова дополнена характерной для него социально-политической детерминантой, которая вносится заключительной документальной репликой писателя.

Литература

1. Афанасьева Е.Р. Экзистенциальные мотивы в прозе Евы Лисиной / Е.Р. Афанасьева // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Вып. 3. – Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 34 - 36.
2. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: Диалоги на границах столетий: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2002.
3. Кудрявцева Р.А. Образ хлеба в художественной структуре рассказа (к вопросу о ценностно-смысловом потенциале современной марийской и чувашской прозы) / Р.А. Кудрявцева // Этническая культура народов Волго-Камья: традиции, трансформации и современные процессы: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Йошкар-Ола, 2009. – С. 129 - 135.
4. Лисина Е. Кусок хлеба: рассказ / Е. Лисина // Чувашская литература: в 3 ч. / авт.-сост. В.Н. Пушкин. – Ч. 3. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. – С. 143 - 151.
5. Лисина Е. Җăкăр чĕлли / Е. Лисина. URL: <http://vulacv.blogspot.com/2007/04/jev-lissin.html> (дата обращения 24.06.2010).
6. Тендряков В.Ф. Охота: повести, рассказы / сост. Н.Г. Асмолова-Тендрякова. – М.: Правда, 1991.

СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ГИПОТЕЗЫ

В.Н. Базылев,

*Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина,
г. Москва*

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Начало нового тысячелетия – это рубеж эпох, то есть время, когда возникает необходимость подвести итоги сделанного в определенной области научного знания и на этом основании определить задачи, наиболее актуальные для сегодняшнего его состояния и в значительной степени определяющие перспективы его дальнейшего развития. Подводя итоги развития отечественной социолингвистики, можно утверждать, что накопленный в этой области лингвистики обширный фактический материал делает возможным переход к новым обобщениям и классификациям. Каковыми же могут стать эти перспективные направления?

Необходимо, на мой взгляд, отметить, что по сей день для отечественной социолингвистики остается актуальной задача обобщения и систематизации контактных явлений, в данном случае обусловленных воздействием русского языка как языка преимущественного влияния на череду языков, объединенных регионально-географическими условиями, общностью социально-исторического функционирования и развития, близостью культурно-этнической специфики и общими тенденциями в процессах аккультурации народностей

Теоретические размышления в этой области, находящиеся на стыке теории познания и теории номинации, психологии и лингвистики, имеющие непосредственный выход в речевую практику (объясняющие, например, сочетаемостные возможности тех или иных глаголов в разных языках), важны, как представляется, и необходимы для развития контактологического направления в отечественной лингвистике, исследований и теоретических разысканий, проясняющих для каждого естественного языка понятие его «самобытности»-оригинальности, исконности, незаимствованности.

Именно в этом емком понятии заложена идея общественной природы языка, идея органической связи языка и духовной культуры этноса, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, языка и исконных традиций наций, народностей, этнокультурных общностей. Представляется, что движимый именно этой идеей, Н.И. Толстой увидел в свое время в языке как семиологической системе не только средство общения, но и «одну из важнейших форм этнической (племенной, народной, национальной) культуры,

как средство ее определения и поэтического выражения». Таким образом, понятие «самобытный язык» становится этнолингвистической категорией. Самобытность языка как семиологической системы поддерживается сложным механизмом по реализации охранительной функции языка, т.е. по обеспечению устойчивости, стабильности, единства и исконности национального языка. Принципы действия этого механизма обусловлены законами, правилами построения самой языковой структуры, ее функционирования, с одной стороны, и речевой практики коллектива, использующего возможности этой структуры, - с другой. В этой связи мы можем говорить о необходимости активизации контактологических исследований для дальнейшего развития отечественного языкознания и, в частности, русистики.

При этом перед нами встают две взаимосвязанных проблемы: совершенствование контактологической теории и развертывание исследований процессов взаимодействия русского национального языка в диахроническом и синхроническом планах с другими национальными языками, языками этнокультурных общностей, волею судеб находящихся в непосредственном сопряжении с русской. Чем совершеннее, богаче, фундаментальнее будут основы лингвистической контактологии, тем объективнее и глубже будет показана лингвистами картина функционирования, бытования многочисленных языков и культур в таком полиэтничном, многонациональном государстве, какое являет собой Россия, тем очевиднее станут роль и результаты активного участия национального русского языка в функции языка межнационального, языка государственного, языка мирового в локальном, относительно замкнутом, и более открытом языковом пространстве. И наоборот - чем тщательнее, подробнее, беспристрастнее будут описаны взаимодействия софункционирующих языков различных наций, народностей, этнических групп, небольших популяций, населяющих нашу многонациональную Родину, выявлены результаты этих взаимодействий, не в последнюю очередь результаты контактирования с русским языком как языком преимущественного влияния, тем больший вклад внесут лингвисты в развитие теории лингвистической контактологии, непосредственно сопряженной с теоретическими постулатами, находящимися в компетенции иных семиологических систем, наряду и в совокупности с языком, как одной из форм национальной (народной, племенной) культуры, способных объяснить и понять закономерности развития человеческой цивилизации.

Следует согласиться, что обе проблемы, о которых идет речь, далеки от более или менее эффективного научного разрешения. Известно и понятно, что если какая-то отрасль науки не оснащена хотя бы оптимальным терминологическим аппаратом, то она недееспособна, хотя, может быть очень заманчивой и привлекательной.

Относительно лингвистической контактологии отметим, что она имеет в своем распоряжении терминологический арсенал как традиционного, так и

дескриптивного характера, однако нуждается в уточнении, пополнении, специализации. Действительно, есть ли терминологические обозначения для дифференциации контактов между родственными языками (например, между русским и украинским) и неродственными? Для обозначения сущности таких значительных, огромных контактологических процессов, как воздействие старославянского языка на древнерусский? Даже на уровне не сущности этого явления, а на уровне факта нет необходимого устойчивого обозначения. Есть термин *второе южнославянское* влияние, но встречается ли термин «первое южнославянское влияние?» или термин, покрывающий оба эти понятия? Есть термин *пуризм*, но нет термина для выражения противоположного явления.

В теоретическом аспекте в контактологии еще не определены и не выявлены - во всей полноте и доказуемости - тенденции и направления языковых контактов (во времени, истории и в географическом, этническом пространстве), общие закономерности и универсальные модели контактов двух и более языков, инвариант и варианты этих моделей, не описаны социологические типы контактов (на базе религии, науки, моды, политической насильственной или ненасильственной экспансии и т.д.). В этой связи изучение влияния русского языка на языки народов России представляет интерес по следующим соображениям: в течение веков и тысячелетий идут определенные языковые миграционные процессы; определенный языковой материал, оставаясь в передающем языке, внедряется, в том или ином виде, в новый для него язык, воздействуя на его природу, обогащая или изменяя в той или иной мере его различные уровни. Эти процессы привели к известной интернационализации многих языков - к большой доли в них общей лексики и лексической полисемии, фразеологии, общих словообразовательных типов и моделей, элементов и единиц грамматического строя. Языковые миграционные процессы принесли во многие языки не только внутриязыковые изменения, но повлияли на развитие культуры многих народов - в направлении создания общекультурного фонда (в сфере научных понятий, стилистики, духовности и нравственности). В этой миграционной цепи важно проследить роль русского языка (и русского народа) как, с одной стороны, передатчика западной культуры в ее языковом воплощении в различные языки народов, живущих на территории России; с другой - как передатчика собственной, исконной культуры русского народа и его языковых богатств в эти же языки, этим же народам.

Важен также вопрос, насколько народ, воспринимающий элементы чужой культуры и языка, соглашается на такое влияние, охотно ли открывает он (прежде всего в лице своих полномочных и неполномочных представителей - культурных, образованных людей или культурной «элиты») все каналы и шлюзы для этого влияния и насколько ассимилирует, перерабатывает поступающие инокультурные и иноязыковые элементы в

соответствии с национальным (этническим) духом, не страдает ли при этом духовная сущность такого народа?

Исследователю важно знать, как реагируют те или иные языки на воздействие на них языковых миграционных процессов, особенно если они продолжительны, интенсивны, как и насколько, при каких условиях наиболее активно происходит их интернационализация, при каких - менее активно. Лингвисты достаточно полно представляют себе интернациональный слой явлений в таких языках, как немецкий, английский, русский, но совершенно недостаточно - в большинстве языков народов России и ближнего зарубежья. Оказали ли упомянутые общемировые миграционные языковые процессы, их тенденции (через русский язык или через другие языки-посредники) такое же осязаемое воздействие, скажем, на языки народов Севера, Сибири, Дальнего Востока, языки Поволжья, Кавказского ареала, как византийский и старославянский языки на древнерусский после крещения Руси и французский в 18-19 веках или нет, каковы причины и результаты именуемых различий?

Подробное и «конкретно-предметное» знание всех этих проблем значительно обогатило бы лингвистическую науку, теорию, позволило бы уточнить результаты многих ее направлений и отраслей, в частности, традиционное описание языковых систем (русского или другого языка). Хорошо известную схему такого описания можно было бы усовершенствовать, представив в новом свете фактический языковой материал. В этом случае по всем языковым уровням описания языковой системы на гораздо более заметный план выдвинутся такие разделы, подразделы и рубрики, как исконные явления (в лексике, морфемике, деривации, синтаксисе и др.), заимствованные единицы (также в отдельности, по всем уровням), интернациональные слова, выражения, аффиксы и др., ассимилированные, малоассимилированные единицы, гибридные единицы (также, разумеется, не только лексические и словообразовательные, но и, скажем, синтаксические).

Упомянутые языковые явления нуждаются в достаточных иллюстрациях и статистических характеристиках. Пока этого нет в необходимой мере ни в учебниках, ни в академических изданиях. При такой корректировке схемы описания языка, если она будет выполнена полно и корректно (в частности, по каждому уровню) можно достигнуть более ясного представления о данном национальном языке (о его лексическом составе, грамматическом строе и т.д., о его месте среди других языков и вообще языков мира), чем мы имеем, исходя только из типологических и генеалогических языковых данных, из современных монолингвистических описаний без широкого привлечения лингвоконтактологических данных.

В практическом аспекте имеется очень мало фактического языкового материала такого рода. К сожалению, и этот небольшой материал разрознен, не систематизирован, в контактологических сведениях и полках для фактов большие пустоты. Упор до сих пор делался на собирание и обработку собственно лексических заимствований. Результаты контактирования в грамматическом, словообразовательном, фразеологическом стилистическом, этнологическом, культурологическом и иных аспектах для каждого отдельного языка, группы родственных или неродственных языков в пределах полиэтнических регионов мало исследованы, а для некоторых языков вообще не подвергались анализу. Это уменьшает возможности практического применения еще не добытого, скрытого в самом языке и не препарированного контактологического фактического материала.

А ведь владение систематизированным контактологическим материалом может иметь немалые лингводидактические выходы - не только в совершенствовании содержания и методики обучения русскому языку лиц нерусской национальности, но и в улучшение преподавания иностранных, западноевропейских языков. Здесь можно определить совпадающие плоскости, составы интернациональной лексики, полисемии, фразеологии, моделей деривации, единиц синтаксиса, состав «ложных друзей переводчика», совпадающие стилистические явления и т.п. В той же мере контактологические данные помогут ученым объяснить и определить отсутствие в том или ином языке ожидаемых, потенциально возможных интернационализмов, имеющих в большом ряде других языков.

Исследование языковых контактов, давших языковое сходство, должно проводиться, на наш взгляд, с сознательной нацеленностью, прежде всего, на ряд определенных зон, участков языка (вернее, двух исследуемых языков), в которых, как уже известно из сопоставлений европейских языков с древними языками, наиболее вероятны обильные контактные влияния. Далее мы перечислим многие из таких предполагаемых зон активного соприкосновения, по которым следовало бы собрать подробные и тщательные данные, фиксировать факты воздействия русского языка на язык того или иного сопредельного народа России. При этом подчеркнем, что большой интерес представляют не только положительные данные (например, обильные заимствования в такой-то терминологии), но и отрицательные данные (скажем, необнаружение влияния русского языка на лексическое наполнение определенной тематической группы, на субстантивацию прилагательных и т.п.). Отрицательный показатель также имеет ценность, теоретически и практически он может оказаться весьма весомым. Естественно, что ученый не должен поддаваться субъективности и эмоциям, желанию как можно лучше представить свой родной язык, но быть строго объективным, скрупулезным.

На лексическом уровне важно получить следующие контактологические данные: 1. По заимствованию лексем, то есть по собственно лексическим заимствованиям. Представляется, что здесь хорошо иметь дифференцированные сведения по каждой тематической группе бытовой лексики («Одежда», «Пища», «Мебель» и т.д.), а также по другим тематическим группам («Погодные явления», «Топографические объекты» и др.); 2. По семантическим калькам, совпадению-несовпадению лексической полисемии русского и другого национального языка, объема семантической структуры слов. Когда будут собраны такие данные и сделаны определенные выводы по многим языкам народов России и ближнего зарубежья, можно будет свести и схожие сведения для одних языков и расходящиеся - для других и делать на основании этого обобщения более полные выводы. Здесь были бы интересны и статистические данные, касающиеся числа полисемантических слов двух языков, в которых совпадают - а) два значения, б) три значения и т.д., а также другие сведения; 3. По терминологии двух языков. Важно располагать данными не только по контактам в области научной (по отдельным наукам) - технической, политической, спортивной терминологии, но и по терминологии в сфере культуры. Исконность - заимствованность терминов культуры - очень знаменательный внешний показатель сохранения духа, менталитета народа в его языке, степени гибридизации и интернационализации данной национальной культуры; 4. По ономастике двух языков. В сфере топонимики интересно знать данные по сопоставлению названий на картах России и картах мира, изданных на русском и других национальных языках: будут ли они усеяны интернационализмами, межязыковыми омонимами, или на карте, изданной в республике, автономном образовании на родном языке, будут преобладать специфические названия; 5. По фразеологии. Очень актуален вопрос, насколько калькирована русская и интернациональная фразеология (исключая терминологические обороты) на данный национальный язык.

На словообразовательном уровне необходимо располагать следующими контактологическими данными: 1. О заимствовании русских и интернациональных суффиксов и префиксов, других служебных морфем, о их переделках, калькировании, то есть замене при переводе слова на аналогичные исконные служебные морфемы; 2. О заимствовании словоизменятельных аффиксов из русского языка; 3. О развитии по русским или интернациональным образцам сложных слов; 4. О заимствовании русских аббревиатур и сложносокращенных слов (в их русском виде или в калькированном), о развитии в данном национальном языке этого типа словообразования вообще (под влиянием русского языка).

На морфологическом уровне имеются также зоны, в которых при исследовании можно ожидать обильные или групповые заимствования из языка-донора. Здесь как представляется, важно пронаблюдать: 1. За изменением-

сохранением рода заимствуемых существительных; 2. За изменением-сохранением словоизменительных свойств заимствуемых сингулярия тангум. Если такие существительные калькируются или прямо заимствуются, то важно видеть, не развиваются ли у них в другом языке формы множественного числа; 3. За изменением-сохранением свойств плюралия тангум; 4. За заимствованием субстантивов (субстантивированных прилагательных, причастий); 5. За относительным употреблением местоимений; 6. За относительным употреблением глагольных форм времени и наклонения в национальном сопредельном с русским языком; 7. За модальными (вводными) словами и выражениями в национальном языке, контактирующем с русским, со скрупулезным сравнением их состава с русскими аналогами.

На уровне синтаксиса важнейшими зонами соприкосновения двух или более языков представляются следующие: 1. Глагольное управление; 2. Типы предложений. Речь идет и о простых предложениях и сложных, особенно сложноподчиненных; 3. Связки именного составного сказуемого; 4. Союзное подчинение, в частности, сложноподчиненные предложения.

На стилистическом уровне представляются необходимыми обширные и тщательные наблюдения по следующим участкам предполагаемого соприкосновения или за теми результатами, к которым оно ведет: 1. Выразительные средства интернационального языкового (речевого) арсенала, русского арсенала; 2. Лексика и фразеология христианского культа. У народов, обращенных в православие, в результате переводов религиозных и церковных книг, естественно, должен был сложиться большой лексико-семантический пласт, который уже внутри данного языка влиял на другие стили; 3. Формирование стилей национального языка; 4. Речевой этикет; 5. Традиции и практика называния микропонимических объектов и выпускаемой продукции (торговые марки).

Таким образом могут быть определены поуровневые контактные зоны - зоны активного соприкосновения русского национального языка с другими национальными языками, языками народностей, этнических групп, языками территориально разобщенных самостоятельных популяций в языковом пространстве софунционирования русского национального языка - языка государственного, межнационального и международного употребления - с другими языками в пределах Российской Федерации и ближнего зарубежья; намечены конкретные направления и задачи исследования и регистрации фактов воздействия русского языка на язык того или иного сопредельного народа. Естественно, что поскольку языковой контакт потенциально предполагает обоюдное влияние одного языка на другой, задача исследователя того или иного национального языка, языка народности или этнической группы в каждом конкретном случае, в каждом конкретном полиэтническом регионе софунционирования языков (в различных статусах

и временных пределах) - выявить, объяснить и зафиксировать факты «обратного воздействия» контактирующих языков, в нашем случае - поуровневые данные влияния на русский язык, на русскую речь сопредельного языка в самых широких семиологических пределах.

Контактологические исследования могут практически реализоваться в контактологические издания самых разнообразных типов и жанров. Это могут быть контактологические труды, посвященные только лексическим контактам - контактологические словари в прямом смысле этого слова, как лексикографические издания, это могут быть контактологические терминологические словари и справочники; издания, в которых собраны и обобщены контактные явления, обнаруживаемые только в одном языке под влиянием длительного воздействия другого или группы языков; это могут быть семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические и иные одноуровневые или комплексно-контактологические труды - словари, справочники, пособия.

Т.Б. Ульянова,

*Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

ИЗУЧЕНИЕ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЮРКСКОМ И СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Чувашской лингвистической наукой проблема темпоральности глубоко и всесторонне не изучалась. Часто интерес к этой проблеме сопрягался с проблемами, находящимися на стыке наук, как-то: этнологии, литературоведения и т.д. Первые сведения о календарном времени у чувашей встречаются у И.Г. Георги (1773-74) и К.С. Мильковича (1783). Они отмечают, что с месяца *чук – ойх* у чувашей начинается *новый год*. А. Фукс, В.А. Сбоев и А.Ф. Риттих уже описывают чувашский календарь. Необходимо отметить, что эти отрывочные замечания связаны в основном с интересом их авторов к экзотическим явлениям чувашской этнографии и нравов. Этот же вопрос интересовал Н.И. Золотницкого, Г.Т. Тимофеева, Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова. В 1962 году Н.Р. Романов пишет специальную статью «Чувашский народный календарь», в том же году М.Р. Федотов задается целью выяснить этимологию названий дней в статье «О названиях дней у чувашей». В работах М.Р. Федотова впечатляет его углубленный интерес к проблемам этимологии и ономастологии. Это уже собственно лингвистический подход к проблеме. Вслед за этим В.Д. Дмитриев выпустил брошюры: «Чувашский календарь и метрология» (1982), «Старинный чувашский календарь и единицы измерения» (1992) и ряд статей, посвященных данной

проблеме. Однако явление темпоры в этих работах обсуждалось лишь частично и лишь попутно.

Чувашские языческие календарные обряды и праздники описаны также В.Г. Родионовым в статье «О системе чувашских языческих обрядов» и А.К. Салминым в книгах «Сказки. Обряд. Действительность» (1989), «Народная обрядность чувашей» (1994), «Праздники и обряды чувашской деревни» (2001), «Система верований чувашей» (2004). В.Г. Родионов как литературовед, А.К. Салмин как этнограф изучают свод чувашских языческих традиционных праздников и обрядов. В этих работах наличествует определенная лингвистическая направленность, выразившаяся в плане этимологии описываемых названий праздников и обрядов; сравнения и сопоставления названий из других языков. Например, А.К. Салмин пишет: «Слово *синце* встречается только в значении рассматриваемого праздника. Существует три взгляда на его этимологию. Во-первых, *синце* в значении *синче* «в положении», «беременная». Во-вторых, *синце* в значении «новое лето». В-третьих, существует ложная этимология, не имеющая логической основы: *синце* «тонкий». У марийцев аналогичный праздник известен как *синкса*, у китайцев – *sinze*. Славяне праздник брачного союза земли и неба называли «Духов день» [9].

К лексико-семантической категории времени интерес чувашских языковедов наблюдается в конце XX и в начале XXI века, проявившаяся в ряде небольших научных статей. Так, Н.И. Егоров в статье «О названиях времен года в тюркских языках» дает историко-этимологический анализ названий времен года, которые, по словам автора, являются довольно архаичным пластом лексики, общим для всех тюркских языков, и восходят к общеалтайскому пласту лексики. Но в ходе изложения темы автор несколько противоречит сам себе. Оказывается, древние тюрки (в том числе и чувашаи) различали только два времени года, точнее «теплое» и «холодное», а названия *суркунне* «весна» и *кёркунне* «осень» являются названиями более позднего порядка. «В праалтайском, и даже в пратюркском языке реалии «весна» и «лето», - пишет он, - видимо, еще не были четко дифференцированы друг от друга и обозначались одним и тем же словом или однокоренными производными» [5].

Анализ показывает, что процесс формирования определенной концепции компаративистских исследований в чувашской филологической науке продолжался долго. Решающее значение, что нельзя не отметить, в этом процессе имели работы этнологов и филологов, что послужило веским поводом для продолжения подобных исследований и в чувашской лингвистике. Чуть раньше татарский филолог Р.Г. Ахметьянов в сравнительно-сопоставительном плане описал термины обрядов и народного календаря чувашей, татар, мари, мордва и некоторых других народностей. Автор дает разнообразные

этимологические источники описываемых терминов. В другой своей работе Р.Г. Ахметьянов исследует в совокупности этнокультурную лексику народов Среднего Поволжья – татар, башкир, чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы, где отчасти описывается темпоральная лексика этих народов. Слова с временными значениями рассмотрены в статье В.И. Сергеева [10]. Работы М.Р. Федотова, Н.И. Егорова, В.И. Сергеева повлияли на исследования выявления особенностей выражения времени подлинным лингвистическим подходом.

В последнее время к освещению темпоральной лексики обратились ряд татарских исследователей. В сборнике «Теория перевода. Межкультурная коммуникация. Сопоставительная лингвистика» (М., 2003) появились небольшие статьи в тезисной форме следующих авторов: Т.А. Бурцева [2] описывает категорию «время» в культурологическом аспекте языка. М.Н. Закамулина (Казань) подчеркивает, что «время занимает важное место в картине мира... и относится к базовым категориям общей модели мира». В плане семантики автор говорит о поверхностно-семантическом и глубинно-семантическом уровне. Исследуя слова татарского и французского языков с временными значениями, М.Н. Закамулина приходит к выводу: «Сопоставительный анализ показал, что в плане передачи темпоральных значений... французский и татарский языки проявляют глубинный изоморфизм, который, очевидно, можно считать универсальным». Статья Э.Р. Миассаровой [6] является, видимо, частью монографии или диссертации, и речь идет о социально-историческом времени, именно в рамках этого исследуется время индивидуального бытия человека, который определяется протеканием различных социально и индивидуально значимых для него событий.

Исследования татарских языковедов обнаружили в явлении темпоры и смежных с ним проблемах весьма интересные аспекты. Так, Т. Бурцева, рассматривая особенности творческого мира Б. Пастернака, сделала акцент на категории времени как на философском концепте (константе) и рассмотрела его бытие в культурологическом контексте. Такого же философского подхода к названной проблеме придерживалась в своем исследовании Э. Миассарова, изучавшая время и пространства на примере творчества М. Пруста и А. Белого. Движение пространства и времени расцениваются ею в плане философии и эстетики художественного текста. Интересна и работа М. Закамулиной, которая остро поставила вопрос о важности рассмотрения темпорального контекста, расцененного в сравнительно-сопоставительном и типологическом планах.

Вместе с тем исследование лексики чувашского и татарского языков, выражающей категории времени, как объект изучения находится на начальном этапе, между тем в русистике эта тема поднята давно, имеются ряд работ, посвященных этой проблематике. В 1973 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Идеографическое описание лексики (анализ слов со значением времени в русском языке)», а затем опубликовал книгу с тем же

названием В.В. Морковкин. В 1980 году в Институте языкознания АН СССР защитил докторскую диссертацию на тему «Категория времени и ее выражение в лексико-семантической системе языка». Общее языкознание (философские проблемы) Н.А. Потаенко. Диссертация выполнена на материале французского языка. Автор ставил цель выявить формальную и содержательную организацию лексики современного французского языка, связанную с понятием времени по данным толковых словарей французского языка. Работа акцентирует внимание будущих исследователей на необходимости изучения различных лексикографических, фразеологических, справочных источников. В «Библиографии» диссертации содержится более 250 наименований научной литературы, написанных на разных языках: русском, французском, английском и др. В 70-х годах XX века появились ряд работ, выполненных в сравнительно-сопоставительном плане с привлечением материалов двух разноструктурных языков: И.В. Волянская «Лексико-семантические особенности существительных, обозначающих единицы измерения времени в английском и русском языках». Л.В. Гарская «Структурно-семантическое исследование группы английских существительных, обозначающих части суток и времени года, в сопоставлении с русским языком». Также существуют работы общего характера, в частности работа В.В. Сычкова «Языково-стилистическое выражение категории времени Ш. Бодлера».

Проследив путь исследования темпоральных явлений в тюркском и славянском языкознании, можно сделать вывод о том, что проблема эта на протяжении второй половины XX века рассматривалась разносторонне. Ученые как чрезвычайно важные факторы вычлениют философскую проблематику названной отрасли, структурно-семантическую сторону средств выражения времени, взаимовязанность фактора хронотопа с художественной действительностью и т.д. При этом важно, что исследования велись в русле выявления особенностей тех или иных семантических полей (дня и ночи), названий отрезков времени и т.д. Обращение к типологическим, сравнительно-сопоставительным методам исследования позволяет выявить очень интересные изо- и алломорфические черты темпоральных единиц в лексико-семантической системе языка.

При отборе темпоральной лексики авторы обычно исходят из ономазиологического принципа в его «узком» и «широком» толковании. В первом случае отбираются слова, которые служат для обозначения времени, единиц измерения времени, частей суток, времен года, т.е. за основу берется выражение понятие времени. Исследователь «исходит из идеи и изучает ее выражение, задаваясь вопросами типа: "Дано понятие "покупать" (в нашем случае понятие "время" - Н. Потаенко). При помощи, каких слов выражается оно в данных языках?" Многочисленные аналогические и идеологические

словари, где лексика сгруппирована в зависимости от того, какие понятия она выражает, являются результатом именно такого подхода.

В первом случае обычно четко выделяется группа существительных, которая и подвергается анализу в синхронном или диахронном плане в зависимости от направления и цели исследования. Что касается второго направления, то следует отметить, что принцип «от понятия – к слову» создает дополнительные трудности, так как сразу расширяется количество лексических единиц, подлежащих анализу за счет включения слов разных разрядов, словосочетаний и служебных слов.

Авторы, как правило, руководствуются словарными дефинициями, контекстом и собственным языковым опытом, проводя работу по выявлению темпоральных единиц. Вся совокупность выявленных единиц объединяется авторами в лексико-семантическую группу «времени» или в семантическое поле «времени» на основе единства их семантики. Внутри группы или поля выделяются подгруппы или микрополя в зависимости от способа, которым они выражают понятие времени в языке. Наличие большого количества единиц, входящих в группу, ставит исследователя перед необходимостью сужения рамок своего исследования за счет элиминирования терминов, жаргонных слов, диалектизмов, малоупотребительных слов, слов, для которых темпоральное значение не является основным. Такие ограничения, несомненно, сказываются на качестве модели того фрагмента языка, который конструируется исследователем.

Литература

1. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья / Р.Г. Ахметьянов. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
2. Бурцева Т.А. Мировая мировоззренческая константа «время» в картине мира Б.Л. Пастернака / Т.А. Бурцева // Теория перевода. Межкультурная коммуникация. Сопоставительная лингвистика: материалы I Междунар. науч. конф. – М., 2003. – С. 60-62.
3. Валиуллина З.М. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков / З.М. Валиуллина. – Казань: Изд-во Казан. пед. ин-та, 1968. – 126 с.
4. Димитриев В.Д. Старинный чувашский календарь и единицы измерения / В.Д. Димитриев. – Чебоксары, 1992. – 29 с.
5. Егоров Н.И. О названиях времен года в тюркских языках / Н.И. Егоров // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка / ЧНИИ. – Чебоксары, 1980. – С. 43-50.
6. Миассарова Э.Р. Философская постановка проблемы времени, пространства и движения, как основных категорий философии и эстетики, в аспекте психологического и эстетического значения цвета и света (на примере творчества М. Пруста и А. Белого) / Э.Р. Миассарова // Теория перевода. Межкультурная коммуникация. Сопоставительная лингвистика: материалы I Междунар. науч. конф. – М., 2003. – С. 219-230.
7. Родионов В.Г. О системе чувашских языческих обрядов / В.Г. Родионов // Чувашская народная поэзия / ЧНИИ. – Чебоксары, 1990. – С. 3-64.
8. Романов Н.Р. Чувашский народный календарь / Н.Р. Романов // Ученые записки / ЧНИИ. – Чебоксары, 1962. – Вып. XXI. – С. 237-244.

9. Салмин А.К. Народная обрядность чувашей / А.К. Салмин. – Чебоксары: Чуваш. гуманитар. ин-т, 1994. – 338 с.

10. Сергеев В.И. Вăхăта пĕлтĕрекен анчах, вара, ёнтĕ, кĕс, халь(ё), час, чухне сăмахсене типкерни / В.И. Сергеев // Ашмаринские чтения: материалы межрегион. науч. конф.– Чебоксары, 2004. – С. 106-114.

Н.Р. Скворцова,

Чувашский государственный университет,

г. Чебоксары

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Свою научную статью мы посвятили проблемам передачи на русский язык английского просторечия. Эта тема актуальна и своевременна. Дело в том, что язык романов английских писателей анализировался почти со всех точек зрения, существует множество научных разработок по данной теме. Однако, несмотря на такой повышенный интерес, один из важнейших аспектов остался без должного внимания. Этот обойденный аспект - отсутствие научных работ по вопросу употребления английского просторечия и его отражения в русском языке. Дело в том, что по проблеме просторечия отсутствует специальное научное исследование - монография с обобщающими теоретическими положениями по вопросам, относительно которых до настоящего времени в языкознании нет единства взглядов. Данный факт объясняется, во-первых, необычайной сложностью проблемы английского просторечия и, во-вторых, укоренившимся в отечественной лингвистике взглядом на просторечие, и, в первую очередь, на “сленг” как на нечто отрицательное, не заслуживающее научного описания. Именно теория “отклонений” от стандарта исключала комплексное изучение нестандартной лексики.

Такое далекое от научного подхода отношение явилось результатом того, что, с одной стороны, особенностям и тенденциям развития современной английской разговорной речи, насыщенной нестандартной лексикой, не уделялось достаточного внимания. С другой - язык изучался преимущественно как абстрактная реляционная структура вне реальных проявлений его в живой речи. Таким образом, в отечественной лингвистике образовалось “белое пятно”, актуальность ликвидации которого очевидна.

Вначале дадим определение понятию “английское лексическое просторечие”. Под “английским лексическим просторечием” “...понимается сложная лексико-семантическая категория определенный фрагмент словарного состава национального языка, т.е. известным образом упорядоченное и обладающее структурой иерархическое целое, представляющее совокупность

социально детерминированных лексических систем (жаргоны, аргы) и стилистически сниженных лексических пластов (“низкие” коллоквиализмы, сленгизмы, вульгаризмы), которые характеризуются существенными различиями и расхождениями в основных функциях и в социолексикологическом, прагматическом, функционально-семантическом и стилистическом аспектах” [1].

С одной стороны, вся проблематика стратификации (см., например, отечественные пособия по лексикологии и стилистике) сводится к выделению определенных пластов. В нашем случае вычлняется так называемая нелитературная лексика и фразеология (диалектизмы, сленгизмы, жаргонизмы, вульгаризмы и т.д.). Каждому пласту приписываются определенные стилистические функции, которые фиксируются в лексикографических пособиях в виде функционально-стилистических помет. Таков традиционный подход к рассмотрению языковых форм вне пределов литературного стандарта, при котором, к примеру, вся английская нестандартная лексика подразделяется на “низкие” коллоквиализмы, общие сленгизмы, специальные сленгизмы (жаргонизмы, кентизмы) и вульгаризмы. С другой стороны, помимо вышеуказанных лексических пластов выделяются формы существования просторечия, у которых находят статус языковых микросистем, входящих в макросистемы, скажем, социальные диалекты, аргы (кент), профессиональные и корпоративные (групповые) жаргоны, городские полудиалекты типа “кокни” и “скауз”, “внелитературное просторечие”, под которым понимают фонетически, грамматически и лексически “неправильную” с точки зрения литературного стандарта речь необразованных или малообразованных людей. Особняком стоят территориальные диалекты, которые ничего общего с просторечием не имеют.

По мнению Т.М. Беляевой и В.А. Хомякова, английское лексическое просторечие, как сложная, иерархически представленная макросистема национального языка, включает в себя и определенные лексические пласты экспрессивного просторечия, и языковые микросистемы социально-профессионального просторечия. Нельзя не согласиться с тем, что диалект, просторечие, жаргон “подчиняются своим нормам”; с другой стороны, определенные нормы можно обнаружить и в ломаной речи, в речи иностранца, коверкающего язык. Но если исходить из понятия о нормах литературного языка, то наиболее удобным можно все же считать термин “отклонения от литературной нормы”, объединяющий все случаи искажений литературного языка и речи. Вместе с тем замечание Я.И. Рецкера об отличии между “периферийными слоями языка” и “намеренным и ненамеренным коверканием разговорной речи” (он называет его “контаминированной речью”) наводит на мысль о двух типах отклонений, которые С. Влахов и С. Флорин условно назвали коллективными и индивидуальными [4].

1. Коллективные: просторечие, диалекты, жаргоны, арг, сленг, профессиональные языки.

2. Индивидуальные: вольности устной речи, детский язык, ломаная речь, дефекты речи (косноязычие, шепелявость, сюсюканье, гнусавость, картавость, пришепетывание, заикание и пр.), ошибки в произношении и правописании.

А.В. Федоров, упомянув о “непередаваемости” диалектизм, тут же рассматривает примеры их передачи, хотя другими средствами, т.е. допускает возможность их функционального перевода или компенсации, а И. Левый уточняет: “...вовсе не обязательно, чтобы в народной речи каждому разговорному обороту оригинала отвечало просторечие в переводе: оно может быть использовано в другом месте, лишь бы общее впечатление от речевой характеристики сохранилось неизменным” [2]. Выходит так: с одной стороны, если принять формулировку Э.Г. Ризель, “писатель имеет полное право для разрешения творческих задач (речевая характеристика, описание социальной среды и исторического колорита и т.д.) отобразить любое слово или выражение, любую морфологическую форму или синтаксическую конструкцию из нелитературных источников”, а с другой, учитывая, что переводчик всегда в принципе подчинен воле автора, т.е. обязан передать действительность такой, какой ее видит автор, он должен дать понять читателю, что в данном случае прямая речь и/или авторские отступления ненормативны. И не только дать понять, но в некоторой степени создать и соответствующую атмосферу.

Итак, при жаргоне, арге и сленге самым естественным, бесспорно, будет прибегнуть к функциональным аналогам при наличии их в переводном языке. Известные соответствия существуют почти на всех языках. Трудности возникают при отсутствии двуязычных и даже одноязычных словарей жаргонов и арге. Где-то на грани между жаргоном и просторечием стоят и профессиональные диалекты; к ним относятся и элементы терминологии, принятые в среде данной профессии как обиходные слова; к ним переводчик, очевидно, тоже должен подыскать соответствия, если они существуют в переводном языке.

Особым явлением считается английский (американский) сленг, который большинством ученых определяется как “экспрессивное английское (американское) просторечие” [6]. В общем все эти категории (арг, жаргон, профессионализмы, сленг), по мнению многих авторов, в конечном счете тесно связаны с просторечием и нередко отождествляются с ним или переходят в него. Следовательно, при отсутствии соответствий или функциональных аналогов, переводчик может прибегнуть к просторечию, которое и придаст переводимому тексту необходимую характеристику отклонения от литературной нормы. Некоторые авторы намечают и дальнейшую эволюцию или “олигературивание” более устойчивых

жаргонизмов и диалектизм, “превращение нелитературных языковых средств в литературные через посредство стилистических приемов” в художественной и общественно-политической литературе.

При диалектизмах, по сути дела, разница в положении состоит в том, что, согласно давно принятой в искусстве художественного перевода аксиоме, диалектизм вообще нельзя переводить диалектизмом (“...немыслимо переводить южнофранцузские диалектизмы с помощью особенностей южнорусских диалектов”). Явно, единственную возможность нюансировать текст перевода предлагает опять-таки просторечие, о чем говорит целый ряд теоретиков перевода (А.В. Федоров, В.Г. Гак, П.И. Копанев, В.В. Коптилов, Ив. Кашкин, И. Левый, Я.И. Рецкер, Р.И. Розина, А.Д. Швейцер), добавляя, что делать это нужно осторожно и экономно, с чем мы вполне согласны. Возражение против этого мы находим в статье В.Г. Гака, где сказано: “Так же невозможно передать французское просторечие, лежащее за пределами литературной нормы, русским просторечием”.

Частным случаем являются места, где автор оговаривает диалектную речь своего героя. В таких местах, на наш взгляд, сказанного автором достаточно, и лучше передать самую реплику на литературном языке, не подыскивая никаких аналогов: “...каза с характерни си вятски говор.”- Глей да те не утепа по пътя!” [7]. Здесь можно было обойтись без просторечия “глей” и диалектизма “утепа”. Поскольку жаргоны, арге и сленг подвержены частым изменениям, переводчик, подыскивая им соответствия, не должен упускать из виду и временной фактор. Например, сленг нередко становится “языковой приметой поколений” (БСЭ), так что неудачно подобранное соответствие грозит иной раз обернуться анахронизмом.

Не менее опасно и пренебрежение к местному фактору, что особенно касается применения в переводном языке отдельных диалектизм, стоящих на грани просторечия. В отношении профессионализмов переводчику нужно чутье - зачастую он должен распознать их, выделить из кажущегося гладким текста, что бывает трудной, почти невыполнимой задачей, в особенности, когда он соприкасается с переводом каламбуров или фразеологизмов. Переводчик должен угадать профессионализм и там, где его нет в оригинале, т.е. при безэквивалентности или недифференцированности. Так, по-русски и конторский служащий, и столяр, и сапожник употребят в разговоре слово *клея*, но по-болгарски первый скажет *лепило*, второй - *туткал*, а третий - *пап* или *чириш*, например, в фразе “*Пахнет клеем*”; с другой стороны, и болг. *лепило* может быть *клея* или *клеистер*.

В заключение мы позволим себе процитировать слова А.В. Федорова: “...основным функциональным соответствием всякого рода диалектизм (как территориальным, так и социальным) в русских переводах способно служить просторечие в широком смысле слова”. Только мы несколько расширим эту

мысль: это относится не только к русским переводам, а к переводу вообще. О том же в "Высоком искусстве" пишет и Корней Чуковский.

Литература

1. Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева, В.А. Хомяков.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин.- М.: Междунар. отношения, 1980.
3. Гак В.Г. "Коверкание" или "подделка" / В.Г. Гак.- ТП, 1966.
4. Редкер Я.И. Передача контаминированной речи в переводе и роль традиции / Я.И. Редкер.- ТП, 1968.
5. Ризель Э.Г. Языковые нормы и так называемые нарушения языковых норм" / Э.Г. Ризель.- Ученые записки 1-го МГПИИЯ, Т. 5, 1957.
6. Скворцов Л.И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии / Л.И. Скворцов // Литературная норма и просторечие.- М.: Наука, 1977.
7. Шаляпин Ф. Страницы от моя живот / Ф. Шаляпин.- София, 1962.

Й. Луутонен,

Университет г. Турку,

Финляндия

Э.В. Фомин,

Чувашский государственный институт культуры и искусств,

г. Чебоксары

НОВЫЙ ОБРАТНЫЙ СЛОВАРЬ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В 2009 г. в Хельсинки Финно-угорским обществом издан обратный словарь чувашского языка: Zheltov, P. Reverse dictionary of Chuvash. = Обратный словарь чувашского языка / P. Zheltov, E. Fomin, J. Luutonen ; Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; Société Finno-Ougrienne. – Helsinki, 2009. – 344 p. Тираж словаря – 200 экземпляров. Издание продолжает серию чувашеведческих трудов финских ученых, возобновленную после полувекового перерыва кафедрой финно-угорского языкознания университета г. Турку. Словарь адресован прежде всего западноевропейским языковедам и не отрицает реализацию аналогичных проектов усилиями чувашских ученых. В России издание представлено лишь несколькими десятками экземпляров.

Настоящий обратный словарь содержит наиболее полный свод лексики современного чувашского литературного языка. В нем также содержатся диалектизмы. Расстановка слов в словаре произведена по алфавиту с конца слова справа налево, в результате чего слова с одинаковым концом расположились один под другим. Словарь предназначен для исследования словообразования и структуры чувашского слова. Первый подобный

чувашский словарь был издан в Чебоксарах в 1985 г. и стал событием в истории чувашской лингвистики [0]. Новый обратный словарь чувашского языка строится с учетом опыта подобных изданий по марийскому [0], мокшанскому и эрзянскому языкам [0], разработанным в университете г. Турку.

В основу словника положен материал чувашско-русского словаря (Москва, 1982), являющего самый крупный чувашский лексикон последнего времени. Словарь дополнен лексическими единицами из следующих источников: Авалхи грек тата латин терминоэлементсен словарь (2007); Андреев В.В. Чăваш терминологийĕ (2001); Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка (1994 – 2000 (1928 – 1950)); Върман словарь (1998); Голенков А.В. Краткий русско-чувашский психиатрический словарь (2000); Дегтярев Г.А. Чăваш чĕлхин фĕнĕлĕх словарь (2003); Дегтярев Г.А. Чăваш чĕлхин ўнер терминĕсем (2007); Дегтярев Г.А. Язык современного чувашского социума (1999); Елькин Е.Е. Школьный русско-чувашский словарь (1996); Иванов Л.Н. Медицинский терминологический русско-чувашский словарь (1998); Костин М.К. Ял хушăлах терминĕсен вырăсла-чăвашла словарь (1976); Русско-чувашский общественно-политический словарь (1972); Русско-чувашский словарь технических терминов (1971); Русско-чувашский словарь юридических терминов (2006); Сăмахсене ăнлантарни // Авалхи халал: Моисейĕн пилĕк кĕнеки (2001); Семенова Г.Н. Именные композиты в чувашском языке (2002); Сергеев В.И. Сынна палăртакан сăмахсен чăвашла-вырăсла ăнлантару словарь (2004); Сергеев Л.П. Диалектологический словарь чувашского языка (1968); Скворцов М.И. Русско-чувашский словарь социальной лексики (2004); Студенцов О.Р. Инновации в лексике церковно-богослужбных текстов на чувашском языке в переводах И.Я. Яковлева и его школы (1871–1917 гг.) (2007); Федотов М.Р. Словари чувашско-марийских и марийско-чувашских заимствований (1990); Чăваш чĕлхин орфографи словарь (2002). Словник также включает материалы личных наблюдений Э.В. Фомина. В словаре нашли отражение лишь лексемы, реализованные в речи. Лакуны словообразовательной парадигмы не были заполнены потенциальными словами. При обработке словника составители пытались избежать диалектных реализаций литературных слов.

Финские лингвисты предложили наиболее совершенную форму организации словника в обратных словарях. Словарная статья включает следующие элементы, размещенные в столбцах: 1) слово, 2) принадлежность слова к определенной части речи, 3) ссылки на источники. Столбец «Слово» содержит чувашские слова, расположенные в обратном алфавитном порядке. Словорасположение независимо от ударения, дефисного и раздельного написания. Ударение обозначено знаком точка ( ) за ударной гласной только в случае омографичности слов, например, *каска* "чурбан", *ка ска*

"разновидность головного убора"; *туя* "трость", *туя* "вид хвойного кустарника". Расположение вариантных слов, например, *пурăнăç* "жизнь" и *пурнăç*, *мăн кун* "Пасха" и *мункун*, разноместное. Омонимы, относящиеся к одной и той же части речи, отдельно не выделены. Однако принадлежность омонимов к разным классам позволило их квалифицировать в качестве самостоятельных единиц.

Поскольку основной источник создавался в период преимущественно слитного написания семантически спаянных синтагм, в настоящем словаре, уже подчиненном правилам современной орфографии, правописание таких единиц обновлено, сравните: в источнике *кĕраки* "озимый сев", *тутăçмарти* "щeka", в обратном словаре – *кĕр аки*, *тут çăмарти*. В случае допущения правилами современной чувашской орфографии, предпочтение отдано разделному написанию, например: в словаре значится *аван марлан* "чувствовать неловкость", *ку темĕн* "за это время", *мăн кăмăллан* "гордиться" вместо равных вариантов *аванмарлан*, *кутемĕн*, *мăнкăмăллан*. Практика слитного или разделного орфографирования словосочетаний в смыслообразительных целях позволила включить в словарь оба варианта, например: *сур çĕр* "полночь" и *сурçĕр* "север".

Словарь включает в себя синтагмы с асемантическими элементами. Последние в свою очередь образуют самостоятельные словарные единицы. Сравните: *суйăр чулĕ* "бульжник", *юкăс ту* "щупать обнору" (синтагмы) – *суйăр*, *юкăс* (асеманты, включенные в словарь). В столбце «Часть речи» приводятся сведения о принадлежности слов к той или иной части речи. По сути это вспомогательная информация, дополняющая лексическую характеристику. В словаре выделяются следующие группы слов: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, подражательное слово, глагол, наречие, послелог, союз, частица, междометие и лексикографированные глагольные формы – причастие и деепричастие. Чувашская лексикография в качестве лемм нередко допускает словоформы. Их морфологический статус в настоящее время подвергается пересмотру. В новом обратном словаре присутствует большинство таких словоформ, и они снабжены пометами, соответствующими прежней чувашской грамматической традиции. Так, например, (1) *черетĕ* "очередной", (2) *черетсĕр* "вне очереди", (3) *черетĕн* "по очереди" вопреки современным трактовкам их в качестве форм имени существительного *черет* "очередь" определяются как имена прилагательные (1, 2) и наречие (3).

Часть слов содержит двойные пометы, например, леммы *арканчăк* "руины; спутанный", *вăрăмкка* "долгуша; долговязый", *йăшйăтти* "льстец; льстивый" одновременно определяются как существительные и прилагательные. В тех случаях, когда источник не предоставляет достаточной информации о слове, показатель части речи сопровождается вопросительным знаком, например: *акăлчи-макăлчи* adj., *кавсăк* adj. Принадлежность к части речи составных лемм

определяется на основе их последнего компонента: *кĕлкĕ пул* "измучиться" – глагол, *сарамат кĕперĕ* "радуга" – имя существительное.

В словаре части речи обозначены следующими латинскими индексами (приводятся в алфавитном порядке):

adj = имя прилагательное	num = имя числительное
adv = наречие	part = частица
conj = союз	ptc = причастие
descr = подражательное слово	postp = послелог
ger = деепричастие	pron = местоимение
int = междометие	verb = глагол
noun = имя существительное	

Третий столбец содержит сведения об источнике слова, включенного в словарь. Источники обозначаются однобуквенным индексом, который позволяет найти дополнительные сведения о слове. Индекс сопровождается указанием страницы в том случае, если нахождение леммы в источниках затруднительно, например: d149 (*хăрату* "запугивание"), z11 (*çăлавçă* "спасатель"). Ссылки на словарь Н.И. Ашмарина также содержат указатель тома, например: x8:229 (*мерченлĕх* "место, изобилующее кораллами"). Общий объем словаря составляет 31264 единицы. По частям речи слова распределились следующим образом:

Части речи	Количество слов	Доля, (%)
имя существительное	16551	52,94
глагол	7805	24,96
прилагательное	4002	12,80
наречие	1670	5,34
подражательное слово	1361	4,35
междометие	173	0,55
частица	116	0,37
местоимение	71	0,23
причастие	51	0,16
числительное	42	0,13
послелог	32	0,10
союз	28	0,09
деепричастие	10	0,03
всего		102,05

Превышение ста процентов итоговой доли связано с определением у части слов принадлежности сразу к двум частям речи.

Словарь содержит ссылки на источники в следующих объемах:

- с (Чăвашла-вырăсла словарь) – 26095;
- о (Чăваш чĕлхин орфографи словарь) – 1152;
- х (Словарь чувашского языка) – 1071;
- d (Чăваш чĕлхин сĕнĕлĕх словарь) – 839;
- v (Сынна палăртакан сăмахсен чăвашла-вырăсла йнлантару словарь) – 392;
- j (Русско-чувашский словарь юридических терминов) – 256;

z (Русско-чувашский словарь социальной лексики) – 205;
 f (Диалектологический словарь чувашского языка) – 185;
 h (личные наблюдения Э.В. Фомина) – 181;
 e (Школьный русско-чувашский словарь) – 132;
 a (Чăваш терминологийĕ) – 106;
 w (Вăрман словарĕ) – 89;
 m (Русско-чувашский словарь медицинских терминов) – 76;
 i (Медицинский терминологический русско-чувашский словарь) – 64;
 s (Именные композиты в чувашском языке) – 64;
 g (Авалхи грек тата латин терминоэлеменчĕсен словарĕ) – 60;
 r (Русско-чувашский общественно-политический словарь) – 49;
 b (Инновации в лексике церковно-богослужбных текстов) – 45;
 t (Русско-чувашский словарь технических терминов) – 44;
 p (Краткий русско-чувашский психиатрический словарь) – 40;
 u (Чăваш чĕлхин ũнер терминĕсем) – 29;
 y (Словари чувашско-марийских... заимствований) – 29;
 k (Ял хушăлах терминĕсен вырăсла-чăвашла словарĕ) – 27;
 n (Язык современного чувашского социума) – 26;
 l (Сăмахсене анлантарни) – 10.

Работа над словарем обнажила проблемные стороны современного чувашского языкознания. Во-первых, актуальными остаются вопросы разграничения имен существительных и прилагательных. Практикуемое атрибутивное последних с применением компаративной формы часто субъективно и зависит от личного опыта индивидуума, ср.: *хĕрлĕ сÿслĕ* "рыжеволосый" – *хĕрлĕрех сÿслĕ / хĕрлĕ сÿслĕрех*. Во-вторых, словарная практика носит преимущественно интерферентный характер, при котором вводным языком служит русский. В результате сложно судить о лексическом разнообразии чувашского языка. В-третьих, существует необходимость разработать новые принципы построения чувашских словарей, допускающих в качестве лемм словосочетания, поскольку в чувашском языке ведущим способом номинации служит синтаксическая деривация.

Финское чувашеведение изначально служило проводником чувашского языкового материала в европейскую науку. Новый обратный словарь продолжает традицию и является замечательным образцом современной лексикографии в целом.

Литература

1. Сергеев, Л. П. Чăваш чĕлхин тўнтер словарĕ = Обратный словарь чувашского языка / Л.П. Сергеев, А.Н. Тихонов, Т.Н. Сергеева, Р.К. Кунгуров. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1985. – 155 с.

2. Reverse Dictionary of Mari (Cheremis) = Обратный словарь марийского языка: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVIII / compiled by Jorma Luutonen, Sirkka Saarinen, Arto Moisio, Oleg Sergejev, Lidiya Matrosova; Société Finno-Ougrienne. – Helsinki, 2002. – 446 p.

3. Reverse Dictionary of Mordvin = Обратный словарь мордовских языков: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXIX / Jorma Luutonen, Mikhail Mosin, Valentina Shchankina; Société Finno-Ougrienne. – Helsinki, 2004. – 685 p.

*В.А. Филоенко,
 Чувашский государственный университет,
 г. Чебоксары*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «СОВЕТ» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

Концепт «совет» обладает ценностными характеристиками, которые можно установить, обратившись к анализу выраженных в языке оценочных суждений по поводу данного концепта. Они выражаются в паремиологическом фонде – поговорах и пословицах [2], обладающими такой семантико-прагматической характеристикой, как образность, благодаря которой носители языка имеют объемное и глубокое представление о том или ином явлении. Паремии в современном английском и русском языках имеют ряд интернациональных признаков. Однако, для адекватного межкультурного общения необходимо понимать различные аспекты речевого поведения представителей разных коммуникативных культур.

В современном английском и русском языках существует значительное число пословиц и поговорок о совете, совпадающих по семантическому значению: *Good advice is beyond all price; Доброму совету цены нет*. Совет в них, как проявление дружеского участия, как акт поддержки и помощи, необходимых для выхода из затруднительной ситуации, представляет собой ценность межличностного общения. Вместе с тем, и в английском, и в русском языках немалочисленны пословицы и поговорки, в которых говорится о том, что легче дать совет, чем им воспользоваться: *Advice is cheap (досл. Совет дешево); Advisers list no risk (досл. Тот кто советует, не подвергается риску); Совет как лекарство: легко выписать, а принять трудно; Легко сказать, да тяжело сделать*. Как в английской пословице *Counsel is no command (досл. Совет – это не команда)*, так и в русской *Совет в карман не лезет и кармана не трѐт* подчёркивается необлигаторность совета: им можно воспользоваться, а можно оставить без внимания. В современном английском и русском языках также встречаются безэквивалентные фразеологизмы. Сравним: *Give not counsel or salt until you are asked (досл.: Не давай соли или совета, пока тебя не попросят)* – пословица, в которой содержится предостережение давать непрошенный совет. В русской коммуникативной культуре, напротив, в затруднительной ситуации принято просить о помощи и оказывать её: *Кто добрых людей не слушает, тот Богу спорник; Людей не слушать – в добре не жить; Всякий совет к разуму хорош*.

Многообразие пословиц и поговорок, связанных с выражением совета в современном русском языке, подчеркивает то, какое важное место занимает данный концепт в языковом сознании русского народа. Приведём ещё несколько примеров: *Совет добрый блюди, а сам, как кошка, не блюди; Дал совет Аверкий, да всё исковеркал; Стар на совет, молод на брань; Слово не совет, а сила не брань; Совет как лекарство: легко выписать, а принять трудно.* В современном русском языке концепт «совет» связан с концептом «согласие». Так, например, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Н.Д. Ушакова «совет» определяется как: 1) наставление, указание, как поступить в том или ином случае; 2) согласие, дружба, лад (устар.) [5]. Приведём несколько примеров пословиц и поговорок в русском языке, где концепт «совет» совпадает с концептом «согласие»: *Как любовь да совет, так и горя нет; Не советом жить, много грешить; Советно жить, ни о чём не тужить; Хоть тесно, да советно; Совет свет, а несовет – тьма; Где совет, там и свет, где любовь, там и Бог.* В английском языке и слове совет (counsel) подобное значение отсутствует [1].

Как мы видим, пословицы и поговорки представляют незаменимый материал для исследования национальной коммуникативной культуры. В английской и русской паремиологических картинах мира имеются как общие, так и специфические для каждой из лингвокультур признаки концепта «совет».

Литература

1. Архипенкова А.Ю. Выражение совета в английской и русской коммуникативных культурах: дис... канд. филол. наук / А.Ю. Архипенкова. -М., 2006. -193 с.
2. Кирияк О.А. Социокультурный концепт «воровство» в русском и английском языковом сознании: автореф. дис... канд. филол. наук / О.А. Кирияк. - Белгород, 2009. – 26 с.
3. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина, Предисл. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. – М.: Худож. лит., 1988. – 431 с.
4. Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 2004. – 375 p.
5. <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>

*Т.В. Таланова, А.Н. Шиканова,
Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

СИНКРЕТИЧНЫЕ ПРИСУБСТАНТИВНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Теория осложнения простого предложения рассматривается в современной лингвистике достаточно давно. В 70-80 гг. XX вв. появились многочисленные исследования, в которых описываются факты дополнительной (скрытой, слитной, двойной, побочной, глубинной, вторичной, потенциальной, ретроспективной и т.п.) предикации (С.А. Алексанова, И.Г. Воробьева,

М.А. Кормилицына, Г.Н. Манасенко, Н.К. Онипенко, Я.И. Рословец, Р.М. Теремова, В.И. Фурашов, Е.С. Ярыгина и др.).

Обилие терминов для номинации предложений данной структуры свидетельствует о том, что синтаксический статус данной единицы не вполне определен. Не ясно, например, как квалифицировать простые предложения типа: «Каждодневные занятия ей надоели. Противозащитные сетки оказались бесполезны, они пропускали мошек». Такие примеры можно квалифицировать как переходные случаи между простым предложением и сложным (Ср.: «Так как занятия были каждый день, они ей надоели. Несмотря на то, что сетки были противозащитными, они пропускали мошек»). Их можно рассматривать как факты семантического осложнения в отличие от осложнения синтаксического на том основании, что у первых отсутствуют, а у вторых имеются специализированные осложняющие компоненты.

Семантическая структура предложений с синкретичными присловными распространителями не получили достаточного освещения в литературе как когнитивно осложненные единицы синтаксиса со взаимодействующими пропозициями. В настоящее время отсутствует однозначная трактовка некоторых ключевых терминов семантического синтаксиса (напр., «предикация», «предикативность», «предикатность», «пропозиция» и др.). Предикативность как основной признак предложения, отражающий его сущность и определяющий коммуникативную значимость предложения, является не только общей семантикой структурной схемы, но и семантикой предложения в целом.

В понимании семантической структуры мы исходим из предикатно-аргументной концепции, которая позволяет интерпретировать семантическую структуру любого предложения. Так, в конструкциях с неопускаемым атрибутивным определителем в присубъектной позиции при первоначальном подходе с позиций данной концепции возникает противоречие: синтаксическое место атрибута не предусмотрено предикатом, однако без атрибута в описываемых конструкциях предложение перестает быть информативно самостоятельной единицей. Это обстоятельство вынуждает по-иному взглянуть на смысловую организацию данных предложений и допустить, что перед нами не атрибут, а включенный предикат, знак свернутой пропозиции, что в предложении два одноместных предиката – включенный и основной – и что у них общий аргумент (актант), позицию которого занимает субъект.

Явления синкретизма в сфере распространяющих членов предложения, выраженных предложными словоформами, связываются с проблемой формального и семантического осложнения предложения и соотношения основной и дополнительной предикаций в составе подобных высказываний. При синкретизме идет совмещение (синтез) в одном члене предложения дифференциальных признаков разных членов предложения и разных их

функций. Это совмещение может иметь место как в плане содержания (в значении членов предложения), так и в плане выражения (способ выражения, вид связи, средства связи, характер зависимости), а также в плане содержания и в плане выражения одновременно.

Вторичность синтаксических функций словоформ является основным фактором, вызывающим синкретизм членов предложения. Вторичная синтаксическая функция может приводить к столкновению, совмещению категориального (частеречного значения) и типичного для данной синтаксической функции синтаксического значения. В результате появляется особый класс членов предложения – класс синкретичных членов предложения. Синкретичные словоформы, совмещающие значения нескольких компонентов семантической структуры предложения, рассматриваются нами как многозначные словоформы, одновременно реализующие несколько значений. Синкретичные члены предложения составляют особую систему, которая имеет свой центр (дуплексивы) и периферию. Эта система противопоставлена системе одинарных, однозначных членов предложения.

Периферия составляет общую зону для двух систем и как бы соединяет центры этих систем, и может быть названа линией переходности. Однозначного определения понятия осложненного предложения в синтаксисе не существует. Однако существует традиция употребления данного термина. Под осложненными предложениями понимают предложения с однородными членами и предложения с обособленными оборотами. Такие предложения сближают со сложными предложениями, однако, в отличие от сложного они имеют одно предикативное ядро. В некоторых грамматиках осложненными называют предложения с обращением и даже предложения с вводными словами. Осложнение связывают прежде всего с полупредикативностью – особым синтаксическим значением, близким к предикативному. Очевидно, различия в именовании объясняются тем, что в предикатах простых предложений, организующих сложное предложение, категории модальности, времени и лица выражены, как правило, морфологически, наглядно, а в «пропозициях» такой наглядности нет. Пропозиция имеет структуру, которая описывается в семантических терминах: «предикат» и «актанты». Трудно представить пропозицию, ее предикатно-актантную структуру вне языкового выражения, но необходимо иметь в виду, что предикат и актанты – это компоненты смысла языкового выражения, а не слова, составляющие предложение, не члены предложения.

Осложнение предложения с синтаксической точки зрения также заключается в наличии определенного типа синтаксических отношений. Эти отношения сводимы к таким основным типам, как дополнительная предикативность и внутридерные отношения. Предикативность вообще, в том числе и дополнительная, противопоставлена предикатности. Очень важно

различать понятия предикатности и предикативности. Предикативность – грамматическое значение предложения. Предикатность – семантический признак языкового выражения.

Таким образом, осложненные предложения - это предложения с однородными членами. Между однородными членами устанавливаются смысловые и синтаксические отношения. Сочинительная связь, оформляющая эти отношения, содержательно обогащает предложение, вносит дополнительные семантико-синтаксические значения, осложняющие предложение. Каждое функционально-семантическое микрополе категорий обусловленности в русском языке представлено грамматическим ядром и периферией. Грамматическим ядром функционально-семантических микрополей обусловленности в русском языке являются следующие конструкции: для поля причинности – сложноподчиненное предложение (СПП) с союзом потому что; поля уступки (отвергнутого основания) – СПП с союзом несмотря на то, что; поля условия – СПП с союзом если; поля ожидаемого следствия (цели) – СПП с союзом чтобы; поля неожиданного следствия – СПП с союзом так что. Регулярно эксплицируется семантика обусловленности и предложными конструкциями, которые образованы предлогами, имеющими причинное, уступительное, условное или целевое значение, с зависимыми от них формами косвенных падежей имени существительного. Эти единицы, наречия, а также деепричастные обороты представляют собой периферию указанных микрополей. Большинство из них функционируют, как и СПП, в качестве самостоятельных распространителей предложения в целом - детерминантов. В позиции детерминантов выступают и синкретичные элементы указанных полей. Функционально-семантическое поле каузальности (причинности, в широком смысле) относится к разряду обстоятельственных, хотя может пересекаться и с другими полями.

В конструкциях с согласованным определением атрибутивный распространитель в присубъектной позиции является потенциальным носителем свернутой пропозиции, поскольку выражается «признаковой» частью речи (прилагательным или причастием). Присубъектное определение выступает в качестве предиката и обязательного компонента семантической модели предложения. Присубстантивные согласованные определения вместе с подлежащим как бы предопределяют, предсказывают лексическое наполнение группы сказуемого как следствия. Вторичность синтаксических функций словоформ является основным фактором, вызывающим синкретизм членов предложения. Она может приводить к столкновению, совмещению категориального (частеречного значения) и типичного для данной синтаксической функции синтаксического значения. В результате проявляется особый класс членов предложения – класс синкретичных членов предложения.

СИНГАРМОНИЗМ ГЛАСНЫХ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Сингармонизм (от греч. *syn* - с, вместе и *harmonia* - созвучие, гармония) - морфолого-фонетическое явление, состоящее в уподоблении гласных в рамках одного слова по одному или нескольким фонетическим признакам, таким, как ряд, подъём (открытость) или огубленность. Понятие сингармонизма шире, чем обычно отождествляемое с ним понятие гармонии гласных, так как сингармонизм может выражаться и в консонантной гармонии. В данной статье будет рассматриваться только гармония гласных. Д.Э. Розенталь дает такое определение гармонии гласных: «уподобление последующих гласных в аффиксах какого-либо слова предшествующим гласным корня того же слова (явление, характерное для тюркских языков). Так, аффикс множественного числа турецкого слова *oda* (комната) - *lar* (с гласным *a* под влиянием конечного гласного корня-основы), т. е. комнаты - *odalar*¹. аффикс с тем же значением для слова *ei* (дом) , - *ler* (с гласным *e* под влиянием того же корневого гласного), т.е. дома».

Д. Кристалл рассматривает гармонию гласных как вид ассимиляции, при которой гласные в слове или фразе имеют одинаковые характеристики. Гармония гласных экономит артикуляционные усилия и помогает реципиенту речи делить поток речи на слова. Сингармонизм является одним из видов прогрессивной и регрессивной дистактной ассимиляции, являющейся характерной чертой агглютинативных языков. Прогрессивный сингармонизм по ряду и огубленности характерен для вокализма большинства тюркских языков. Чувашские гласные могут классифицироваться как заднеязычные или гласные заднего ряда *a, ä, ы, у* (при их произношении язык отодвигается назад, задняя часть языка поднимается к мягкому нёбу), и переднеязычные или гласные переднего ряда *э (e), ё, и, ү* (при их произношении язык продвигается вперед, средняя часть языка поднимается к твёрдому нёбу). Гармония гласных в чувашском языке - это морфолого-фонетический принцип, по которому чувашские слова состоят либо из исключительно передних (*e, ё, и, ү*), либо задних (*a, ä, ы, у*) гласных, например: *вӑрçӑпа* или *ёçӑпа*. В этих словах суффикс творительного падежа имеет две формы: с гласными переднего ряда и заднего ряда *-не* и *-на*, так как принцип гармонии гласных не допускает сосуществования контрастных по ряду гласных. Поэтому в чувашском языке большинство грамматических суффиксов имеют две формы, например:

- гласные заднего ряда в корне прилагательного *вӑхӑтсӑр* (безвременный) обуславливают использование суффикса с гласным заднего ряда *-сӑр*

Гармония гласных в слове *телейсӑр* (несчастный) объясняет выбор того же суффикса, но с гласным переднего ряда в прилагательном *-сӑр*,

- аффиксы *-малла* и *-мелле* в причастиях долженствования *вӑлямалла* (надо играть) и *кӑлмелле* (надо прийти);

- суффиксы *-тер* и *-тар* глаголов в повелительном наклонении - *пултӑр* (пусть будет) *кӑлтӑр* (пусть придет);

- суффиксы сравнительной степени прилагательных *-рах*, *-рех* - *пысӑкрах* (больше), *пӑчӑкрах* (меньше)

- суффиксы деепричастий *-са* и *-се* - *хуралса* (почернев), *кӑвелсе* (постарев)

- суффиксы прилагательных *-ла*, *-ле* - *кӑмӑллӑ* (добрый, хороший), *хӑсеплӑ* (уважаемый)

- отрицательные суффиксы глаголов в третьем лице *-асть*, *-ест* - в словах *калаçмасть*, *килмест*.

Однако не все суффиксы подчиняются закону гармонии гласных, например: суффикс множественного числа - *сем* с гласной переднего ряда используется в словах с гласными как переднего так и заднего ряда, например: *ачасем* - дети; *пукансем* - стулья; *йӑвӑсем* - деревья; *кӑлтисем* - домашние; *ёнесем* - коровы. Заимствованные существительные также составляют исключение из правила гармонии гласных в чувашском языке, например: *радиосӑр* (без радио), *ветерансен* (у ветеранов). Кроме того, сингармонизм не распространяется на сложные слова, в которых составляющие корневые морфемы имеют свой сингармонический рисунок, и часто грамматические суффиксы гармонируют с последним компонентом, например: *сӑтел-пукан* (мебель) - *сӑтел-пуканпа* (с мебелью), *аçа-çиçем* (гроза) - *аçа-çиçемсӑр* (без грозы).

Таким образом, большинство чувашских слов формируются при помощи принципа гармонии гласных, т.е. гласные в корне определяют выбор гласных в грамматических аффиксах.

Литература

1. Розенталь Д.Э. и др. Словарь лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь. - М., 1984.
2. Виноградов В.А. Типология сингармонических тенденций в языках Африки и Евразии / В.А. Виноградов // Проблемы африканского языкознания. - М., 1972.
3. Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм / М.А. Черкасский. - М., 1965.
4. Crystal, David. 2003. The Cambridge Encyclopedia of the English Language [second edition]. Cambridge: Cambridge University Press.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С МОДАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ 'НЕВОЗМОЖНОСТИ' В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Каждая аналитическая конструкция характеризуется «аналитическим формантом» (по терминологии Н.О. Оралбаевой) или константой, т.е. сочетанием постоянных компонентов. Аналитическая конструкция, подобно словосочетанию, лишена цельноформленности, состоит более чем из одного компонента, но вместе с тем она, как и слово, неразложима как лексически, так и грамматически. Цельноформленность (графическая и фонетическая) является основным признаком, отличающим синтетическое слово и синтетическую форму от аналитического слова и от аналитической формы.

Определенное грамматическое значение возникает только при сочетании вспомогательного глагола с определенной формой лексического глагола. Например, в турецком языке значение возможности возникает при сочетании бытийного глагола *ol- / bol-* с деепричастной формой на *-Ip*. Аналитическая конструкция есть качественно новая единица, возникшая в результате семантического осмысления ее компонентов. Ни деепричастная форма на *-Ip*, ни глагол *ol- / bol-* сами по себе не имеют семантики возможности. Модальное значение возможности возникает только при их сочетании, в результате качественного преобразования компонентов сочетания. Данное значение является общим для всех возможных случаев употребления аналитических конструкций, независимо от лексического наполнения первого основного компонента.

Глагольная аналитическая конструкция есть одно из грамматических средств выражения различных временных, аспектуальных и модальных значений, дополняющих парадигму глагола, но остающееся вне ее, входящих в функционально-семантические поля модальности, темпоральности, аспектуальности, занимая их периферию. Строгого соответствия между структурным и семантическим планами конструкций нет. Каждый семантический тип может быть представлен аналитическими конструкциями разной семантики. Например, деепричастные АК, как правило, выражают аспектуальные значения, немного реже временные значения. Кроме того, некоторые деепричастные конструкции передают аспектуально-временные, аспектуально-модальные, модальные значения. Причастные АК передают модально-темпоральные, модальные значения. Только инфинитивные связаны с одной семантикой – модальной. В турецком языке объективная

невозможность совершения действия выражается сочетанием имен действия на *-mak / -ma* с модальными словами:

1) *mümkün değil* 'невозможный' + связка; *mümkün* + гл. *ol-mak* 'быть, становиться' в отрицательной форме: *Emine, bütün bir saat evin her tarafını altın zinciri bulmak ümidiyle arıyor... Altın zinciri bulmak mümkün değil* [8. С. 11]. 'Эмине целый час ищет по всему дому в надежде найти золотую цепочку... Найти золотую цепочку невозможно'; *İlk anda işin azametini anlamak benim için mümkün olmadı* [8. С. 39]. 'В первый момент мне невозможно было понять величие этого дела'.

2) *imkânsız* 'невозможный' + связка: *Raif Efendinin defterini ellerimle yok etmek benim için imkânsızdı* [6. С. 29]. 'Для меня невозможно было уничтожить собственными руками тетрадь Раифа-эфенди'. *Demiryolunda, kalın eldiven takmadan çalışmak imkânsızdı* [2. С. 138]. 'Невозможно было работать на железной дороге без плотных перчаток'.

3) *imkân yok* 'возможности нет' + связка: *Benim hangi perişan hislerle aile ocağından kaçtığımı, hayatımın ne elemelerle dolduğunu, hangi mecburiyetlerin sevkiyle evlendiğimi anlatmaya imkân yok* [4. С. 393]. 'Невозможно объяснить то, какими печальными чувствами я убежала из домашнего очага, какой горестью наполнилась моя жизнь, из каких вынужденных побуждений я вышла замуж'. *Ayaküstü birkaç dakikalık bir sabah sohbetinden kaçınmaya artık imkân kalmamıştı* [4. С. 72]. 'Отнюдь, невозможно было избежать утреннего минутного разговора на ногах'.

4) *imkân / ihtimâl + ađff.* принад. 3л. + *yok* + связка: (В этом же значении используется словосочетание *ihtimâlî yok* + связка 'возможности нет'): *Bir sene zarfında yaptığım bir kaç resimle geçinmek imkânî yok* [7. С. 123]. 'Невозможно прожить на те несколько рисунков, которые я делаю в течение года'; *Bu toplardan denizde kuş uçmak ihtimâlî bile yoktur diye deniz tarafına ehemmiyet vermediler* [3. С. 25]. 'Из-за этих пушечных выстрелов нет даже возможности летать птице по морю, потому они не смотрели в сторону моря';

5) *mümkün* + отрицательное слово *değil* 'невозможно' + связка: *Belden büzmeli, bol siyah çarşafım, sınıksız peçemle genç olduğumu anlamamak mümkün değildi* [4. С. 161]. 'Из-за затянутого в широкий черный чаршав от пояса (чаршав носят женщины в Турции при достижении соответствующего возраста. – О.С.), туго завязанного с покрывалом лицо (покрывало – на лице турецких женщин в Османской Турции, сейчас носят *торбан*), невозможно было различить мой молодой возраст'; *Bu gözler, yine eskisi gibi gülüyor, yine eskisi gibi masum bir cesaretle kaçınmadan bakıyordu. Fakat, Kâmrân'a öyle geldi ki, artık eskisi gibi onların derinliğini, nihayetini görmek mümkün değildir* [4. С. 375]. 'Эти глаза снова смеялись, как и раньше смотрели с храбростью, словно невинные. Однако Камрану показалось, что отныне, как раньше, невозможно было увидеть в них глубину и ту бесконечность'; *Misafirliği biraz daha uzatmak mümkün değil mi? diye sordu* [4. С. 378]. 'Нем ли возможности немного продлить визит? – спросил он'; *Suyu da hayat suyu gibidir. Bu yönden kaleye girmek asla mümkün değildir* [3. С. 270]. 'И вода здесь, словно святая вода. Поэтому въезжать в крепость ни в коем случае невозможно'.

6) *imkân* + отрицательное слово *yok* / *imkân ver-* 'давать' (в разных вр. формах при отрицательном аспекте) 'невозможно' + связка: *Odasında yalnız kaldıkları vakit o nişanlının çehresini göz önüne getirmek imkânına maliktir* [4. С. 231]. 'Когда он остается один в комнате, располагает возможностью представить перед собой лицо обрученного'. *Madem ki münasebetsizlik etmiştin, bunu tamire imkân yok muydu?* [4. С. 365]. 'Поскольку ты поступишь бестактно, неприлично, нельзя ли (букв. нет ли возможности) это как-то исправить?'. *Bu korkunç iç kuraklık afetiyile mücadele için gezegenin en büyük bilgileri, bilimsel, teknik, pratik bütün imkânları seferber edilmiş* [2. С. 120]. 'Для борьбы с трагедией, которая нанесла страшная засуха, у планеты, что касается больших ученых, научные, технические и даже практические все возможности были мобилизованными'. *Onu kendi çocuğum gibi tedavi etmek istiyordum. İnsanların fesadı, fitnesi buna da imkân vermedi* [4. С. 395]. 'Я хотела было вылечить ее как собственного ребенка. Этому не дала возможность интрига, подтрекательство и развращенность людей'; *Farkında olmayarak yaptığı hatayı anlayıp yeni bir yalanla düzelmesine imkân vermemek için onu başka mevzularda oyalamak istedi* [6. С. 260]. 'Понимая то, что ошибку совершил бессознательно, и чтобы не дать возможности исправить ее с новой ошибкой, он хотел развлечь (его) другой темой разговора'; *Uykuya çok benzediği halde uyumasına imkân vermeyen ve diğerinin dibini kemiren bir iç ezikliği gittikçe artıyordu* 6. С. 322]. 'Больше похоже на сон, не дающий возможности уснуть и над душой разьедающая внутренняя подавленность (тяжесть) все больше нарастала'. *Evlîya Çelebi'nin Van'dan İstanbul'a 13 günde, Silistire'den İstanbul'a 3 günde gelmesini imkânsız görerek kabul etmemektedir. Halbuki o zamanda Türk askerliği ve biniciliği düşünülürse bunların doğru olduğu kabul edilebilir* [3. С. 9]. 'Представив невозможным не соглашался с тем, что Эвлия Челеби за 13 дней смог приехать из Вана в Стамбул, а за 3 дня из Сицилии в Стамбул. Хотя, если в то время представить турецкую военную службу и искусство верховой езды, то вполне можно с этим согласиться'. *Karadan gemi yürüttü bu kalenin fethedilmesi imkânsızdır* [3. С. 25]. 'С супи двигать судно и завоевывать эту крепость невозможно'; *Halsizlik ve uğramış olduğu müzmin hastalıkların eleminden, sefer ızdırabından yatağa düşüp kurtulması imkânsız hale geldi* [3. С. 96]. 'Стало невозможно избавиться (ему) от слезы в постели, подвергший из-за приступов боли, грусти хронической болезни и бессилия'. *Kırk gün bile dursa kuruyup küllenip lezzeti değişmek ihtimali yoktur* [3. С. 208]. 'Пока сорок дней будет оставаться высухая и плесневая, но при этом вкус не будет меняться'. *Eve gelince, sofrada, Besim'in gevezelikleri ve Meharet'in son günlerde beni fazlaca göz hapsine alan sabit bakışları da rahat düşünmeme imkân bırakmıyordu* [6. С. 50]. 'По приходу домой болтовня Бесима и то, что в последнее время Мефхарет не отрывает взгляда от меня, не оставляли возможностей спокойно (мне) размышлять'. *Yeryüzünde siyasî çatışmalardan uzak kalmak çok zor, belki imkânsız bir şey* [2. С. 67]. 'На земле трудно держаться в стороне от политических столкновений (конфронтидий), может и вовсе невозможно'.

7) Имя действия на *-mak + var-* (есть, имеется) / *-mak+ yok* (нет, не имеется): *Ölüm kaşla göz arasında... Gidip te gelmemek var, gelip te bulmamak var* [5. С. 123]. 'Смерть наступает вдруг... Можно уйти и не вернуться, можно прийти и не найти'. *Ona bu kadar şiddetli alâka duymam, hakikatte, onu sevmek ihtimaline karşı*

yaptığın mücadelenin, «sevmek öncesi» diyebileceğimiz bir hal içinde, bir mücadele aşkının bahanesi olmaktadır [6. С. 244]. 'Твоя сильная заинтересованность к нему, несмотря на возможность любить его, когда в такой ситуации мы можем сказать о твоей борьбе за «долголетний период», действительно, является мотивом любовной ссоры'.

8) *Kabil olmamak* 'быть невозможным': *Suçluyu meydana çıkarmak kabil olmamıştı* [8. С. 31]. 'Обнаружить виновного не представлялось возможным'.

9) *Lâzım* в сочетании с отрицательной формой имени на *-mak*: *Koltuğunda derece varken konuşturmamak bile lâzım* [4. С. 163]. 'Пока у нее подмышкой находится градусник, не следует позволить ей даже разговаривать'.

10) *Gerek* в сочетании с отрицательной формой имени на *-mak*: *Onca, evine inen insanların adı konuktur ve konuklar arasında fark olmamak gerektir* [8. С. 71]. 'По его мнению, люди, останавливающиеся в его доме, именуется гостями, а проводить различие между гостями нельзя'.

11) *-mak olmaz* 'не бывает, нельзя, невозможный': *Ateş ile oyun oynamak olmaz* 'Нельзя играть с огнем' [погов.]; *Bazen kaza da olmaz değildi (olmaz - отриц. форма причастия настоящего-будущего времени от бытийного глагола ol - 'быть, становиться' - нельзя)* [4. С. 10]. 'Бывали случаи, когда не обходилось без аварий (букв. нет нельзя было)'; *Fakat dinlenmiş bir vücut, ıstırapı susamış bir ruhla yataкта uyandı ve hatırlayıştaki zorluğu da unutmamak lâzım* [4. С. 19]. 'Отдохнувшему организму, нельзя и забывать о душе, испытывающей мучение, пробуждении в постели и о напоминающей трудности'; *Bu sözler ya hakikaten melek gibi sabırlı insanlardı, yahut da benim hoş bir tarafım vardı, yoksa başka türlü benim kahrımı çekmek mümkün değildi* [4. С. 20]. 'Услышать подобные слова, то ли действительно люди были выдержанные, как ангелы, или у меня все же была положительная сторона, иначе невозможно было терпеть мою обиду (пригнесения)'; *Başını öte tarafa çevirerek nasıl ümitsizlikle gözlerini kapadığını görseydiniz! Anlatmak mümkün değil ki* [4. С. 260]. 'Если бы вы видели, как (он) повернув голову на другую сторону с отчаянием закрывал глаза. Ведь невозможно объяснить'; *İyi bir gençle evlenmen mümkün değil mi?* [4. С. 357]. 'Может (букв. невозможно ли) тебе выйти замуж за хорошего молодого парня?'.

И так в турецком языке разработано и выявлено 11 МАК с семантикой невозможности: первую группу представляют инфинитивные конструкции с модальным словом *mümkün*. Конструкции с модальным предикатом *imkân/ ihtimâl(i) yok; mümkün değil* выражает семантику невозможности, обусловленную реальными обстоятельствами. В данной группе центральное место занимает конструкции со служебным компонентом (глаголами) *vermek* «давать»; *görmek* «смотреть, видеть, испытывать, переносить»; *birakmak* «оставлять». Широко выступают конструкции с положительной и отрицательной формой инфинитива с модальным предикатом *var* «есть, имеется» и *yok* «нет, не имеется», обусловленного морально-этическими принципами субъекта.

Литература

1. Оралбаева Н.О. Аналитические глагольные формы в современном казахском языке: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Н.О. Оралбаева. – Алма-Ата, 1971. – 45 с.
2. Aytmatov Cengiz. Gün olur Asra Bedel / Cengiz Aytmatov. – İstanbul: Ötügen, 1997. – 432 s.

3. Evliya Çelebi. Seyahatnâmesi'nden Seçmeler (I) / Çelebi Evliya. - İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1971. I-inci cilt – 308 s., II cilt – 308 s.
4. Güntekin Reşat Nuri. Çalıkuşu / R.N.Güntekin – İstanbul: İnkılâp Kitabevi, 1999. – 408 s.
5. Nesin Ahmet. İhtilâli nasıl yaptık / Ahmet Nesin. – İstanbul: Boğaziçi yayımları, 1965. – 127 s.
6. Peyami Safa. Yalnızız / S.Peyami. – İstanbul: Ötügen, 1997. – 365 s.
7. Sabahattin Ali. Kürk mantolu Madonna/A.Sabahattin. İstanbul: Boğaziçi yayımları, 1963. – 138 s.
8. Tuğcu Kemal. Büyükleğin günahı / K.Tuğcu. – İstanbul: Damla yayımevi, 1999. – 80 s.

Н.И. Якимова,

Чувашский государственный университет,

г.Чебоксары

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ АНАЛОГИ

Аналог – слово одного языка, соответствующее семантически, этимологически, морфологически и т.п. слову другого [1. С. 45]. А.В. Кунин под аналогом подразумевает «такой русский устойчивый оборот, который по значению адекватен английскому, но по образной основе отличается от него полностью или частично» [3. С. 9]. Е.Ф. Арсентьева к межъязыковым фразеологическим аналогам относит ФЕ, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы [2. С. 106-112].

Под фразеологическим аналогом мы понимаем фразеологизмы, выражающие одинаковое или близкое значение, но по образной основе отличающиеся полностью или частично. Рассмотрим фразеологические аналоги в сравниваемых нами чувашском, татарском, башкирском и турецком языках: *күç [күçсем] çамки çине хăпарнă* (букв. глаза на лоб полезли) ~ *күзе шар булу* (букв. глаза превратились в шар), *күзе шакмак булу* (букв. глаза превратились кубики), *ике күзем дүрт булды* (букв. два глаза превратились в четыре), *күзе маңлайына менгән* (букв. глаза на лоб полезли), *күз шарзай булыу* (букв. глаза превратились в шар), *күз тоз-зай булыу* (букв. глаза превратились в соль), *ике күз дүрт булыу* (букв. два глаза превратились в четыре), *gözleri dört açılmış* (досл. глаза открылись в четыре), *gözleri fincan gibi olmak* (букв. глаза становятся как чашка), *gözleri fal taşı gibi açılmak* (букв. глаза открылись величиной знахарского камня), *gözleri evinden (veya yuvalarından) uçramak (veya fırlamak)* (букв. убежать (сбежать) глаза из дома (из гнезда));

куçран [куç-луçран] вут сирпёнчĕ [гухрĕ] «ударить кому-либо» (букв. искры из глаз посыпались [полетели]) ~ *күзгән утлар күренде* (букв. из глаз виднелись огни), *күзге утлар күренде* (букв. из глаз виднелись огни), *gözlerinde şimşek (kıızıl şimşekler) çakmak* (букв. в глазах (его) сиять молния (красные молнии)), *gözünüden ateş çıktı* (букв. из глаз вышел огонь);

күçсем хулайнаççĕ «быть в состоянии сна» (досл. глаза закрываются) ~ *күзләрне йому* (букв. закрыть / сомкнуть глаза), *күз элену* (букв. повесить глаз), *күзәр йомола* (букв. закрываются / слипаются глаза), *күз элену* (букв. глаза висеть), *gözünden uyku aktak* (букв. с глаз течь сон), *gözünden uyku (su gibi) aktak* (букв. с глаз сон (как вода) течь);

күçсем [пиçĕ-күçсем] сиçеççĕ «испытывать и выражать чувство радости» (букв. глаза [лицо глаза] сияют) ~ *күзләр ут булу* (букв. глаза превратились в огонь), *күзе уйнау* (букв. глаза играют), *күзендә ат тоягы эзләр күренә* (букв. в глазах видны следы лошадиных копыт), *ике күзе ут кеек* (букв. два глаза как огонь), *gözleri berraklaşmak* (букв. глаза становятся блестящими, кристально-чистыми), *gözleri (sevinçten ışıl ışıl) parlıyordu* (букв. глаза (у него) от радости ярко блестели);

пуç / пуça сұхат «попав в затруднительное, тяжелое положение, приходиться в растерянность» (букв. терять голову) ~ *баш кату* (букв. голова затвердевать), *баш катыу* (букв. голова затвердевать), *baştan çıkmak* (букв. выйти с головы), *baştan çıkarma* (букв. выходить из головы), *başı nâra yanmak* (букв. голова гореть);

пуçёнчĕ сирĕм шиллĕк ситмест «кто-либо глуповат, придурковат, со странностями» (букв. в голове не хватает двадцати пяти) ~ *туксан туьызлы* (букв. девяносто девятый), *туһан туьызлы* (досл. девяносто девятый), *kafadan gayri müsellâh* (букв. с головы чуть колотый), *bir cuma gecesi eksik* (букв. в голове не хватает одной пятницы ночи);

тулмак алă «неумельный человек» (букв. колотушка рука); ~ *кульна шайтан төкергән* (букв. на руку черт плюнул), *кульна шайтан төкергән, eline yüzüne buluştırmak* (букв. намазать лицо и руки), *elinden iş çıkarmak* (букв. с (его) руки работа не выходить);

çăвара шыв сьш «хранить упорное молчание, ничего не говорить» (букв. набрать в рот воды) ~ *авьзына су капкан* (букв. набрать, взять в рот воды), *ауызға һыу уртлау* (букв. набрать в рот воды), *ауызға йөзек йөшеру* (букв. в рот кольцо спрягать), *ağzına taş almış* (букв. (свой) рот брать камень), *ağzına kapamak* (букв. закрыть рот), *ağzına kira istemek* (букв. в рот набрать воды), *ağzına bıçak açmamak* (букв. его рот ножом не открыть), *ağzına mühürlemek* (букв. наложить на рот печать), *ağzını kilit takmak* (букв. в (его) рот повесить замок);

чѣлхи-саварѣ сѣлен сѣнни «говорить гневно, раздраженно, упрекая, обличая кого-либо или угрожая кому-либо» (букв. язык- рот змеиное жало) ~ *авыздан ут чѣчү* (букв. изо рта огонь метать), *авызы лахан чилеге күк* (букв. рот как лоханка), *ауыздан ут сѣсү* (букв. изо рта огонь метать), *ағзини асир gözünü yummak* (букв. раскрыв рот зажмурить глаза), *ағзини дағитмак* (букв. разбросить рот), *ағзини bozmaк* (букв. испортить рот);

шятăк савар «болтун, сплетник» (досл. дырявый рот) ~ таг. *тишек авыз* (букв. дырявый рот), *тишек ауыз* (букв. дырявый рот), *ауызы көрәк менән тишкән [көүек]* (букв. рот лопатой продырявлен), *ағыздан çikani kulağı duymamak* (букв. что выходит изо рта ухо не слышать), *ағыздан çikan sözü kulağı isitmemek* (букв. слово, вымолвленное изо рта ухо не слышать), *ағызında bakla islanmamak* (букв. во рту слово не мочиться);

савар тутине [пылакне] сая ан яр (кампа та пулин калаща, тавлапша т.ыт.те) «склонность к пустословию» (букв. не трать зря вкус [сладость] рта) ~ *авызы белән кош тота* (букв. ртом поймал / ловил птицу), *авызы белән чебен аулый* (букв. ртом мух ловит), *ауызы менән чебен аулау* (букв. ртом мух ловить), *ағзına yakışmamak* (букв. (твоему) рту не нравится);

чѣлхе якат «чесать «заниматься пустой болтовней, пустословить» (букв. выравнивать / выравнивать язык) ~ *тел чарлау (шомарту)* (букв. затачивать (отшлифовать) язык), *телбелен тегермән тарттыру* (букв. языком молотить), *тел болгау* (букв. молотить, болтать языком), *тел биçгаләнеу* (букв. шилить языком), *çene çalmak* (букв. играть подбородком);

чѣлхене ирѣке яр «болтать, молотить языком» (досл. пускать языку на волю) ~ *телгә салыну* (досл. распускать язык), *телен тыя алмай* (досл. языка не может держать), *тел озонайтты* (досл. удлиннять язык), *dili durmamak* (букв. язык (на месте) не стоять), *çenesi düşük* (букв. висящий подбородок, висящая челюсть);

чѣлхи сѣтет (сѣтрѣ) «потерять дар речи» (букв. язык потерялся), *чѣлхене сухат* (букв. потерять язык) ~ *тел югаллу* (букв. потерять языка), *телем тамагыма ябышты* (букв. язык прилип к горлу), *телден калган* (букв. остаться без языка, отложить язык), *dili tutuldu* (букв. (у него) язык воздержался, завязался);

чѣлхи саварѣ пыл та су «кто-либо умеет свободно, гладко говорить» (букв. язык рот мед да масло) ~ *таглы тел* (букв. вкусный язык), *телгә оҗта* (букв. мастер на язык), *тел ябышу* (букв. язык прилипать), *теле телгә йокмый* (букв. язык быстрый, ловкий), *шома тел* (букв. гладкий язык), *тел телгә йокмай* (букв. язык быстрый, ловкий), *телгә оҗта* (букв. мастер на язык), *таглы тел* (букв. вкусный язык), *tatlı dili var* (букв. (у него) вкусный язык);

вичкән (сивѣч, йѣллѣ) чѣлхе «кто-либо остроумен, язвительен в разговоре» (букв. острый, игольчатый язык) ~ *теле үткер* (букв. бойкий, проворный язык), *чәнәкеле тел* (букв. колочий язык), *глан*

теле (букв. змеиный язык), *кайнама теле* (досл. тещин язык), *гсе тел* (букв. кислый, горький язык), *йылан теле* (букв. змеиный язык), *dili kilistan keskin* (букв. язык острее меча), *dilin zehirlidir* (букв. язык (твой) ядовитый);

тукмак [йывăç] чѣлхе «не умеющий вести или поддерживать разговор» (букв. колотушка [деревянный] язык) ~ *агач тел* (букв. деревянный язык), *аҗас тел* (букв. деревянный язык), *dili pabuç kadar* (букв. язык словно бапмак).

В сравниваемых нами языках содержится малочисленное количество фразеологических аналогов с тождественным семантико-стилистическим значением, но различием в компонентном составе и грамматической структуре. Различный компонентный состав и специфика грамматического строя каждого из сравниваемых языков определяют национальный характер ФЕ, отражают специфические черты культуры, быта народа-носителя соответствующего языка, особые стороны его социальной деятельности. Это обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 607 с.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале ФЕ семантически ориентир на человека в англ. и русском языках) / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 123 с.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М.: Сов. энциклопедия, – 1967, кн. 1. – 738 с.

И.В. Алексеева,
МОУ «Гимназия №1»,
г. Ядрин

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ

«Язык есть исповедь народа, в нем слышится его природа, его душа и быт родной...» - писал П. Вяземский. О минувших периодах истории мы судим не только по сохранившимся до наших дней памятникам культуры, но и по языку, в котором отразились многие явления жизни людей. Мы употребляем слова и выражения, которые были порождены давно ушедшими в прошлое обычаями. Они живые свидетели прошлого, знание их происхождения обогащает наш ум, дает возможность лучше постигнуть язык, более сознательно им пользоваться.

Фразеологизмы, или фразеологические единицы, отражают национальную специфику языка, его самобытность. Во фразеологии запечатлен богатый исторический опыт народа, в ней отражены представления, связанные с трудовой

деятельностью, бытом и культурой людей. С точки зрения происхождения фразеологизмы русского и чувашского языков делятся на исконно русские (исконно чувашские) и заимствованные. Целый ряд русских фразеологизмов связан с бытом, обычаями, традициями и верованиями древних славян. К ним относятся, следовательно: 1) суеверные представления наших предков, например: *вбить осиновый кол в могилу* (окончательно избавляться от кого-либо или от чего-либо, расправляться с кем-либо или с чем-либо) - от суеверного обычая вбивать осиновый кол в могилу колдуна, чтобы он не мог вредить после своей смерти; *черная кошка дорогу перебежала* (произошла ссора, размолвка между кем-либо); *ни пуха ни пера* (пожелание кому-либо удачи, успеха в каком-либо деле) – первоначально: пожелание удачи охотнику, отправляющемуся на охоту, высказанное в отрицательной форме, чтобы не «сглазить», если пожелать прямо удачи; 2) игры и развлечения, например: *жив, курилка* (кто-либо существует, действует, проявляет себя) – от старинной народной игры, в которой с возгласом: «Жив, жив, курилка!» передают друг другу горящую лучину, пока она не погаснет; играть в бирюльки (заниматься пустяками, даром, попусту тратить время); от названия старинной игры, заключавшейся в том, что из беспорядочно разбросанных бирюлек (крошечных веснушек) нужно было выпахать маленьким крючком одну за другой бирюльки, но так, чтобы не задеть остальных; запнуть за пояс (превзойти в чем-либо); 3) древние обычаи наказания преступников, например: *укоротить язык* (заставить кого-либо поменьше болтать, разговаривать, быть менее дерзким); 4) исторические события в жизни русского народа, например: *кричать во всю Ивановскую* (очень громко); *как Мамай прошел* (полнейший беспорядок, разгром) – от исторического события – опустошительного нашествия на Русь (14 в.) татар под предводительством хана Мамай; 5) детали русского быта, например: *выносить сор из избы* (разглашать ссоры, дрязги, происходящие между близкими); *лезок на помине* (появляется в тот момент, когда о нем думают или говорят).

Профессиональная речь ремесленников также является важнейшим источником русской фразеологии. Почти каждое ремесло на Руси оставило свой след в русской фразеологии. Например: от столяров ведут начало фразеологизмы - *без сучка без задоринки* – «гладко», *топорная работа* – «грубая работа»; от сапожников – *два сапога пара* – «одинаковые», *сделаны на одну колодку* – «одинаковые, похожие»; от охотников и рыбаков – *смаывать удочки* – «поспешно уходить», *закидывать удочку* – «осторожно выяснять что-либо»; *заметать следы* – «скрывать что-то»; *держат нос по ветру* – «применяться к обстоятельствам, меняя свои убеждения»; от музыкантов – *играть первую скрипку* – «первенствовать».

Устное народное творчество – богатый источник русской фразеологии. Из народных сказок пришли фразеологизмы: *при царе Горохе* – «очень давно», Лиса Патрикеевна – «очень хитрый человек», *Кощей бессмертный* – «очень худой и страшный человек» и др. Из пословиц и поговорок возникли

фразеологизмы типа «бабушка надвое сказала» – «неопределенный ответ» из пословицы: «Бабушка гадала да надвое сказала: либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет»; «пожалел волк кобылу» – «о мнимой жалости» из пословицы: «Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву».

Известное количество устойчивых сочетаний восходит к литературным источникам. Многие из них взяты из басен Крылова. Например: *вертеться как белка* (быть в постоянных хлопотах); *а ларчик просто открывался* (применяется, когда говорят о том, что представлялось сложным, а на деле оказалось простым); *медвежья услуга* (услуга, которая приносит не пользу, а вред); *кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку* (взаимная похвала). Некоторые фразеологизмы восходят к произведениям А.С. Пушкина, например: *остаться у разбитого корыта* (остаться ни с чем), *окно в Европу* (экономические, культурные, торговые отношения с европейскими странами). Среди фразеологизмов есть и афоризмы Н.В. Гоголя, например: *есть еще порох в пороховницах* (есть еще силы), *мошеник на мошенике сидит* (так говорят о таком распространенном явлении, как воровство). Фразеологизмами стали и некоторые выражения из произведений А.П. Чехова, например: *человек в футляре* (название рассказа) (так называют человека, боящегося всяких новшеств, крутых мер, очень робкого); *двадцать два несчастья* (выражение применяется к неудачникам, к лицам, с которыми постоянно случается какое-нибудь несчастье). Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» тоже стало источником исконно русских фразеологизмов, например: *с чувством, с толком, с расстановкой*; *ах, злые языки страшнее пистолета*.

Каждый фразеологизм в чувашском языке, как и фразеологизмы других языков, имеет свою историю происхождения. На сегодняшний день происхождение исконно чувашских фразеологизмов изучено недостаточно. Большинство из них используется в повседневной речи и носит разговорный характер. Эта группа фразеологизмов составляет основу чувашской фразеологии, например: *кусран пӑх* (зависеть), *алли кукӑр* (вор), *тута тӑс* (обидеться). Следует отметить, что исконно чувашские фразеологизмы, как и исконно русские, отражают быт, традиции, обычаи чувашского народа. Остановимся на некоторых из них. *Кӑрӑк арки йӑвала* – заниматься от нечего делать чем-нибудь, (букв. теревить полу шубы) наверняка, указывает на постоянную занятость чувашских крестьян и привычку трудиться, является советом-наказом не тратить время попусту. *Такмакна ҫан* – распевать частушки (с задором) - (букв. бить частушками) – предположительно связано с высмеиванием в частушках недостатков человека.

Среди исконно чувашских фразеологизмов особое место занимают пословицы и поговорки – кладезь мудрости народа. *Усал сӑмахӑн ури вӑрӑм* - недобрая весть распространяется быстро. *Укҫа пухиччен ӑс пух* – копи ум, чем копить деньги. *Ӓрен ан хӑра, вӑл хӑй санран хӑратӑр* – на бойся работы, пусть она тебя боится. *Халӑх сурать – кӑлӑ пулат* – народ плюнет – образуется

озеро. Профессор Л.П. Сергеев к фразеологизмам относит и топонимы (названия населенных пунктов, рек, оврагов, улиц и т.д.), являющиеся словосочетанием, например: Кёсён Çавал (Малый Цивиль), Хветес касси (переулок Федоры), Миклешши варё (овраг Николая) и т.д.

Исконными для чувашского языка являются названия растений, не научные, а широко распространенные в народе. Обычно первое слово в таких словосочетаниях – названия животных, птиц, второе – органы животных (анатомические термины): *кушак пӑрси* (просвирия), *кавакарчӑн куҫӗ* (незабудка), *кушак хӳри* (timoфеевка). Встречаются и фразеологизмы, второе слово которых – ягода, трава, гриб и т.д.: *кушак курӑкӗ* – валерьянка, *шӑна кӑмши* – мухомор, *кашкӑр ҫырли* – жимолость. Подобное явление мы можно встретить и в русской фразеологии: *львиный зев, конский хвост, волчьи ягоды*.

Среди исконно русских и исконно чувашских фразеологизмов можно заметить очень интересное сходство: в составе некоторых фразеологизмов есть слова, значение которых вне фразеологизма не употребляется в современном языке. Например, в русском языке есть фразеологизм *бить баклуши* – празднично проводить время, бездельничать; первоначально: раскалывать, разбивать осиновый чурбан на чурки (баклуши) для изготовления мелких щепных изделий (ложек, поварешек и т.д.), т.е. делать очень несложное дело.

В составе чувашского фразеологизма *«йӗпе ҫине сапа»* означает: «одна беда за другой». Значение слова сапа непонятно. В современном чувашском языке оно встречается только в сложном слове йӗпе-сапа. В тюркском языке сапа означало «весенний ветер, ветреная погода», сохранилось слово в татарском языке с тем же значением. Буквально йӗпе ҫине сапа означает «йӗпе ҫине силлӗ санталӑк». Другой фразеологизм *нар пек хитре, нар пек хӗрлӗ* имеет значение очень красивый. Слово нар пришло из монгольского языка и означает солнце, в современном чувашском языке автономно не употребляется.

Небольшую часть исконно чувашских фразеологизмов составляют афоризмы – крылатые выражения чувашских поэтов и писателей. Например, *шанчӑк туррисем телейлӗ* (М. Сеспель) – имеющие надежду счастливы, *ҫакӑ ҫутӑ тӗнчере вӑйли ҫук та этемрен* (К. Иванов) – нет сильнее человека на этом белом свете; *туяниӗхра анчах мар, ыр кураҫси ҫыннинче* (К. Иванов) – не только в богатстве счастье, но и в самом человеке. Кроме этого, наблюдается такое языковое явление: значение некоторых слов оказывается непонятным вне фразеологизмов – они вышли из употребления в современном языке.

Источником происхождения фразеологизмов является также заимствование. Оно характерно и для русского, и для чувашского языка. Можно выделить две группы заимствованных фразеологизмов, имеющих место в русской фразеологии: заимствования из славянских языков и заимствования из неславянских языков. К первой группе относятся фразеологизмы, пришедшие в русский язык из старославянского языка. Чаще всего они представляют собой

выражения, взятые из библейско-евангелических текстов, переведенных на старославянский язык: *в поте лица* – «очень много (трудиться)», *запретный плод* – «о чем-нибудь заманчивом, но запрещенном», *земля обетованная* – «изобильный и счастливый край», *камень преткновеня* – «помеха, затруднение», *краеугольный камень (чего)* – «основная идея чего-нибудь», *святая святых* – «самое дорогое, заветное», *хлеб насущный* – «то, что необходимо для существования».

Значительную группу русской фразеологии составляют фразеологизмы, заимствованные или калькированные из других языков, среди них – фразеологизмы, ставшие интернациональными, – выражения из древнегреческой мифологии: *ахиллесова пята* – «наиболее уязвимое место», *гордиев узел* – «запутанное стечение обстоятельств», *дамоклов меч* – «о постоянно грозящей опасности», *драконовские законы* – «жестокие законы» и др. Часть фразеологизмов пришла из западно-европейских языков и литературы. Это пословицы, поговорки и их фрагменты, крылатые выражения, цитаты, изречения: *буря в стакане воды* – «волнение по пустякам», *принцесса на горошине* – «изнеженный, избалованный человек», *потерпеть фиаско* – «потерпеть неудачу», *не в своей тарелке* – «в плохом настроении», *после нас хоть потоп* – «лишь бы нам было хорошо» (неодобр.) и др.

Большое количество заимствованных фразеологизмов в русском языке представляют собой фразеологические кальки, т.е. такие иноязычные выражения, которые переводятся пословно, хотя некоторые из них употребляются и без перевода: из латинского языка – *terra incognita* (неизвестная земля), *постскриптум* (приписка к письму), *воленс ноленс* (волей неволей), из итальянского – *финита ля комедия* (конец комедии), из французского – *тет-а-тет* (наедине с кем-нибудь) и др. Путем буквального перевода иноязычного выражения возникли фразеологизмы из английского языка: *время – деньги, синий чулок, летающая тарелка*, из немецкого: *соломенная вдова, так вот где собака зарыта*, из французского: *медовый месяц, черный рынок, идея фикс* и др.

Большую часть заимствованных фразеологизмов в чувашском языке составляют фразеологические кальки, проникающие в язык через письменную речь. Происхождение и распространение их связано с переводом произведений русской литературы на чувашский язык. Например: *выводить на чистую воду* – *тӑрӑ шыв ҫине кӑлар* (разоблачать); *чужими руками жар загребать* – *ҫын ашине кӑвар турт* (пользоваться результатами труда других в своих интересах); *язык чешется* – *чӗлхе кӗсетет* (кто-либо не может удержаться, утерпеть, чтобы не заговорить, не сказать что-либо) и т.д. Фразеологизмы, заимствованные русским языком из западноевропейских языков, древнегреческой мифологии, и в чувашский язык вошли путем калькирования. Например, *Авги витши – авгиевы конюшни* (очень грязное место), *Дамоклов хӗҫӗ – дамоклов меч* (угрожающая опасность).

Итак, общее в заимствовании фразеологизмов русского и чувашского языков – калькирование. Причем этот способ является единственным для чувашского языка.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Г.Н. Семенова,

Чувашский государственный университет,

г. Чебоксары

ДИАЛОГ – ОСНОВА ПРОФЕССИИ ПЕДАГОГА

Диалог, по определению М.С. Кагана, есть «универсальный, всеохватывающий способ существования культуры и человека в культуре». Диалог позволяет осознавать единство противоположностей. Диалог рассматривается как феномен гуманитарной парадигмы образования. Он рассматривается как базовое средство гуманитарного образования личности в юношеском возрасте, на этапе расставания с детской непосредственностью и выбора стратегий осмысленного проживания взрослой жизни. Гуманитарное, т.е. человеческое содержание преподавания ставит своей целью передачу не просто необходимого объема знаний, а прежде всего – уважения к человеку, отношения к нему как к национальному достоянию. Выпускнику необходим такой уровень компетентности, который обеспечил бы ему человекообразную жизнедеятельность и реализацию во всех сферах – профессиональной, личной, семейной и др. Современному человеку требуется не только высокий уровень конкурентоспособности в обществе, но и гармония его внутреннего и внешнего мира.

Диалогичность – это личностное качество, обеспечивающее становление человеческой целостности личности, формирование «человеческого в человеке». Она складывается из опыта диалога, который в конкретных условиях выступает как опыт:

- осознаваемых действий;
- понимания другого (природы, культуры, человека);
- конструктивного решения конфликтов;
- саморегуляции;
- духовно-нравственного саморазвития.

Гуманитарное образование предполагает обращенность к внутреннему человеку, к миру его ощущений, переживаний, отношений. Оно направлено на формирование и поиск каждым своего индивидуального способа познания и деятельности. В человеке есть то, что отличает его от всего остального живого мира. Человек – существо многоуровневое. Он проявляется на следующих уровнях: физическом (человек биологический), рациональном (человек думающий), аффективном (человек чувствующий), социальном (человек общественный), духовном (человек трансцендентный). При всем

разнообразии понимания человека очевиден общий вывод: человек есть двойственное и одновременно множественное существо. Он заключен в единство разных противоположностей.

В понятие диалога разные исследователи вкладывают разные смыслы. Диалог в обыденном сознании чаще всего рассматривается как разговор, вопросно-ответные отношения, дискуссия, общение, согласие и т.п. В научных исследованиях диалог выделяют как форму общения, как способ познания, как личностную позицию, как содержание образования, как эффективное средство изучения конкретных предметов. Сегодня можно признать, что существует целое направление в науке, именуемое диалогикой.

Диалог, по мнению различных ученых, представляет собой: 1) диалектику взаимодействия различных ценностных центров (М.М. Бахтин); 2) понимание культур (В.С. Библер); 3) единство раздельности и взаимопроникновения (С.Л. Франк); 4) «присутствие-в-бытии» (М. Хайдеггер); 5) совместность отношений (М.К. Мамардашвили); 6) общение с реальным Другим, живое общение целостности человека с иной целостностью (И.А. Коменикова); 7) свободу собеседников в границах договоренностей (С.Л. Братченко, Г.Л. Тульчинский).

Жизнь по природе своей, как замечает М.М. Бахтин, диалогична, как диалогична и природа человеческого сознания. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответственность, соглашаться ... И в таком диалоге человек участвует весь и всей жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни. Именно такое понимание диалога подразумеваем мы, когда говорим о диалогичности гуманитарного образования. Гуманитарная школа, для которой характерны диалогическая образовательная среда и диалогический метод управления, ориентирована на Человека, овладевающего собственным способом бытия. В такой школе существует особая атмосфера творчества.

Структура диалога предполагает наличие диалога внутреннего и внешнего. Во *внутреннем* диалоге личности может происходить общение между ее разными «я» (субличностями). *Внешний* диалог происходит между реальными лицами. Его содержание зависит от внешних обстоятельств (времени, места, темы, цели) и обусловлено характером каждого из собеседников. Внешний диалог имеет три разновидности: *диалог – познание*, *диалог – общение* и *диалог – деятельность*. Целью диалога-познания является прояснение личностью представлений о целостности познаваемого ею предмета (субъекта). Цель диалога-общения – установление эмоционального контакта и ценностно – смысловых отношений. Цель диалога-деятельности – конструктивное сотрудничество, продуктивное сотворчество.

Виды диалога по Т.А. Флоренской зависят от того, на каком уровне отношений произошла «встреча» собеседников: на эмоциональном,

сознательном или духовном. *Эмоциональный диалог* характеризуется тем, что личность переживает чувство душевного контакта с собеседником, радость общения, душевный подъем, отсутствие усталости. *Сознательный диалог* – это поиск путей согласования своей позиции и позиции собеседника, когда возникает глубокое понимание контекста его мышления (отношения, действия, поступка), приходит осознание своих связей с ним. *Духовный диалог* достигается благодаря тому, что в результате общения с собеседником у личности пробуждается осознание своего духовного «я». Происходит встреча наличного «я» и духовного «я», дающая в итоге личности новообразование, внутреннее обновление.

Диалогические позиции собеседников отражают названные уровни диалога. По степени включенности участников в процессе диалогического взаимодействия различают: а) диалог-присутствие (позиция открытости и доверия, интерес к Другому); б) диалог-контакт (позиция взаимодействия, переживание единения с Другим, эмпатическое слушание); в) диалог-понимание (позиция эмпатического понимания, познавательное, информационно-смысловое взаимодействие); г) диалог-сотворчество (совместная деятельность с целью создания общего продукта); д) диалог-откровение (позиция духовного общения на основе принятия высших ценностей, процесс личностного саморазвития, духовно-нравственного обновления).

Диалогичность рассматривается как возможность взаимодействия внутреннего и внешнего. Она изначально заложена в мире, она есть данность бытия. Как говорит С.Л. Рубинштейн, мир – это «общающаяся друг с другом совокупность людей и вещей». Человеку диалогическая позиция потенциально задана. Диалогичность – это отношения внешнего и внутреннего мира. Понятие диалога содержит в себе идею соединенности. Диалог – это главная смысловая платформа, с которой видится единство человека и мира. *Диалогичность* – центральная характеристика гуманитарности. Только диалогическим способом возможно объединить в едином смысловом поле множественность индивидуальных смыслов. Диалог принципиально отличается от конвенционального коммуникативного общения, подчиненного определенным алгоритмам.

Диалогические отношения выступают содержательным ядром диалога. Эти отношения характеризуются совпадением внутреннего и внешнего, осознанности и конструктивности в поведении. В условиях реального взаимодействия людей они могут выглядеть как спонтанность, естественность в поведении и подлинность самовыражения, как эмпатическое понимание и слушание, как осознаваемое (сознательное) ответственное действие, как конструктивное решение противоречия.

Законы построения диалогических отношений: 1) диалог начинается с запроса к Другому; 2) диалог важен тогда, когда возникают непонимание и несогласие; 3) диалог возможен только между цельными высказываниями; 4) основой диалога

являются принятие Другого как другого и установление с ним духовной связи; 5) диалог предполагает ценностно-смысловое равенство; 6) диалог требует открытости и доверия собеседников друг к другу и к себе; 7) диалог с личностью возможен при условии соблюдения границ ее суверенности.

Диалогический опыт личности – опыт знаний, умений и навыков, позволяющих понимать сущность субъективного (гуманитарного) явления и конструктивно взаимодействовать с ним. Диалогический опыт позволяет научиться: а) трансперсональности – передаче продуктов своей деятельности, себя другим, установлению связи с ними; б) эмпатичности – способности вчувствоваться в другого, принимать другого и другое такими, каковы они есть; в) конгруэнтности – естественности, искренности, доверительности, открытости в отношениях и поведении; г) толерантности – терпимости к чужому, к инакомыслию; д) конструктивности – способности позитивно воспринимать и решать ненасильственным путем конфликты; е) сотрудничеству – умению работать в команде, взаимодействовать с другими, не ущемляя их прав и интересов и внося вклад в общее дело; ё) рефлексии – способности анализировать свои поступки, свое развитие с позиций духовного (высшего) запроса к себе, в контексте движения к своей целостности.

Литература

1. Сенько Ю.В. Гуманитарные основы педагогического образования: курс лекций / Ю.В. Сенько. – Академия, 2000.
2. Белова С.В. «Гуманитарная школа»: наука управления и искусство руководства / С.В. Белова. – М.: АПК и ПРО, 2004.
3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е.С. Полат. – М.: Академия, 2001.

Г.А. Кажигалиева,

Казахский национальный педагогический университет имени. Абая,

г. Алматы

Гюс. А. Кажигалиева,

Казахский национальный медицинский университет имени. С. Асфендиярова

г. Алматы

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ МЕТОДИКИ ЯЗЫКОВОГО ОБУЧЕНИЯ

Непосредственный разговор по теме статьи хотелось бы предварить некоторыми своими наблюдениями за функционированием казахского языка в статусе государственного. Как отмечается в «Государственной программе функционирования и развития языков на 2001-2010 гг.», полноценное выполнение соответствующим языком социально-коммуникативных функций

государственного языка предполагает, в том числе: а) обеспечение функционирования государственного языка в качестве языка государственного управления; б) создание условий для овладения гражданами РК государственным языком; в) обеспечение унификации норм современного казахского литературного языка путем осуществления интенсификации научно-лингвистических исследований и практической реализации их результатов; г) обеспечение функционирования государственного языка в области культуры и средствах массовой информации» [1]. За годы независимости в этой области осуществлена серьезная и солидная работа: казахский язык освободился от засилья заимствований (на наш взгляд, в большинстве случаев это было, действительно, необходимым шагом); сегодня многие *созданные* казахские заменители вполне удачно прижились и стали даже частотными, в том числе в языке казахских СМИ: *ушак (самолет), торайым, торага (председатель), тоназытқыш (холодильник), сынш (класс)* и др. Во-вторых, успешно проводится работа по систематизации терминоконтинумов казахского языка. В-третьих, постепенно расширяется сфера функционирования казахского языка. Вместе с тем, чтобы процесс выполнения казахским языком функций государственного языка проходил более успешно, необходимо, с нашей точки зрения, проводить, пользуясь языком современного маркетинга, эффективную агитационно-рекламную кампанию. Здесь нам примером могут служить страны, государственные языки которых имеют солидный стаж функционирования в данном статусе. Взять, к примеру, Российскую Федерацию. В соседней стране проводится системная регулярная работа по пропаганде коммуникативных, художественно-эстетических, лингвокультурных (кумулятивных) и т.д. возможностей русского языка, и определяющим фактором здесь является качество (имеется в виду и содержание, и форма (формат) преподносимого материала. В частности мы считаем необходимым на нынешнем этапе функционирования казахского языка как государственного, этапе становления и институализации его в данном статусе, привлекать внимание всех казахстанцев к казахскому языку, рождать их естественный интерес к нему через разработку и издание не только на казахском, но и на русском (английском и т.д.) языке (это могут быть переводы с казахского) научно-популярных книг, учебных пособий, типа «Рассказы о казахской фразеологии», «Занимательно о казахской лексике», «Об истории казахских имен», «Казахское слово в произведениях русских писателей» и т.д. Это должны быть именно учебные пособия, чтобы их содержание и структура позволяли успешно их использовать на уроках и факультативных занятиях по казахскому языку в школе, вузе, во внеурочных мероприятиях, в подготовке учебных радио- и телепередач, посвященных изучению казахского языка различными социально-национальными группами казахстанцев. Во-вторых, необходимо серьезно задействовать возможности компьютерных технологий, разработать систему компьютерных учебных материалов, направленных (в

качестве, может быть, дополнительного закрепляющего средства обучения) на освоение «разного» казахского языка: как средства выживания на незнакомой территории; как средства общения в определенных сферах коммуникации; как средства диалога культур и т.д. В-третьих, необходимо серьезное развитие Казахского Интернета (Kaznet) и в области изучения казахского языка, в том числе: в Kaznet должны быть в наличии различные виды и вариации словарей (русско-казахские, казахско-русские, толковые и т.д.), чтобы была возможность, когда это нужно, обратиться к их помощи; также важно уже сейчас развивать работу по формированию в Kaznet корпуса казахского языка, ибо это кропотливая и, по большому счету, перманентная работа.

Второй аспект, на который хотелось бы обратить внимание, является, если так можно выразиться, более или собственно образовательно-методическим, и касается он функционирования двух смежных специальностей на филологическом факультете педагогического вуза: *русский язык и литература в школах с нерусским языком обучения* (РКО) и *казахский язык и литература в школах с неказахским языком обучения* (КРО). На наш взгляд, в целях эффективного использования «смежного» методического потенциала двух специальностей необходимо руководствоваться тезисом о наличии методических универсалий и локальных методических категорий и явлений по аналогии с существованием языковых универсалий и локальных языковых спецификаций. В качестве практической реализации данного тезиса могли бы выступить: введение общего лекционно-практического курса «Лингвотюркостлавистика»; разработка и издание совместных пособий, где использовались бы достижения в указанных двух сферах языкового обучения; проведение интегративных лекций (для обоих отделений сразу), практических занятий с одновременным участием двух преподавателей, представляющих соответственно РКО и КРО («лекции вдвоем») и т.д.

Наконец, последнее, на что хотелось бы в контексте настоящей статьи обратить внимание – дидактические возможности лингвокультурологии, синтезирующего интегративного и сравнительно молодого направления в современной лингвистике. В подтверждение тезиса о дидактических возможностях лингвокультурологии приведу пример проведенного нами [2] лингвокультурологического сопоставления казахско-русских лингвокультурем-зоосимволов *конь (лошадь) - ат*.

В жизни русского народа-земледея лошадь не играет столь основополагающей роли и не занимает центральное место в национальной языковой картине мира, как это имеет место быть, напротив, в казахской национальной лингвокультурологической системе. Тому подтверждением не только относительно скудная лингвокультурологическая символика у данного зоонима, но и его амбивалентная лингвокультурологическая аксиологичность, отраженная в следующих фразеологизмах и поговорах русского языка: *старый конь борозды не портит, устал, как лошадь, не в коня корм* (о том, что не идет

на пользу кому-нибудь), *на коне* (чувствовать себя победителем), *рабочая лошадка* (о трудолюбивом человеке, безотказном работнике), *врет, как лошадь*, *конь не валялся* (ничего еще не начато, не готово), *темная лошадка* (о человеке, внутренние качества которого неясны, неизвестны), *лошадиное здоровье* (очень крепкое), *глуп, как лошадь*, (*глуп, как сивый мерин*, *бред сивой кобылы*) и др. В следующих паремиях зоосимвол конь дается в оппозиции с другими зоосимволами: *осел и коза: осел и в Киеве конем не будет, коню коза не ровень*; таким образом отчетливо подчеркивается иерархически более высокий лингвокультурологический статус у зоонима *конь*, чем у лингвокультурем *осел и коза* [3; 4; 5; 6]. Содержание приведенных пословиц и фразеологизмов указывает на наличие у русского зоосимвола *лошадь* (конь, у других синонимичных слов: *мерин, кобыла*) амбивалентной (пейоративно-мелиоративной) оценочности, что, видимо, необходимо объяснить соответствующей месторасположенностью (невысокой) этого животного и его наименований в русской иерархии национально-культурных ценностей, в русской лингвокультурологической системе. Примечательным в данном случае является и то обстоятельство, что зооним *лошадь* в русском языке этимологически принадлежит к тюркским заимствованиям: Н.М. Шанский, Т.А. Боброва дают данное слово как суффиксальное образование от тюркского *алаша* («лошадь», «мерин») [7], Д.С. Сетаров этимологическую сущность русского зоонима *лошадь* представляет как сложение двух тюркских слов: *алаша* («мерин») + *ат* («конь») [8, С. 29]. На наш взгляд, более убедительной именно лингвокультурологически является последняя точка зрения: русские и казахи представляют контрастивные, но вместе с тем исторически продолжительное время контактирующие лингвокультурологические общности, являющиеся к тому же географически-территориально соседями

Богатая, основополагающая лингвокультурологическая символика в казахском языке, связанная с лингвокультуремой-зоонимом *ат* (*лошадь, конь*), объясняется тем, что представляет собой олицетворение второго «я» казах-кочевника. «*Кочевник не мыслит себя без коня. «Скакун – крылья джигита», – говорят в народе. «Ат жетпейтін жер жоқ» – «нет земли, которой бы не достиг конь».* Конь для казаха – это и друг, и брат, и слуга и наставник. С ним он делит свой хлеб, свои горести и радости. В седле спит, как в колыбели, в седле познает горечь поражения и славу победителя. Конь вывезет его из любой передраги, и он же дарит ему счастливый выигрыш. «*Жігіттің сорлысын аттын жолдысы тенеіді» – «Неудачливого джигита везучий конь вывезет», то есть не все потеряно, если под седлом твоим настоящий скакун» [9, С. 24]. Данные суждения убедительно подтверждаются примерами из фразеологического и паремнологического фондов казахского языка: а) ФЕ: *ат мініп, аспан асынып* (букв.: сесть на коня и небо сделать себе защитой; связ. знач.: совершить военный поход); *ат қулағында ойнау* (букв.: играть на ушах лошади; связ. знач.: джигитовать, лихо скакать на лошади); *ат ойнату* (букв.: заставлять*

играть коня; связ. знач.: 1) высокомерно, кичливо относиться к кому-либо, издеваться, глумиться; 2) наводить страх); *ат қуырғын кесіп кету* (букв.: подрезать хвост коню; связ. знач.: стать недругом, раз и навсегда расстаться); *атқа жегіл телектай* (букв.: легко на лошади; связ. знач.: безотказный, легко на подъем); *ат қулағы көрінбейтін ақ боран* (букв.: такой буран, когда не видно ушей лошади; связ. знач.: сильный буран); *ат салысу* (букв.: пустить в ход коня; связ. знач.: оказывать помощь, принимать участие); *ат сауырын беру* (букв.: подать круп лошади; связ. знач.: помочь в трудный момент); *ат сүйек беру* (букв.: оказывать помощь конем; смысловое значение следующее: подхватить прославленного воина, у которого в бою гибнет конь и посадить на другого коня); *ат тобелін дей* (букв.: как белое пятно на лбу лошади; связ. знач.: очень мало, по пальцам перечесть можно); *ат ұстар* (букв.: тот, кто будет держать поводья коня; связ. знач.: сын, наследник); *ат үсті* (букв.: смотреть, сидя на коне; связ. знач.: небрежно, кое-как делать что-либо); *ат ізін салмау* (букв.: не оставлять следа лошади; связ. знач.: не казать глаз); *ат жалын тартып міну* (букв.: сесть на лошадь, взявшись за гриву; связ. знач.: возмужать, повзрослеть); *ат басын тіреу* (букв.: приткнуть голову коня; связ. знач.: остановиться для отдыха); *ат жаяқты* (букв.: лицо, как у лошади; связ. знач.: овальное лицо) и др. [10]; б) Паремии (даются в переводе [11; 12]: *лошадь с неба послана богом, а нур (свет) – из рая; хороший конь – спутник человека; стриженок поможет добраться до коня, а конь – до идеала; и шестьдесят корсаков коня не заменят; быстроногий конь, когда – конь, а когда – крылья; конный пешему доли своей не уступит; имя молодца либо конь прославит, либо жена; конь есть – мир изучи, угощение есть – гостей зови; быстроногую коню и ветер – нагайка* и др.

Хотя мы анализируем казахскую языковую лингвокультурологическую единицу (*ат*), нельзя не отметить и обойти стороной богатейшее казахское народное мифопоэтическое творчество, мифологические тексты, в которых конь дан второй по значимости фигурой после человека, а иногда и равной ему: всегда рядом с батыром Алпамысом его верный друг, богатырский конь Байшубар; доверяет как себе коню Тайбурылу казахский батыр Кобланды и т.д. В казахском эпосе прекрасный богатырский конь обладает даром человеческой речи, нередко дает дельные советы герою. Описание же бега «очеловеченного» коня – всегда одно из самых поэтичных мест в тексте эпоса. Преклонение, восхищение человека красотой, эстетикой бега коня (Тайбурыла) ощущаем мы, читая следующий отрывок из эпоса «Кобланды» (в переводе): *Полетел Тайбурыл, как буран, \ Что низвернулся наземь с высот, \ Вдоль ушей его катится пот. \ Он летит, и бугристой земли \ Он копытами не достает. \ По пути повстречает скалу – \ Он скалу превращает в золу. \ То не бег, то огромный полет, \ Приближает он дальнюю даль \ [13, С. 139].*

Специфика, характеризующая соответственно русские и казахские лингвокультуремы-зоосимволы, лингвокультурологические сходства и

расхождения в них, в первую очередь и главным образом есть закономерное следствие образа жизни двух народов, доминирующего способа хозяйствования в той или иной национально-культурной общности. В частности, «особое отношение казахского народа к животному миру обусловлено прежде всего кочевым образом жизни, основным хозяйственным ориентиром которого является скотоводство. В миропонимании кочевника все живое совершенно и не требует привнесения искусственных изменений. Сорамерность и равновеликость всего сущего – вот философские основы жизни степняков. В целостном восприятии мироздания, человек является частью природы, а значит должен жить в гармонии с существующим миром» [14. С. 85]. Отсюда более «ощущаемая» и «видимая» связь современных казахских лингвокультурем-зоосимволов с национальными мифами, сохранение лингвокультурами данной группы «живой» связи с периодом анимистического мировосприятия; наличие сакральности, ее сохраненность у большого числа современных казахских зоосимволов и т.д. Мы также считаем, что большая насыщенность лингвокультурологической символикой казахских зоонимов по сравнению с их русскими эквивалентами связана соответственно с большей разработанностью и распространенностью зоонимической темы в богатейшем казахском народном мифопоэтическом творчестве, откуда и берут начало анализируемые символы-архетипы.

Здесь также надо отметить, что указанная положительная аксиосемантическая, характерная казахским лингвокультурам-зоосимволам, проявляется и в казахских личных именах: *Арыстан, Баглан, Байбори, Борибай, Серкебай, Барыс, Ботабай, Болтірік, Бурабай, Бурахан, Бугыбай, Донентай, Ербота, Жолбарыс, Кобланды, Козыбай, Малбай, Маралбай, Нартау, Ернар, Еркебулан, Саурьк, Серали, Танабай, Акбота, Акмарал, Ақтоқты, Ботағоз, Карлығаш, Сандуғаш, Шерхан, Шортанбай, Нарша, Тоты, Қуралай, Құндыз* и др. [15]. В русском антропонимике же таковые почти отсутствуют за небольшим, может быть, исключением: *Руслан* (древнетюркск. «арслан» – лев), однокоренной ряд: *Лев, Леонард, Леонид, Леонтий, Артур* (кельт. «медведь») и др. Лингвокультурологический подход позволяет усваивать не только «поверхностное» собственно языковое значение, но и культурный фон, культурологическое содержание того или иного языкового знака, что дает возможность изучать второй язык на более высоком уровне. А изучение второго языка через лингвокультурологическое сопоставление с родным способствует не только познанию обучающимися другого национального лингвокультурологического мира, но и самопознанию, ясному ощущению своей национальной лингвокультурологической самобытности.

Таким образом, думается, координация действий, учет достижений и наличия универсальных категорий в смежных взаимопересекающихся областях: *казахский язык – русский язык, методика преподавания русского языка – методика преподавания казахского языка* позволит успешно решать

не только собственно теоретико-методические проблемы функционирования, в том числе государственного языка в Казахстане, но и вопросы межкультурного общения, межкультурной и межкультурной толерантности в поликультурном пространстве нашей страны.

Литература

1. Государственной программе функционирования и развития языков на 2001-2010 гг. // Казахстанская правда. – 2001. - № 47-48.
2. Кажигалиева Г.А. Культурологический аспект в работе над художественным текстом. – Алматы: Айкос, 2000. – 249 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Русский язык, 1986. - 797 с.
4. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т. - М-Л, 1948-1965.
5. Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. А. И. Молоткова.-М.: Русский язык, 1978. - 543с.
6. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX веков / Сост. М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова.- М-Л: Издво АН СССР, 1961. - 289 с.
7. Панский Н.М., Боброва Т.М. Школьный этимологический словарь русского языка. - М.: Дрофа, Русский язык, 1997. - 400 с.
8. Сетаров Д.С. Именованье животных: принципы и типы мотивации в славянских и тюркских языках: Автореф. дис. докт. - М., 1992. - 46 с.
9. Каирбеков Б. Обычай и обряды казахов. Начало пути. Детские обряды. // Огонек-Казахстан. - 2000. - №3. - С. 22-24.
10. Кожаметова Х.К., Жайсакова Р.Е., Кожаметова Ш.О. Казахско-русский фразеологический словарь. - Алма-Ата: Мектеп, 1988. - 224 с.
11. Казахские пословицы и поговорки. / Сост. и пер. с каз. М.А. Аккозина. - Алма-Ата: Казахстан, 1985. - 88 с.
12. Казахские пословицы и поговорки. / Сост. Г. Тайжанова. - Алматы: Ана тілі, 1998. - 160 с.
13. Кочевники: Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. - Алматы: Ылым, 1993. - 264 с.
14. Кажигалиева Г.А. Эмотивы в лексико-словообразовательной системе современного русского языка (семантическое поле «тнев»): Дис. канд. - Алматы, 1997. - 187 с.
15. Джанузаков Т.Д. Ваше имя? Казахско-русский толковый словарь имен. - Алма-Ата: Казахстан, 1989. - 192 с.

*А.Н. Шиканова, Т.В. Таланова,
Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

КОНТРОЛЬ И ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ

Научная организация контроля является важнейшим условием эффективного управления процессом обучения иностранному языку. Специфика контролирующей деятельности заключается в том, что, взятая отдельно, она не

формирует знания, умения, навыки, а дает необходимую для организации обучения "обратную информацию". Поэтому содержание контроля неразрывно связано с методической концепцией [1]. Практическая цель преподавания иностранного языка заключается в обучении общению на иностранном языке. Для этого необходимо научить студентов формировать и формулировать мысли с опорой на неродной язык в процессе коммуникации. Некоторые методисты решающую роль в овладении языком отводят речевым навыкам, которые создаются путем подражания и механического заучивания. Мнение о "саморазвивающейся" способности мыслить с опорой на иностранный язык ограничивает содержание методической концепции и контроля. Е.И. Пассов отмечает, что обучающийся может сам овладеть некоторыми приемами учения, но "во сто крат полезнее для дела, если этому научит учитель, ибо он может предложить наиболее рациональные приемы" [2. С. 114-115]. Содержание обучения и контроля в овладении иностранным языком стало предметом данной статьи.

При практической цели обучения иностранным языкам главное содержание учебного процесса составляет овладение студентами речевой деятельностью на иностранном языке, в ходе которого решаются воспитательные, образовательные и развивающие задачи. Одним из условий осуществления этого требования является организация учебно-воспитательного процесса на оптимальном уровне с учетом различных факторов, влияющих на ход и результаты обучения. По иностранному языку оптимальная организация возможна при гибком управлении, которое позволяет вносить необходимые коррективы в ход учебной работы, учитывая расхождения между программой обучения, предложенной учебно-методическим комплектом и преподавателем, и реальной учебной ситуацией, сложившейся в ходе обучения, а также свои и пробелы, проявляющиеся в языковой подготовке студентов.

Для осуществления эффективного управления учебным процессом необходимо обеспечить обратную связь на постоянной операционной основе, которая выступает в форме контроля. В методической литературе выделяются различные функции контроля в обучении иностранному языку [3]. Следуя общепедагогическому подходу, некоторые методисты (Гез Н.И., Ляховицкий М.В., Фоломкина С.К., Шагилов С.Ф.) называют такие функции, как контрольно-корректирующую, контрольно-предупредительную, контрольно-стимулирующую, контрольно-обобщающую; другие (Миролюбов А.А.) - классифицируют контрольные функции как обучающую, диагностическую, корректировочную, управленческую, оценочную.

Вопрос о функциях контроля в обучении иностранному языку следует рассматривать с учетом структуры самого учебного процесса. Обучение общению на иностранном языке осуществляется в непосредственном взаимодействии обучающей деятельности обучающего (преподавание) и учебной деятельности обучающихся (учение), которые составляют единую и

целостную систему. В этой системе обратная связь функционирует в различных направлениях: на преподавателя и на учащихся. Помимо направленности, она различается также набором функций, их характером и содержанием [3]. Обратная связь, направленная на преподавателя, носит управленческий характер и выполняет: 1) диагностическую, 2) оценочную и 3) корректировочную функции. Обратная связь, направленная на учащихся, носит учебный характер и выполняет: 1) корректировочную, 2) оценочную и 3) мотивационно-стимулирующую функции.

Получаемая информация одновременно является базой для оценки преподавателем учебной деятельности обучающегося и его самооценки своей речевой деятельности, которые несут мощный эмоциональный мотивационный заряд и оказывают стимулирующее воздействие. При некоторых обстоятельствах она может оказать и отрицательное воздействие на обучающихся, приводя к запуску мотивов и потере стимулов к активности в работе, что также подтверждает важность мотивационно-стимулирующей функции обратной связи в учебном процессе. По мнению Старкова А.П., информацию по обратной связи студенты могут получить тремя путями [3]: 1) из указаний преподавателя, который в той или иной форме сообщает учащемуся об успешности выполнения поставленных учебных задач, корректирует его учебно-речевые действия, дает оценку этим действиям, поощряя и стимулируя речевую деятельность учащегося; 2) путем внешнего самоконтроля (взаимоконтроля) с помощью ключей или приемов программированного обучения, осуществляя коррекцию и самооценку речевых действий; 3) путем внутреннего самоконтроля, осуществляемого самостоятельно в процессе выполнения речевых действий на базе сформированных внутренних психических моделей этих действий, сопоставлением этих моделей с порожденными высказываниями.

В процессе реального речевого общения функционирует обратная связь в форме внутреннего самоконтроля, которая составляет существенный и неотъемлемый компонент механизма восприятия и порождения высказываний. Обеспечение функционирования внутренней обратной связи входит в задачи обучения практическому владению иностранным языком. И в ходе обучения речевой деятельности контроль, осуществляемый преподавателем, и внешний самоконтроль (взаимоконтроль) в той или иной форме не только способствуют овладению учащимися речевой деятельностью, но и формируют их внутренний самоконтроль. Функциональный подход к контролю как к форме обратной связи в процессе управления обучающей деятельностью преподавателя и учебной деятельностью учащихся в их взаимосвязи ставит перед методистами и преподавателями ряд важных проблем, еще не нашедших своего решения. К числу таких проблем относится в первую очередь вычленение объектов контроля при практической цели обучения иностранным языкам. Выдвижение в качестве объектов контроля видов речевой деятельности требует вместе с тем

учета степени усвоения учениками грамматики чешских форм, лексики и произношения в интегрированном виде, как они функционируют в реальном общении. Особую остроту приобретает поиск функциональных форм и приемов контроля, адекватных объекту контроля, а также характеру и уровню овладения данной речевой деятельностью. Попытки использовать письменные контрольные работы в качестве универсальной формы контроля, например, для установления степени обученности учащихся устно-речевой деятельности, представляют собой нарушение принципа функциональности и не обеспечивают объективного отражения уровня владения учащимися именно этим видом речевой деятельности.

Основная программа применительно к обучению общению на иностранном языке - это программа, в которой должна быть заложена идея профилактики ошибочной деятельности. Ошибка учащегося - это, главным образом, сигнал не того, что он не овладел каким-либо коммуникативными навыками и умениями в обучении иностранному языку, а того, что программа составлена недостаточно правильно, не учтен один из факторов обучения. Поскольку предвидеть все факторы невозможно, вступает в силу программа корректирования. Но для этого должен быть специально подготовлен преподаватель, владеющий определенными инструментами, определенным комплексом средств управления обучением: открытый контроль, скрытый контроль, коррекция, наблюдение, учет, оценка и отметка. Инструменты, которыми должен владеть ученик - это самоконтроль, взаимоконтроль, самооценка, взаимооценка.

На схеме предложенной Е.И. Пассовым видно, что сначала должен быть открытый контроль, затем на его основе - скрытый. На основе открытого контроля появляется умение самоконтроля и уже на его основе - взаимоконтроль. Самооценка и взаимооценка вырастают на почве самоконтроля. Таким образом, контроль выступает как один из инструментов, который входит в общую систему управления обучением. Все десять инструментов направлены на объекты управления, которые важно выявить и номенклатурно перечислить [2]. Важным требованием к контролю в любой форме является объективность полученных результатов, которая позволяет дать точную оценку и определить рекомендации по коррекции учебной речевой деятельности обучающихся и методической деятельности преподавателя. Чтобы можно было проанализировать ход учебного процесса, оценить результаты контроля, определить при необходимости рекомендации по коррекции и их адрес, необходимо установить дифференцированные параметры оценки по видам речевой деятельности и аспектам языка и обеспечить их качественную и количественную интерпретацию, что представляет особую сложность при комплексном обучении речевой деятельности.

Изложенные соображения объясняют тот повышенный интерес к тестовым формам контроля, который проявился в последнее время среди

методистов и преподавателей иностранных языков. Однако тестовая методика контроля требует специальных исследований, практической разработки и опытной проверки, с тем чтобы эта форма контроля могла удовлетворять условиям обучения иностранному языку и эффективно обеспечивать функционирование обратной связи при обучении иностранному языку.

Литература

1. Мильруд Р.П. Особенности контроля в овладении иноязычным речемышлением // Контроль в обучении иностранным языкам в средней школе: Кн. для учителя: Из опыта работы / Ред.-сост. В.А. Слободчиков. - М.: Просвещение, 1986.

2. Пассов Е.И. Теоретические основы обучения иноязычному высказыванию. - Воронеж, 1983.

3. Старков А.П. Функциональная направленность контроля // Контроль в обучении иностранным языкам в средней школе: Кн. для учителя: Из опыта работы / Ред.-сост. В.А. Слободчиков. - М.: Просвещение, 1986.

*В.Г. Хлебникова,
Чăваш патшалăх университетĕ,
Шупашкар хули*

ВĔРЕНЕКЕНСЕН ПУПЛЕВНЕ АТАЛАНТАРМА ЧĂВАШ ЎНЕРÇИСЕН ПРОИЗВЕДЕНИЙĔСЕМПЕ УСĂ КУРНИ

Художниксем ўкернĕ картинăсемпе чăваш чĕлхи урокĕсенче усă курни вĕренекенсен пушпеле аталантарма, илемлĕхе туйма вĕренекен витĕмлĕ хатĕр шутне кĕрет. Сăнарлă курăмлăх хатĕрсем хăйсен тĕрлĕ тĕсĕпе, илемлĕхĕпе вĕренекенсене илĕртеçĕ, вĕсен сисĕмлĕхне вайлатаçĕ. Çавăн пекех школ ачисен тавракурăмне анлăлатма, вĕсен ыра кăмăл-туйăмне вăратса, пушпеле сăнарлă, сивĕч, илемлĕх мелĕсемпе усă курса витĕмлĕ те ĕнтерүүлĕ каласа е сырса пама хистеçĕ, тĕрлĕ художниксен пултарулăхĕпе паллаштарма май параçĕ.

Картинăсемпе ĕсленĕ чух методистсем çак тапхăрсене палăртаçĕ: 1) Күртĕм сăмах. Учитель художник пурнăçĕ сиччен кĕскен каласа парать, картинана хăсан ўкернине, мĕн тĕллевпе ўкернине каласа парать, вăл обществăри пулăмсемпе, историре сыхăннă пулсан, ун сиччен пĕлтерет. Картинапа мĕн тĕллевне ĕсленине калать, словарь ĕçĕ ирттерет: йывăр сăмахсен пĕлтерĕшне аңлантарать, доска сине сырса парать. 2) Картинана тишкересси. Ыйгусем парса картина содержанине сирĕплетесси, вĕреннĕ сăмахсене, сăмах саврăнăшĕсене аса илесси. Картина сиччи персонажсем сиччен калаттарас пулсан çакан евĕр ййгусем пама юрат: Сирĕн шутпа, камсене ўкернĕ хăйĕн картини сине художник? Вĕсем кам иккенне астан чухлама пулат? Мĕн тăваçĕ вĕсем? Тĕп герой хăшĕ? Вăл мĕн ĕслет? Ўкерчĕк тăрăх ирттерекен каласа, тĕпрен илсен, икĕ тапхăртан йĕркеленет: пĕрремĕш тапхăрта учитель ййгусем тăрăх

картинан пегемешле содержанияне сиреплетет; иккемешенче – пуламсем, собысисем мён евертле пулса иртнине, персонажсем хушпинчи сыхану, вёсен хутпанаёвё, пер-перне ырлащё е сивлещё, персонажсене кашпине саяласа парашё. Геройсене саяланя чух вёренекенсене сакан пек ёссем хушма каласа паряр. 1) Персонажан, теи геройан, саян-пичё, си-пушё синчен тешлен каласа паряр. 2) Валь мише султа? 3) Унан шухаш-камалне уса паряр. 4) Унан ёщсене, менле тыткаланине хак паряр. Вёренекенсем картина содержанияне уса парашё.

3. План тавасси.

4. План тарых тата доска сине сырса паня самахсемпе уса курса вёренекенсем картина содержанияне каласа парашё, урахла каласан, сыханулла калав тавашё. Хайсен калавенче ачасем картинана хак парашё.

5. Сочинени сыраси. Вёренекенсем сочинени-саялав е изложени сырасё. Изложени сырня чухне вёренекенсем учитель ум каласура пелтерне материала теи хурашё.

Саянрля искусствара теи пите пелтерешле: валь йамах сутя та, тексем те, лапка та йунле е суламля, херулле, таса, таря шыв пек е патранчак, лекелле шыв пек пулма пултарать. Ахальтен мар ёнгё теи художниксем саянрля искусстван «учё» тата «онё» тесе хаклашё. Меншен тесен вёсем теипе уса курса япаласен теи кая мар, сынсен камал-сипетне, шухаш-ёмётне, туйамне уса парашё [3]. Самахран, Н.В. Овчинникован «Салам, Сер!» картиниче херле, сенкер, симёс, саря, шура теиесе анля сёсен-хире, сулле сенкер тулене, вищёмеш космонавт А.Г. Николаев космогра вёшнё хысаян сёр сине таврання саманта, космонавт туйамёсене, валь хай тивёсене айнасла пурнасланипе камалля пулнине, уша перле сут саянталак та саяннине каяртса пама пулашашё. Картина пире илёртет, темле асамлях, хаваслях вайёле тыткалать.

Теиесе ашписем тата сиввисем (холодные) пулашё. Ашя теиесе шутне саря, вут телё саря, херле, хамар, саркалтям симёс; сиввисем шутне йамах, сенкер, керен, кавакрах симёс теиесе кертешё. Сак теиесемпе картинясенче сыханулла, килешулле пегемешле уса курни унан колоритне йеркелешё. Хаш теиесе ытлараххине кура колорит сутя е тексем, ашя е сивё тата ыт. те пулашё. Тавралаха менле курнине, аяланнине, менле туйамсем суратнине кура художник хайне килешекен сарасемпе картинясем укерет [2].

Самахран, М. Спиридонован «Кёркунне» картиниче чаваш сёр-шывёвчи лапка, илемле, ытган керкунне. Там укинпе хемленне капар сулсасем херле сутяпа йалкашашё. Тулли саря йекелсемпе сёре таяканны юман сулсисем чун-чёрене уса тгаракан йусёкрех шаршя сарашё. Йыващсен саря, хамар, херле сулсисем сывлашра илемлен вёссе анса сёре терле телё кавирпе витешё. Хаш-пер йыващсем хайсен тумне улаштарман, акя чарашпа хыр суллахи пекех сип-симёс ларашё. Тавралах хайен илемёе пире саянтарать.

Ю. Зайцеван «Савал сийё» картини космос темипе сыханя. Кунта, А. Григорьев искусствовед палартня тарых, космонавт саянрё, унан паттарляхне турремёнех каяртни сук. Чаваш херё, колхоз кётевне кётекенскер, маларах вёссе иртне самолета аялнчи тутарёпе сулласа асатать. Самолечё куранмасть ёнгё, ун хысаян юнах сутя йёр аячах теисёр пелёт тупинче асамлян куранать. Шура, капашка пелётсем хёвел суринче сёмше мамык тушек пек туйнашашё. Сак илемле, теисёр те аяланма сук вартганляхё, сулле туи укерчёе хавхалану, сёкленулле, пулашля ёмечё, шанчак туйамёсем парнелет. Чаваш сёрё-шывё, таван тавралах, тасалаха, ыра туйамёсене каяртакан шура телё кёе таяканны чаваш херен саянрё хамар ентешен, чаваш халахен мухтавля ывалён паттарляхёе халах саяннине, чавашляха палартма пулашать [2. 66 с.].

Истори темипе укерне картинясем вёренекенсене чаваш халахен ёлехи пурнашля, ёш-хелёе, паттар ывалё-херёе телленрех те сывахрах палашма май парашё. Самахран, А. Тагаев-Сурбанан «Акрам вярси», М. Спиридонован «Канапри вагонсем юсакан завод», «Чаваш сёмий хура пуртре», Н. Сверчкован «Чаваш яленче перремеш трактор», «Чаваш комсомолё» бронепоезд», «Пушкин чаваш яленче», «Петёр патша Шулашкар вярманёвче», «Чаваш оярячё Хаяр Иван патша патёвче», «М. Горький – Атал синчи тивёсё», В. Гуриян «Чапаев чаваш хресченёсем хушпинче», Н. Овчинникован «Салам, Сер!», «И.Я. Яковлев вёрентушё Иккёмеш Микулай патша патёвче», «И.Н. Ульяновпа И.Я. Яковлев чаваш шуленё», А. Кокелен «Ликбёз» тата ытти картинисем Чаваш енен, халахан пурнашляччи терле самантсене суратса парашё [4. 68 с.].

Урокра картиняпа уса курня чух аяна вёренекенсене тимле типкерме сёмелле, ачасем картиняна лайах саян хысаян ум каласу ирттермелле. Каласу пусламашёвче учитель вёренекенсем сак картиняна халичен курнипе курманнине, аяна менле (хаш) художник укернине ыйтса пелет. Пелекен укерчёк пулсан, вёренекенсене сакан пек ыйтусем парсан аван: 1. Сирен шутпа, художник ку картиняна меншен кун пек ят паня-ши? 2. Эсир картиняна урах ят пама пултаратяр-и? Менле ят паня пулаттар?

Вёренекенсем ку картиняна пуласа курашё пулсан, вёсене аяна валли ят пама сёнешё. Вёренекенсем укерчёксемпе палашмасерен сарля искусстван витёмне, илемлёхне туйма ханыхар тесе учителен тарашмалла, саян пекех саралля укерчёксем (живопись) искусстван пер пайё пулнине таранлатса пычар. Вёсем *саянрля искусство, живопись, пейзаж, натюрморт, репродукци, унер, композици, колорит, сюжет, скульптура, архитектура* тата ытти терминсемпе палашса вёсен пелтерешне асра хавармалла. Вёсен унерти хаш-пер вартганляхсене пелмелле: хашан художник япаласене сурарах, хаш ене текёмерех, менле теиесемпе ытларах (ашписемпе) уса курать, мен телёвпе, менле саманта уса парас телёвпе. Палля ёнгё, ашя колорит, урахла каласан, картиняри сутя теиесе художнике хавасля, саянашля, хавхаланулла камал-туйама каяртма, телёйё самантсене палартма, сивё,

төксөм төссөм хурлэхлэ, каньсаар, аш-чике хускатакан туйамсене палартма май парассё [1. 25 с.]. Чылай терминсемпе вёренкенсем сáнарлá искусство урокёсенче паллашассё, чёлкеле вулав урокёсенче картинясемпе ёсленё чух сáк терминсен пёлтерёшне сирёплетессё, хáйсен пушлевёнге усá курассё, вёсем синчен тёллёрех пёлессё.

Сáраллá картинясемпе паллаштарас ёсе сюжетлá үкерчёксенчен пусламалла, унтан пейзажсем үкернисем патне кусламалла, вара натормортсемпе тата портретсемпе ёсleme хáнáхтармалла. Сюжетлá үкерчёксене вёренкенсем сáмáлтарых áнланассё, төрлё тематикáллá пулнипе вёсем ачасене интересленгерессё, ёсleme хавхалантарассё.

Чылай чухне вёренкенсем картина сине мёнем е камсем үкернине анчах пáхассё, ку, паллах, сителёксёр. Күртём каласура учитель картина содержанияйё тáрáх каласнá май вёренкенсене үнер áсти илемлэх мелёсемпе мёнге усá курнине те сáнама хушáть, содержанияйе форми пёр пётёме тáнине áнланма пулáшáть.

Пётёмлету тунá чух сáкна палáртáть: үкерчёлре персонажсене вырнастарни те, сута е тётём сáрáсемпе усá курни те, төрлё төссөм те – пурте пёр сáхáнура тáрассё, вёсенчен кашних произведений тёл шуáшне усá пама пулáшассё. Каласу йёркеленё чух вёренкенсене уйтá панá чух вёсем хáйсен хуравёнге вёрёнгё грамматика материалне усá курма пултарнине шуá илет.

IX класра «Хутлá предложенисем» темáна вёрёнгё чух вёренкенсен сáхáнуллá пушлевне аталантарма П.Г. Кипарисовáн «Юрá» картини тáрáх сочинени сáртарсан аван.

Урок төллевёсем: Вёренкенсен сáмах йышне пуянлатасси, вёсен сáхáнуллá пушлевне аталантарасси; чáваш халáхён ёлёлхи пурнáсёпе, К.В. Ивановáн халáх сáмахлáхне пухас енёпе тунá пархатарлá ёсёпе паллаштарасси; чáваш художникён пурнáсёпе пултарулаёхё синчен пёлу парасси.

1. Урок унáн темипе тата төллевёсемпе вёренкенсене паллаштарнипе пусланáть.

2. Унтан учитель каласу иртгерет: «Ачасем, эсир вицёмёш класра чáвашен пёрремёш художикёсемпе А.А. Кокелье, М.С. Спиридонова, Н.К. Сверчковпа, вёсен хáш-пёр картинисемпе паллашнá, каярахпа П.Г. Сизов, Н.В. Овчинников ёсё-хёлё синчен вёрёнгё. Паян эфир чáвашен тепёр чаплá художникёпе тата педагогёпе Петр Гаврилович Кипарисовпа паллашáпáр. Доска синче унáн сáне, лайáхрах пáхáр, сáнар. Вáл 1928 сулхи авáн уйáхён 1-мёшёнче Кемерово обласёнчи Крапивино районне керекен Бартевка ялёнче (Чáваш сёр-шывёнчен Сёнтёрварри районёнчи Печёк Сёмёл ялёнчен 1914 султа кусса кáйнá) хресчен сёмийнче суралнá. 1955 султа СССР Художество Академийён И.Е. Решин ячёле хисёленкен живопись, скульптура тата архитектура институтёнчен вёрёнге тухнá. Сáв институрах, академири аспирантура пёлу илнё хысёан, үкерчёл кафедри доцентё пулса ватáлса виличченех ёсленё. 1987 султа Ленинградра вилнё. Унáн «Юрá» (1955), «Сёне

Чáваш сёр-шывён юррисем» (1959), «М.С. Спиридонов художник портретчёл» (1963), «Пурнáсáмáр синчен» (1967), «1919 сул. Чáваш поэчёл Сесёл Миншпи Колчака хирёс сáпáсма сáр отрячёмсө пухáть» (1985) картинисене ку чухнехи чи паллá выставкёсенче кáртгнá, халё вёсем сёр-шыври мухтáвлá музейсенче упрáнассё», – тесе палáртáть А.Г. Григорьев профессор.

«Юрá» – П.Г. Кипарисовáн институтран вёрёнге тухнá чухне áсталáнá диплом ёсё. Халё те вáл художник тáван халáхне халалланá чи паха произведенийсенчен пёр шуланáть. Картина сюжетне П.Г. Кипарисов Инсетри Сёлёрте, тайгара пытаннá чáваш ялёнче тушнá. Кунта áна пёррехинче, каникула канма таврáсан, чáваш халáхён аваллáхне, йáли-йёркисене упрáкан, халáх сáмахлáхне пухакан В.В. Васильев ятарласах «Чáваш юррин уявне» кáртгнá. «Юррисем, – каласа панá художник, – чуна тытáнларёс, хумхантарчёл, канáсáлáх туртса илчёл, илнине сáрá чёлхине куарас, чáваш юррин асамлá тёлшине пир сине сáнлас килчёл...» Сáкáн пек хаваслáх чáваш халáх сáмахлáхне төпчекенё К.В. Иванов та курма пултарнине туйнá художник. Сáпла вара сáк уявран «Юрá» картина суралнá. Картина синче эфир чáвашен кёле-тум төрринче, эреш үкерчёлкёнге, сурт áш-чикёнге, сётел-пуканпа, куллен тыткаламалли япаласенче халáх чунён пуянлáхне, унáн áсталáхне курапáр, туятáр [2. 69 с.].

3. Ыйгусемпе ёслеси. 1. Художник ку картинáна мёнге ят панá? (Художник картинáна «Юрá» ят панá). 2. Мёшён áна сáван пек ят панá-ши? (Мёшён тесен кунта ларма пухáннá хёрсем юрлассё). 3. Сирён шупта, хáсанхи вáхáта сáнласа панá-ши художник? (Художник ёлёлхи вáхáта үкернё). 4. Ларма хёрсем мёнге тумланнá? (Вёсем ёлёлхи чáваш тумёпе). 5. Пурт áш-чикёл пирки мён калама пултаратáр? (Пысáках мар төксөм пурт, пёр чурече, унтан хёвел сути керет, юрлакан хёрсене, сётеле сутаь). 6. Сётел хушшинче тимлён юрá итлекен арсын сире кама аса илтерет? (Ку вáл К.В. Иванов, юрá итленё май шуáша путнá, вáл чáваш халáх пурнáсёне, хуйхи-суйхине чун-чёрипе áнланáть). 7. Картина синче ачасем те пур. Вёсем пирки мён калама пултаратáр? (Арсын ача пáхличёпе юрá кёввине каласа хёрсемпе юрлама хутпáнáть. Кёсёни, хура-шуррине халёлхе чухламанскер, хáй ёсёле áшталанáть, áна поэт аллинчен ачашпáн тытнá). 8. Сирён шупта, хёрсем сáвáнáсáлá е хурлáхлá юрá юрлассё. (Хёрсем хурлáхлá юрá юрлассё. Турáш умёнче хурланса тáракан хёрарáм хёрсен юррине итленё май ирсёр йáли-йёркене пула юратáвёлте телейне сáхатнине аса илнё пулас, юрлакан хёрсен сулёнге чух вáл юратáва, телейлёл пуласса ёмётленнё, анчах ёмётленни ситеймен. Пурнáсёл вара пырать, тáсáлать; Ивановран аякрах мар ларакан хёр арлакан вёсёмсёр сип пекех). 9. Сáпка сиктерекен ватá хёрарáм пирки мён калама пултаратáр? (Ватá хёрарáм та хáйён сáмрáклáхне аса илет пулмалла, вáл та тарáн шуáша кáйнá: ёмёр иртсе пырать, сáмрáклáх иртсе кáйнá, мáнуксем усецсёл, телей курса пулмарёл...).

4. Пётмлету туни. Киле ёс пани. Сочинени сырса килмелле. Пулапу самахёсем: катка, алтар, пахлич, тёксём кётес, тураш кётесси, сам арлать, сип пётрёт, сапка сиктерет, сапата сырнă, шухапа кайнă, тёрленё кёпе, сашун, тутар, сивёт.

5. План туни.

6. Самах вёсёсён калав туни, асарханă пуллев йанашёсене турлетни.

Тепёр урокра учитель вёренекенсен тетрачёсене пустарса илсе сочиненисене тёрёслет, хак парать.

Вырăс чёлкипе литератури урокёсенче те вёренкесем сыхануллă пулleve аталантарас теллевпе вырăс художникёсен картинисемпе ёслёсё, вырăс тата чăваш художникёсен пёр темăпа үкернё картинисемпе пёр урокрах ёслеме пулать. Самахран, М. Спиридонован «Сурашнă хёр» картинипе А. Пуанкарен «Неравный браю» картинине, Б. Белоусован «Шулашкар. Пёр кайни» картинипе И. Ендюгован «Начало веснь» картинине, Е. Вдовичеван «Кёсён Сёнтёр. Суркунне» картинипе А. Саврасован «Грачи прилетели» картинине тата ыт. те танлаштарса, вёсенче мёнле пёрпеклехсем пур, мёнле уйрамлăхсем пуррине палартса самах вёсёсён калавсем тутарма, сочиненисем сыртарма пулать.

Сăнарлă искусствăпа вёренекенсем ылларах интересленчёр тесен вёсемпе үнер музейне экскурсие час-часах каймалла, вёсем илемлех тёнчине лайхрах апланакан пуласё. Шкулта хайсем «Пёчёк Третьяковка» йёркелесен татах лайх пулмалла. Художниксен юбилей ячёпе шкулта утрениксем, асану каёсем ирттерни те вёренекенсен тавракурăмне анлăлатать, пёлес туртăма вайлатать. Бюллетеньсем, стена хаçачёсем пёр-пёр художникан пултарулăхё синчен каларсан е писательсемпе художниксем туслан, пёр-пёринпе килешперсе пёр пек темăсемпе ёслени синчен тётчев ёсёсем, рефератсем сырсан вёренекенсен пёлёвне таранлатать, анлăлатать. Шкулсенче «Таван ен культури» предмета вёренни те ачасене писательсем, художниксем, композиторсем синчен нумайрах та тёлленрех пёлме пулăшать.

Литература

1. Волков И.И. Восприятие картин /И.И. Волков. – М.: Просвещение, 1969. – 124 с.

2. Григорьев А.Г. Художники Чувашской АССР /А.Г. Григорьев. – Л.: Художники РСФСР, 1965.- 128 с.

3. Горчак А.И. Картина как средство развития речи /А.И. Горчак. – М.: Просвещение, 1965. – 222 с.

4. Хлебникова В.Г. Вёрёуре кирлё сăнарлă искусство /В.Г. Хлебникова // Таван Атăд, 2001. – №1. – С. 68-70.

А.С. Егорова,
Чăваш патшалăх университетчĕ,
Шулашкар хули

ПАЙАР ЯТСЕНЕ ШКУЛТА ВЁРЕНТЕССИ

Ономастика (< гр. *onoma* «яг», *onomastike* «яг парас асталăх») – чёлке аслайлахён пайар ятсем пулса кайнине, вёсен аталану сул-йёрне тёлчекен пайё, к.к. пайар ятсене вёрентекен аслайлах.

Пайар ятсене тёлченин практика тата теори пёлперешё пилё пысăк. Шкулти вёрентуре пайар ятсемпе урокра сёс мар, класс тулашёнчи тёрлё ёсре усă курма пулать. Ятсем пирён пурнăсра кашни утамрах тёл пулнă пирки вёсене шкулта вёрентме те кăсăклă. Чи малтанах шкул ачисене пайар тата пайар мар ятсене пёр-пёринчен уйарма вёрентмелле. Пайар ятсем – пёр йышши япаласене пёр-пёринчен уйарма панă ятсем. Ятсен ку ушканне саксем кёрёсё: 1) сын ячёсем, хушамачёсемпе ашплё ячёсем, хушма ячёсем; 2) килти выльăх-чёрлех ячёсем; 3) географи объекчёсен – хула, ял, урам, сартту, юхан шыв, кулё, пёве, сырма т.ыт. – ячёсем; 4) кёнеке, хаçат-журнал ячёсем; 5) тёнче услахёнчи тёрлё объектсен ячёсем (*Уйăх, Марс, Юпитер*); 6) общество организацийёсен, предприятийемпе учрежденийсен, транспорт, ял хуçалăх предприятийёсен ячёсем т.ыт.те. Пайар мар ятсем – пёр йышши мёнпур япалана пётмлетсе катартакан самахсем.

Иккёмешёнчен, пайар ятсен ушканёсемпе паллаштармалла. Кашни сыннах ячё, хушамачё, ашплё ячё, чылай чухне хушма ячё те пур. Пайар ятсем хушпинче сынсем ячёсем уйрам вырэн йышанасё. Ономастикан сын ячёсене тёлчекен пайне антропонимика тёсё. Сёр синче кирек хăш халăхан та ёмёртен пыракан ятсем пур. Вăхат иртнёсемён вёсем улпанаасё. Тёне кёмен чăвашсен ёлёк хайсен ячёсем пулнă. Сав ятсенчен хăш-пёрисене эфир шкулта вёренекен илемлё литература хайлавёсенче час-часах тёл пулатпăр: *Нарсти, Сетнер, Чакка, Тухтар, Селме, Саламш* т.ыт.те.

Вырăс шкулёнче те пёр-пёр произведение вёреннё чухне, кёсёнрех классенче ханăхтарусем пурнăсланă чух тёл пулакан чăваш ячёсем синчен аплантарса хăварни вырэнлă, вырăс ячёсем (е вырăс чёлхи урлă кёнё ятсем) еплерех чăвашланни синчен каласа катаргни те паха. Самахран, *Нарсти* ят *нарăс* тата *пике* самахсенчен пулса кайнă, апла пулсан «нарăс уйăхёнче суралнă пике» тенине аплантарать. Саван пекех Федортан Хёветёр, Николайран Микудай пулса тăни ачасемшён кăсăклă пулмалла. Хăш-пёр ятсем ыпти халăхсем хушпинче тёрлёрэн янăрани те шкул ачисене интересленгерме пултарать, самахран, *Андрей* (вырăс),

Унри, Энри (чăваш), *Андре* (француз), *Анджей* (поляк), *Андреа* (итальян), *Андраш* (венгр). Ачасене çаван пекех хушаматсен пулăвне аңлантармалла, хайсен хушамачĕ мĕнлерех пулса кайнине аслисенчен ыйтса пĕлме хушмалла. Вăтам классенче вĕренекенсене «Манăн ят вăрттанлăхĕ» калав хатĕрлеттермелле, унта вĕсем хайсене мĕншĕн çаван пек ят панине сăнласа пама пултарччăр.

Пайăр ятсен тепĕр пысăк ушкăнĕ – топонимсем (< гр. *toros* «вырăн, тавралăх», *опута* «ят»), у.к. географи объектĕсен ячĕсем. Топонимика – топонимсене тĕпчесе вĕренекен чĕлхе наукин пайĕ. Макротопонимсем – пысăк географи объектĕсен (океансемпе тинĕссен, материксемпе çĕр-шывсен, пысăк кÿлĕсемпе юхан шывсен, пысăк хуласемпе сăрт-тусен) ячĕсем. Микротопонимсем – пĕчĕк географи объектĕсен (урамсемпе тăкăрлăксен, варсемпе васансен, çулсемпе сукмаксен, çăлсен, усланкăсен т. ыт. те) ячĕсем.

Топонимсен хайсем вакрах ушкăнсем çине пайланаççĕ.

Ойконимсем (< гр. *oikos* «дом», *oikos* «пурăнма куçса ларатăп», *опута* «ят») – çын пурăнакан вырăн (хула, ял, поселок, хутор, станица, аул т. ыт. те) ячĕсем. Ойконимсен тĕсĕсем: а) астионимсем (< гр. «хула», *опута* «ят») – хула ячĕсем; ä) комонимсем (< гр. «ял», *опута* «ят») – ял ячĕсем.

Гидронимсем (< гр. *hidor* «шыв, нурĕ», *опута* «ят») – шыв-шур (тинĕс, юхан шыв, кÿлĕ, пĕве, шурлăх, çăл, çăлкуç) ячĕсем. Гидронимсен тĕсĕсем: 1. Океанонимсем (< гр. «океан», *опута* «ят») – океан ячĕсем. 2. Пелагонимсем (< гр. *pelagos* «тинĕс», *опута* «ят») – тинĕс ячĕсем. 3. Потамонимсем (< гр. *potamos* «юхан шыв», *опута* «ят») – юхан шыв ячĕсем. 4. Лимнонимсем (< гр. *limnis* «кÿлĕ», *опута* «ят») – кÿлĕ, пĕве ячĕсем. 5. Гелонимсем (< гр. «шурлăх», *опута* «ят») – шурлăх ячĕсем. 6. Одонимсем (< гр. (*h)odos* «çул», *опута* «ят») – çул-йĕр ячĕсем. 7. Оронимсем (< гр. *oros* «ту», *опута* «ят») – сăрт-ту ячĕсем. 8. Дримонимсем (< гр. *dryas* «йывăç», *опута* «ят») – вăрман ячĕсем. 9. Агронимсем (< гр. *agros* «уй», *опута* «ят») – уй-хир ячĕсем.

Топонимсен пулăвĕнче географи терминĕсен пĕлтерĕшĕ çав тери пысăк. Хăш-пĕр тĕрĕк географи терминĕсемпе вырăс чĕлхинче аңлă усă кураççĕ: *тау* (*даг, таг, тоо, туу, ту*) – «гора, хребет». Çаван пекех куçамлă пĕлтерĕшпе те усă куракан куçамлăх: «ту тăрринче вырнаçнă крепость хула». Сăмахран: *Саратов, Жукетау, Тубылгытау*. Танлаштарăр: *Красногорск, Ясногорск*.

Пурте пĕлекен географи объектĕсен ячĕсен пулăвне аңлантарнисĕр пуçне тата хăш-пĕр кăсăклă ят çинчен каласа хăварни те чăрмантамась пулĕ. Сăмахран, Францире пĕр сас паллирен тăракан ял ячĕ пур: *И*. Çĕнĕ Зеландирире тĕл пулакан топонимра вара пурĕ 85 сас палли, унăн пĕлтерĕшĕ вырăсла çапла

пулать: «Город, где Таматеа, человек с большими ногами, который выравнивал равнины и которого называли поедателем земли, играл на своей любимой флейте». Америкăри Пĕрлешÿллĕ Штатсенче *Cbargoggagogymancbaugagogcbaumungamaaug* кÿлĕ ячĕ пур, унăн пĕлтерĕшĕ çакан пек: «Эсĕ пулă хăван енче тыгатай, эпĕ хаман енче тыгатай, пирĕnten нихăшĕ те кÿлĕ варринче пулă тыгмасть».

Тĕрлĕрен наукăпа тĕпчев ёçсем çырни чухне школ ачисем ономастика терминĕсене час-часах пăтраштарасçĕ. Аяларах илсе панă таблицăра терминсене тăтăш тĕл пулакан морфемăсене аңлантарса панă.

Морфема	Пĕлтерĕшĕ	Тĕслĕх
-	пĕр ят	<i>топоним, гидроним, антропоним</i>
-и (я)	ятсен пуххи	<i>топоними, гидроними, антропоними</i>
-ика	наука пайĕ	<i>топонимика, антропонимика</i>
-ист е -аст	тĕпчевçĕ	<i>гидронимист, топонимист, ономаст</i>
-икон	список, словарь	<i>топонимикон, ономастикон</i>

Топонимсемпе произведени тишкернĕ чухне те, хăнăхтарусем пурнăçланă чухне те, пушлеве аталантармалли уроксенче те усă курма юрат, сăмахран, хайсем асăна пурăнни çинчен каласа кăтарни чухне ачасем хайсен тавракурăмне те үстереççĕ.

Вырăс школĕнчи ачасемшĕн хулари топонимсем кăна мар, хайсен аслашпĕ-кукашпĕсем пурăнакан вырăнти ятсем те интереслĕ пулма пултараççĕ. Аслахах классенчи хăш-пĕр вĕренекенсене анкета парса топонимсем пуçтарас ёçе те явăштарма пулать.

Зоонимсем (выльăх-чĕрлĕх ячĕсем) ачасене уйрамах кăсăклантарасçĕ. Чăваш чĕлхинче предложени пек йĕркеленнĕ ятсем пур: *Яшкапар, Хамтур, Камтур, Экам, Камтур, Экам* йышши ятсене чăвашсем кашине йытă вĕрсен сас пама шутласа кăларнă: кил хуçи пĕрре каласах çĕрлехи ханасене те сас парать, çав вăхăтрах йытгиле те йыхăрса илет. Кунта ёлĕкхи чăвашсем мĕнле ёслă та тавçăруллă пулнинчен тĕлĕнмелли кăна тăрса юлат.

Çапла вара, пайăр ятсене школа вĕренгни ачасене чăваш чĕлхипе интереслентермелли мелсенчен пĕри пулса тăрат.

Литература

- Егоров Н.И. Историко-этимологическая верификация генезиса и хронологическая стратификация топонимикона Чувашского Поволжья / Н.И. Егоров // Ономастика и языки Урало-Поволжья: материалы регион. конф. – Чебоксары, 2002. – С. 19-24.
- Егорова А.С. Чувашская гидронимия / А.С. Егорова. – Чебоксары, 2010. – 198 с.
- Нестеров В.А. Над картой Чувашии: ист.-топоним. заметки / В.А. Нестеров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. – 144 с.

4. Пайяр ятсем: Методика катаргавёсем / Хатёрл. Е.Ф. Васильева – Шулашкар, 1991. – 32 с.
5. Сергеев В.И. Ономастика / В.И. Сергеев // Хальхи чăваш чĕлхи лексикологийĕ. – Шулашкар, 1978. – С. 76-87.
6. Сосаева А.А. Структурные типы топонимических названий в чувашском языке: (на материале ойконимов) / А.А. Сосаева // Материалы по чувашской диалектологии. – Чебоксары, 1997. – С. 121-145.
7. Сосаева А.А. Хронологические пласты топонимии Чувашии / А.А. Сосаева // Материалы по чувашской диалектологии. – Чебоксары, 1997. – С. 146-157.
8. Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен / М.Р. Федотов. – Чебоксары, 2000.
9. Шишкин В.М. Алатырский край в XX веке: топоним. Слов / В.М. Шишкин. – Чебоксары, 2002. – 120 с.

*В.Н. Тимофеева,
1-мĕш номерлĕ гимнази,
Етĕрне хули*

ВĚРЕНЕКЕНСЕНЕ ТĔПЧЕВ ЁЇНЕ ЯВЌАЇТАРАССИ

Етĕрнери 1 – мĕш гимназири 19 сул ёслетĕп. Пĕтĕмĕшле педагогика стажĕ – 27 сул. Ачасене тăван чĕлхене юратма вĕрентесси - ман ёсре тĕп тĕллев шутланать. «Тăван чĕлхесĕр чăн-чăн пĕлĕ сук», - тенĕ аслă вĕрентекенĕмĕр Иван Яковлевич Яковлев. Тăван чĕлхене лайăх пĕлни: 1) ытти чĕлхесене вĕренме сул усса парать; 2) ачасене тĕрĕс аталанма пулăшать; 3) ашшĕ-амăшне, тăван халăха хисеплеме вĕрентет; 4) тăван халăхăмăрăн иртнĕ кун-сулĕпе кăсăклантарать; 5) вăл е ку тапхăрта палăрнă сыравăсемпе тата вĕсен хайлавĕсемпе паллашма пулăшать.

Çак тĕллевĕ пурнăçлас тесе хам ёсе тĕрлĕ енлĕ йĕркелеме тăрăшатăп: *уроксене сĕнĕлле ирттересси* (йăлана кĕмен уроксем, компьютерпа усă курасси); *класс тулашĕнчи ёсĕм* (чăваш халăхĕн йăли-йĕркипе паллашасси – Кĕр сăри, Сурхури, Чăваш туйĕ, Хĕр сăри уявĕсене ирттересси, чăваш чĕлхипе эрнисем, сыравăсен юбилейĕсене паллă тăвасси т.ыт. те); *экскурсисем йĕркелесси* (тăван хулапа тата ун историйĕпе паллашасси, Шулашкарти театрсене, музейсене ситсе курасси). 2008 – мĕш султа И.Я. Яковлевăн 160 сулки юбилейне паллă тунă май ачасемпе Чĕмпĕр чăваш школне ситсе куртамăр. Вĕренекенсем питĕ кăмăллă юлчĕс, чăваш халăхне султа калараканăмăр сиччен татах та нумай сĕнни пĕлчĕс.

Етĕрнери 1 – мĕш номерлĕ гимназири аслăлăх конференцийĕсем ирттересси йăлана кĕнĕ енĕ. Унта кашни вĕренекен хутшăнма тăрăшать. Чи малтан ачасем хайсене кăсăклантаракан предметпа тема суыласа илесĕ. Паллах,

чăваш литературипе тата тăван ен культурипе тема суылакансем те сахал мар. Вĕренĕ сулĕн малтанхи кунĕсенчен ачасене тăван литературăпа темăсем сĕнетĕп (20 темăран кая мар). Тĕслĕхрен: 1. Ваг асанне калани – сăмрăксене ас пани; 2. Чăваш сывниин сăпайлăхĕ литературăра палăрни; 3. Юрă – халăх чунĕ, юрă – чун усси; 4. Петĕр Хусанкайăн поэзи тенчи; 5. Пирĕн ялăн туй сăпла; 6. И.Я. Яковлев тата Чĕмпĕр школĕ; 8. И.Я. Яковлев – чăваш сырулăхне пуçарса яраканĕ; 8. И.Я. Яковлев калавĕсенчи гуманизм тата аса вĕрентсе калани; 9. Сĕспĕл Мишши – манăн юратнă савăс; 10. Митта Ваçлейĕн манăсми поэзийĕ; 11. «Нарспи» поэмăра сăнланнă чăваш ялĕн пурнăçĕ; 12. Поэзи ман урхамахăм (сыравă пултарулăхĕ сиччен шухăшлани; е хам сырнă савăсем; е куçарусем); 13. Илпек Микулайĕн «Хура сăкар» романĕ – чăваш халăх пурнăçĕн энциклопедийĕ; 14. Пирĕн ентешем – паттăр салтаксем (хам суларса уснĕ тăрăхри паттăр салтаксен пурнăçне тĕпчесси); 15. Асаттесен аслă сулĕ; 16. Максимов-Кошкинский – чăваш театри пуçарса яраканĕ; 17. Ф.П. Павлов – чăвашсен профессилле музыкинĕ пуçарса яраканĕ, аста драматург.

Çак темăсемпе паллашнă хыçсăн вĕренекенсем хайсене кăмăла каякан темăсем суыласа илесĕ. Паллах, ачасен ёсĕсене чăн-чăн наука ёсĕ теме май сук. Анчах та пысăк ёсе пурнăçласси пĕчĕккинчен пуçланать: вĕренекенсем хайсем тĕллĕн ёсleme вĕренеçĕ; литературăпа, справочниксемпе, энциклопедисемпе, словарьсемпе усă курма хăнăхасĕ; Интернетра информаци шырама вĕренеçĕ. Кун пек ёсĕм тунĕ ачасене малашнехи пурнăçра питĕ кирлĕ. Вĕсем халăх умĕнче калаçма хăнăхса пырасĕ, малашнехи вĕренĕре рефератсем, курс, диплом ёсĕсем сырма хатĕрленесĕ.

Тема суыласа илсе кирлĕ материал пухнă хыçсăн ача йĕркелесе вырнаçтарма пĕлмелле. Мĕнле пайсенчен тăрат-ха тĕпчев ёсĕ? 1. Ум сăмах (1-3 стр.). 2. Тĕп пайĕ (темăна усса пани). Вăл темиçе пайран тăма пултарать, анчах 3 пайран ыгла пулмалла мар. 3. Пĕтĕмлетĕ (2 страницăран ыглашши мар). 4. Усă курнă литература. 5. Приложени (хушма материал – таблицăсем, схемăсем, сăн укĕрчĕсем т. ыт. те). 6. Презентаци хатĕрлемелле. 7. Тезиссем. Кунта ача пĕр листа сичче хайĕн ёсĕпе пĕтĕмĕшле паллаштарать.

Тĕслĕхрен, тема: «Федор Павлович Павлов – пултаруллă драматург». Ёсе пурнăçлаканĕ: Михайлова Ирина Константиновна, 9-мĕш класс вĕренекенĕ. Ертĕси: Тимофеева В.Н., чăваш сăмахлăхне вĕрентекенĕ. Вĕренĕ заведенийĕ: Етĕрнери 1-мĕш гимназии. Тĕллевĕ: Ф.П. Павловăн драма сырас асталăхне тĕпчесси. Тезиссем: 1) Ф.П. Павлов – чăваш халăх культури усĕмĕн кун-сулĕнче паллă йĕр хăварнă сын; 2) Ф.П. Павлов – пултаруллă драматург. Унăн «Судра» комедийĕпе «Ялта» драмине халĕ те хумханса пăхасĕ; 3) Ф.П. Павлов тивĕçлĕпех чăваш драматургийĕн никĕсне хывнă сынсенчен пĕри шутланать; 4) Ф. Павлов сырнă произведенийсем тăрăх каярах ёсleme тытăннă чăваш драматургĕсем хайсен асталăхне устерсе пынă. Пĕтĕмлетĕ: Ф.П. Павлов

сырнисенчен «Судра» комедие «Ялта» драма чăваш литературинче чи паллă вырăнта тăраççĕ. Вĕсем классикалла хайлавсем шутланаççĕ.

Ĕçе хутĕлеме 5-7 минут параççĕ. Çавăнпа та кунта пĕтĕм ĕçе вуласа памалла мар. Вĕренекен хайĕн ĕçенчи чи кирлĕ вырăнсене суйласа илсе итлекенсене тыткăна илме пултармалла. Ыйтусем сине хăвăрт та сирĕп хуравлама пĕлмелле. Вĕренекен ку ĕçе экзаменга хутĕлеме пултарать, шкулта тухса тăракан хаçатра е журналта пичетлеме май пур. Унсăр пуçне – ħслăлах конференцийĕнче.

Тĕпчев ĕçне сырнă чухне çакна шута илмелле: 1) Суйласа илнĕ тема актуаллахĕ; 2) Çак темăпа сырнă статьясене тĕплĕн тишкересси; 3) Мĕншĕн ку темăна суйласа илнĕ? 4) Мĕнле фактсем сине таянса тĕпченĕ? 5) Тĕллевĕсене палăртасси; 6) Ытти пулăмсемпе, фактсемпе танлаштарасси; 7) Çак темăпа мĕн кăтарса параснăн пулнă? 8) Тĕпчев ĕçне сырнă чухне мĕнле меслетсемпе, мелсемпе усă курнă? 9) Мĕн çĕнни тупса палăртнă? 10) Çак тĕпчев ĕçне ħста усă курма пулать?

Вырăс ушкăнĕнче вĕренекен ачасем те чăваш литературинче темăсем суйласа илини пире уйрăмах савăнтарать. Акă, 11-мĕш класра вĕренекен Марина Челаукина чăваш литература классикĕсен – Митта Ваçлейĕн, Александр Алкан, Константин Ивановĕн, Çĕспĕл Мишшин хайлавĕсене чăвашларан вырăсла куçарчĕ. Вăлах Чăваш халăх художникĕн Н. Овчинниковĕн картинисем тăрăх сочинени савăласа сырса республикара 1-мĕш вырăн йышăнчĕ. Çак класрах вĕренекен Ольга Ананьева Илпек Микулайĕн «Хура çăкăр» романне тĕпчерĕ. И.Н. Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университетĕ ирттерекен ħслăлах конференцийĕнче чи хастаррисен шутĕнче пулчĕ.

Ачасем тăван чĕлхене юратса вĕренни пире савăнтарать, ачасен ситĕнĕвĕсем малалла тăрăшса ĕçлеме хавхалантараççĕ. Пысăк ситĕнĕсем тăвас тесен пĕлĕве кунсерен үстермелле, ħна пĕрчĕн-пĕрчĕн пухмалла, тăрăшулăха аталантармалла, ĕçлеме үркенмелле мар. Иван Яковлевич Яковлев калашле, чăн пĕчĕк ĕçе те юратса тумалла. Вара тин çакан пек ĕслесси йăлана кĕрет, наянлăх тарать, пысăк ситĕнĕсем патне илсе ситерет. Вĕренекенсем тĕпчев ĕçсем сырни тăван халăх пурнăçĕпе, йăли-йĕркипе туллинрех палашма пулăшать. Ачасен тавра курăмне пуянлатать, пуллевне аталантарать; пурăнма вĕрентет, пурнăç çулĕ тăрăх сирĕппĕн утма вай, тĕрек парать.

А.Н. Шиканова,

*Чувашкий государственный университет,
г.Чебоксары*

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ЛИНГВИСТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ

Приоритетной становится подготовка специалиста не только профессионально грамотного, но и компетентного, творчески развивающегося, готового не к исполнительской, но проблемно-исследовательской, поисковой деятельности, создающей условия для саморазвития и самореализации личности. В связи с этим актуализируется проблема развития творческого мышления будущих лингвистов-переводчиков, решение которой обеспечит формирование личности, готовой к творчеству, способной работать продуктивно, осмысливать и осваивать различные программы перевода. Это, в свою очередь, обеспечит на практике качественное преобразование учебно-познавательной деятельности в учебно-творческую.

Одна из черт современного специалиста, отвечающего запросам общества, это компетентность, которая предполагает критичность ума. Поэтому сейчас, как никогда, актуально формирование творческого (продуктивного) мышления, что определяется реалиями жизни общества. Сегодня цель развития образования это формирование в учебном процессе долговременных качеств, таких как способность к саморазвитию, иными словами, развитие личности в учебно-творческой деятельности; формирование способности к творческому профессиональному труду.

Одна из возможностей применения теоретических знаний в практической деятельности студентов непосредственно в процессе обучения заключается в создании таких условий деятельности, когда необходимо активное применение имеющихся знаний. Деятельность, где человек может раскрыть свои потенциальные возможности, это преобразовательная деятельность. Овладение профессиональной деятельностью зависит и от личностных качеств специалиста, а также от условий, в которые он поставлен. Побуждаемый потребностями человек способен самостоятельно сориентироваться в ситуации, приобрести новые необходимые знания, правильно поставить цель действий в соответствии с ситуацией, целью и условиями определить конкретные способы и средства действий. Формирование творческих умений, предпосылка которых лежит в развитии творческого мышления и позволяет развивать способность к профессиональному творчеству.

Опыт практической работы показывает, что развитие творческого методического мышления более эффективно, если систематически

используются возможности самоорганизации студентов и педагог опирается преимущественно на средства косвенного и перспективного управления учебной деятельностью. Под косвенным управлением имеются в виду управление деятельностью будущих лингвистов-переводчиков через подбор системы творческих задач и заданий, изменение их сложности и трудности, а результативность достигается через эффективное осуществление сотрудничества (сотворчества) педагога и студента, которое реализуется не только в демократическом стиле общения, но и в совместном поиске новых идей, обсуждении методов решений творческих задач.

Влияние продуманной системы творческих заданий и выбора метода обучения на управление процессом развития творческого мышления апробировалось нами в работе со студентами. Развитие творческого мышления можно рассматривать как основу творческого саморазвития личности, условием которого служит включение мотивационно-потребностного механизма "самости". Для оценки и сравнительной характеристики способностей к саморазвитию, самообразованию был использован тест, предложенный в свое время В. И. Андреевым.

Тест включал задания на определение оценочных суждений, выбор ряда характеристик на основе сравнительной самооценки, определение причин ошибок и промахов, помех в плане профессионального самосовершенствования, перспективу реализации своих возможностей, определение идеала и жизненного принципа, сферу познавательного интереса и любимые фильмы, оценку учителей и занятия в свободное время и др. Тест был проведен в начале 3 курса и к концу 5 курса. На основе суммарного числа баллов было определено процентное соотношение способностей по шкале уровней. Сравнение показывает возрастание общего уровня способностей к самообразованию, саморазвитию.

Обращает на себя внимание тот факт, что к 5 курсу появляется средний уровень (чего не было на 3-м) и увеличивается процент чуть выше среднего. Но, главное, происходит качественное изменение и появляется новое образование "высокий уровень". Это позволяет говорить о развитии творческого мышления, о способности к анализу и самоанализу, способности наметить собственные цели, т.е. о расширении потенциала формирования личности, а значит, и будущего лингвиста-переводчика.

Опыт работы по развитию творческого мышления будущих лингвистов-переводчиков на занятиях показал, что в рамках учебного процесса можно целенаправленно развивать творческое мышление студентов, для чего рекомендуется: 1) создавать на занятиях атмосферу сотрудничества, сотворчества через реализацию субъектных отношений в процессе обучения; 2) анализировать любое задание, действие, деятельность на уроках с трех позиций: учителя, ученика, методиста; 3) ориентировать студентов на творческое осмысление каждого задания, этапа урока, конкретной

деятельности через определение целей, приемов выполнения, предвидения последствий (т. е. прогнозирование эффективности учебного процесса); 4) решать творческие задачи, задания различного типа; 5) создавать (разрабатывать) собственные варианты решений, образцов схем, опорных сигналов и конспектов, систем вопросов и т. д.

Литература

1. Воробьев В.В., Дронов В.В., Хруслов Г.В., Москва+ Россия+ Речь и образы. - М.: Русский язык, 2003.
2. Гез Н.И. Роль ситуативности в формировании речевой компетенции // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. Топеза. - М., 1983.
3. <http://lingvistic.ru>

С.Ю. Андреева,

*Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

АНАЛИЗ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (на примере словарной статьи «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина)

Современное обучение предусматривает формирование у учащихся различных коммуникативных умений и навыков: умение понять тему сообщения, логику развития мысли, извлечь нужную информацию (полно или частично), проникнуть в смысл высказывания – слушание; навыков изучающего чтения; умения ведения диалога и построения монологического высказывания – говорение; умений осмысливая тему и основную мысль (идею) высказывания собирать и систематизировать материал, составлять план, пользоваться различными типами речи, строить высказывание в определенном стиле, отбирать языковые средства, совершенствовать высказывание – письмо, говорение. Автор статьи полагает, что перечисленные умения и навыки формируются во взаимосвязанных речемыслительных процессах восприятия и воспроизведения высказывания, обусловленных ситуацией общения и в речевой среде максимально приближенной к условиям протекания естественной коммуникации речевой деятельности. Итак, удачным стимулом для чтения, и создания на основе полученной информации собственного текста явилось задание - составить комментарий к балладе Федорова М.Ф. «Арсури» («Леший»). В целях определения мировоззрения и менталитета чувашского народа было организовано изучение материала «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина. Данная работа проходит в форме ознакомительного, изучающего, рефлексивного чтений. В ходе ознакомительного чтения

учащиеся извлекают основную информацию или выделяют основное содержание текста.

Учащимися выделяется структурный элемент текста – ключевые понятия: лесной дух – род обезьян – божество 7-го разряда – из одной капли множество арсури - шекотал человека - хохочет – зовет по имени – завлекает в глубь леса – дай зубки – пугает – съедает – перестал садиться на лошадь - души умерщвленных и не отпетых – убиенное дитя незамужней девушки – души убитых – умерших неестественной смертью – убитые в лесу – брошенные в овраге – без покаяния и причащения - обитает в лесу – в разных видах – женщина - в каком погиб - боится собаки и кнута – не подходит против течения - запряг лошадь на левую сторону – не откликаться – бросать куском хлеба – перекрестился трижды - палка с расщелиной и клин - болезнь от арсури. На основе составленного списка ключевых понятий учащиеся проводят структурирование текста - составляют номинативный план. Например, а) происхождение «арсури», б) место обитания, в) повадки, отношение к человеку, г) как человек защищает себя от арсури. Далее группа делится на подгруппы для изучающего чтения, имеющего целью извлечения полной и точной информации с последующей интерпретацией содержания текста; поисковое / просмотровое чтение, направленное на нахождение конкретной информации, конкретного факта. Каждая группа ведет поисковую работу по отдельному пункту плана. Далее группы делают отчет о результатах работы. Преподаватель делает сообщение о веровании древних чуваш и месте «арсури» в пантеоне божеств. В заключение предлагается рефлексивное чтение, предполагающее овладение большим комплексом умений: умение предвосхищать содержание предметного плана текста по заголовку и с опорой на предыдущий опыт; понимать основную мысль текста, прогнозировать последовательность изложения идей текста; сопоставлять разные точки зрения и разные источники информации по теме; выполнять смысловое свертывание выделенных фактов и мыслей; понимать назначения разных видов текстов; переносить информацию текста в виде кратких записей; различать темы и подтемы специального текста; ставить перед собой цель чтения, направляя внимание на полезную в данный момент информацию; анализировать изменения своего эмоционального состояния в процессе чтения, получения и переработки полученной информации и ее осмысления.

Учащимся предлагается задание на основе словарной статьи «Словаря чувашского языка», баллады «Арсури» Федорова М.Ф., сообщения преподавателя следующий этап смыслового свертывания материала в форме заполнения таблицы.

Что собой представляет «арсури»?	Лесной злой дух, божество 7-го разряда, род обезьян. От каждой капли крови арсури появляются другие. Появляется в том виде в каком погиб, которые замерзли зимой, летом ходят в пшубе и на саях, тот, кого задавило деревом, все время кричит,
----------------------------------	--

	тот, кто во время рубки, упал с дерева и разбился на смерть, рубит и ломает деревья
Как появились «арсури»?	Появились от душ умерших неестественно и не погребенных по обряду. От всех душ, тела которых не преданы земле. Преданий больше о происхождении из душ младенцев, рожденных незамужней девушкой и убиенных матерью. Заброшенных младенцев без погребения в лесах и в овраге. Произошел от берцовой кости. От брошенного в лесу новорожденного незамужней девушки вырос огромный человек
Внешний вид «арсури».	Высокое и толстое, похожее на женщину, волосы доходили до пят. Груды у нее, как мешки. Принимает разные формы. Черное лицо, четыре глаза, три руки и три ноги. Покрыт шерстью. Голова большая, а глаза лишь в просыное зернышко.
Как относится «арсури» к человеку?	Щекочет человека и хохочет. Вынимает зубы и ест. Съедает человека. Не убивает, а только пугает. Распрягает лошадь. Откликается на голос человека и заводит в глубь леса
Место их обитания.	В больших местах, иногда в овраге
Как человек защищает себя от «арсури»?	Травит собакой. Из земли вырезает крест. Боится собаки и кнута. Надо говорить, что идешь против течения - не подходит против течения. Запрягать лошадь на левую сторону. Не откликаться на крик арсури. Бросать куском хлеба. Перекреститься трижды. Использовать палку с расщелиной и клином.
Выводы: Природа арсури. Отношение древних чувашей к смерти и обряду похорон. Отношение чувашей к факту рождения незамужней девушкой.	На природу арсури – есть три взгляда: 1. «Ирреальный персонаж», «мыслительная конструкция», т.е. плод воображения суеверных людей. 2. Д.Н. Ануцин и В.А. Ендерев: «В образах лепших сохранилась память народа о реальных биологических объектах, о человекоподобных существах, с которыми сталкивались наши предки и которые вымерли в далеком прошлом». 3. К.К. Плотноков («Психология религии», 1967): «Лепшие существуют наяву и в наше время». У арсури много «компаньонов» разной национальности. Это лепший, бес, сатир, фавн, див, наснос, косматый. ...

По итогам работы с информацией «Словаря чувашского языка» и других источников учащиеся составляют текст – комментарий к балладе М.Ф. Федорова «Арсури» («Леший»).

*Ю.М. Виноградов,
Чăваш Республикин вĕрену институтĕ,
Шупашкар хули*

ЭКЗАМЕНРА СЫРНА СОЧИНЕНИСЕНЕ ТИШКЕРНИ

2009 çулта чăваш шкулĕн 9-мĕш класне пĕтерекенсем аттестапи экзаменне сĕнĕ йĕркепе иккĕмĕш хут тыпрĕç. Ку экзамен, тытăмĕпе, вырăс чĕлхипе 2008 çулта тытнă экзамен майлă. Экзаменра ачасем изложени сырасĕ, панă текст тăрăх тест пек йĕркеленĕ 10 ыйтăва хуравласĕ, аслав сочиненийĕ хайласĕ.

Чи йывăрри, пирĕн шухăшпа, сочинени сыраси, мĕншĕн тесен сочинени темине аялланса илмелле, аяна чăвашла ирĕклĕн усса памалла, сăнлав пек мар, аслав пек йĕркелемелле. Ачасене, нумай чухне, тавра курăм сукки, хăш микротема кирлĕреххине пĕлменни, вĕсене мĕнле черетпе калама пĕлменни чармантарать. Чылай ача йăнăшсем нумай тавасран хăраса сăмах йышине шугласа кăна сырат, мĕншĕн тесен сочиненире сăмах йышĕ 90-ран сахал пулмалла мар. Çавна пула шухăшсем сыханса пымасĕ, пăт-пат сиксе тухасĕ те ирĕке тухмасăрах сұхаласĕ. Ку ёре эфир пĕлтĕр экзамен хыççăн районсенчен лайăххисен шугĕнче яраса панă алла яхăн сочиненирен виçĕшине пайăрран пăхса тухăпăр. Ку сочиненисенче, паллах, йăнăшсем сук мар (тĕслĕхрен, вĕсенче пуринче те аслав манерĕ палăрмасть), сăпах хайлавсем республикара сырнă ыпти хайлавсенчен автор шухăшпа аталантарас енчен ирĕклĕ пулнипе, нумай сырнипе уйрăлса тăрасĕ.

1-мĕш сочинени.

Ёс вăл — этем вай-халĕн, телейĕн, пуянлăхĕн, пурнăçĕн тыткăчи. «Сын ёре пиçет», — тенĕ асаттепе асаннесем. Çак сăмахсенче халăх мĕн авалранах ёсе хисеплени куранать. Вĕсем сăмрăк арăва ёсе-хĕле тивĕçлĕшпех хаклама вĕрентеçĕ.

Ёлĕкхи вăхăтра ачасем сăмрăклах ёсе кўленнĕ. Вунă—вун икĕ çултах ака-суха ёсне явăстарнă вĕсене, лашапа сўреме вĕрентнĕ, выльăх-чĕрлĕх пăхтарнă. Хĕр ачасен те ёс-пуç сителĕклĕ пулнă. Вĕсем арлама, сыхма, тĕрлеме, пир тĕртме, кĕпе-йĕм сĕлеме хăнăхса пынă.

Пĕчĕкрен ёсleme хăнăхнă сын ёсĕр ларма пултараймасть. Ырми-канми ёсленине пула хай пурнăçне майлашгарса, пус сўмне пус хушса пухать. Кам ёспе туслă, унăн хырамĕ те тутă, сийĕ те шитĕ.

Акă манăн асаттепе асанне 11 ача пăхса ўстернĕ. Асатте ирхине 4-ра тăрса сĕм сĕрлеччен тракторпа хирте ёсленĕ. Асанне кунĕн-сĕрĕн фермаара тăрăшнă. Ачисем те ўснĕсемĕн ёсе кўленсе пынă. Вĕсен килĕнчи сĕтелĕ сĕнче яланах сăкăр пулнă. Асаттепе асанне ачисене тĕрĕс-тĕкел ура сĕне тăратнă.

«Ёслемесĕр сурт-йĕр пулмасть, ёслемесĕр хырам тăранмасть», — теçĕ ваттисем. Паянхи кун чăваш ялĕсенче сĕнĕрен те сĕнĕ суртсем сĕклетĕç, выльăх-чĕрлĕх ёрчетеçĕ, пахча-сĕмĕс ўстереçĕ, сугаçĕ, укса тăваçĕ.

«Ёслемесĕр пурăнсан сын умĕнче ятлă-сумлă та пулаймастăн», — тесе вĕрентет асламăшĕ мăнукне панă текста. Тепĕр сын сĕне пăхатăн та тĕлĕнетĕн: кил-сурчĕ тайăлса кайнă, картисем ишĕлсе пĕтнĕ, пахчинче мăян хуçаланать. Вăл сын ёс мĕнне те манса кайнă, пурнăç илемне туйма пăрахнă. Пурнăçа тĕрлĕрен йĕркелеме пулатĕ иккен, вĕсех хамăрган килет.

Чăваш сынни мĕн ёлĕкрен сĕрпе туслă пулнă, сĕре аннемĕр тесе хисепленĕ, сĕртен сĕткен те, силлĕх те илсе пурăннă. Мария Ухсайăн «Кăра сĕлсем» повеçĕнчи Ирккана илер. Вăл чухăн чăваш сĕмбинче суралса ўснĕ, сăмрăклах йывăр ёсе кўленнĕ. Ирхине шăпчăкпа тăнă та кил-сурт тирпейленĕ, выльăх-чĕрлĕх пăхнă, тырă вырма тухнă. Шкула сўренĕ, унта лайăх вĕрентнĕ.

«Кăмака сĕнче аяк пĕрчисене хĕртсе выртсан, кайран туглă апат сĕсе улугла сĕмсе тўшек сĕне кайса выртсан» нимĕнле те ёс пулмасть. Ёсĕ пулмасан — сўмĕ те сук. Мĕн чухлĕ ылларах ёслетĕн, савăн чухлĕ чаплăрах пурăнатăн.

Тишкеру. Сочинени авторĕ микротемăсем нумай тупма тăрăшнă. Капшине ваттисен сăмахĕсемпе пуçлама тăрăшнă. Чăнах та, юлашкинчен иккĕмĕш абзацра сăмах сĕр ёсĕ сĕнчен пымалла пек, анчах сочинени сыраканĕ кил-сурт ёсĕ сĕнчен те, вĕрену сĕнчен те калаçать. Повторсем те пур. Акă укса пухни сĕнчен икĕ хут каланă (3-мĕшпе 5-мĕш абзацсене пăхăр). Юлашки абзацра автор халăх сынна ёс резульгачĕ тăрăх хаклани сĕнчен сырасшăн, анчах шухăшпа моральпе кăмăл-сипет сĕнчен экономика сĕне куçарать. Сочиненире пĕтĕмлетулĕ пай ситмест. Пĕрремĕш предложени содержанийĕне сочинени теми картинчен тухать, мĕншĕн тесен *пурнăç* сăмахпа пĕр ретре *вай-хал, телей, пуянлăх* сăмахсене те каласа тухнă. Иккĕмĕш абзац пуçламăшĕнче ывăл ачасем сĕнчен каламалла, кайран хĕр ачасем патне куçмалла. Вара *Хĕр ачасен те ёс-пуç сителĕклĕ пулнă* предложенири *те* татăка тиркеме сăлтав пулмасть. Оригиналта *те* татăкпа усă курнин сăлтавĕ палăрмасть. Юлашки предложенире *ылларах* сăмах вырăнне *нумайрах* сăмах каламалла пулĕ, мĕншĕн тесен *ыгла* теннине «организм чăтакан картран иртгерсе» пĕлперĕш сĕмĕ пур. *Вĕсен килĕнчи сĕтелĕ сĕнче яланах сăкăр пулнă* предложенире *вĕсен* сăмаха хăш сăмахсем вырăнне калани паллă мар: асаттепе асаннесен сĕтелĕ сĕнче тесе аяланмалла-и, ачисен сĕтелĕ сĕнче тесе шухăшламалла-и? *Пурнăçа тĕрлĕрен йĕркелеме пулатĕ иккен* сăмахсем хыççăнхи *вĕсех* сăмах ансат калаçушăн кăтаргулă. Литература чĕлхинче

пĕтĕмпех сĕмах сирĕшленнĕ. Малтанхи предложение сулахай енчен 3-4 сас паллилĕх вырĕн хĕварса пуçламалла, ахальлĕн абзац кураґнамасть. *Пахта сĕмĕç*: (уйрĕм) сырасси куç кĕрет кураґна тарать. *Семийнче* сĕмахра сĕмселĕх палли вырĕнсĕр. Хисеп ячĕсене сĕмахпа сырмалла, мĕншĕн тесен вĕсем пĕр-пĕр дата мар. «*Ėçлемесĕр пурĕнсан сын умĕнче ягла-сумла та пулаймасть*», — тесе вĕрентет асламашĕ мĕнукне *панĕ тестра* предложенири *панĕ текстра* сĕмахсем умĕн тире е запятой лартмалла, атту мĕнукне панĕ текст тесе ĕнланмалла. Тĕрĕссипе, *тестра ўкерсе кĕртнĕ асанне сĕнарĕ* сĕмахсемпе усĕ курмалла, вĕсене предложени пуçламашне лартмалла. *Асаттепе асанне ачисене тĕрĕс-тĕкел ура сине таратнĕ* предложенире *ура* сĕмахпа сыханманнине кĕрттима *тĕрĕс-тĕкел* сĕмаха е икĕ енчен те запятой лартса уйрĕмлатмалла, е *таратнĕ* сĕмах умне лартмалла.

2-мĕш сочинени.

«Ėç сĕклет, ўркев ўкерет», — тенĕ ватписем. Апла пулсан, хĕвĕн ĕсне юратса, чунтан парĕнса ситĕнĕ хыçсан ситĕнĕ туса пыни чыс кўрет. Брĕ чулĕ пулни, сапайла каласни, сапĕр тытқалани те — ят-сума сĕклет. Ėпĕ хам хисеплĕ сынна сĕкĕн пек кураґтĕп. Анчах та пур сын та ун пек пулаймасть сĕв. Ман шутпа, кашни сынах хисеплĕ пулма пултарать. Хĕвĕнтан хĕв сирĕп ыйтни сĕç кирлĕ.

Ėсе юратни, ĕна тирпейлĕ тунни сынна, чĕнах та, сўлелле сĕклет. Ўркенни вара сўка кĕларать.

Хисеплĕ пуласси сынран хĕйĕнчен нумай килет. Эрех-сарапа ирĕгхесен, туртмасан, сĕмбере иĕркеллĕ тытсан, ĕсре пулгарулаç кĕрттасан сынна чĕннипех хисеплеме юрат. Ун пек сынна пурге асархасĕ. Ялти ягла сын тесĕ ун пек сынсене. Анчах та тепĕр сын ĕссе-супса, ĕç тĕлне пĕлмесĕр, вĕрçас шухĕшпа тĕлсĕр-палсĕр сўрет. Сĕвĕн пек сынна вара ниешле те ыра сын тесе калаймĕн. Хĕш-пĕр сын тата ĕсleme ўркенет.

Ėç вĕл чун йĕпатмашĕ те. Сĕмахран, Александр Артемьевĕн «Симĕс ылтĕн» повеçĕнчи Валентин Актаев хĕйĕнчен килмен хуйхи-суйхине ĕсепе пусарать. Тĕрашулаçе, ĕсченлĕхĕпе хĕмлаçĕ-ĕстаçĕ ятне сĕнсе илет, ĕтем тивĕслĕхне сўле сĕклет.

И.Я. Яковлев та ялтан Чĕмпĕр чĕваш школне вĕренме пыракансене ĕсрен уйрĕман, ял хуçалаç ĕсне те хĕнĕхтарса пынĕ. Ėсе вĕрени сыншĕн мар, хĕйсемшĕн пулинне лайĕх ĕнланнĕ Аслĕ вĕрентекенĕмĕр.

Сĕвĕнпа та ĕсепе тусла пулсан сĕç сын тулаç пурĕнĕ. Ўркев вара, чĕнах та, сынна сўка хĕварать, хисепрен те кĕларать.

Тишкеру. Сочинени авторĕ ĕç сыннан кĕмĕл-сипетне тата производствĕри вырĕнне хĕклама май пуррине кураґать. Ку лайĕх, анчах ку ыйтусене уйрĕман тишкермест. Кашни ыйтĕва пайĕрĕн тишкерсен темĕна тĕшленрех усса пама пулатчĕ. Сочинени халаç пуçлевĕнче сĕрĕнĕ

сĕмах сĕвĕрĕншĕсемпе пуян: *ят-сума сĕкле, сўка кĕлар, ĕç тĕлне пĕл, хуйхи-суйха ĕсепе пусар, ягла сын*. Чĕнах та, *ĕтем тивĕслĕхне сĕклет* тесе калас вырĕнне *ĕтем тивĕслĕхне тулат* темеллечĕ. Ку текстшĕн *сынна сĕклет* тени вырĕнлаç мар, *сын ятне сĕклет* тени килĕшĕллĕ. *Хĕмлаçĕ-ĕстаçĕ* тени вырĕсла. Чĕвашпа *ĕста хĕмлаçĕ* темелле. *Хĕвĕнтан хĕв* тени каласушĕн кĕрттуллĕ. Литература чĕлхипĕн *хĕвĕнтан ху* тени вырĕнлаç. *Тĕлсĕр-палсĕр* тени литература чĕхнче сирĕшленмен — *тĕлли-паллисĕр* темелле. *Анчах* союзи пуçланакан предложенисем пур. Вĕсене умĕнчи предложенисемпе союз умĕн запятой лартса пĕрлештермелле.

3-мĕш сочинени.

Ėслемелле-ши пирĕн пурĕнсĕра? Мĕн тума кирлĕ-ши ĕç? Ėç сыннан пурĕнсĕнче пĕрремĕш вырĕнта тарать. Ėсleme юратакан сын космоса та вĕссе каяґ, президент та пулат. Ўркенекенĕн вара нимĕн те пулмасть.

Итленĕ тата вуланĕ текстсене ыра ята юратса ĕслесен сĕç илме пулат тесе ĕнлантĕм. Сапла вара, ĕç вĕл — пурĕнсĕ тытқачи.

Апла пулин те паянхи вĕхĕтра урам тарĕх ĕсĕр сапқаланса сўркен сынсене курма пулат. Вĕсем ĕç мĕнне тахçанах маннĕ ĕнтĕ. Хĕш-пĕр сын ĕç сўккипе кулянаґ. Тĕпри вара ĕслес килменнине тўпек сĕнче йĕваланса вырĕтĕ.

Манĕн кун пек сынсене шеллес килет. Вĕсем пурĕнсĕ мĕн иккенне те чухламаçĕ. Вуланĕ текстĕн авторĕпе Илпек Микулайĕпе килĕшес килет. Вĕл ĕслекен сыншĕн сĕвĕнĕ, сĕв вĕхĕтрах сĕмрĕк ĕру сĕнчен те шухĕшлат.

Ėпĕ те ĕсleme юрататĕп. Кашни кун шугла. Сĕвĕнпа та ĕна усĕлла ирĕгтерме пĕлес пулат. Сĕвĕрса, йыґ хĕваласа сўрес сук. Ėслемелли вĕхĕтра ĕслес пулат, вĕренмелли вĕхĕтра вĕренес пулат. Ўркев, ман шутпа, сынна пĕтерет. Малалла талшĕнма чарать. Ўркевпе ниĕхсан та тусла пулас марчĕ.

Ėç сĕнчен нумай писательсемпе поэтсем тĕрлĕ хайлав сырĕн. Вĕсем те ĕсе мухтаçĕ, ўркеве юратмаçĕ. Иван Егоровĕн «Ывĕл» хайлавĕнче арçын ача кĕтĕ пĕхнне сĕнчен сырĕн. Сĕк ача ўссен чаплĕ сын пулат ĕнтĕ. Ėсе юратакан сынсем яланах пĕлĕрнĕ. Александр Артемьевĕн «Симĕс ылтĕн» хайлавĕнчи Валентин Актаев пĕрре те пĕлахая пемест, яланах вĕл сынна йĕвĕр вĕхĕтра та пулашма хĕтер, хĕмла пахчине те тĕнчипех пĕлĕртĕ. Валентин ĕсчен те пурĕнма пĕлекен сын. Манĕн та ун пек пулас килет.

Пирĕн кўршĕре пĕр ар сын пурĕнĕ. Ялти лавкка умĕнче черкке хыçсан черкке пушатнине час-часах курма пулат ĕна. Пахчи вара тĕр мĕн. Мĕнтарĕн пахчине тухса та курмасть ĕнтĕ. Килĕнче ачисем те вĕçĕ лараçĕ. Кўршисем темĕсе вĕрçсан та сĕк ар сын сĕк йĕлапах пурĕнĕ.

Сапла, кайĕк хитре тĕкĕпе, ĕтем хитре ĕсĕпе. Ниĕхсан та ўркевĕ сĕнтерме парас марчĕ. Ėç вĕл — пурĕнсĕ тытқачи.

Тишкерӳ. Сочинени сыраканӳ ёслесе пурӳннипе ёсӳр пурӳнни хирӳсле пуламсем иккенне лайӳх пӳлет, анчах вӳсем ҫинчен пӳр-пӳринпе пӳтрашпарса калать. Юлашки пайра малтан ӳркеве тиркесе унтан ёсе мухтас тӳллев лартнӳ пулсан – ҫак йӳркене сочиненин тӳп пайӳнче те тӳгса пымаллачӳ. Грамматика йӳнӳшӳсене тӳрех тӳрлетер. Ака *Ёс ҫинчен нумай. писательсемпе поэсем тӳрлӳ хайлав ҫырнӳ* предложенире пӳрреллӳ хисеп форми кирлӳ (*писательпе поэт*). Ҫавӳн пекех, *Хӳш-пӳр ҫынсене темле ёслес тесен те ёс ҫуккипе ёсрен кӳларса яраҫсӳ* предложенири повортан хӳтӳлар: *Хӳш-пӳр ҫын ёс ҫуккипе кулянат*. Шухӳш енчен килӳшсе ҫитмен вурӳнсем пур. Тӳслӳхрен, *Хӳш-пӳр ҫын ёс ҫуккипе кулянат* предложени, тӳрӳсипе, абзац пуҫламӳшӳнче тӳмалла. 4-мӳш абзацӳн малтанхи икӳ предложенийӳ 3-мӳш абзаца кӳсма тивӳслӳ, юлашки икӳ предложенийӳ – 5-мӳш абзацӳн пуҫламӳшне. *Ёсе юратакан ҫынсем яланах палӳрнӳ* предложенирен ҫӳнӳ абзац пуҫламалла. Иккӳмӳш абзаца кӳларса пӳрахаҫ пулат. Унӳн пӳрремӳш предложенийӳнче каланӳ шухӳш, ҫӳнах та, писательсем ҫинчен пӳракан абзацра лайӳх. Иккӳмӳш предложенипе автор юлашки абзацра усӳ курнӳ. *Ёс ҫинчен нумай. писательпе поэт тӳрлӳ хайлав ҫырнӳ. Вӳсем те ёсе мухтассӳ, ӳркеве юратмассӳ* сыпӳкри 1-мӳш предложенирен *тӳрлӳ хайлав* сӳмахсене катертес пулат, ату тепӳр предложенири *вӳсем* местоимение ӳнланма ҫук. *Вӳсем* местоимени ҫумӳнчи *те* татӳк та ыглашши. ӳна унччен Илпекке аҫӳннине пута илсе каланӳ пулсан малтанхи предложение урӳхларах майлаштармалла: *Ёс ҫинчен ытти поэт-пистаель те ҫырнӳ*. Вара *Иван Егоровӳн* сӳмахсем умӳн *тӳслӳхрен* кӳртӳм сӳмах *е ак(ӳ)* татӳк лартмалла. Ҫавӳн пекех, *Килӳнче ачисем те выҫӳ лараҫсӳ* предложенири *те* татӳк вырӳнсӳр, мӳншӳн тесен ку предложени умӳн ашпӳ выҫӳ иккенне каламан. *Александр Артемьевӳн «Симӳс ытӳн» хайлавӳнчи Валентин Актаев пӳрре те пӳлахаҫа пемест, яланах вӳл ҫынна йывӳр вӳхӳтра та пулӳшма хатӳр, хӳмла пахчине те тӳнчипех палӳртать* предложенири *та* татӳк малта *кирек хӳш йывӳрлӳхра* сӳмахсем тӳрсан кӳна кирлӳ. Ку предложенири *вӳл* сӳмах ыглашши. *Ҫак ача ӳссен чаплӳ ҫын пулат ӳнтӳ* предложенин содержанине ытти предложенисем хуҫса ӳнлантармалла: ача ӳссе ҫитсен чаплӳ ҫын пуласси мӳнрен палӳ? Иккӳмӳш абзаца *Иглӳнӳ тата вуланӳ текстсене ырӳ ята юратса ёслесен ҫес илме пулат тесе ӳнлантӳм* предложенипе пуҫлани сочинени авторӳ хӳй ёсне малтан текст тишкерӳвӳ ҫинче никӳслеспӳн пулнине кӳтартаҫ. Телее, йӳнӳша тӳрех тӳрлетнӳ.

Ытти ёсене те пута илсен йӳнӳшсем (грамматика, пуллев, орфографипе пунктуацис т.ыг.те), паллах, нумайрах. Вӳсемпе тӳшлӳн паллашас тесен Ю.М. Виноградовӳн «Тантӳш» хаҫатӳн 2010 ҫулта 9 – 13 номерӳсенче (пуш уйӳхӳн 11, 18, 25-мӳшӳсем, ака уйӳхӳн 1-мӳшӳе 8-

мӳшӳсем) пичетлесе кӳларнӳ «Экзаменсенче тӳл пулакан палӳрач йӳнӳшсем» статийине тата вӳлах пухса хатӳрленӳ «9-мӳш класра ҫавӳш ҫӳлхипе экзамена хатӳрленессе» пособие (Шупашкар: «Ҫӳнӳ вӳхӳт», 2010) вулама сӳнетпӳр.

Пирӳн шухӳшпа, ачасене изложенисемпе сочиненисем тӳтӳшрах ҫыртармалла, тӳрлӳ конкурса хуҫпӳнтармалла, хаҫат-журналпа ҫыхӳну тӳгма пулӳшмалла. Чи кирли – йӳнӳшсене курма хӳнӳхтарасси. Ун валли шкул учебникӳсене хӳнӳхтарусем кӳртмелле. Ятарлӳ хӳнӳхтару пуххисем те кирлӳ. Шкул ачисене пур енчен те кӳлтӳксӳр ҫыракан хаҫат-журнал та пулӳшма пултарать.

Л.М. Васильева,
МОУ «Атлашевская СОШ»,
Чебоксарский район ЧР

ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА К.В. ИВАНОВА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ШКОЛЕ

Жизнь и творчество К.В. Иванова рассматриваем в 10 классе. Для этого в тематическом планировании выделено 3 часа. 1-й урок: Жизненный и творческий путь Константина Васильевича Иванова. Личность поэта. Литературное осмысление фольклора. 2-й урок: Поэма «Нарспи». Вечная философская проблема: человеческая личность, гуманизм, добро и зло, соотношение материальных и духовных ценностей. Поэтичность женского образа. 3-й урок: Национально-художественное видение мира, слияние двух эстетических систем – народной и авторско-личностной.

На 1-ом уроке обучающей целью являются: 1. Ознакомить с творческим и жизненным путем классика чувашской литературы. 2. Научить обучающихся пользоваться дополнительной литературой. Расширить круг чтения старшеклассников. 3. Выделить периоды в творчестве поэта и научить составлять синхронную таблицу по творчеству поэта. На 2-ом уроке обучающей целью являются: 1. Развить умение давать характеристику положительных и отрицательных героев в поэме «Нарспи». 2. Определить философскую проблему добра и зла. 3. Выделить жанровые особенности: лирическое отступление, сюжет, композицию, художественную деталь. На 3-ем уроке: 1. Раскрыть поэтику стихотворений: мелодичность, ассонанс, слогичность стихов, эмоциональность, интуитивность. Определить слияние двух эстетических систем: народную и авторско-личностную. 2. Найти образ рассказчика – повествователя.

На уроках литературы у иноязычных учащихся главной является не обучающая, а воспитательная цель. И поэтому на этих уроках ставлю такие

воспитательные цели: На 1-ом уроке: научить осознавать человеческие ценности национальной самобытности в лучших образцах творчества чувашских поэтов начала XX века. На 2-ом уроке: обратить внимание учащихся на формирование свободомыслящую личность, трудолюбие, доброжелательность. На 3-ем уроке: развивать познавательность учащихся в целях расширения их кругозора, заинтересованности корнями малой Родины.

Развивающая (познавательная) цель на 1-ом уроке: 1. Дать почувствовать гармонию богатства природы с творением человека. На 2-ом уроке: 1. Раскрыть мировоззрение чувашского народа, обряды, обычаи, быт. 2. Раскрытие индивидуальной самобытности поэта. На 3-ем уроке: 1. Заинтересовать учащихся. 2. Пробудить чувства и привить любовь к произведениям К. Иванова.

Эти цели достигаются такими методами: На 1-ом, 2-ом, 3-ем уроках: 1. Речь учителя. 2. Вопросы-ответы. 3. Беседа (вопрос – ответ). Сообщение учащихся о балладе «Железная мялка», о сказке «Две дочери». Фронтальный опрос. 4. Работа с картой. 5. Просмотр слайдов. 6. Устное закрепление. 7. Письменное закрепление. 8. Словарная работа. 9. Коллективная работа учителя с классом. 10. Информация о домашнем задании.

Работа над активизацией речевой деятельности. На 1-ом уроке используем: 1. Сообщение материала с опорными схемами для памяти. 2. Художественное рассказывание. 3. Создавать словесную характеристику прочитанного.

На 2-ом уроке: 1. Художественное рассказывание. 2. Тезисное конспектирование из выступлений обучающихся. 3. Подтверждение своей позиции цитированием. 4. Лексическое толкование слов. 5. Раскрытие индивидуального стиля поэта.

На 3-ем уроке: 1. Формирование логического мышления учащихся. 2. Ответы-рассуждения в полном предложении (развитие связной речи). 3. Первичное закрепление материала частичными выводами. 4. Формулирование ключевых тезисов по обсуждаемой проблеме. 5. Использование языковых богатств русской и чувашской речи. 6. Формирование логического мышления учащихся.

Учащиеся русскоязычной школы интересуются жизнью и творчеством чувашских классиков, хотят услышать произведения в оригинале. Эту методику мы используем и на других уроках. До 9 класса они изучают чувашский язык, уменют читать, говорить, переводить, поэтому с ними легко заниматься сопоставлением.

Изучая жизнь и творчество Константина Иванова учащиеся старших классов удивляются самобытности чувашского языка, знакомятся обычаями, национальным характером чувашского народа, изображением национального своеобразия жизни социальных слоев. В произведениях К. Иванова проявляется серьезное отношение поэта к главной проблеме той эпохи – трагическому конфликту между богатством и бедностью, сопротивлению богачей естественному чувству своих детей, их глубокой любви.

Женский образ Нарспи пленяет учащихся своей нравственной чистотой, рассудительностью, добротой души, умением прекрасно использовать свои трудовые обязанности перед семьей, широтой взгляда на жизнь.

Прекрасна Нарспи в пору безмятежной юности и первой любви. Нарспи своей совершенной красотой вызывает интерес: кого она полюбит? Кому подарит счастье? Сумеет ли отстоять свою любовь к бедняку Сетнеру? Постепенно раскрывается и нрав Нарспи: она ласкова и жизнелюбива. Она труженица и мастерица на все руки; наряду с покоряющей нежностью автор отмечает в ней веселый, звонкий смех и крепкость натуры – признак самостоятельности характера.

В этих качествах воплощен нравственный и эстетический идеал трудового народа. Недаром поэт сравнивает Нарспи с «аленьким цветком полей»: она росла не в закрытом тереме, не в стороне от нелегкого крестьянского труда. И в то же время Нарспи - сама грация, красота и душевность, излучающая природную силу и нежность. Поэтому у читателя пробуждается искреннее желание счастья Нарспи.

С каким наслаждением и искусством вышивает, ткёт, шьёт и готовит обед Нарспи! Самозабвенность и наслаждение в труде переданы в оригинале изумительно, музыкальный ритм почти копирует неповторимость движений девушки, сначала плавных, потом – быстрых: первые строки каждого двустишия, изображая сноровку девичьих рук, извиваются протяжными звуками (а-а-ать те, е-е-еть те), а прерывистость вторых строк согласуется с ритмом работы, его быстрой повторяемостью.

Однако хороводы, свадьба и иные народные обычаи несут не только прелесть красоты, но и мудрый опыт согласования человеческого бытия с окружающей природой. Что удерживала людей и народы от односторонней, узкотехнической эволюции общества и – в конечном счете – вырождения наций? Вот почему К. Иванов разворачивает в своей поэме панораму прекрасных пейзажей и народных обычаев старины, хорошо вписывающихся в быт деревни. Читателю тем самым сразу становится понятной и родной идея согласования общественного бытия и характера человека с окружающей природой. В поэме «Нарспи» была поставлена острая проблема того времени: подъема личного достоинства и чести человека в обществе, достижения гражданского равноправия бедных с богачами, в частности – утверждения их прав на свободное семейное счастье.

Для полного счастья человеку необходима свобода. Есть ли она у Нарспи? Вот ее отец Мигелер, богач. Любящий, как замечает поэт, свою дочь, откровенно гордится своей Нарспи:

Дочка мне дана на счастье.
У кого удел таков?
Мало е колец, запястье?
Иль она без башмаков?

На сто верст такой пригожей
Девки нет. Иной – не прочь,
Да не всяк чувашин сможет
Вырастить такую дочь.

Но почему по мере слушания этого «добротного человека» настроение безоблачной радости рассеивается? Почему тускнеет мир так расцветший гармонией весны и юности? Потому что мы начинаем догадываться, что этот человек, при всей своей честности, любит свою дочь эгоистически. Он гордится не душевностью дочери, а ее нарядами, не ее умом и трудолюбием, а обеспеченностью материальной и, подробно перечисляя свое богатство, отец ни разу не упомянул о нравственных качествах дочери. Не настоящая человечность слышится в «любви» Мигедера, а страсть к богатству и эгоистически родственное чувство. Поэтому читатель за одобрительными замечаниями автора вроде «нет, не зря старик почтенный похвастается добром» угадывает тонкую иронию: слова Мигедера все верны, справедливы, но ему недоступно понимание высшей ценности и истины – гуманности. Мигедер к тому же еще самоуверен и властен. Поэтому характер Мигедера и его слова вызывают тревогу: такой человек не посчитается с высокими и искренними чувствами дочери. Действительно, вскоре Мигедер, вопреки воле Нарспи, сосватал ее за богача Тахтамана – пожилого человека.

В поэме «Нарспи» даны образы могучих, резко очерченных характеров. Сетнер и Нарспи одержимы всепоглощающей страстью. Подобно Ромео и Джульетте из одноименной трагедии Шекспира, не зная путей спасения от «злого мира», они все же бегут из родного дома в лес. Схваченные и насильно разлученные, Нарспи и Сетнер борются за свое счастье, бросая вызов всему миру насилия. Основной конфликт поэмы – сопротивление богачей естественному чувству своих детей, их глубокой любви – был, конечно, характерен и для новой эпохи – начала XX века. Поэзия К. Иванова отличается и богатством, и глубиной гуманизма. Поэма «Нарспи» наполнена верой в человеческие силы и возможности. Сетнеру и Нарспи не страшны не только стихии природы, но и законы «злого мира». Они – борцы, достойные возвышенного. Эстетические отношения героев «Нарспи» к жизни многогранны, действенны и драматичны. Вот почему они разворачиваются в многоплановый сюжет.

Художественное мастерство К. Иванова отличается большой силой реалистического изображения и полнотой типизации многих существенных явлений жизни и быта чувашского народа в дореволюционное время, и в этом смысле поэт стоял на голову выше своих предшественников и современников. Однако было бы неверно не видеть слабых сторон в творчестве К. Иванова. Одной из них было самоограничение поэта рамками преимущественно бытовой и крестьянской тематики.

В начале XX века появляется больше возможностей для развития художественных способностей писателей и художников (некоторая свобода печати, открытие чувашской газеты «Хыпар», постановка концертов с национальным репертуаром в Симбирской чувашской учительской школе и т. п.

Чувашский край этого периода, в силу позднего вступления России, а тем более ее «иногородческих» окраин на капиталистический путь развития, переживал состояние общества, переходное от патриархально-феодалного к буржуазному. Одновременно в этот период происходил подъем национальной культуры. Он во многом реализовался через великую просветительскую деятельность И.Я. Яковлева. А события первой русской революции (1905-1907 гг.) не только усиливают чувства человеческого достоинства чувашей, но и приносят в сознание интеллигенции более радикальные, революционные идеи переустройства общества на основе равенства, братства и свободы. Здесь гуманизм раннепросветительского и возрожденческого характера обогащается идеями позднего, зрелого Просветительства и революционной демократии.

Идеал поэта заключается в страстном желании гармонии человеческой жизни и законов объективного мира. Человек – это частица природы. Вот почему в начале поэмы нарисованы восхитительные картины деревни Сильби – зеленющие сады вдоль главной улицы, «желтые ворота с узорной резьбой», новый плетень вокруг села, люди, шагающие «словно бары» во время весеннего праздника. Для повествователя, как и читателя, все это кажется «раем». И поэт, намекая о великих возможностях самого разумного существа Земли, с восторгом восклицает:

Нет сильнее человека	Он на суше и на водах
В этом мире никого	Стал хозяином всего.
Действительно, всё создано руками людей: обычаи, праздники, нравы...	
Но в следующих строках заключена одна из идей поэмы «Нарспи»:	
Но владыка мира, миру	Светлый разум омрачает
Человек покорен сам.	Страсть его к вину, деньгам.

Таким образом поэт выражает мысль о необходимости борьбы человека с собственными недостатками, а не только бесчеловечными законами общества. Человек зависим от власти вина и денег и в этом его глубокая трагедия.

*А.М. Васильева, Л.Н. Ефимова,
МОУ «Чувашско-Сорминская СОШ»,
Аликовский район ЧР*

ДВЕ ТРАГЕДИИ, ДВЕ СУДЬБЫ (сравнительный анализ трагедий К.В. Иванова «Слуга дьявола» и В. Шекспира «Макбет»)

Цель нашей статьи – ознакомление творчеством классика чувашской литературы К.В. Иванова и классика мировой культуры В. Шекспира. Для осуществления этой цели нами выдвигаются следующие задачи: 1) отработка умения работать над сопоставлением позиции двух авторов, над сравнением

героев, анализом текста; 2) определение своей нравственной позиции по отношению к вечным вопросам, поднятым В. Шекспиром и К. Ивановым; 3) приобщение к мировой художественной культуре.

На уроках литературы, на концертах, экскурсиях, в театре мы приобщаемся к мировой художественной культуре. И сегодня мы познакомимся творчеством классика чувашской литературы К.В. Иванова и приобщимся к мировой художественной культуре. Мы попробуем провести сопоставительный анализ трагедии К.В. Иванова «Слуга дьявола» и трагедии В. Шекспира «Макбет», которые волнуют всех читателей и в начале XXI века, чтобы не только узнать сюжетную канву, но и прочувствовать, передать свое отношение к героям, проблемам, поднятым в произведениях. Речь пойдет о ценности человеческой жизни, о понимании добра и зла.

Преступление и наказание – это те категории, над которыми мы также размышляем, рассматривая две судьбы, две трагедии. «Слуга дьявола» и «Макбет» – произведения не только о гибельном и преступном тщеславии, но и о внешних влияниях, которые овладевают человеком и губят его.

Произведения	«Макбет»	«Слуга дьявола»
Внешние влияния	Леди Макбет, ведьмы	Дьявол
	Макбет, хотя он сам первый подумал об убийстве Дункана, является в дальнейшем в известном смысле жертвой окружающих влияний.	Юнтияер – убивает брата под подстрекательством дьявола, овладевавшим его душой.
В обеих трагедиях (и Шекспира, и К. Иванова) духи зла заманивают людей в свои сети и губят их.		
	Раз загнав замысел убийства и не отвергнув его, Макбет попал под власть сил, толкавших его вперед по пути преступлений, сойти с которого он уже не мог.	Раз подняв руку с кинжалом на брата, Юнтияер не может отступить от задуманного, а темные силы подстрекают завершить задуманное.

Возникают ассоциации, прямые аналогии, когда читаем произведения В. Шекспира и К.В. Иванова. Сюжетная близость произведений ясна, хотя изображены люди разных эпох. Перейдем к анализу текста.

Классики	В. Шекспир	К.В. Иванов
Знакомиться с текстом мы начинаем с названия. Какова же роль названий обсуждаемых нами произведений?		
Название произведения	«Макбет» - трагедия названа так по имени главного героя	«Слуга дьявола»- трагедия названа так характеризую главного героя
Жанр произведения	Трагедия	
	Трагедия общества	Это трагедия местного

		масштаба, в глухой чувашской провинции
Какие проблемы затрагивают авторы?		
Поставленные темы и проблемы	двойственность человеческой личности; тема власти; тема денег; тема преступления и наказания.	
Почему же в центре внимания В. Шекспира и К. Иванова женщины?		
Ответ: Назначение женщины – нести свет, тепло, жизнь.		
Дадим характеристику героиням	Жена Макбета Леди Макбет	Жена и мать Юнтияера
	В. Шекспир подчеркивает противостественность происходящего.	К. Иванов подчеркивает полную их гармонию с природой.
	Репительна, злодейка, но позже мучается от содеянного, мечется, сходит с ума, умирает.	Спокойны, слиты с бытом, любовь к мужу, сыну, своему и чужому ребенку.
Обратимся к характеристике героинь:		
	Леди Макбет	Жена Юнтияера
Какие образы-символы возникают в нашем сознании при характеристике героинь?	Руки в крови, белые тонкие руки, страшный дом, символ злодейства.	Порядочность, доброжелательность, преданность, нравственность
Чем привлекают героини, а что вызывает ваше неприятие?	Героиня жестокая, хищная, в ней побеждают темные, демонические силы	Героини милые, добрые, стоят за добрые дела и поступки
Как проявляется мастерство В. Шекспира и К. Иванова в передаче трагизма происходящего?		
В обрисовке поступков		
В. Шекспир	В начале трагедии Макбет — доблестный воин. Его доблести вызывают всеобщее восхищение, успех сопутствует ему, и подвиги его награждаются по достоинству.	
К. Иванов	Юнтияер — пошел на войну ради собственной наживы. Появляется на поле битвы только после того, как стихает эхо сражений.	
Внешность героев		
Макбет	Макбет – талантливый полководец, волевой и нестигаемый человек, бесстрашный в бою, жестокий и одновременно душевно тонкий во всем, что касается его самого.	
Юнтияер	Юнтияер- уклоняется от исполнения долга перед семьей, Родиной.	
В композиции произведений		
Роль композиции	Кульминационный момент обоих произведений – это убийство.	

Кульминационный момент у В. Шекспира	Убийство Макбетом короля Дункана.
Кульминационный момент у К. Иванова	Убийство Юнпирем своего брата.
Один из важных моментов композиции – развязка.	Разоблачение и наказание героев.
У В. Шекспира	- Мы отмечаем внесценическую гибель героини; - Макбет сначала достигает цели, но затем расплачивается за свое преступление.
У К. Иванова	Гибель родного брата главного героя.

Какими же цветами и звуками наполнено произведение у В. Шекспира и у К. Иванова? Ночь глухая, гроза, адский гром. Буря, птица тьмы кричит, трясется земля. Руки в крови. Природа бунтует, отторгает зло.

Какие нравственные уроки мы выносим из трагедии В. Шекспира и К. Иванова? Зло порождает зло. Женщина и убийство, женщина и злодейство несовместимы. Это нравственный закон на все века.

В обеих трагедиях (и Шекспира, и К. Иванова) победа справедливости над злом не является полной. Смысл произведений в том, что нет и не может быть никакого оправдания стремлению человека возвыситься над другими посредством кровавых злодеяний. Никакое мнимое величие не в состоянии перекрыть того, что человек противопоставляет себя всему человечеству и приходит к своей полной нравственной гибели.

Ступив на путь преступления, Макбет уже не имеет сил сойти с нее и идет вперед к неотвратимой гибели. Трагические события разворачиваются на фоне глухой ночи, во мраке которой мелькают злоеющие образы трех ведьм. Они обретают безраздельную власть над судьбой Макбета. Мысль об убийстве Дункана пришла ему самому, а не была подсказана пророчеством ведьм. Итак, замысел родился у самого Макбета. Ведьмы повторяют лишь то, о чем уже думал Макбет. Макбет понимает различия между добром и злом. Он знает, что совершая убийство, он преступает нравственные законы, в которые верит. Совершив убийство, Макбет навсегда теряет покой: он перестает верить другим, им овладевают подозрения. Он добился власти, но лишил себя возможности насладиться ею. Трагедия Макбета в том, что он, некогда прекрасный и благородный человек, подлинный герой по своим личным качествам, попал под влияние дурной страсти и властолюбие толкнуло его на множество коварных преступлений. Но Макбет не сражается до конца, не сдается, даже когда все против него, ибо в нем до конца живет душа героя, хотя и запятнанная его кровавыми преступлениями. «Макбет» - трагедия о зле в человеческой жизни, как свободно избранного самим человеком. Макбет сам решает убить короля Дункана, и предсказание ведьм только укрепляет его в этом решении. «Макбет» – трагедия об искушении человека судьбой и собственной свободой. Трагедия завершается торжеством

положительных сил (Генрих, Малькольм), восстанавливающих в государстве нарушенную гармонию.

Сопоставление трагедий К.В. Иванова «Слуга дьявола» и В. Шекспира «Макбет» нравится обучающимся. Ученики стремятся выяснить для себя: «Что такое зло и к чему оно приводит?» Нами составлены разные поурочные электронные презентации и всеобъемлющие таблицы по этой теме.

*А.П. Игнатьева,
МОУ «СОШ № 12»,
г. Чебоксары*

СВОЕОБРАЗИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В ГОРОДСКОЙ ШКОЛЕ

«Россия богата не только природными ресурсами. Она богата многонациональной культурой. Может быть, это самое большое её достояние. Может быть, именно это делает её трудноуязвимой и непотопляемой. Поэтому забота об этом культурном многообразии, должна быть, безусловно, одной из прерогатив, одним из приоритетов государства» (В.В. Путин).

«Ломоносов – личность-символ. Русская грамматика, гимназия, университет, «Краткий российский летописец с родословием», «Древняя российская история». Заповедь его: история даёт молодым разум старых. Это – истинно народный педагог, просветитель, показавший великую миссию родного русского языка в духовной жизни народа. Сказано о русском, можно применить к любому родному языку. Наверное, независимо от Михаила Ломоносова ответил на три моих вопроса профессор Василий Егоров, владевший 31 языком, хотя внутренний диалог с великим русским учёным налично:

- Какой из языков самый богатый?
- Родной.
- Какой самый красивый?
- Родной.
- Какой самый любимый?
- Родной.

Великолепие любого родного языка – его богатство, красота, благозвучие, образность, выразительность – могло бы быть показано, доказано по эмоционально очаровательной логике Михаила Ломоносова. И нет в мире ни одного исключения из установленного им правила и блестяще применённого к русскому языку, ибо это правило универсально, оно обязательно для всех языков и для каждого родного языка, будь это юкагирский, китайский, коряцкий, японский, гагаузский, мордовский.

Каждый, у кого есть родной язык, может сказать: «Если бы Михайло Ломоносов в языке ненецком был искусен»... Именно поэтому и бывает очень прискорбно, когда человек, едва владеющий одним языком, берётся судить о многих незнакомых языках, тем более говорить об их бедности. Беден-то в данном случае он сам, не знающий ни одного слова другого языка. Порою говорят о втором языке: «Владей как родным!». А как именно... А если родного вовсе нет, то каково? Впрочем, у человека, владеющего одним языком, родной-то едва ли есть: один язык один он и есть, овладеешь хотя бы одним неродным – и свой, материнский станет родным» (Г.Н. Волков, академик РАО).

Вот что писал русский академик И.В. Бестужев-Лада в своём письме от 1 марта 1995 года другу Г.Н. Волкову: «Представляется целесообразным изучение местного языка в русских школах тех субъектов Федерации, где он является официальным (государственным), таким образом, чтобы школьник легко мог усвоить те несколько сот слов, которые необходимы и достаточны для общения на бытовом уровне, а также, возможно, еще две-три тысячи слов, которые достаточны для понимания общей текущей печатной информации. Изучение целесообразно вести в игровой форме, с применением новейших методик, позволяющих эффективно овладеть материалом».

До революции русские, татары, марийцы, живущие по соседству, поголовно владели чувашским языком. Преподавать национальный язык чувашского народа в русскоязычной школе начали с 1990-1991 учебного года, после принятия в 1990 году «Закона о языках в Чувашской Республике». В 2003 г. была принята новая версия закона. «Закон о языках обращён прежде всего к самим чувашам, оторванным от естественной чувашской языковой среды, это либо городская среда с многонациональным населением (но с единым языком общения), либо среда чувашской диаспоры, проживающей в окружении иноязычного населения, нередко также многоязычного. Основная цель языковых законов, на мой взгляд, заключается в том, чтобы помочь чувашам независимо от места их проживания сохранить свою языковую и тем самым свою культурную самобытность. Что касается русскоязычного населения республики, то ему вполне достаточно овладеть чувашским языком на уровне бытового общения. Наверное, этого будет достаточно для проявления уважительного, толерантного отношения к местному населению, для того чтобы чувствовать себя комфортно среди людей с иным языковым мышлением, с иными обычаями, иной традиционной культурой» (И.А. Андреев, профессор, непосредственный участник подготовки законопроектов).

В качестве учебного предмета чувашский язык в настоящее время выступает во всех общеобразовательных школах ЧР. Чувашский язык как предмет школьного изучения преследует такие же цели, какие стоят перед школой в целом – практическую, развивающую, образовательную и

воспитательную. Однако преподавание чувашского языка в русскоязычных школах имеет свои существенные особенности, так как этот язык в школах такого типа изучается как неродной. Главная из них заключается в том, что родной язык изучается в школе на базе сформировавшихся навыков речи, а неродной таких навыков не имеет, они должны вырабатываться в ходе обучения. Это обстоятельно накладывает свой отпечаток как на содержание обучения, так и на его цели. Мы не можем не учитывать также фактор реальной языковой ситуации как в целом по республике, так и в условиях города и деревни.

Чувашское население в течение нескольких десятилетий живёт в условиях всеобщего русско-чувашского двуязычия. Двуязычие в обществе достигло такого уровня развития, что людям стало удобнее общаться на официальном языке страны. Несмотря на национальную принадлежность родителей в условиях города и поселений городского типа, дети становятся русскоязычными. Язык родителей для них является вторичным, с ним они, как правило, сталкиваются только в школе на уроках чувашского языка. Таким образом, в русскоязычных школах все дети изучают чувашский язык как неродной, почти как иностранный.

В то же время контингент учащихся в языковом плане не является однородным. Часть детей в школу приходит без всякого знания чувашского языка, изучение чувашского языка в школе они начинают с нуля. Это в основном дети из смешанных и нечувашских семей. Другая часть, выходцев из чувашских семей, не утративших связей с деревней, в той или иной мере владеет навыками бытовой разговорной речи: имеет небольшой словарный запас, различает на слух чувашские звуки, в то же время не умеет читать и писать. Во многих школах такие дети составляют большинство. На наш взгляд, именно на такую категорию учащихся должно быть ориентировано обучение чувашскому языку в русскоязычной школе. «Да и сам «Закон о языках в Чувашской Республике» что в первой, что во второй редакции был направлен на то, чтобы максимально уменьшить размеры языковой ассимиляции молодого поколения городских чувашей» (И.А. Андреев).

Для всех детей, обучающихся в условиях города, родным является русский язык, поскольку между собой они общаются по-русски, в школе учатся на русском языке, с телеэкрана слышат русскую речь. Языком мысли у них также является русский. В условиях города знания о чувашском языке, к сожалению, не приводят к умению активно пользоваться им в общении. Нет живого общения на чувашском языке, нет живой языковой среды. Да и родители не видят стимула для развития речи. Известно, что потребность в изучении того или иного языка определяется прежде всего его престижностью. Родители для своего ребёнка выбирают тот язык, на котором можно получить образование, профессию.

Вот данные из социологического исследования, проведённые лабораторией чувашского языка ЧРИО, подтверждающие вышесказанное. Из 588 опрошенных учащихся 5 - 10 классов г. Чебоксары у 69,4% – матери чувашки, 65,6% – отцы чувашки. Вроде бы прочный фундамент должен быть. Интересно, с каким же уровнем владения родным чувашским языком приходят к нам в школу эти дети? Какова причина того, что с годами дети теряют язык своих родителей? Из них только 55% считает, что они – чувашки, а 40% считают, что они – русские. По ответам самих детей, лишь 37,6% родителей общаются на чувашском языке, потому что оба владеют этим языком. С большим сожалением приходится констатировать тот факт, что хотя оба родителя владеют чувашским языком, 10% из них вообще не общаются на своём родном языке; 21,3% не общаются, потому что один из родителей не владеет чувашским языком. 88,4% учащихся в начале учились говорить на русском языке, а лишь 3,4% – на чувашском, на чувашском и русском – 6,5%. Как видим, часть детей, пусть незначительная, но всё же до школы владеет чувашской речью. Исходя из этого, обучение чувашскому языку в русскоязычной школе должно быть организовано с учётом имеющихся речевых навыков у учащихся. В настоящее время только 2% учащихся разговаривает с родителями на чувашском языке, на двух государственных языках – 21%, на русском – 71% опрошенных. Даже в деревне всего 6% разговаривает на чувашском, на обоих языках – на чувашском и русском – 30%, на русском – 61%.

«Родной язык – материнский, второго родного не бывает, родной – язык души и сердца; второй и любой другой язык – изученный, язык ума и мозга» (В.Г. Костомаров). А мы с истечением определённого времени теряем язык своей любимой матери. Может, поэтому на Земле душевных людей с годами становится всё меньше и меньше? Люди стали черствее, и на первый план выходит, к великому сожалению, не моральная сторона, а материальная. Значительная часть чувашских детей не пользуются родным языком ни в семье, ни в деревне у родственников, ни в школе, кроме как на уроках чувашского языка, ни в общении между собой, не говоря уже о детях нечувашской национальности. Точно так же, как не влезая в воду невозможно научиться плавать, без активного использования в речи невозможно научиться говорить на неродном языке. Следовательно, следующей отличительной особенностью преподавания чувашского языка в русскоязычной школе является умелая организация учителем языковой среды. Эта проблема не сходит с повестки дня заседаний педагогического сообщества учителей чувашского языка города Чебоксары.

Миссия учителей чувашского языка – сохранить бесценное богатство – язык и культуру своих предков. Но сделать это в условиях города не так-то просто. Учитывая особенности преподавания чувашского языка в

русскоязычной школе, учителя относятся к выполнению своей миссии добросовестно. Мои коллеги активно внедряют современные педагогические технологии, в том числе и информационно-коммуникационные технологии, в учебный процесс. По данным социологического исследования 67,5% учителей используют интерактивные формы обучения чувашскому языку. Сегодня для повышения интереса к изучению чувашского языка в школах есть электронные учебники, пособия, развивающие игры («Пёлү шыраса»), видеофильмы («На земле чувашской», «Чебоксары – чистый и благоустроенный город», «Ёмёрлөх», «Звенящее серебро тухьи»). Сегодня учителя и сами участвуют в разработке электронных пособий. Так, учитель чувашского языка Михайловской средней школы Цивильского района В.Ю. Андреев подготовил компьютерный вариант учебника V класса для русских школ. А электронные картинные словари помогают делать первые шаги к освоению чувашского языка. В этом направлении плодотворно работает учитель чувашского языка средней школы №59 г. Чебоксары Г.В. Абрамова. Новые образовательные ресурсы на цифровых носителях не оставляют равнодушными ни учителей, ни учащихся, ни их родителей. 75% учащихся удовлетворены качеством преподавания чувашского языка в школе. 14% никогда не думали об этом. Из года в год растёт интерес детей к изучению чувашского языка. У 55,3% учащихся появилось желание говорить по-чувашки. Приятно видеть горящие глаза наших учащихся, когда они играют в развивающие игры на чувашском языке или просматривают видеосюжеты и фильмы.

Интернет дал нам возможность общаться друг с другом, даже с коллегами из регионов. Работает интернет-педагогический совет учителей чувашского языка, где мы обмениваемся опытом работы. Также у нас проходят дистанционные конкурсы, интернет-олимпиады. Работает Центр дистанционного обучения чувашского языка. Надеемся, что такие современные технологии повысят интерес к изучению родного языка. Наши школьные библиотеки в последние годы обогащаются новой художественной, детской и справочной литературой на чувашском языке. Теперь у нас есть возможность использовать эту литературу в урочное и внеурочное время, а учащиеся могут взять и почитать в свободное время. Хотя мы часто слышим, что дети совсем перестали читать, даже на русском, приятно отметить, что всё-таки какая-то часть школьников читает вне уроков чувашскую художественную литературу. Таковых оказалось 25%. Помимо книг республиканские газеты на чувашском языке читают 4% учащихся, на чувашском и русском – 34,5%. Хотя до школы начали говорить на чувашском языке только 46,3% учащихся, из анкет самих учащихся становится ясно то, что пусть на разных уровнях, но в настоящее время владеют чувашской речью 66,1% респондентов. Это, безусловно, заслуга учителей, которые нашли формы, приёмы и методы, способствующие приобщить своих воспитанников к национальной культуре чувашского народа.

*Л.Г. Петрова,
Чăваш Республикин вĕренĕ институтĕ,
Шупашкар хули*

ВАТТИСЕН СĀМАХĒСЕМПЕ КАЛАРĀШСЕМ (А. Артемьевĕн вĕрçĕ темипе сьрнĕ хайлавĕсем тĕрĕх)

Ваттисен сĕмахĕсемпе каларĕсем, напĕ чĕлхин сĕткенĕпе техĕмленискерсем, ĕс-хакĕл пуянлĕхĕ пулса тĕрĕсĕ. Вĕсенче тĕван халĕхĕн сивĕч ĕсĕ, шухĕшлавĕ, философийĕ, чăваш чĕлхин ытарайми илемĕпе сĕнарлĕхĕ, вĕтĕмлĕхĕ палĕрĕт. Вĕсемпе уçĕ курни пулĕпе пурнĕç чĕнлĕхĕпе тĕчĕ сьхĕнĕрĕт. Вĕрĕнлĕ калĕнĕ ваттисен сĕмахĕ пĕрĕн пулĕпе ĕкерĕклĕ, сĕнарлĕ тĕват, вулаканĕн е иткенĕн асĕнче юлат. Ваттисен сĕмахĕсем тĕрĕх эфир тĕрлĕ самана сĕн-сĕпатне куратпĕр, пурнĕçе пĕлетпĕр, халĕхĕн ĕсне куратпĕр. Ахĕ пĕрчи пек паха ĕслĕх, илемĕпе йĕлĕртĕтсе сĕсĕ тĕракан сивĕч шухĕша ĕнланса илетпĕр.

Александр Артемьев вĕрçĕ темипе сьрнĕ «Юлашки юрĕ», «Алĕр çĕлтĕр», «Āн авĕн, шĕшкĕ», «Симĕс ылĕн» хайлавĕсене калĕпланĕ чух çакна шута илĕ пулĕ. Сĕмах ĕсти хайлавĕсенче ваттисен сĕмахĕсемпе тĕта каларĕсемпе анлĕ уçĕ курнĕ: «Юлашки юрĕ» повĕсĕнче – 12, «Алĕр çĕлтĕр» – 20, «Симĕс ылĕн» – 34, «Āн авĕн, шĕшкĕ» калавĕнче – 7. Асĕнĕнĕ произведенисенче чĕн пурнĕç тапса тĕрат. Вĕсенчи тĕп геройсем – авторпа пĕрле вĕрçĕ вут-сĕламĕнче сунса пĕсĕхнĕ, Тĕван сĕр-шыв ирĕклĕхĕшĕн кĕрĕссе юн тĕкнĕ салтаксем. Автор ваттисен сĕмахĕсемпе тĕта каларĕсемпе герой характерне уçса пама, вĕл пурнĕç сĕне мĕнле пĕхнине, Тĕван сĕр-шыва мĕн тери юратнине, этем тивĕслĕхне, чĕнлĕхне, тĕрĕслĕхне, туслĕхне мала хунине, тĕванлĕхне, ватта хĕсĕленине кĕтартма уçĕ курĕт.

Āкĕ вĕсенчен хĕш-пĕрисем: «Камша сурпан сырса пуçа шурĕнĕ, сĕвĕншĕх ĕмĕре ирттерме тивет», «Ват сьн – тĕват сьн», «Тĕр сĕмахĕн кукри сук», «Йĕвĕç сĕмрĕкĕ сĕс авĕнĕ», «Тĕван енче чул та – ĕнĕ, ют сĕр-шывра хĕвел те хура», «Тĕвансенчен уйрĕлĕн – тĕватĕ чул хĕхĕрнĕ, тĕван сĕрген уйрĕлĕн – ĕмĕр хĕхĕрнĕ», «Тĕван тĕванах сĕв, тĕвалĕх турĕтĕ», «Патĕр пĕр хут вĕлет, хĕрĕвĕ – сĕр хут», «Пĕр йĕнĕш та тумасĕр тĕрĕх ĕста пулаймĕн», «Ырĕнхи пурнĕçе пĕрĕнчен телĕлĕрĕх пуласса кĕтме шанĕк пур пулсан – шĕпуна кĕренме хĕйĕмĕн».

Ваттисен сĕмахĕсемпе каларĕсене произведенисенче уçĕ курни пĕр-пĕр пĕсĕк шухĕша кĕскен, пĕр пулĕпе каласа пама май парĕт. А. Артемьевĕн «Юлашки юрĕ» повĕсĕнче «Ют сурĕ кĕрĕчен малĕн кĕлĕлĕ мĕнле тухмалĕ сĕнчен пуçу тĕвĕрĕ лайĕхĕхĕшĕшĕ» каларĕшĕ тĕл пулат. Çĕк кĕске каларĕшĕ салĕкĕн тĕмлĕхне кĕтартса парĕт, ĕсе

лайĕхĕ шухĕшĕламĕсĕр пуçлама юраманине асĕрĕхĕтĕрĕт. «Алĕр çĕлтĕр» тĕта «Симĕс ылĕн» хайлавĕсенче геройсем сьн сĕмахĕнне, курайманлĕхне пула йĕвĕрлĕхне кĕрсе ĕкнине кĕтартма автор «Сьн ĕлекĕ сьнне вĕлернĕ» ваттисен сĕмахĕпе уçĕ курнĕ. Темле йĕвĕр пулсан та, тĕрĕс марлĕхĕ чĕрене амантсан та геройсем пуç усманнине, йĕвĕрлĕхсене сĕнтерсе хурĕ пек сĕрĕлĕнсе пĕнине А. Артемьев «Йĕвĕрлĕхĕ чĕн-чĕн сьнне сĕнейми сĕрĕп тĕват, хĕвĕшĕ чĕнлĕ сьнне пĕтĕмпĕх сĕпсе хĕсĕт» тĕта «Юман темĕн те тĕсет, сĕпахĕ сĕлĕлĕхĕ ĕсет» каларĕсемпе сĕрĕлĕтĕт.

Хĕвĕшĕ чĕнлĕ, кĕвĕсĕпе ĕману авĕрне кĕрсе ĕкнĕ геройсене сĕнланĕ чух сьравĕ «Кашĕр хĕсĕн ыр вĕлĕмĕпе вĕлĕн пулнĕ?», «Кĕвĕсĕкĕн е ĕманакан сьн ялан тенĕ пекĕх сукĕр: вĕл пĕр хĕйĕнне сĕсĕ курĕт», «Вĕрене тем чул яван та ун вĕсĕ пулмалĕх», «Хĕмĕ аври тем чул явансан та шĕчĕ вĕсĕне сĕтсе тухĕтĕх, вĕра уçĕнĕ» каларĕсемпе тĕта ваттисен сĕмахĕсемпе уçĕ курĕт.

«Кашĕнĕ сьнĕн пурнĕçе хĕйĕн тивĕслĕ вĕрĕнĕ пулмалĕ, унсĕр сьн вĕл ниçĕлли мар, таçĕлли», – тĕт «Симĕс ылĕн» повĕсĕре Федор Иваныч Валентина. Ку каларĕшĕ пĕрĕнхи кĕнĕшĕн та пĕлĕрĕшĕлĕ. Хĕлĕхĕ вĕхĕтĕра нумай сĕмрĕк пурнĕçе хĕйĕн тивĕслĕ вĕрĕнне тупайманнине тĕрĕ сĕлĕн пĕрĕнсе кĕлĕт, малашĕхне курмасть, мĕскĕн, сĕнĕлĕ йĕласенчен хĕтĕлаймасть. Пурнĕçе сĕкĕ тухĕкан йĕвĕрлĕхсене сьнне тĕлли-пĕлĕсĕр пусарса тĕрĕсĕ.

«Ēсĕме тĕсен ылĕхĕ мар – чĕлĕпе кĕстарма маттур вĕра», «Арĕнчен кĕса сĕнĕнне сĕпланĕ», «Улми йĕвĕсĕнчен аякĕ ĕкĕс сук» каларĕсемпе тĕта ваттисен сĕмахĕсемпе сĕмахĕнĕ юлĕх, ĕсĕ тĕлне пĕлĕн сьнсене сĕнарĕлĕт.

Г.Н. Волков академик «Чăваш этнопедагогикĕ» кĕнекинче ваттисен сĕмахĕсем пĕрĕн сĕпĕ сьрĕт: «Пословицы и поговорки главной своей целью имеют формирование нравственного облика подрастающего поколения, само название их ассоциируется с представлением о поучениях, нравоучениях...». Урокĕ ваттисен сĕмахĕсемпе уçĕ курни вĕренекĕсене шухĕшĕлама, ĕсĕме, пĕрĕнне вĕрĕнтĕт. Вĕрĕнтерĕн ваттисен сĕмахĕсемпе каларĕсем воспитанире пĕлĕрĕшĕлĕ пулнине шута илĕлĕ, сĕмрĕксене чăваш сьравĕсен хайлавĕсене вуланĕ май каларĕсемпе ваттисен сĕмахĕсене курма, ĕша хĕвĕма хĕнĕхĕрĕмĕлĕ.

*А.А. Ядрицова,
2-мөш номерлө ватам шукул,
Йёпреç районё*

К.В. ИВАНОВ – ЧАВАШСЕН СЎНМИ ÇАЛТАРЁ (вырас шукулёнчи 7-мөш класра ирттермелли чаваш чёлхи урокё)

Сайарлаьх тёллевё: чавашсен классикалла савасин пултарулаьхне пысака хаклама вёрентесси; поэма сыпакён илемлэхне туйма вёрентесси; чаваш чёлхине юратма вёрентесси; ёсе хисеплема, юратма вёрентесси.

Пёлү тёллевё: чаваш классикён пултарулаьхёпе паллаштарасси, К.В. Иванов чёлхине тёлчесси; чаваш чёлхипе вырас чёлхинчи глаголён сапатсар формисем хушшинчи уйрамлаьха тупасси, сирёллетесси.

Аталантару тёллевё: ачасен шухашлавне аталантарасси; диалог тума, шухаша тулли предложенисемпе калама вёрентесси.

Урок мелёсемпе меслечёсем: фонетика зарядки, учитель самахё, поэма сыпакёпе ёслесси, тишеру, шырав, ыйту-хурав, аудировани, кластер, синквейн, икё енлё дневник («двойной дневник»), каласу.

Пуплеве аталантарасси: текстпа тёрёс ёслеме ханыхасси; ыйтусем сине хуравласси, предложенисене тёрёс йёркелесси, шухаша калама ханыхасси.

Словарь ёсё: пурсан, сёвё, вьянтар, хултарча, сёрё;

Сус хуреллё хурса йьга

Пёр кёрет те пёр тухать.

Курамлаьх хатёрёсем: Power Point программара хатёрленё урок презентацийё, компьютер, проектор, дидактика хатёрёсем, «Нарспи» поэма сыпакё (фонохрестомати), ёс сичен каланя вагтисен самахёсем (лото), «Нарспи» поэман иллюстрацийёсем, «хёр - чечек», «кус - шарса» ўкерчёксем, ёс-хёле катартакан ўкерчёксем.

Урок тёлё: сёне темана вёрентмелли хуташ урок.

Урок эшграфё: Ун ыра ячё вёсёмсёр пырать.

Ик хёрёх сул та иртё, шиллёк те...

Паян чысра вал асла сёршывра,

Ыран апа тенче туйи кётет... (В. Станьял)

Урок юхамё: Класа йёркелени.

1. Вёреннине аса илни.

2. Фонетика зарядки (самахсене вёрентекен хысёан тёрёс калар, глагол пулавне аьлантарар). Ёс - ёстер, тумлан - тумлантар, тыган - тыгантар, лар - ларт, пул - пултар.

3. Глаголён сапатла тата сапатсар формисем (Сапатсар формасене вырас чёлхипе танлаштарни).

Ёсет, тумланса, тыганничен, ларчё, пулма, туличчен, каланя, вьяяс, шулаккан, юрла-юрла, кёмешкён.

4. Глаголён сапатсар формисене ушканласа сырар (1-мөш рет - причасти формисене, 2-мөш рет - деепричасти формисене, 3-мөш рет - инфинитив формисене. Вёсемпе пёрер тёллех тупар).

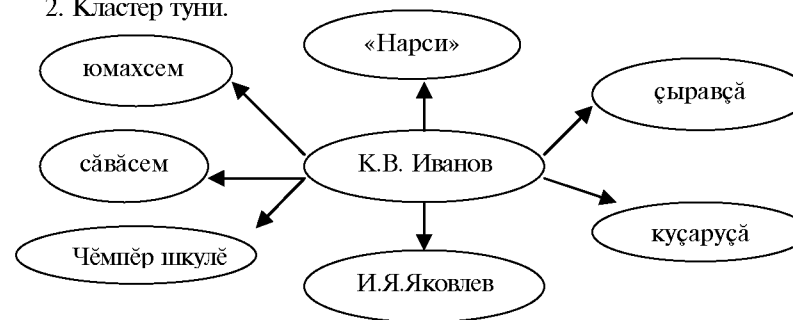
II. Сёне тема.

1. Салтавлани.

- Доска сичне портрет саканса тарать. Каман портречё?

- К. В. Иванов сичнен эсир мён илтнё?

2. Кластер туйи.

3. Урок теми, тёллевё, эшграфё.

- Тёрёсех, К.В. Иванов – чавашсен классикалла саваси. Валах сыравса та, кусаруса та. Палля «Нарспиёр» пусне савасем, юмахсем сырня. Чёмпёрти чаваш шукулёнче вёреннё. Паян уокра К.В. Иванов сичнен каласар, унан пуян чёлхипе паллашар...

- Урок эшграфёичен мён пёлтёр?

4. «К.В. Иванов» монолог итлесси (класри ача К. Иванов сичнен кёскен каласа парать).

5. «Сара хёр» сыпакан 1-мөш пайне итлесси.

- Сыпак тимлё итлёр. Нарспи мёнле?

- Нарспи автор мёнпе-мёнпе танлаштарать?

Автор	Эпё мёнле аьланатай
Пичё-кусё пит хурём Хирти сара чечек пек	Чечек питё хитре ёсен-гаран. Нарспи те чечек пекех хитре. Сара чечек пек тени Нарспи питё хитре пулинине пёлгерет.
Икё кусё хуп-хура, Икё хура шарса пек.	Шарса хитре япала. Ана хёр ачасемпе хёрсем сакса сурёсё. Нарспин кусёсем те шарса пекех хитре, паларса тарасё.

а) «Двойной дневник»: ä) «хёр – чечек» үкерчөкпе ёслесси (хёр мёнле-мёнле пулма пулгарать? – асла, илемлө, сўллө...); б) «куç – шәрса» үкерчөкпе ёслесси (куç мёнле-мёнле пулма пулгарать? – кавак, хура, хамар...); в) *чечек пек, шәрса пек; сарй чечек, хура шәрса* мёнсем пулчөс? (Тропсем: танлашгару тата эпитет).

Вёрентекен: К.В. Иванов Нарспи илемне чечекпе тата шәрсапа танлаштарать. П. Сизов тата Э. Юрьев художниксем Нарспи илемне сашларах кураçсө (картинәсемпе паллашни). Ку въл сыннан тулаш енчи илемлөх. Анчах та сыннан шалти илемлөх те пур теçсө. Сыннан шалти илемне мён паләрма пулгарать? (Брә ёс, ашә сәмах, сәпайлә пулни, ёсчен пулни).

1. Ваттисен сәмахөсемпе ёслесси. (Ваттисен сәмахөсене вуляр, ырәсла куçарәр, аңлантарәр). а) Ёс сынна илем кўрет. ä) Ёс – пурнаç илемө. б) Ёс кахала юратмасть. в) Ёс юратать, пурнаç илемне курать.

2. Словарь ёсө.

III.1. «Сарй хёр» сыпакан тепөр пайөпе ёслесси (Ирех тәрать, тумланать...). а) вёрентекен вуласа пани; ä) ачасем машәрән вулани; б) сасәпа вулани; в) поэма сыпакәнчен глаголән сәпатсәр формисене тупса вуласси; г) ыйтусем сине хуравлани:

- Нарспи ёсчен-и?

- Въл мён-мён тума пөлет? (Професси ячөсене аса илесси (үкерчөксемпе ёслесси)).

- Эсир мён-мён тума пөлетөр?

Вёрентекен: Нарспи сән-пичөпе сөс мар, хайөн ёсөсемпе те хитре иккен: въл илемлө төрлет, хитре сөлет, тугла пөсерет. К.В. Иванов чөлхин пуянләхө сак йөркесенче те паләрать: сўс хўреллө хурсә йыгә. Чавашсен классикәлла сәвәси ку сыпакра тупмалли юмахпа усә курать. Унан тупсәмө: йөшпе сип. К.В. Иванов чөлхи – чаваш энциклопедийө.

3. Ребуса ёслесси. (Енчен те ребуса төрөс вуласан ваттисен сәмахө пулмалла (*Куç хәрать те алә тәвәть*)).

4. Диалог йөркелесси. (Ыйту карточкисемпе ёслесси).

- Кам въл К.В. Иванов?

- Эсө унан мёнле паллә произведении пөлетөн?

- Нарспи мёнле хёр?

- К.В. Иванов чөлхи мёнле?

- Въл «Нарспи» поэмәра мөнсемпе аңлә усә курать?

5. Виçө юпари сәмахсене төрөс сыхантарәр.

Нарспи	хәвәрг	сырать
К.В. Иванов	интереслө	куçарать
Сетнер	пулгаруллә	төрлет
Сәвәсә	чухән	пурәннә
Куçаруçә	илемлө	пулнә

IV. Синквейн сырни.

Иванов пулгаруллә, ёсчен, аңланать, пулгать, сырать.

Пулгаруллә Иванов нумай сырать. Ёсчен сын!

V. Килти ёс: «Нарспи» поэма сыпакне пәхмасәр вөрөнөр.

Л.Г. Андреева,

Чебоксарский электромеханический колледж,

г. Чебоксары

Н.Г. Иванова,

Чувашский республиканский институт образования,

г. Чебоксары

УРОК ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 10 КЛАССЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КЕЙС-ТЕХНОЛОГИИ ПО ТЕМЕ «ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ М. ФЕДОРОВА. ПОЭМА-БАЛЛАДА «ЛЕШИЙ»

Введение в ситуацию. Действие происходит на заочном туре заседании комиссии Республиканского конкурса творческих работ среди учащихся профессиональных училищ, приуроченного ко Дню чувашской письменности. На заочный тур конференции представили 20 исследовательские и творческие работы, из них две работы по творчеству Михаила Федорова. Действующие лица: учащийся Петров Н.И., учащаяся Николаева Е.А. Председатель жюри - Сидорова Г.И., преподаватель чувашской литературы профессионального училища. Члены комиссии: Петрова С.О., преподаватель русской и чувашской литератур профессионального училища № 12, Лысенко Л.А., преподаватель русского языка и литературы профессионального училища № 18 Л.З., Киргизова, методист Дома творчества.

Описание ситуации. На Республиканский конкурс творческих работ среди учащихся профтехучилищ были представлены две работы по творчеству М. Федорова. Петров Николай учащийся училища № 29 (п. Вурнары) представлял работу под названием «Баллада Михаила Федорова «Арсури» – золотой фонд чувашской литературы», и выявлял особенности произведения. Николаева Елена учащаяся училища № 19 свою работу назвала так: «Первое произведение чувашской классики – поэма М. Федорова «Арсури» («Леший»).

Просматривая содержательную сторону исследовательских и творческих работ, член комиссии Сидорова Г.И. обратила внимание на то, что учащаяся Николаева Е.А. доказывает в своей работе, что произведение Михаила Федорова – поэма. Говорит о том, что она была опубликована лишь через 20 с лишним лет после создания в сборнике И.Я. Яковлева «Сказки и предания чуваш».

Киргизова Л.З., изучая список используемой конкурсантами литературы, отметила, что учащаяся Николаева Е.А. ссылается в своей работе на монографию Хлебникова Г.Я. «Чувашская литературная классика и ее наследники».

Преподавателя русского языка и литературы Лысенко Л.А., члена оценочной комиссии, особо заинтересовала в работе учащейся Николаевой Е.А. выделенная проблема, объединившая произведение чувашского классика с произведением русского народного поэта Н.А. Некрасова, где она находит типические параллели и в жанре, в проблеме, и в композиции.

Председатель жюри Сидорова Г.И. посоветовала при оценивании работ обращать внимание на глубину, новизну и актуальность, соответствие содержания сформулированной теме, уровень проведения исследования. Так же на оригинальность изложения и экспериментальные работы (это – анкетирование, встречи, воспоминания, интервью со специалистами (критиками и литературоведами)).

Просмотрев, проанализировав и отметив достоинства обеих работ, комиссия первое место присудила работе учащейся Николаевой Е.А., а работа учащегося Петрова Н.И. заняла второе место.

Проанализируйте описанную ситуацию. Выявите признаки баллады и поэмы в произведении М. Федорова. Аргументируйте свой ответ. Как бы вы поступили на месте членов жюри? А как бы вы определили жанр этого произведения? вспомните начало «Лешего»: крестьянин Хведер «собрался в путь большой, в путь нелегкий» под вечер. Перевод какого автора поможет вам выявить признаки в пользу того или иного жанра? Какая общая проблема объединяет произведения М. Федорова и русского поэта Н.А. Некрасова?

Информационный материал. I. В 2007 году в Чувашском книжном издательстве вышла хрестоматия по чувашской литературе для X класса (Чувашская литература: Хрестоматия для 10 класса для школ многонациональным составом учащихся и русских национальных школ / авт.-сост. В.Н. Пушкин), которая утверждена Министерством образования и молодежной политики Чувашской Республики. В статье о Михаиле Федорове составитель, ссылаясь на монографические статьи и справочник «Писатели Чувашии» (2006) его произведение «Леший» называет балладой. В своей монографии, вышедшей в издательстве Чувашского государственного университета в 2001 г., кандидат филологических наук, доцент Г.Я. Хлебников, пишет: «Первое произведение классики чувашской литературы появилось более ста лет тому назад. Это была поэма балладного типа Михаила Федорова «Леший» – глубокое и серьезное раздумье о жизни родного народа, выраженное через полукочевническую историю «встречи» суверенного бедного крестьянина с лешим и его злоключений (приключений) ночью в зимнем лесу».

II. Баллада – небольшое сюжетное стихотворение, в основе которого чаще всего лежит какой-то необычайный случай; многие баллады связаны с

историческими событиями или преданиями (Баллада о Робин Гуде, «Песнь о вещем Олеге» А. Пушкина), с фантастическими, таинственными происшествиями «Светлана», «Людмила» В. Жуковского.

Балладный сюжет строится на событии встречи между двумя мирами, «здешним», земным и «иным», «потусторонним» («царство мертвых»). В балладе границу миров переходит персонаж потустороннего мира, вступая в контакт с героем, принадлежащим миру «здешнему», и заканчивается такая встреча для последнего не победой и преображением, а катастрофой. «Земной» герой может погибнуть или навсегда лишиться душевной гармонии, может произойти и нечто необратимое и губительное и для «пришельца» из «иного» мира либо для обоих участников «встречи».

Персонажами из «иного» мира могут быть демонические существа, обитающие в природе и несущие смерть путникам («Лесной царь» И.В. Гёте, «Морская царевна» Лермонтова). Персонажи этого типа могут являться в балладе лишь в виде «голоса» природной стихии («Доника» Р. Саути).

Особую роль в сюжете баллады играет диалог между персонажами: он служит основной формой контакта между мирами. Диалог представителей «здешнего» и «потустороннего» миров демонстрирует движение сюжета от начала «встречи» к ее катастрофическому завершению. При этом реплики строятся по принципу нарастания цепочки вопросов и ответов: каждая пара реплик все больше приближает к разрушению и гибели или к узнаванию страшной истины.

Поэма – один из видов лиро-эпического жанра. Основными чертами ее являются наличие развернутого сюжета и вместе с тем широкое развитие образа лирического героя, активно включающегося, помимо сюжета, в характеристики персонажей, оценивающего их, как бы принимающего участие в их судьбе.

III. В последнее время в чувашском литературоведении все более укрепляется мысль о том, что «Леший» М.Ф. Федорова по жанру ближе к поэме, чем к балладе.

IV. Произведение Михаила Федорова «Леший» переведено на русский язык М.Я. Сироткиным (автор книги «Очерки дореволюционной чувашской литературы»), поэтами Н. Евстафьевым и А. Смолиным.

V. В 1863 – 1871 гг. Н.А. Некрасов создает поэму «Кому на Руси жить хорошо».

VI. Произведение Михаила Федорова «Леший» на русский язык перевели М. Сироткин, Н. Евстафьев, А. Смолин.

Глоссарий. Баллада (от франц. *ballade* – танцевальная песня) – повествовательная песня (или стихотворение) с драматическим развитием сюжета, основой которого является необычный случай, один из видов лиро-эпической поэзии. В основе баллады – необычная история, отражающая

*Урнă йьтă Михетер
Хай саламат йăтрĕ те
Тьпăнчĕске тулама*

*Сĕнеймерĕс тăшманне.
Ашпĕ сирĕ хай хĕрнех,
Таван сирĕ таванах.*

Тăхтаман мăшкăльне чăтса пурăнма Нарспи пĕрре те çамăл мар, анчах сумра Сентти пурри апа йăпатать:

*Сенттипе сĕс калаçса,
Хай хуйхине пусарать.
Чиер ача Сентти пур,*

*Инкĕш патне йăтăлать,
Хайĕн пĕчĕк чĕлхиле
Инкĕшне вăл йăпатать.*

Нарспи, сирĕп йăркепе ситеннĕ хĕр, вилĕм пирки пуглать:

*Мĕншĕн кунтан килччен
Симерĕм-ши пуçма?
Пĕтес мар-ши пуçампа?
Епле тусе пурăнас?*

*Сук, пуçма сийлччен
Тăшманăма пĕгерем,
Асапанса тусиччен
Тăхтамана...вĕлерем.*

Çапла, Нарспи ирĕклĕх шыраса турă умĕнче сылăха кĕрет, сынна вĕлерет.

Поэма пуçламăшĕнче çут çанталăк илемĕ пирки вуласа киленнĕ ўкерчĕк те часах хаярланать: «тĕтĕм вăрман ўхĕрет», «хура пĕлĕт пĕвĕт», «ярать сирĕм сĕр сурсах», «пĕтĕм тĕнче кисренет». Çут çанталăкра пулса иртекен çил-тăман Нарспи чунне те тулать:

*Ах, сылăхлă пуçма
Аста чиксе хурам-ши?
Ах, сылăхлă чунăма
Епле тусе чарам-ши?
Арман чулĕ айĕнче*

*Мĕскĕн чĕре сурăлать.
Мĕскĕн самрăк пуçма
Пĕр телей те ямарăн.
Пĕтĕм тĕнче хушшинче
Эсĕ пултăн ыглашши.*

Савнă Сетнерĕ вилнĕ хыççан Нарспишĕн сĕр тавăр пек туйăнать, юратнă сынни çут тĕнчере сукки апа хай талăх-турат тăрса юлнине туйтарать.

Нарспине Сетнер евĕр сыва кăмăллă сынсене хайсем пурăнас тенĕ пек пурăнма ирĕк сук. Тан мар кĕрешĕре Нарспин пĕтме тивет. Курайми пулса ситнĕ тĕнчерен уйрăлса кайнă чухне те пулин вăл апа хирĕçлет, асап кунĕ ял тьпкăнĕнчен тухса кайса Нарспи ирĕклĕ уй-хир варринче вилет.

II. Поэмăри çут çанталăк илемне А. Островскин «Гроза» пьесинчи малтанхи йĕркесем тата уçамлăрах уса панă тейĕн. Драматург Кулигин монологне акă еплерех сăмахсемпе пуçласа ярат: «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...» Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! ... Пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу, и все наглядеться не могу. Пригляделись вы, какая красота в природе разлита».

Катеринан хĕр чухнехи пурнăçĕ пирки те çавнах калама пулать: «Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Встану я, бывало, рано; коли летом, так

схожу на клочок, умоюсь, принесу с собою водицы и все, все цветы в доме полью. Потом пойдем с маменькой в церковь... А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а сграницы станут рассказывать. Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было!»

Калиновара та укçапа влаç пĕр ретре тăраççĕ, çакна эфир геройсен калаçăвне итленĕ май палăртма пултарапăр:

«Кулигин. Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой норы!

Бульвар сделали, а не гуляют. Бедным гулять некогда, у них день и ночь забота. И спят-то всего часа три в сутки. А богатые-то что делают? У всех давно ворота заперты и собаки спущены. И не от воров они запираются, а чтоб люди не видели, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят. И что слез льется за этими запорами, невидимых и неслышимых! Семья, говорят, дело тайное, секретное! Да и что за секрет. Ограбить сирот, родственников, племянников, заколотить домашних так, чтобы ни об чем, что он там творит, пикнуть не смели».

Чăнах та, Кабанихана пĕрре те килтисем сине кăшкăрнине асăрмастпăр темелле, анчах вăл мăкăртатни, кашнине айăплама сăлтав шырани куç кĕретех. Авланса сĕмĕ çавăрнă бивăльне те хайне пăхăнма вĕрентнĕ, Тихона мăшăрĕпе мĕнле пулмаллине вĕрентсе хушать: **«Кабанова.** Что ты нюни-то распустил? Ну, какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого! Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Али, по-вашему, закон ничего не значит?» Е тага: **«Кабанова.** Ну, ну, приказывай! Чтоб я слышала, что ты ей приказываешь! Скажи, чтоб не грубила свекрови. Чтоб почитала свекровь, как родную мать. Чтоб сложа ручки не сидела, как барыня. Чтоб в окна глаз не пялила».

Кабаниха чунсăрлăхне пулах килтисем те улшăнаççĕ. Пурнăç вĕсене амăшне пăхăнса тăрса икĕ питлĕ пурăнма вĕрентнĕ. Пĕр енчен илсен Варварăпа Тихон йăваш, амăш сăмахĕнчен иртеймен пек кураçаççĕ. Тепĕр енчен пăхсан хайсен мĕнле пурăнас килет, çавăн пек пурăнма тăраçаççĕ. Катерина та çак килте мĕлке евĕр сĕс сÿрет, апа кунта нимĕн те савантармасть, саванпах пулĕ вăл ирĕклĕхе туртăнать: «Отчего люди не летают так, как птицы. Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на

горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела».

Катерина Кабаниха килёнче хайне апланакан сукран сёне туйам аварне кёрсе ўкет. Паллах, Катерина тўре чунлă сăнар, саванпа та упăшкине асра улталасси те уншăн питё пысăк сылăх шутланать. Саванпах упăшки умёнчи тивёспе сёне туйам хушшинчи кёрешу унăн шăпине хуçать: «Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон! Грешна я перед богом и перед вами! Не я ли клялась тебе, что не взгляну ни на кого без тебя! Помнишь! А знаешь ли, что я, беспутная, без тебя делала. В первую же ночь я ушла из дому...»

Пёртен – пёр Борис унăн юратăвне хаклама пултаракан сын пек туйанать апа. «Возьми меня с собой отсюда» - тилмёрсе ыйтать Катерина. Анчах Борис унсăрах кайма шутлани Катеринăн чунне пушатса хăварать. Бориспа Катерина расна чунлă пулни сак сăмахсенче те палăраççе: «Только одного и надо просить у бога, чтоб она умерла поскорее, чтобы ей не мучиться долго! Прощай!»

Самраç хёр араç ирёлё туйам пирки шутлани калăхах пулчё, апла пулин те чун сирёплёхёе палăрса тăракан Катерина вилём сунле суйласа илсе «телейлё, таса туйамлă, саванăслă» пурнаçпа пуранма шутланине катартрё. Вилессе те хайне асаплантарнă сунсем хушшинче мар, вёсёсёр-хёрсёр юхакан шыва сиксе вилет: «Да уж измучилась я! Долго ль еще мне мучиться!.. Для чего мне теперь жить, ну для чего? Ничего мне не надо, ничего мне не мило, и свет божий не мил! Домой иди. Нет, мне что домой, что в могилу – все равно. Да, что домой, что в могилу!.. что в могилу! В могиле лучше».

Борис та Катеринăн юратăвне хаклама пёлмерё, апа сак сёр синче тыгса тăракан нимён те, никам та сук, унăн пурнаç тёллевё те малашне мёнле пуласси паллă мар. Семьере ача пулнă пулсан Катерина уншăн пуранёччё пулинех: «Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать – ангелы ведь это».

Нарспице Катеринăна вилём шăтăкне тёртсе яраканни сав вăхăтри самана пулчё. Юратусăр, юратнă сунсăр тёнче хёсёк те тавăр иккен. Сав саманари йăла-йёркесемпе килёшменнине палăртса вёсем пукле вилёмпе вилчёс.

И.В. Власова,

47-мёш номерлё вăтам шкул,

Шупашикар хули

ВЫРĂС ШКУЛЁСЕНЧИ ЧĂВАШ ЧЁЛХИ УРОКЁСЕНЧЕ ВĂЙĂ МЕЛЁПЕ УСĂ КУРАССИ

Вайă – ачасене вёренме илёртмелли, чёлхе материалне сирёплетмелли, тёрлё енлён аталантармалли паха та тухăслă мел. Вайăра вёренкенсен ас-тăнё туптанать, тавракурăмё аталанать, сывлăхё сирёплетет, вёсем ушкăнпа ёсleme ханăхаççе. Саванпа вёрентекенсем уроксенче унпа час-часах усă кураççе. Эпё те, вырăс ачисене чăваш чёлхине вёрентнё май, хаман ёсре вайă мелёпе анлă усă куратăп. Вăл вёренкенсене таван мар чёлхене юратса вёренме пулăшать, вёсен пулплевне аталантарать. Паллах, урокра вылякан вайăсене урок темипе сыхантаратăп. Сапла туни сёне темăпа паллашма та, вёреннине аса илсе сирёплетме те меллё.

Фонетика пайне вёреннё чух вайăсем сасăсене тупса уйăрассипе сыханнă. Акă, тёслёхрен, «Мёнле сасă пуранать?» вайă ачасене сăмахри сасăсен ретне илтме вёрентет. Вёсен вёрентекен калакан сăмахсенче е катарнă ўкерчёк ячёсенче пуçламăш (иккёмёш, виçсемёш... е юлашки) вырăнта «пуранакан» сасăсене уйăрса илмелле. «Сăмах пуçтар» вайă ачасен тимлёхне ўстерет: вёрентекен сăмахри сасăсене пёр-пёрин хыçсан йёркипе калать (тёслёхрен, «п, у, к, а, н, е»), ачасен сак сасăсенчен тăракан сăмаха пёлмелле («пукане»). Ку вайăа тепёр тёрлё те выляма пулать. Вёрентекен катарнă ўкерчёк ячёсенчи пёрремёш сасăсене пуçтарса тепёр сăмах тупмалла (акă, «каван», «ёне», «нăра», «енчёк», «качака», «ещёк» ўкерчёксемпе «кёнеке» сăмах пулать). Саван пекех сăмахри иккёмёш, виçсемёш ... е юлашки сасăсемпе те усă курма пулать.

Вырăс шкулёнче чăваш чёлхи вёрентнё чух ачасен лекскине пуянлатасси тёп вырăн йышанать. Ку ёсе пулплев пайёсем вёреннё чух ыглахах тумалла. «Япала ячёсем» темăпа паллашнă уроксенче темиçе тёрлё вайă ирттерме пулать. Акă, «Мён чупать? Мён сикет? Мён вёсет?» вайă вылянă чух ачасем чёр чунсен, кайăксен, хурт-кашпакансен ячёсене лайăхрах ас туса юлаççе. Йывăç, сырла е ыпти ўсен-тăран ячёсене вёреннё чух «Кам ытлахах пелет?» вайă ирттерме пулать. Ачасем икё е виçё ушкăна пайланса ўсен-тăран ячёсене доска сине тухса сыраççе; кам ытлахах сырать – сав сёнтерет. «Асамлă чечек» вайăа «Паллă ячёсем» е «Ёс-хёл» темăсене вёреннё чух усă курма пулать. Чечек варринче пёр сăмах сырнă, ачасен чечек сёски сине сак сăмаха анлантаракан паллă ячёсене (е ёс-хёлсене) сырса тухмалла. Ку вайăсем, палах, ачасене чăваш сăмахёсен йышне те, аставайме те ўстерме пулăшаççе.

Сыханулла пуплеве аталантарма «Юр чăмăррки» вайă пите лайăх. Ана кирек мѐнле темăпа та уса курма пулат. Асанна темăпа вѐрентекен пѐр предложени калать. Пѐр ачи сак предложени тепѐр хут калать тата хай пѐр предложени хушать; тепѐр ачи – малтан илтнѐ икѐ предложенине калать тата хай пѐр предложени хушать... Сапла майпа, пѐр-пѐрин хыссан каласа, кашни пѐрер предложени хушса вѐсем калав тăващѐ.

Кирек мѐнле вайă та вѐренекене материалпа интересленме хистет. Вайă выляса аша хывна чѐлхе материалѐ ачан ас-таннече нумайлаха сирѐплесе юлат. Вѐренту вайисемсѐр пусне урокра хусканулла вайасене кѐртме пулат. Вѐсене хускану саманчѐсем вăхатнече ирттермелле. Хускану вайисем ыванна чух канма, сывлаха сирѐплетме пулашасщѐ. Ачасен шухашлавѐ уссе пына май вайан тѐллевѐсем те каткăсланащѐ. «Вайă шухашлавла ѐс, вайари саванас пултарула х саванасщѐ, сѐнгеру саванасщѐ пулмалла. Ача вайара шухашлат, ѐсене тавать, йыварлахсене сѐнгерет пулсан, сав тери аван. Саван пек вайă пуранма вѐрентет, вал лайах вайă», - тесе сырна А.С. Макаренко хайен педагогика ѐсѐсенче. Саванпа та хальхи вăхатра та, инновациллѐ технологисемпе анла уса курна чух, школсенче вайă мелѐ саралсах пырат. Унпа сѐнѐ темана, вѐренмелли предметан пайне аса хывмалли технологи пек, урок е унан пѐр тапхаре пек (куртем, сѐнѐ тема, вѐреннине сирѐплетни, ханхтару, тѐреслев), класс тулашнечи ѐс технологийѐ пек уса куращѐ.

***В.М. Иванова,**
Сухайкассинчи пѐтѐмѐшле пѐлу паракан ватам школ,
Канаш районѐ
А.Д. Осипова,
Ямашри пѐтѐмѐшле пѐлу паракан ватам школ,
Канаш районѐ*

КОНСТАНТИН ИВАНОВ ПУЛТАРУЛАХѐ ПАЯНХИ ШКУЛ ВѐРЕНТѐВѐНЧЕ

Хайсен пурнаснече халахшан ѐслесе ирттернѐ сынсем пархатарла, ун пек сынсен ячѐсем халах асне ѐмѐрлѐхе кѐрсе юласщѐ, эфир вѐсене яланах юратса тав таватпăр. Пирѐн чăваш халахн сакан пек ѐмѐр тава тивѐслѐ сыннисенчен пѐри вал – Константин Васильевич Иванов – чăваш литератури тупинчи чи малтанхи тата чи шултра сăлтăрѐ, чăваш поэзийн классикѐ. Вал чăваш илемлѐ литературина пусласа яраканѐ. Вѐрену программи сѐнелсе пырат пулин те халах юратса йышанна ѐмѐр кивелми хайлавсем хайсен пѐлтерѐшне сұхатмасщѐ. Унан пурнаснече пултарула хне школта 5, 7, 8, 10-мѐш классенче вѐрентепѐр.

К. Иванов пултарула хне паянхи школта вѐрентесин тѐллевѐ - унан пурнаснече пултарула хне тѐрлѐ енлѐн тишкересси. Тѐп ыйтусем: 1) К.В. Иванов кун-сулѐн аталанавѐпе паллаштарасси; 2) Поэтан литератури ѐсѐ-хѐлне тишкересси; 3) Савасан тѐрлѐ енлѐ пултарула хнече паллаштарасси; 4) К.В. Иванован школ программине кѐртнѐ хайлавсене туллин тишкерсе вѐрентесин.

Паянхи школ вѐрентѐвѐнче чăваш чѐлхипе литератури вѐрентес ѐсри сѐнѐлѐхсем:

- Пѐтѐмѐшле пѐлу паракан структурана сѐнетсе лайахлатасси.
- Элективла курс программисемпе уса курасси.
- Профильлѐ вѐренупе уса курасси.
- Шкул ачисен сывлахне упрама пулашакан технологисене пурнаса кѐртни.
- Сѐнѐ технологисене аван пѐлекен чѐлхеѐ учительсем пурри.
- Вѐрену ѐснече сѐнѐ технологисемпе уса курасси.

Паянхи вѐренѐвѐн чи пысак тѐллевѐсенчен пѐри – ачасен вѐренес камалне устерсе таран пѐлу парасси, урахла каласан, школ ачин пѐлѐвнѐ сѐнѐ сұллѐ шая сѐклесси. Сак тѐллевѐ пурнаслама чăваш чѐлхипе литератури вѐрентес ѐсри сѐнѐлѐхсемпе анла уса курмалли. Вѐрену ѐснече уса курмалли мелсемпе меслетсем тѐрлѐрен. Акă К.В. Иванов пултарула хне 5, 7, 8, 10 классенче вѐрентнѐ май кашни усѐмрех уса курма выранлисене палăртăпăр:

5-мѐш класс	7-мѐш класс	8-мѐш класс	10-мѐш класс
– тестсем	– тестсем	– тестсем	– тестсем
– кросвордсем	– кластер	– кластер	– диспут
– кластер	– синквѐйн	– синквѐйн	(тавлăшу)
– синквѐйн	– проект	– тѐпчев ѐсѐ	– проект
– мини-проект		– саварсен таблици	– синхронла
– танлаштару			таблица
таблици			

Ку мелсемпе К.В. Иванов пурнаснече пултарула хне вѐрентнѐ май уса курма Канаш районнчи Иванова В.М. вѐрентекеннѐ ЧРИО сайтнече <http://gov.cap.ru> чăваш чѐлхипе литератури вѐрентекенсен пултарулла ѐсѐсем пайра туллин паллашма пулат.

Хальхи вăхатра школсенче уроксене ИКТпа тата тѐрлѐ сѐнѐ технологипе ирттересси анла сарална. Халѐ тѐнчене информацие ытписенчен маларах системаласа унран пѐлу илме пѐлекен тытса пынине палăртса: «Кѐнчелепе тѐнче тытайман», – тещѐ.

ИКТпа урокра уса курни вăхата перекетлеме, чылай ѐс тума пулашать. Кѐске хушара пысак калапашла информаци пама май парать. ХХ ѐмѐрте вара инѐт вѐрену мелѐсемпе анла х ѐслесе ачасене тѐнче тетелнече сыхану тытма, школ ачин пѐтѐмѐшле вѐрену шайн пахала хне устерме май парать.

Курамла̄х хатӑрӑсемпе, ҫеӑнӑ аслайсемпе уса курни уроксене витӑмлӑ те илӑртӑллӑрех тума, вӑренекенсен тимлӑхне тата пӑлӑ туртамне устерме пулашаш.

Интернетпа ҫыхӑнӑ педагогика технологийӑсем. Ку ӑҫ формисемпе вӑрентӑ ӑҫенче малтан та уса курнӑ. Юлашки вахӑтра вӑсене Интернетпа ҫыхӑнтарса инҫет вӑрентӑ ӑҫенче анлан уса курма пусларӑҫ.

1. Ментор – хай ӑҫенчи профессионал уйрамман илнӑ ачана аталантарни. Вал вӑренекене школ программипе ҫыхӑнӑ е ун тулашӑнчи ыйтава татса пама пулашаш. Ку ӑҫ форми уйрамах Интернетра ӑҫлеме аван, мӑншӑн тесен электрон почтапа е чат урла ҫыхӑну тытна чухне ачасем хайсене ирӑклӑрех тытаҫҫӑ (менторпа куҫа-куҫан калаҫнӑ чухнехи пек мар). Хуравне ҫав самантрах памалла марри те ачана хай тишкерекен ӑҫ сине тарӑнрах пӑхма май парать.

2. Мӑшӑр вӑрентӑ. Репетици. Ушкӑрни икӑ ача пӑр-пӑрне хайсен ӑҫӑсемпе паллаштарӑҫҫӑ. Вӑсен умӑнче хайне евӑр задача тарать: пӑр-пӑрин ӑҫӑ сине тишкерӑллӑ куҫпа пӑхса, ӑҫӑ хӑтӑленӑ чухне пама пултаракан ыйтусене шута илсе май килнӑ таран ыгларах ыйту парасси. Ку ӑҫ форми ачасене хайсем тӑпчекен материала тарӑнрах ӑнланма пулашаш. Тата унсӑр пуҫне ача ҫын ҫинче калаҫма хӑнӑхаш, хайне шанаслаӑхӑ усет.

Интернетра ҫыру ҫӑретесси. Тӑнче тетелӑнче пӑр-пӑринпе хутшӑнма ачасем аванах хӑнӑхса ҫирӑҫ. Вӑренекенсен Интернет калаҫавӑ тӑлли-паллисӑр ан пултӑр тесен вӑрентекенӑн школ программинчи пӑр-пӑр темӑпа сӑтсе явмалли, тавлашмалли темӑсем сӑнсен аван пулмалла. Ку ӑҫ форми проект тунӑ чухне аван.

Рецензилесси. Икӑ ачаран кашних реферат ҫырат. Вӑсем пӑр-пӑрин ӑҫне тишкерсе тухса рецензилеҫҫӑ. Ӑҫне туса пӑтерсен электрон почтапа хайсен ӑҫӑсемпе рецензисене учители (преподаватели) ярса парӑҫҫӑ. Учитель вӑсене тӑрӑслесе хак парать.

3. Ушкӑнла вӑрентӑ. Диспут – ачасемпе ӑҫлемелли чи активла формӑсенчен пӑри. Вал пурне те хумхантаракан, паянхи кун ҫивӑч таракан ыйтусене сӑтсе явма меллӑ. Диспутсене форумсенче ирттерме аван.

Доклад (презентаци). Он-лайн режимра пӑр-пӑр темӑна туллин уҫса пани. Хальхи вахӑтри режимпа уса курма май килмесен докладчик хайӑн ӑҫне тӑнче тетелӑнчи пӑр-пӑр сайта вырнаҫтарать (школ сайтӑнче баннер тума пулат). «Чӑваш ачисем валли» ягла сайта таратсан аван. Учитель ҫав доклада ӑҫта тупма май пуррине ачасене пӑлтерет. Вӑренекенсем хайсем вуланӑ чухне итленинчен ыгларах аса илсе юлаҫҫӑ.

Проблемӑлла лекцисем. Интернетпа лекцисем ирттересси анла сарӑнла. Чылай инҫет вӑрентӑ учрежденийӑсем ҫак меслетпе ӑҫлеҫҫӑ. Вӑренекенсен умне пӑр-пӑр проблемӑлла ситуаци кӑларса таратмалла. Ачасен ҫавна татса памалла. Кун пек меслетпе ӑҫленӑ чухне ачана итлеме, танлаштарма, кирлине палӑртма, пӑтӑмлетме меллӑ.

Экспертсемпе тӑл пулни. Инҫет вӑрентӑ шайӑнче проблемӑлла вӑрентӑ тата проект мелӑсемпе уса курнӑ май хай ӑҫенчи ҫӑн ачасемпе тӑл пулу ирттерни вырӑнла. К.В. Иванов пурнӑҫпе пултарула̄хне тишкернӑ, тӑпченӑ, пособисемпе кӑнекесем кӑларнӑ авторсемпе, аҫчахсемпе, унерҫӑсемпе он-лайн режимра тӑл пулу ирттерсен аван. Вӑсем ачасен ыйтавӑсем сине хуравлӑҫ, асталӑх урокӑсем ирттерӑҫ. Ку ӑҫе форумра та, электрон почта урла та, он-лайн режимра тума пулат.

Индивидуалла вӑрентӑ	Мӑшӑр вӑрентӑ	Ушкӑнла вӑрентӑ
1. <u>Ментор мелӑ</u> Электрон почтипе янӑ ӑҫсене ача хай тӑлпӑн тавап. Тӑслӑхрен: К.В. Иванов ҫуралӑнранпа 120 ҫул ҫиттине халатланӑ интернет-олимпиада хатӑрленнӑ май ирттермелли тӑслӑх ӑҫсем: 1) «Нарспи» поэма тарӑх панӑ ӑҫсене пурнӑҫласси; 2) К.В.Иванов пурнӑҫпе пултарула̄хӑ тарӑх вӑренекен хай тест ӑҫӑсем хатӑрлет	1. <u>Репетици</u> 2. <u>Интернетра ҫыру ҫӑретесси</u> а) Эпӑ Нарспи вырӑнӑнче пулӑ пулсан... ӑ) Эпӑ Сетнер вырӑнӑнче пулӑ пулсан... б) Михетере эсир мӑнле ыйшӑнатӑр? 3. <u>Рецензилени</u> «Ҫакӑ ҫутӑ тӑнчере...» «Нарспи» поэмӑри сӑнарсем» «К.В. Ивановӑн тӑрлӑ енлӑ пултарула̄хӑ»	1. <u>Диспут</u> а) «Хальхи вахӑтри Нарспи» ӑ) «Уҫа пулсан мул та пур, унтан урӑх мӑн кирлӑ?» 2. <u>Доклад</u> а) К.В. Иванов – куҫаруҫӑ ӑ) «Нарспи» поэмӑна хӑҫан ҫырнӑ? 3. <u>Проблемӑлла лекци</u> а) К.В. Иванов хайлавӑсенчи тӑп темӑсемпе мотивсем ӑ) «Нарспи» поэмӑн чӑваш искусствинчи пӑлтерӑшӑ 4. <u>Хаклавӑсемпе</u> (экспертсемпе) тӑл пулу

К.В. Иванов пултарула̄хӑн тӑрлӑ енлӑхне кӑтартакан экран хатӑрӑсем (слайдсем) вара вӑренекенсен ӑнӑнче сӑваҫӑ ҫӑн-ҫӑн пултарулла ҫын пулнине ҫирӑплетме вырӑнла тата курамла. Ҫавна май кашни ачана пур енлӑн аталанма, пурнӑҫри вырӑнне тӑрӑҫ шыраса тупма хавхалантарӑҫҫӑ. Вӑренекенсем курамла̄х хатӑрӑсемпе уса курса илнӑ информаци хак парӑҫҫӑ, тивӑҫлӑ пӑтӑмлетӑсем тума вӑренеҫҫӑ. Ачасен хастарла̄хӑ, граждандла̄х туйӑмӑ те вӑйланаш.

Техника хатӑрӑсемпе уса курса «Нарспи» телепоэмӑн сыпӑкӑсене кӑтартни (режиссӑрӑ – Вячеслав Оринов; вылякансем – Ҫеҫпӑл Мишши яҫӑпе хисепленекен чӑваш ҫамрӑкӑсен театрӑн артисӑсем) вӑренекенсене литература ҫӑлхин илемне туйса, ӑнланса аса хывма хавхалантараш. Вӑрентӑ ӑҫӑ ҫӑнелсе, аталанса пинаҫемӑн вӑренекенсене курамла̄х хатӑрӑсемпе те, ҫеӑнӑ аслайсемпе те анла̄рах уса курма вӑрентмелле. Ачасен вӑренес кӑмӑлне ИКТпа уса курса устересси – паянхи вӑренӑвӑн чи пыҫӑк тӑллевӑсенчен пӑри. Паянхи кун кашни ача урокра компьютерпа ӑҫлеме пултараш. Ҫавӑнпа ИКТпа чӑваш литератури урокӑнче те анла̄рах уса курмалла.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА

*В.И. Савинов,
Аппарат Совета Федерации ФСРФ,
г. Москва*

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Культура российского общества, безусловно, является стержнем и многомерным фактором основных социальных процессов, прежде всего, интеграции, идентификации, институционализации и социальной коммуникации. Само пространство культуры охватывает все жизненные элементы общества – в широком диапазоне от политической и правовой до экологической и спортивной деятельности. Культура служит средством социологической оценки состояний, ресурсов развития общества. При этом социум служит инструментом понимания потенциала культуры и ее развития. Рассматривая культуру как совокупность образцов, норм, ценностей и артефактов, необходимо понимать, что в социальном пространстве культура существенно меняет свою природу. Как отмечено многими исследователями, она превращается в разнообразное творчество предметного внеприродного мира, а институты и процессы культуры наполняются ценностным содержанием. По мнению О.Н. Астафьевой, «обсуждение стратегий и моделей культурной политики не может идти вне понимания сложности контекста происходящих изменений. На наш взгляд, в настоящее время его формируют расширяющиеся глобализационные тенденции, а также процессы информатизации и виртуализации, связанные с интенсивно развивающимися информационно-коммуникативными системами» [1].

Таким образом, появляются черты новых форм в культурных процессах. Прежде всего, следует отметить транснациональный характер современной культуры, который очевиден в присвоении и усвоении норм, образцов и ценностей иной (зачастую трактуемой как «чужой») культуры. Межкультурный и мультикультурный процессы также дополняются механизмами транснационализации культуры. Одним из факторов, придающий этому процессу плотность и масштабы, является все расширяющийся поток мигрантов. Поэтому его включение в новую социокультурную среду предполагает поначалу процесс адаптации, а в перспективе может привести к двум базовым вариантам – интеграции или ассимиляции. Дело в том, что самоидентификация личности иммигранта зачастую включает наряду со своей жизненной историей, воспоминания, связанные с местностью прежнего проживания, ощущения своей

принадлежности к своей нации, языку, традициям. Социальная и культурная ассимиляция сегодня уже не рассматриваются как единственный вариант стабилизации социокультурной ситуации и единственный путь адаптации человека к новой жизненной ситуации. Исследователи все чаще говорят о формировании у многих людей, так называемой, «множественной идентичности». Современный человек учится межкультурному диалогу, проживанию в мультикультурной среде. Одним словом, ощущать себя «своим» в разных культурах.

Не менее интересной и актуальной для социокультурных исследований является проблема трансформации культур. К примеру, сегодня не исключается сценарий, когда локальные субкультуры, возникшие в отдельной стране (обществе), имеет потенциальную возможность превращаться в глобальные. При этом глобализация субкультур распространяется не только на молодежь (музыкальные фанаты, байкеры, тинэйджеры), но и на другие возрастные поколения (новые религиозные движения, любителей ретро автомобилей и т.п.). В целом, меняется представление об иерархии культурных ценностей. Новые культурные практики потребления динамизируют инновационные тренды, существенным образом изменяя транслируемые традиции, унифицируют поведение людей, прежде всего, как потребителей. Доступность новых культурных образцов оказала, в соответствии с концепцией Норберта Элиаса [2], формирующее воздействие на структуру социального, экономического и повседневного действия.

В третьем тысячелетии, когда развитие информационной инфраструктуры и расширения институтов коммуникации достигли своего небывалого до этого разнообразия и плотности, вопрос о роли государства как субъекта управления вновь переместился в центр исследовательских интересов. Демократические тенденции и формирование институтов гражданского общества не исключает, но напротив, предполагает создание новых концепций (а затем и государственных программ) культурной и информационной политики, а также необходимое систематическое финансирование для возможности участия государства как равноправного партнера в конкурентной социокультурной среде. Соглашаясь с мнением О.Н. Астафьевой, В.К. Егорова, В.В. Козловским и др. исследователями, придерживающимися близкой позиции, что на современном этапе государство несет ответственность не только за возможности реализации каждым человеком прав в культуре, но и берет на себя обязательства за качественное наполнение информационного пространства, за проведение позитивных культурных практик, обеспечивающих условия для национально-культурной (коллективной) и гражданской идентичности. Таким образом, проведение определенной культурной политики и дальнейшее совершенствование механизмов ее реализации во многом зависит от

КАЗАНЬ В ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ КНИГИ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Поволжские города в истории чувашского литературного языка (дооктябрьский период)», проект № 09-04-22408 а.В.

ценностно-смысловых ориентиров, задаваемых государством как субъектом культурной политики, от выбора им ролевой модели. В этом проявляется то, как в обществе понимается роль и возможности культуры. Рассматривается ли культура как фактор, ускоряющий социальные преобразования и способствующая расширению горизонтов человеческой свободы, обеспечивает ли она новое видение сущности человека и мира, новые прочтение ценностей и смыслов человеческой жизни в интенсивно изменяющемся мире. В этой связи необходимо подчеркнуть, что концепции и модели культурной политики весьма подвижны, поэтому государство, будучи «социальным институтом больших (зачастую долгосрочных) проектов», для реализации определенной программы и достижения конкретных целей использует различные механизмы, выступая иногда в роли заказчика.

Таким образом, в условиях становления гражданского общества, демократизации всех общественных институтов, государство не устраняется от организационно-управленческой функции координатора социокультурных процессов. Прежде всего потому, что власть направляет свои усилия для поддержания пространства лояльности и толерантности, обеспечения равных прав разным субъектам для культурно-идеологического взаимодействия. Государство посредством механизмов стратегического управления социокультурного регулирования поддерживает позитивные самоорганизационные проявления в обществе и обеспечивает условия для коммуникации разных субъектов, выдвигающих альтернативные ценности, идеи, концепции. Возможность диалога видится только на принципах партнерства, согласования частных интересов с общенациональными интересами. Снижение управляющей роли государства, фактически, переход к коммуникативной модели культурной политики в условиях транснационализации способствует сохранению целостности культурного пространства. Противоречивый характер транснационализации, которая на ранних этапах способна провоцировать обострение межцивилизационных, этнокультурных, межконфессиональных конфликтов, выражающихся даже в открытых столкновениях, может быть «смягчен» только усилиями такого субъекта управления как государство, более всех заинтересованного в сохранении целостности страны и ее суверенитета.

Литература

1. Астафьева О.Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном / О.Н. Астафьева // Знание. Умение. Понимание. - 2008. - № 3-4.

2. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. / Н. Элиас. - СПб.: Университетская книга, 2001.

В современной науке существует ошибочное восприятие чувашской культуры в качестве исключительно сельской. Между тем чувашскому этносу уже на рубеже XIX–XX вв. были известны явления, которые могли быть реализованы только в условиях крупного города. В частности, таковым следует признать книгоиздание. К настоящему времени чувашской исторической библиографией учтено 1216 старых книг, из которых местонахождение примерно 130 названий не установлено¹. Обращение к электронному сводному каталогу русской книги XIX в. значительно расширило перечень библиографических документов – «новых» чувашских изданий выявлено более сорока [16].

Первые чувашские книги датируются серединой XVIII в. и отмечены столичным статусом. Санкт-Петербург и Москва в условиях недостаточной местной полиграфической промышленности развивали национальное книгоиздание. Типографии за пределами столиц появились достаточно поздно. Так, первое полиграфическое предприятие в Нижнем Новгороде было основано лишь в 1791 г. [5], а в Казани – в 1807 г. [12. С. 443]. И таким образом чувашские книги, подготовленные силами нижегородских и казанских ученых, священнослужителей, могли быть изданы только в Петербурге и Москве. Количество таких изданий невелико: ретроспективный указатель содержит сведения о 14 документах [1; 5–10; 12; 14–18; 20 в: 20]. Перечисленные документы квалифицируются в качестве единиц русского пласта чувашской книги. Исключение составляют два названия: «Краткий катехизис...» (1800) и «Пичиксе катехизис...» (1804 г. и последующих лет издания) с параллельными чувашскими и русскими текстами. Наличие чувашского текста позволило «Краткий катехизис...» 1800 г. издания первой собственно чувашской книгой. Оригинальный экземпляр книги хранится в Научной библиотеке Марийского научно-исследовательского института.

¹ Подсчеты проводились по: 21. В реестре указателя содержится 1224 названия. Однако реальное количество книг 1216. Под номером 582 значится два документа, счет с 839 позиции перескакивает на 849.

Становление местной полиграфической промышленности, возможность сотрудничества издателей и авторов, наличие специалистов по местным культурам обусловили становление нерусской национальной книги в условиях провинции. В то же время московские издания активны еще до середины XIX в. В чувашской истории на рубеже XIX–XX вв. важное значение имели губернские центры метрополии – Казань и Симбирск. Именно в этих городах происходило становление современной чувашской письменной культуры в широком смысле. Казанские чувашские книги начинают появляться с 1820 г. и постепенно вытесняют столичные издания. Первой такой книгой стало четвероевангелие «Святой Евангелъ Матфей ран, Марк ран, Лука ран, Иоанн ран да чуваш чильге сине савырзы хоны Хозан холары архиерей пыгагган черггю таврашсамба...» (Казань, 1820). В описании источников того времени, Казань – это губернский город Казанской губернии в 790 верстах от Москвы и в 1457 верстах от Санкт-Петербурга. По числу населения Казань занимает восьмое место в России; по сведениям за 1893 г., в городе насчитывалось 125889 душ. Господствующая народность – великороссияне: они составляют 83 % всего числа жителей; затем следуют татары – 11,5 %. Мещане составляют 37,5 % населения, крестьяне – около 23 %, военное сословие – 19 %, ремесленники – 6 %, купцы 4,3 %, почетные граждане – 1,3 %, дворяне потомственные и личные – по 2,3 %. Православных около 4/5 всего населения, магометан – около 1/10 (менее чем татар, частью уже крещеных); довольно много раскольников. Учебных заведений 102, в том числе три высших и 14 средних: духовная академия, духовная семинария, мужское и женское духовные училища, центральная крещено-татарская школа; университет, ветеринарный институт, три мужские и три женские (из них одна частная) гимназии: реальное училище, учительский институт, учительская семинария, татарская учительская школа, городское 4-классное и Александровское ремесленное училища, училище глухонемых; пехотное юнкерское училище; Родионовский институт для благородных девиц; приюты Николаевский, Александровский, Юнусовский мусульманский; училище слепых. Ученые общества: 1) общество врачей (в 1892 г. 40 членов); 2) общество археологии, истории и этнографии (184 члена); имеет свой музей, с предметами болгарской культуры, издает «Известия Общества археологии, истории и этнографии» при Императорском Казанском университете и др. 26 библиотек с 367391 томами, в том числе в библиотеках при Императорском университете 221270 томов [3].

Казань достигает такого высокого уровня развития потому, что уже с середины XVI в. осмысливается как центр инородческого Поволжья. И не случайно три четверти чувашских книг были изданы именно в этом городе (см. таблицу соотношение чувашских книг по месту издания).

Место издания	Количество книг	Доля, в процентах
Казань	550	75,86
Симбирск	139	19,17

Место издания	Количество книг	Доля, в процентах
Иные населенные пункты	36	4,96
Итого	725	100

Издающими организациями в Казани выступали типо(лито)графии К.А. Тилли, Коковиной, М.А. Гладышевой, В.М. Ключникова, А.А. Родионова, Г.М. Вечеслава, М.А. Черновой, И.Н. Харитоновой, А.М. Петрова, Казанского биржевого листка, Коммистонерства общества врачей, Губернская и Университетская типография и некоторые др. Значительно уступает казанским показателям Симбирск. Этот губернский город как чувашский издательский центр отмечается книгой «Священная история Ветхого и Нового завета» лишь в 1876 г. На долю Симбирска приходится чуть менее 20 процентов всех изданных чувашских книг. Репертуар симбирской книги сводится преимущественно к учебной литературе. Поскольку просветитель И.Я. Яковлев ко всему прочему именно здесь занимался переводами богослужебной литературы, постольку итоговые труды православной тематики также издавались в этом городе, см., например: «Новый завет Господа Нашего Иисуса Христа» (1911).

Значение других городов в чувашском книгоиздании минимальное. Поскольку в подчиненных Самаре, Уфе, Оренбургу губерниях проживало чувашское население, эти города так или иначе принимали участие в чувашской жизни. Самарский епархиальный комитет Православного миссионерского общества выступил инициатором издания серии житийной литературы на чувашском языке [21. С. 94]. Утверждение, что чувашские книги в период до 1918 г. издавались также в Самаре [10. С. 92], ошибочно. Такое заключение, видимо, обусловлено тем, что часть книг в сведениях об ответственности содержит указание на Самарский епархиальный комитет Православного миссионерского общества (см., к примеру, пункты 470, 471, 491–497 в: 21). При этом книги издавались в других городах, преимущественно в Казани и Симбирске. Кроме того, имеется чувашская книга с названным урбонимом: «Поучение об истинной вере Гурия, епископа Самарского» [13]. В Оренбурге была издана книга на татарском языке «Чувашлар» (Чуваши), местонахождение которой еще не установлено [20]. В Уфе успешно работал чувашский писатель Г.И. Комиссаров, сотрудничавший с «Уфимскими губернскими ведомостями», «Вестником Оренбургского учебного округа» и издательствами губернского центра [6. С. 187–189; 8; 9]. Среди иных населенных пунктов, выступивших издателями чувашской книги, можно отметить Вятку [19], Рязань [2], Алатырь [1], Козьмодемьянск [17; 18 и др.], Киев [7]. Данный пласт представлен чаще деловыми и значительно реже научными книгами чувашской тематики на русском языке. Иногда издающие организации располагались также в сельском населенном

пункте, например, в с. Шокино (современного Воротынского района Нижегородской области?) [4].

Традиционно отдавая должное Симбирску как колыбели современной чувашской письменной культуры, не стоит забывать о вкладе Казани в «чувашское дело». Совершенно заслуженно большинство чувашских изданий дооктябрьского периода в равной степени могут быть определены как казанские.

Литература

1. Алатырское земское уездное собрание. Журналы Алатырского уездного земского собрания Симбирской губернии 1885 года. – Алатырь: Тип. В.И. Дублицкого, 1886. – VII, 246 с.
2. Алатырское земское уездное собрание. Журналы Алатырского уездного земского собрания Симбирской губернии 1880 года. – Рязань: Тип. З.П. Поздняковой, 1881. – VIII, 303 с.
3. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Режим доступа: // <http://www.booksite.ru/fulltext/bro/kga/brokef/1/1903.htm>.
4. Глазная хирургическая лечебница им. Л.А. Таланцевой (Ядрин): устав частной глазной и хирургической лечебницы имени Любови Алексеевны Таланцевой, учрежденной в гор. Ядрине Казанской губернии Николаем Михайловичем Таланцевым: [утв. 20 дек. 1912 г.]. – Шокино: б. и., 1913. – 12 с.
5. Заведение в Нижнем Новгороде типографии // Нижегородский край: хрестоматия: (история в документах с древнейших времен до 1917 года) / Арзамас. гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара. – Арзамас, 2001. – С. 143.
6. Исследователи чувашского края: библиограф. указатель / сост. Э. Г. Николаева, Н. Д. Никитина; Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2002. – 256 с.
7. Колосов Н. Бодрая школа: [40 лет чуваш. учит. пк. в Симбирске] / Н. Колосов. – Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1909. – 11 с.
8. Комиссаров Г.И. Чувашский саламалыник / Г.И. Комиссаров. – Уфа: Типолитограф. Ф.Г. Соловьева и К^о, 1914. – 4 с.
9. Кондратьев А.А. Гурий Комиссаров в Уфе / А.А. Кондратьев // Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. – Уфа, 1999. – С. 3–24.
10. Краснов Н.Г. Братство святителя Гурия / Н.Г. Краснов // Крайняя чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2001. – С. 92.
11. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892 / составил главным образом на основании официальных источников член и делопроизводитель Совета Братства проф. Академии Михаил Машанов. – Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1892. – 256 с.
12. Полиграфическое производство // Татарская энциклопедия. – Казань, 1999. – С. 443–444.
13. Поучение об истинной вере Гурия, епископа Самарского = Чан тён синчен Самарти архиерей Гурий каласа вѣрепнѣ сѣмах. – 2-е изд. – Симбирск: Типолитограф. А.Т. Токарева, 1897. – 16 с.
14. Сводный каталог русской книги XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://85.90.96.20/WebModule1/showpage?url=tml/classicalInterface/about.html>.

15. Фомин Э.В. Чувашская книга дооктябрьского периода: новые названия / Э.В. Фомин // Культура Поволжья: традиции и современность: материалы межрегион. науч.-практич. конф., Чебоксары, 15 марта 2008 г. – Чебоксары, 2008. – С. 79–84.

16. Чебоксарская уездная земская Управа. Отчеты Чебоксарской уездной земской Управы хозяйственный и денежный за 1899 год с приложениями. – Козьмодемьянск: Тип. Г. П. Зубкова, 1900. – 315 с.

17. Чебоксарский уезд. Сметы доходов и расходов на уездные земские потребности Чебоксарского уезда на 1900 год. – Козьмодемьянск, 1900. – 187 с.

18. Чебоксарское уездное земское собрание. Постановления Чебоксарского уездного земского собрания, состоявшегося в одиннадцатом очередном заседании (с 4-го по 8 октября 1875 года), с приложением смет доходов, расходов и росписи на 1876 год. – Вятка: Печатня Красовского, 1876. – 183 с.

19. Чувашлар / изд. братьев Каримовых. – Оренбург, 1911. – 40 с. – На татар. яз.

20. Чувашская книга до 1917 года: репрот. библиогр. указ. лит. – 2-е испр., доп. изд. – Чебоксары, 2001. – 201 с.

*А.Н. Шманова,
КазЭУ имени Т.Рыскулова,
г. Алматы Казахстан*

О ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР КАК ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКОЙ ЗАДАЧЕ

Понятие диалога уже по определению предполагает данность «другого как отличного». Познание другого может быть осуществлено только в диалоге – таков лейтмотив поэтики М.М. Бахтина и его «философии диалога». Понятие Другого означает осознание действующим субъектом другого субъекта как не-себя. Роль диалога, имеющего такое философско-культурологическое содержание, трудно переоценить в жизни человеческого общества. Диалог пронизывает, связывает, проходит красной нитью через сферы бытия homo sapiens: в диалоге встречаются прошлое и настоящее, традиции и инновации, ценностные ориентации и предпочтения поколений, научные, эстетические, морально-нравственные принципы и идеалы. Сам мир, в котором существует человечество, представляет собой диалогический образ. То есть глобалистический характер категории диалога, на наш взгляд, на лицо. С философской точки зрения, диалог мы, вслед за рядом авторов, понимаем как: общение двух субъектов между собой, осуществляемое в единой знаковой форме, на основе объяснения и понимания, и ведущее к возникновению нового знания [1. С. 7]. Завершая философскую вводную часть, считаем важным отметить, что познавательный аспект является доминантной сущностной характеристикой диалога, его движущей силой; основной целью или средством реализации диалогических отношений.

Исходя из вышеизложенного, и лингвометодика как часть современного научного знания, как важный компонент современной образовательной модели не может игнорировать всеохватный, актуальный характер диалога. И надо отдать должное прошлому, настоящему лингвометодической науки: изучению диалога как учебной единицы посвящено множество работ [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13 и др.]. Предваряя наше (лингвометодическое) понимание диалога, хотелось бы вернуться к М.М. Бахтину и особо подчеркнуть, что диалог он характеризовал как «единственную форму отношения к человеку-личности, сохраняющую его свободу и незавершенность: «подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» [14. С. 9, 317]; то есть диалог в этом случае он понимал как «полифонию диалогических речевых отношений, сущность которых заключается в том, что именно в диалоге происходит сочетание нескольких индивидуальных волей» [14]. Как известно, именно это, бахтинское, понимание природы диалога легло в теоретико-методологическую основу такого известного сегодня понятия как «диалог культур». При этом заметим, что обе трактовки диалога, изложенные здесь: 1) наше с философской точки зрения; и 2) М.М. Бахтина как сущностная основа «диалога культур» не противоречат друг другу, напротив, дополняют друг друга и синхронизируются друг с другом.

И теперь, прежде чем повести разговор о *диалоге культур* определимся с лингвометодическим пониманием *диалога*. Впервые о термине *учебный диалог* заговорили в рамках концепций диалогового обучения [8] и традиционно его определяют с тех пор как способ работы с содержанием учебного языкового речевого материала, как средство развития диалогового мышления и речетворческого сознания обучающихся [8. С. 15]. В контексте нашей методической проблематики, связанной с формированием толерантной языковой личности обучающихся, их коммуникативной культуры, учебный диалог мы понимаем как специально организованную учебно-познавательную деятельность в форме лично ориентированного освоения языковой действительности, в которой развивается коммуникативная культура обучающихся на основе активного включения их в лично значимую коммуникативно-познавательную деятельность на изучаемом (неродном) языке.

Данную лингвометодическую трактовку учебного диалога следует обогатить, дополнить тем философским содержанием, о котором речь шла выше и которое несет в себе категория диалога культур. Помимо этого диалог культур подпират такая мощная концепция диалогизма как Школа диалога культур В.С. Библера, ключевыми положениями которой являются следующие:

– культура – это всеобщая форма одновременного общения и бытия людей различных – прошлых, настоящих и будущих – культур, каждая из

которых есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей. Именно на грани различных культур, «в последних вопросах бытия» индивид видит себя извне, формирует себя в регулятивной идее личности;

– культура – это форма самодетерминации судеб и сознания индивидов. Есть реальное основание свободы, воли. В ее основании – самоустремленность всех форм человеческой деятельности (направленность нашей деятельности на нее самое). Ее грани – основные произведения культуры – в искусстве, философии, нравственности, сосредоточивающие свободное волеизъявление и свободное общение. Ее вершина – формируемые в основных формах культуры идея личности и идея разума. В свете этих идей человек оказывается способным самоопределить и перерешить собственную судьбу [16. С. 24-25].

Диалог культур, как определяют философские источники, это «совокупность непосредственных отношений и связей, которые складываются между различными культурами, а также их результатов, взаимных изменений, возникающих в ходе этих отношений. Диалог культур – одна из наиболее значимых для культурной динамики форм культурной коммуникации. В процессе диалога культур происходят изменения *культурных паттернов* – форм социальной организации и моделей социального действия, систем ценностей и типов мировоззрения, становления новых форм культуротворчества и образа жизни. Именно в этом заключается принципиальное отличие диалога культур от простых форм экономического, культурного или политического сотрудничества, не предполагающих существенных преобразований каждой из сторон» [17]. Выделяют следующие уровни диалога культур: 1) *личный* (формирование / трансформация человеческой личности под влиянием различных «внешних» по отношению к его естественной культурной среде культурных традиций); 2) *этнический* (характеризует отношения между различными локальными социальными общностями, нередко в рамках единого социума); 3) *межнациональный* (разноплановое взаимодействие различных государственно-политических образований и их политических элит); 4) *цивилизационный* (встречи принципиально различных типов социальности, систем ценностей и форм культуротворчества) [17]. Диалог культур может проходить в конструктивно-продуктивных, а также и в конфликтных формах. И предупреждение последних, то есть культурных конфликтов возможно только, как отмечают культурологи [17; 18; 19], на основе воспитания толерантного, недогматического сознания, для которого идея поликультурности, культурного полиморфизма (принципиальной многозначности пространства культуры) будет органичной и очевидной.

Вышеизложенное позволило нам определить диалог культур в качестве концептуальной основы избранной нами научно-методической

проблематики: формирование толерантной языковой личности и ее коммуникативной культуры на занятиях по русскому языку как неродному в неязыковом вузе.

На наш взгляд, становление толерантной языковой личности предполагает выделение *познавательного; учебного; развивающего и воспитательного* аспектов. Реализация каждого из указанных аспектов становится возможной в системе учебных диалогов, направленных одновременно на формирование коммуникативной культуры обучающихся. Систему учебных диалогов составляют: 1) репрезентативные (*имитационные, трансформационные*); 2) реконструктивные (*прогнозирующие, дополняющие, ситуативные*) диалоги; 3) творческие (*диалоги-картинки*) (с использованием наглядности), *тексториентированные* (с опорой на текст), *диалоги-игры, тематические* (на основе тематических ситуаций) диалоги.

Лингвометодически диалог культур в названных аспектах становления толерантной языковой личности может найти такую реализацию: а) *познавательный* аспект: через используемый языковой дидактический материал, содержание учебных диалогов показать своеобразие каждой из национально-культурных систем (казахской и русской), выделяя при этом как универсальные (общечеловеческие) характеристики, так и локальные (собственно национальные) особенности; б) в *учебном* аспекте важно акцентировать внимание на формировании у обучающихся умения правильно считывать получаемую информацию, точно понимать слушаемые, создаваемые, читаемые тексты (диалоги), систематизировать поликультурные факты, с которыми студенты ознакомились в ходе критического освоения полученной информации; в) в *развивающем* аспекте важно развивать умение отбирать нужную информацию для проведения сравнения культурных ценностей, встречающихся в анализируемом языковом материале, развивать умение составлять в письменной форме (и суметь ее в устной (диалоговой) форме прокомментировать) сравнительные таблицы, к примеру, по теме «Культурные ценности различных народов мира», акцентировав при этом внимание на представлении русской и казахской национально-культурных аксиологических систем; г) в *воспитательном* аспекте преподавателю необходимо акцентировать внимание на формировании собственно самого толерантного сознания личности обучающегося к особенностям культуры разных народов, иного рода нравам, традициям, обычаям и взглядам.

Как показывает наша практика, именно координированно-интегративная реализация указанных аспектов и обеспечивает достаточно успешное становление толерантных характеристик в коммуникативно-общественном поведении обучающихся.

Таким образом, использование в рамках решения лингвометодических задач образовательных возможностей *диалога культур* позволяет, помимо

собственно лингводидактических проблем, успешно решать и вопросы познавательно-гуманитарного характера, воспитывать толерантность в отношении представителей других культур, преодолевать ксенофобию и существующие стереотипы.

Литература

1. Ван Дун Дзянь. Природа и функции культурного диалога (социально-философские аспекты): Дисс. ... канд. философ. наук / Ван Дун Дзянь. – СПб, 2004. – 140 с.
2. Балаян А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук / А.Р. Балаян. – М., 1979. – 19 с.
3. Абрамкина О.Г. Учебный диалог как средство формирования коммуникативной культуры обучающихся: Дисс. ... канд. пед. наук / О.Г. Абрамкина. – Орел, 2003. – 243 с.
4. Абасов В. Диалог в учебном процессе / В. Абасов // Народное образование. – 1993. – №9-10. – С. 43-45.
5. Большакова Е.С. Обучения диалогической речи на научную тематику (англ. язык): Автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Е.С. Большакова. – М., 1978. – 25 с.
6. Бакулина М.Н. Учебный диалог в становлении ценностного исторического образа мира школьника / М.Н. Бакулина // Материалы научно-практической конференции «Научная картина мира и ценностный образ школьника». – Оренбург, 1996. – С. 62.
7. Изаренков Д.И. Обучение диалогической речи / Д.И. Изаренков. – М.: Русский язык, 1986. – 160 с.
8. Курганов С.Ю. Ребенок и взрослый в учебном диалоге / С.Ю. Курганов. – М.: Просвещение, 1989. – 128 с.
9. Розенбаум Е.М. Основы обучения диалогической речи на языковом факультете педагогических вузов / Е.М. Розенбаум. – М.: Высш. шк., 1975. – 126 с.
10. Сахарова Т.Е. Проблема ситуации при обучении диалогической речи / Т.Е. Сахарова // Вопросы методики преподавания иностранных языков. – Тула, 1967.
11. Сенько Ю. Диалог в обучении / Ю. Сенько // Alma mater. – 1991. – №5. – С. 35-40.
12. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 213 с.
13. Вайсбург М.Л. Обучение диалогической речи / М.Л. Вайсбург // Иностранные языки в школе. – 1965. – №4. – С. 11-19.
14. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство. – 1979. – 444 с.
15. Литовский В.Ф. Диалогика в школе / Школа диалога культур: Идеи. Опыт. Проблемы / Под общ. ред. В.С. Библера. – Кемерово: Алеф, 1993. – 416 с.
16. Школа диалога культур: Идеи. Опыт. Проблемы. / Под общей ред. В.С. Библера. – Кемерово: АЛЕФ, 1993. – 416 с.
17. Жбанков М.Р. Культура, контркультура, антикультура / М.Р. Жбанков // Философия истории: диалог культур. – М., 1989. – С. 45-47.
18. Вострякова Ю.В. Проблемы познания в диалоге пространстве современной культуры / Ю.В. Вострякова // Философско-методологические проблемы науки и техники. – Самара, 1998. – С. 78-81.
19. Лапшин А.Г. Международное сотрудничество в области гуманитарного образования: перспектива кросс-культурной грамотности / А.Г. Лапшин // Кросс-

культурный диалог: компаративные исследования в педагогике и психологии. Сб. ст. – Владимир, 1999. – С. 45-50.

*А.М. Иванова,
Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

КАЗАНЬ В ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Поволжские города в истории чувашского литературного языка (дооктябрьский период)», проект № 09-04-22408 аВ

Территория Чувашии в свое время была в составе двух губерний – Симбирской и Казанской. Симбирская губерния (с Курмышским, Алатырским, Буинским уездами) была образована в 1780 году, а Казанская губерния (сюда входили Чебоксарский, Ядринский, Цивильский, частично Тетюшский и Козьмодемьянский уезды) – в 1781 году. В губернских и уездных городах располагались административная, судебнополитическая, военная власти, в них были предусмотрены приходские училища, гимназии и университеты. Города Поволжья, прежде всего Казань и Симбирск, стали носителями цивилизации в деревенскую среду в области просвещения, медицины, агрономии, ветеринарии.

Казань сыграла большую роль в формировании современной чувашской письменной культуры. В дооктябрьский период основная чувашская литература печаталась в Казанских типографиях, здесь издавалась первая чувашская газета «Хыпар» (1906-1907). Город также является родиной чувашского театра.

Открытие в Казани в 1804 г. университета сыграло большую роль в просвещении народов Поволжья. В Казанском университете обучались основоположники чувашской письменности Н.И. Золотницкий (в 1847-1852 гг.), И. Я. Яковлев (в 1870-1875 гг.), исследователь чувашского языка Т.М. Матвеев (в 1911-1915 гг.); вели педагогическую работу Н.И. Ильминский (преподаватель кафедры турецко-татарских языков с 1861 г.), Н.И. Ашмарин (преподаватель чувашского языка), приват-доцентом был зачислен Н.В. Никольский и читал лекции по курсу «История христианского просвещения инородцев Поволжья».

«Казань для инородцев такой же центр, каким является для русских Москва», – говорил видный лингвист, профессор Н.Ф. Каганов. В деле развития просвещения нерусских народов Поволжского края, в подготовке учителей для начальных классов сельских школ огромную роль сыграла Казанская инородческая учительская семинария, руководителем которой был

Н.И. Ильминский. В течение 47 лет (с 1872 по 1919 годы) ее окончили более 1500 выпускников: татар – 243, чувашей – 179, марийцев – 128, мордва – 10, удмуртов – 70, определенное количество казахов, пермяков, зырян, алтайцев, абхазцев, эстонцев. В Казанской инородческой учительской семинарии работал преподавателем географии Н.И. Ашмарин, преподавал историю Н.В. Никольский.

В начале XVIII века в Казани была открыта Казанская архиерейская (епархиальная) школа. В 1732 году она была преобразована в духовную семинарию, с деятельностью которой связаны имена многих чувашских исследователей. Здесь проходили обучение Н.И. Золотницкий, В.П. Вишневецкий, Н.В. Никольский, Н.А. Резоков и другие. Имя выдающегося тюрколога, исследователя чувашского языка Н.И. Ашмарина непосредственно связано с городом Казань. После окончания Московского Лазаревского института восточных языков в 1894 г. с дипломом первой степени, ему предлагали поехать в Каир, Дели, Париж, но Н. Ашмарин выбрал именно Казань, потому что здесь он мог заниматься исследованием народов Поволжья. Работал учителем в Казанской центральной крещено-татарской школе, профессором в Казанском Северо-восточном археологическом и этнографическом институте. В Казани, в типографии Императорского университета, изданы основные научные труды Н.И. Ашмарина – «Материалы для исследования чувашского языка» (1898), «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (1903) и другие. В казанский период Н. Ашмарин интенсивно занимался составлением семнадцатитомного Словаря чувашского языка.

В 1925-1927 годах в Восточном педагогическом институте Казани, наряду с другими национальными отделениями, работало отделение чувашского языка и культуры. Н.И. Ашмарин работал здесь в должности профессора тюркологии. В национальном архиве Республики Татарстан мы ознакомились с выпиской из протокола № 2 заседания Совета национально-лингвистических отделений: «П. З. Имели суждение по вопросу об избрании Н.И. Ашмарина на должность профессора тюркологии Восточного Педагогического Института. Были заслушаны жизнеописание Н.И. Ашмарина, сведения о прохождении им службы и отзывы о его научных трудах. Принимая во внимание научные заслуги Н.И. Ашмарина и вполне разделяя отзывы о его трудах, постановили подвергнуть его баллотировке на должность профессора ВПИ. Баллотировкой Н.И. Ашмарин избирается единогласно. Постановили: считать Н.И. Ашмарина избранным на должность профессора Восточного Педагогического Института».

В этом институте также работали Н.В. Никольский и Г.И. Комиссаров. Подчеркнем, что на базе чувашского отделения Восточного Педагогического Института были образованы факультеты чувашской филологии в Чувашском педагогическом институте и Чувашском государственном университете в

Чебоксарах. С городом Казань связано создание первого чувашского букваря, чьим автором был Н.И. Золотницкий. Он работал инспектором чувашских школ Казанского учебного округа, руководил переводческой комиссией. Вся книгоиздательская деятельность во второй половине XIX века находилась во введении образованного в 1867 году братства св. Гурия в Казани и созданной при нем переводческой комиссии. Словарь Н.И. Ашмарина также печатался в изданиях Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа.

В Татарстане на чувашском языке печатались журналы «Ана» («Нива»), «Шурăмпұç» («Заря»), газеты «Хёрлĕ ялав» («Красное Знамя»), «Канаш» («Совет»), «Сĕнĕ йал» («Новая деревня»), «Чухăнсен сасси» («Голос бедноты»).

Казань – целая эпоха в чувашской истории. Название этого города представлено во многих чувашских фольклорных произведениях: преданиях, пословицах, поговорках и загадках. Каждый жанр фольклора носит в себе какую-нибудь историческую информацию: *Хусантан указ килмесĕр, тимĕр хатха уçăлмась* (тупм. юмах: тул сугăлни) [4. С. 171]. Из-за малоземелья, национального гнета, насильственной христианизации, плановых «вербовок» чуваша совершали миграционные перемещения, они прошли Россию вдоль и поперек. Повествование об этом встречается в исторических песнях: *Чулхулана Хусан, ай, хушинче, сит сатĕ пек выртать аслă сул* [2. С. 87].

Казань была основным центром местной торговли. Например, еще в XV веке этот город превратился в крупный торговый центр Поволжья. «Казанский гостиный остров», где происходили ярмарки, был известен не только русским, но и иностранным купцам. Это отразилось и в чувашском фольклоре: *Хусантан илтĕм хура суна / Хурăнташ патне каймашкăн* [3. С. 138]; *Укса вăл Хусанта та хуса, Ёпхуре те ёмĕ* [4. С. 88]; *Пурте хатĕр: сули Хусанта, хăмăчĕ пасарта* [4. С. 38]; *Хусанĕн хушинче мĕн хаклă?* [3. С. 190]; *Укса пулсан, Хусан хуши те пуç таять* [4, С. 81]. Крестьяне, нуждавшиеся в деньгах, для уплаты казенных налогов вынуждены были реализовывать на городских рынках, базарах и ярмарках часть своей сельскохозяйственной, животноводческой и промысловой продукции: *Атте тулли Хусанта, хусан укши аттере* [3. С. 81]. Эпизоды о Казани как о торгово-промышленном центре имеются также в сюжетах чувашских народных сказок: «Ёлĕк пĕрре пĕр хытă пул тарçă тьтса усранă. Пулпа тарçă хĕлле Хусана лаши илме каясçĕ <...>» [1. С. 60-62]. Казань упоминается в фольклоре как центр соединения железнодорожных путей: *Хусантан тухать пĕр поезд* [3. С. 281].

Таким образом, Казань имеет великую роль в становлении чувашского литературного языка. Она является известным учебным центром Поволжья, центром культурной и общественной жизни края. В чувашском фольклоре Казань выступает как основной торгово-промышленный город.

Литература

1. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. - Шупашкар: Чăваш. кĕн. изд-ви, 1976. -Т. II. - 408 с.

2. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. - Шупашкар: Чăваш. кĕн. изд-ви, 1978. - Т. III. - 512 с.
3. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. - Шупашкар: Чăваш. кĕн. изд-ви, 1979. - Т. IV. - 480 с.
4. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. - Шупашкар: Чăваш. кĕн. изд-ви, 1984. - Т. V. - 352 с.

*Н.И. Захарова,
Чувашский национальный музей,
г. Чебоксары*

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ НАКОСНЫХ УКРАШЕНИЙ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

В фондах Чувашского национального музея сохранилось небольшое количество накосных украшений, у которых в Книгах поступлений не имеется местных чувашских названий. Не знание истинных наименований зачастую затрудняет работу сотрудников отдела фондов в поисках нужных предметов. В связи с этим, данная статья подготовлена в помощь музейным сотрудникам, работающим вплотную с вещественными этнографическими предметами.

Названия накосных украшений в чувашском языке специально не изучались. Однако их отдельные наименования содержатся в разных этнографических [1; 5; 6; 20; 21], историко-этнографических [9. С. 352–374], филологических трудах [3] и музейно-архивных документах [8;17].

Испокон веков женщины всех народов мира старались украшать себя. Особое значение придавали волосам, потому что считали, что в них хранится сила человека. В старину чувашские женщины не имели права ходить с непокрытой головой. Они заплетали волосы в одну косу, прятали их в волосниках и к концу подвешивали украшения. Девушки в отличие от женщин могли ходить с открытой головой, но волосы заплетали в две косы. По народному этикету они, так же как и женщины, подвешивали к косе разные украшения, служившие и оберегом.

В чувашском литературном языке слово коса переводится термином *сивĕт*. В диалектной лексике для ее обозначения существуют вариативные названия: *ситтули* [17. С. 2 (низ.); 7. С.71, 83 (самар.)] / *сус тони* [11. С. 75 (сундыр. говор)] / *ситтони* [11. С. 75 (сундыр. говор)] / *сустуни*, [2. С. 25 (Ульян. говор)] // *ийши хури* [13. С. 42 (верх.)].

Словосочетанием *ийши хури* также называли ленты, вплетаемые в косы, которые затем «привязывались к поясу» [13. С. 42, 45]. «Благодаря этому девушка всегда чувствительна, когда она наклоняется, и она как бы поневоле приучается держать голову прямо», – написал в свое время Г.И. Комиссаров [12. С. 337], описывая костюм верховой девушки.

Накосные украшения можно разделить на три группы: вплетаемые; вплетаемые и подвешиваемые; закрывающие. Вплетаемые в косы украшения

считаются самыми простыми по изготовлению и применению. К ним относятся разноцветные ленты и шнурки. Вплетаемые и подвешиваемые к косе украшения в большинстве случаев состоят из тесьмы и подвески из двух нанизанных рядов бусин и бисерных кистей. По лингвистическим данным, они были самыми распространенными и встречались во всех этнографических группах. В диалектах языка многие из них бытовали с разными вариативными названиями. Например, подвески, состоящие из двух-трех рядов бус с бисерными кистями на концах, были известны как *касанхи шерети* [3. VI. С. 160] / *касан хыс шерети* [3. VI. С. 148 (ср.-низ)] // *сит шерети* [3. XII. С. 175] // *сит хўри* [3. XII. С. 175 (симбирск. и тетюш.)] // *сурям шерети* [3. XII. С. 270; 8 (ср.-низ)] // *шерпине* [3. XVII. С. 165] // *иёт шерети* [3. XVII. С. 380] // *ишт шерети* [3. XVII. С. 204, 380] // *иёт шерети* [3. XVII. С. 265 (низ)]; *ярапа / сивёт ярати* [20. С. 316 (верх.)].

В 1930 г. художник-исследователь М.С. Спиридонов во время экспедиции в южных районах Чувашии, в частности в с. Хормалы Ибресинского района, украшение с последним названием описал следующим образом: «*Ишт шерети* начинается девятью желтыми пуговками (*йӓс тӓме*). Сначала зубчатая пуговка, а остальные гладкие круглые. К низу по величине уменьшаются – за пуговицами она разветвляется на две части. Эти части состоят из красных круглых бус под названием «*кёмёл шӓрса*» (осенние красные ягоды), зеленых бус «*сит шӓрса*», черных – «*хура шӓрса*», граненых – «*кётеслӓ шӓрса*» и наконец «*кӓпӓл*» (*ишт шерети кӓпӓл*). *Кӓпӓл* делается из желтой жести и отсюда начинаются кисточки. Кисточка состоит из мелких бус (красных, темно-зеленых, черных и белых). Белые бусы называются «*тул куӗӗ*». *Ишт шерети* прикрепляется за начало косы и, покрывая всю косу, лежит на украшении, называемой «*хўре*» [17. С. 2].

Аналогичные украшения с серебряными подвесками и бисерными кистями носили женщины саратовских чувашей и в этой местности они назывались *кӓлте шерети* [1. С. 48]. К такому же типу относится накосник *хўре* кубнинских чувашей Симбирского уезда, состоящий из трех нитей «крупных бус длиной от 5 до 8 см, к которым крепились кисти красных крученых нитей с белыми бусинками на концах. Нити бус прикреплялись к медному кольцу, при помощи которого украшение надевалось на пояс» [21. С. 70].

В терминологии чувашского народного костюма словом *хўре* обозначали несколько предметов. В данном случае внимание будет остановлено на источниках, где оно зафиксировано именно как накосное украшение. Удовлетворяющее нас описание содержится в одной из статей П.В. Денисова об одежде низовых чувашей: «накосник (...) представлял собой металлическую пластинку с несколькими трубочками-прорезами, через которые продеты черные шерстяные или шелковые нитки, образующие длинные кисти с бахромой, иногда над кистями нанизывают разноцветный

бисер и мелкие монеты. *Хўре* привязывалось к косе и спускалось на спину женщины» [6. С. 240]. Подобные украшения входили в комплекс костюма верховых и симбирско-саратовских чувашей. Однако они считались поясными украшениями.

Чувашские девушки и женщины вплетали в косы тесьму с металлическими шумящими подвесками *чӓтпу* [11. С. 132] / *чӓтпу* [3. XV. С. 226], которые изготавливались татарскими ювелирами в селе Рыбная Слобода [16. С. 59]. Это изящные ювелирные украшения, состоящие из большой срединной детали и боковых и нижних подвесок из монет. Они встречаются двухрядными, двухрядными и ажурными. С ними можно ознакомиться и в фондах Чувашского национального музея.

До начала XX в. вариативные названия следующей шумящей подвески к косам – *иӓнкӓрма* [3. XVII. С. 119] / *иӓнкӓртма* [3. XVII. С. 365; 13. С. 21] – встречались во всех диалектах чувашского языка. Ими обозначали два разных по форме предмета, которые служили одной цели – украшать косу. Верховые чувашки Тархановской волости Ядринского уезда (ныне Красночетайского р-на Чувашской Республики) термином *иӓнкӓртма* выражали длинную «материю в ширину пальца» [13. С. 21], завершающуюся с тремя рядами парных колец. Его закрепляли у основания косы.

В с. Новые Кармалы Белебеевского уезда Уфимской губернии женщины вплетали в косу тесьму, к концам которой были пришиты монеты. Это украшение называлось так же как и предыдущее – *иӓнкӓртма* [3. XVII. С. 119]. В д. Черепаново Буинского уезда Симбирской губернии его носили только девушки [3. XVII. С. 365].

Украшения, закрывающие косу, в отдельном виде почти не сохранились. В настоящее время восполнить этот пробел помогают языковые источники. В Словаре Н.И. Ашмарина встречаются термины *сӓс витти* «покрывало для волос (на голове)». [3. XII. С. 306] и *сӓс си* [3. XII. С. 307]. Вместо описания второго названия стоит вопросительное предложение «повязка для головы?». Видимо, к началу составления «Словаря чувашского языка» некоторые архаичные детали народного костюма были изжиты из быта.

Термины *сӓс витти* и *сӓс си* являются исконно чувашскими словами и ими могли обозначать длинные накосники-чехлы, куда можно было спрятать косу. В материльной культуре чувашей эти предметы не сохранились. Вместе с ними из языка исчезли и их названия. В некоторых случаях их называли терминами, вошедшими из культуры соседних народов. Так, вплоть до начала XX в. оренбургские чувашки закрывали волосы украшением *чӓсхан* [18. С. 86; 19. С. 429], название которого заимствовано из татарско-башкирских языков. Он «представлял собой удлинненную кожаную полосу размерами примерно 8х60 см, прикрытую чешуеобразно расположенными рядами серебряных монет достоинством 15 и 20 коп. Нижняя часть украшения завершается узкой

полосой, ушитой одним продольным рядом крупных серебряных монет. Укрепленное за спиной *чѣскап* как бы продолжало шлейф хушпу и доходило до самого конца подола женской рубашки. (...) *чѣскап* носили только женщины с головным убором хушпу» [10. С. 171–172].

Подобное украшение с аналогичным названием существовало у татар *чэчкап* «волосник» [14. С. 195]; у башкир *сэскэп* «женское украшение, сделанное из узкой и длинной цветной материи, на которую нашиваются монеты, наверху пришивается агат, внизу – сулпы» [4. С. 496]; у таджиков *чеч кап* (*чачи/соч* `волосы`, *кап/кен* `мешок`) «мешочек для головы» [15. С. 30] и у др.

К началу XX в. у Поволжских тюркских народов волосник видоизменился. Из мешочка для косы он превратился в полосу холста, украшенную монетами. У чувашских женщин роль накосного украшения играла хвостовая часть головного убора *хушпу*. Вполне вероятно, что это было отдельное украшение – волосник. Головной убор со всеми остальными дополнительными предметами всегда можно было проще и быстрее надеть, чем каждое украшение по отдельности.

Так произошло и с другими украшениями для кос. Поскольку чувашские девушки и женщины косы привязывали к поясу, подвески для кос воспринимались как поясные украшения. Еще в середине XX в. подобную мысль высказала и этнограф Н.И. Гаген-Торн: «*Хўре*, носимое как поясное украшение, связано по происхождению с накосником» [5. С. 109]. Однако в Книгах поступлений Чувашского национального музея многие подвески для волос не значатся как «украшение для волос».

Приведенные в статье названия накосных украшений давно перешли в разряд пассивной лексики языка, а предметы хранятся в музеях. Хочется надеяться, что названия накосных украшений будут использоваться как в дальнейшей музейной работе, так и в изучении истории предметов чувашской народной одежды и украшений.

Литература

1. Акимова Т.М. Женские головные уборы саратовских чуваш / Т.М. Акимова // Труды Нижневолжского краеведческого музея. – Саратов, 1929. – Вып. 1. – С. 45–56.
2. Алексеев А.А. Особенности сентилеевского говора чувашского языка / А.А. Алексеев // Материалы по чувашской диалектологии. – Чебоксары, 1971. – Вып. 4. – С. 5–28.
3. Апмарин Н.И. Чăваш сăмхĕсен кĕнеки [Словарь чувашского языка] / Н.И. Апмарин. – Чебоксары–Казань, 1912–1950. – Вып. VI, 1934; Вып. XII, 1937; Вып. XV, 1941; Вып. XVII, 1950.
4. Башкирско-русский словарь - М.: Госуд. изд-во иностранных национальных словарей. 1958.
5. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы по этногенезу) / Н.И. Гаген-Торн. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. – 228 с.
6. Денисов П.В. Национальная одежда низовых чуваш южных районов Чувашской АССР / П.В. Денисов // Ученые записки ЧНИИ. – Чебоксары, 1955. – Вып. XI. – С. 210–251.

7. Долгова А.П. Об особенностях говора чувашей самарской Луки / А.П. Долгова / Чувашки Самарской Луки. Монографическое исследование. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – С. 68–89.

8. Архив отдела фондов Чувашского национального музея. – Папка № 22 «Дела по сборанию экспонатов уполномоченного Максима Федотова. 1921 г. (дер. Беляево Янтиковской вол. Цивильского у.)». – КП 3025. – ВМ 4492.

9. Иванов Г.Н. Украшения народного костюма // Чувашки: история и культура. В 2-х т. Т.1. / Отв. ред. В.П. Иванов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С. 352–374.

10. Иванов Л.А. Национальная одежда и украшения прикамских и южноуральских чувашей / Л.А. Иванова // Исторический сборник. Ученые записки ЧНИИ. – Чебоксары, 1966. – Вып. XXXI. – С. 156 – 181.

11. Канюкова А.С. Чувашская диалектология (Краткие очерки) / А.С. Канюкова. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1965.

12. Комиссаров Г.И. Чувашки Казанского Заволжья / Г.И. Комиссаров // Известия ОАИЭ. – Казань, 1911. – Т. XXVII. – Вып. 5. – С. 311–432.

13. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. I. – Ед. хр. 567.

14. Рамазанова Д.Б. Названия одежды и украшений в татарском языке / Д.Б. Рамазанова. – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2002. – 352 с.

15. Рассудова Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана / Р.Я. Рассудова // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сб. музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. XXVI. – С. 16–52.

16. Рахимова Р.К. Лексика и словарь татарского ювелирного дела / Р.К. Рахимова. – Казань: Фикер, 2002. – 192 с.

17. Рукописный архив Мемориального музея квартиры М.С. Спиридонова. – Папка I. – КП 39.

18. Сергеев Л.П. Диалектологический словарь чувашского языка / Л.П. Сергеев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. – 104 с.

19. Сергеев Л.П. Еще раз о чувашско-марийских лексических параллелях / Л.П. Сергеев // Чувашский язык, литература и фольклор. Сб. ст. – Чебоксары. 1973. – Вып. 2. – С. 406–438.

20. Чувашки: Этнографическое исследование. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1956. – Ч. I. – 416 с.

21. Ягафова Е.А. Чувашки Урало-Поволжья: История и традиции культуры этнотерриториальных групп / XVIII – нач. XX в. / Е.А. Ягафова – Чебоксары: ЧГИГН, 2007. – 530 с.

*В.В. Иванова,
Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

НАРОДНЫЕ ПОВЕРЬЯ КАК ПРИЗНАК НОМИНАЦИИ НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЙ БОЛЕЗНЕЙ В ЧУВАШСКОЙ МИФОЛОГИИ

Древние чувашки опасались болезней, ибо видели, что болезнь нередко является предвестником смерти. Некоторые болезни они связывали с наказанием господним. Во многих случаях их причиняет вездесущий злой дух «усал». У древних чуваш существовало иррациональное объяснение многих болезней, которое было обусловлено их религиозными представлениями, действием злых сил и духов. В соответствии с этим, чувашки персонифицировали отдельные атмосферные явления (ветер, мороз, холод, огонь), а также другие предметы, с которыми они соприкасались (дерево и т.д.). По представлениям древних чуваш, за нарушение правил ритуального поведения в подвластном им пространстве или за плохое отношение к различным предметам, атмосферные явления или же сами предметы накажут человека (человек начинает болеть, недомогать, а иногда даже и умирает). Лечили эти заболевания в основном с помощью «источника болезни». Например, чувашки верили, что если человек пройдет мимо ссорящихся людей или услышит бранное слово, то на этого человека «падает гнев», т. е. этот человек заболит а́ншартом. И даже когда такой человек войдет в избу, то болезнь может поразить даже ребенка. Если ребенка напоить водою, которою сполоснут резец (плуга), то ребенок выздоровеет. [1. I. С. 266].

Злых духов, насылающих болезни, очень много: *иййе, вулпър, вулпкӑн, келе*, разные местные *киремети*, которые появляются по ночам на перекрестках, на берегах рек, вод. Человеку достаточно побывать в тех местах, где они находятся, и они уже «цепляются» за смертного, «схватят» (*тыгаççе*) и насылают на него разные болезни.

Народные названия болезней в чувашском языке изучены довольно слабо. Д. Мессарош в своей книге описывает название чувашских болезней, с точки зрения так называемой «народной этимологии». В зависимости от религиозного объяснения он классифицировал болезни и выделил несколько основных групп: 1) болезни от злых духов; 2) болезни, полученные в результате порчи колдунов; 3) от злого глаза; 4) болезни, которые народ приписывает естественным причинам или видит в них наказание божие за грехи [3. С. 76-77].

Также множество народных названий болезней было зафиксировано Н.И. Ашмариним в 17 томном «Словаре чувашского языка». В нем есть рассказ о том, что болезнь в результате порчи можно было получить не

только от колдуна и ведьмы: иногда порчу насылали даже враждебно настроенные соседи или односельчане, разбрасывая муку или крупу в сторону человека, на которого она была направлена, или наговаривая на какую-нибудь его вещь. Чувашки считали, что от болезни можно избавиться, если наговорить на определенную вещь или монету, а затем подбросить ее другому. Поэтому боялись случайно найденных чужих вещей и денег и, прежде чем их использовать, советовались с йомзями. Йомзя, в случае болезни, полученной от порчи, путем гадания определял, кто ее направил, и рекомендовал способ излечения.

На современном этапе народные поверья о болезнях воспринимаются многими, как устаревшие понятия и явления. Однако многие из этих терминов сохранились до сих пор. Звучат они уже непривычно, отчужденно, архаично. Например: *сивле, сивлей* ‘лихорадка’ [1. XI. С. 131]; *сийамак, сийамах, сийамак* ‘лихорадка’ [1. XI. С. 104, 125, 234]; *хӑйрамак, хӑйрамак, хӑйгӑрмак, хӑйгӑр амак, хӑйгӑрамак* ‘сильная резь в животе’ [1. XVI. С. 340-342]; *тытамак, тытан амак* ‘падучая болезнь’, ‘эпилепсия’, ‘припадок’ [1. I. С. 195], [1. XIV. С. 21]; *тытан амак* ‘лихорадка’ [2. С. 112]; *сарамак* ‘желтуха’ [1. XI. С. 62-64, 66, 69]; *хора сарамак* ‘чахотка’ [1. XVI. С. 205] и т.д.

Для древнейших и более поздних дохристианских мифологических представлений чуваш было характерно ощущение населенности всей окружающей природы духами. Дух-сила определённого места (напр., леса, воды, дома, хлева и др.), само место и человек представляют единый комплекс. Когда сакральное место оказывается в сфере интересов человека, он должен вступить в диалог с хозяином топоса (места). Необходимо соблюдать правила поведения (этикет) и выполнять условия договора, поскольку его нарушение может привести к непредсказуемым последствиям. И, на первый взгляд, этимология названий заболеваний, отнесённых нами к данной подгруппе, не представляет никаких затруднений, если человек заболел хӑрӑк синкерёпел ‘отсыханием конечностей’ (ревматическая боль костей в ногах) – это значит, что у него болезнь от хождения по месту, где истлевают разбросанные на земле кости; если у него силё лекнипе (ӱкнипе, вӑрӑннипе) – значит эта хворь связана с гневом. Однако нам бы хотелось обратить внимание на первую часть названий этих заболеваний, а именно на слова хӑрӑк (хӑр + ӑк) и силё (сил+ё). Лексема хӑр бытует в чувашском языке в значениях: ‘сохнуть, засыхать; завянуть; исхудать, истощаться’. Скорее всего, в названиях болезней лексема хӑрӑк используется в значении ‘сухой, захудалый’, так как, по представлению чуваш, хозяева (атмосферные явления и др.) наказывают человека (букв. ‘насылают зло, недуг на человека’) за нарушение правил ритуального поведения в подвластном им пространстве, и человек начинает болеть, недомогать, а иногда даже и умирает. По народным поверьям, если «кости человека не будут зарыты в землю, то они обращаются в *арсурин* ‘лесной дух, леший’» [1. I. С.

308]. «Арь-сори поражает людей разными болезнями, производить в них расслабление, онемение членов» [4. С. 124].

Слово *сил* в чувашском языке имеет следующую семантику: 'ветер', *сил /сил(ё) – 'гнев, злоба'*.

Считалось, что болезни (воображаемые как сверхъестественные демонические существа) действуют на людей через воздух. Вредный, опасный в этом смысле для человека воздух («злой воздух», «нечистый воздух» - *усал сывлӑш*) связывают с моментом полного затишья, затмение луны и т.д. Через воздух, вместе с его дуновением (ветром), распространяется не только зараза, эпидемия, но и порча. Во многих местах существовало поверье, что «сын *силли* чирё», «*силё* ўкни», «хаяр ўкни» и другие тяжелые болезни возникают в том случае, если они принесены ветром или вихрем. Очевидно происхождение и таких названий болезней, как чувашское *силё ўкни (поветрие)* – болезнь, возникающая при несоблюдении старых обычаев, обрядов, например, таких, как поминание мертвых и т. п. По поверьям чуваш, «знахари, колдуны портят людей наговорами, зельем», а то и так: «по ветру пускают». Источник заражения может обладать одновременно и целебными свойствами. Другими словами, магическое средство излечения заложено в причине болезни, что и показывают различные ритуальные действия, направленные на исцеление от «воздушных» болезней. Так суеверные старушки (юмӑс, вёрӑсё, ӑрӑмӑсӑ, тухатмӑш) выходили на улицу, в основном, на перекрестки и в ветер бросали соль, муку или золу. В заговорах и заклинаниях, избавляющих от болезней, порчи, часто используется мотив ухода нечисти вместе с ветром («*силле килсен, силлех кай*» – с ветром пришел и ветром уходи).

Этой сверхъестественной силой, по убеждению древнего чуваша-язычника, была населена вся вселенная, с нею приходилось иметь дело, и она была опасна, хотя не всегда приводила трагическому исходу. Эту силу можно было умилостивить и даже отпугнуть, что и совершалось согласно особым ритуалам и традициям.

Во время родильных и поминальных обрядов чуваша строго придерживались традиций, так как неправильное поведение, нарушение ритуала, согласно их религиозно-этическим воззрениям, могло стать причиной несчастий и особенно тяжелых болезней.

Тяжелые болезни можно было получить от земли (*сёр шавкӑмӑс, сёр синкерё*), воды (лихорадка *шыв синкерё*), ветра (*сил синкерё, сил-тӑвӑл синкерё*). Местом обитания духов болезней могли быть и старые дуплистые деревья (чаще всего липа и вяз).

К болезням, посылаемым за грехи, можно отнести различные случаи заболеваний, полученных в результате неправильного отношения к покойникам, неисполнения обрядов и жертвоприношений, несоблюдения

праздников. Заболеть человек мог и оттого, что взял вещи или деньги, предназначенные для умершего.

Если по случаю больших поминок (пумилке) ссорятся между собой враждующие люди, то после этого кто-нибудь почувствует боль в костях, ногах или головную боль. Тогда обычно говорят *сӑнӑ вилӑ тылӑ* (новый покойник схватил). Есть и *силли вилӑ* 'придорожный покойник', который легко гневается на людей. «Придорожным покойником» становится тот человек, который умирает не дома, а где-нибудь в пути. Таким же покойником становится и солдат, погибающий на чужбине. Бывает также болезнь *вил-тум-хайӑрӑс*, которую насылают самоубийцы, или утопленники, или человек, погибший каким-либо другим образом [1. V. С. 231]. В деревнях и селах часто люди щепки от гроба бросали в овраг, который называли *вилӑ турпасӑс*. Если кто-нибудь наступает на такие щепки, то человека «*виле сӑпӑнать*» (покойник ударяет) или «*виле тивет*» (покойник поражает болезнью), или же на теле появляется какая-то сыпь «*вил шатри*» [1. V. С. 231, 232].

По поверьям чуваш, в глазах любого цвета, если взгляд пристальный и колючий, возможна колдовская разрушительная сила. Обычно такие глаза чуваша называют «злыми» (*усал куҫ, хаяр куҫ*). Если пристально, с черной завистью засмотреться на кого-нибудь, то можно сглазить. Боясь такого дурного сглаза (*куҫ ўкни, куҫӑхнӑ*), чуваша обычно прячут своих детей или красивых животных. От злого глаза происходили обычно нервные и душевные расстройства, головные боли. Считают, что большая часть различных глазных болезней возникла вследствие сглаза.

В.К. Магницкий название болезни *ӑншӑрт* 'порча гневом' толкует как «напрасная обида». Проявлениями ее были тошнота, рвота, лихорадка. Считалось, что причиной болезни *ӑншӑрт* могло быть участие в ссоре. Отмечали, в зависимости от обстоятельств ссоры, различный характер болезни. Так, виновниками желтухи могли быть ссорившиеся у воды, особые болезни появлялись после конфликтов людей разных вероисповеданий и т.д. Иногда достаточно было пройти мимо ссорящихся, и одного взгляда участника ссоры хватало, чтобы заболеть *ӑншӑртом*. Особенно опасной была эта болезнь для беременных женщин и детей, находящихся в материнской утробе.

Из злых духов особенно тяжелые болезни насылали *ийе, вулӑр, йӑрӑх, киреметь*. Они могли иметь различные проявления (ломоту в костях, боли в пояснице, животе, лихорадку). *Йӑрӑх* насылал преимущественно наружные болезни (заболевания на коже, язвы), от *вулӑра* - глазные болезни и понос, детские болезни обычно от божества *ийе (ийе сулӑхнӑ* 'ийе прилипло' – от нее ребенок плакал и мог сойти с ума), испуг 'чӑкӑрми' от божества, живущего в родниках и оврагах и т.д. [3. С. 285].

Представляли, что заразные болезни переходят из дома в дом, пока не посетят все дома деревни. Н. И. Ашмарин упоминает о том, что «скотский и людской мор ходит в виде человека... и когда предполагает истребить народ, пересчитывает людей в каждом доме и записывает на бумагу их имена» [1. VIII. С. 269].

Предохранительными средствами от заразных болезней, эпидемий были различные обряды, которые проводили, как правило, весной, когда возрастала опасность заболеваний (опахивание селений, прохождение через земляные ворота и т.д.). Эти действия были обязательными для всех жителей деревни. В конце пасхальной недели, после поминовения умерших, в *Калъм кун* проводили очистительные обряды *сэрен* (*вирём*). С помощью трещоток, прутьев рябины и вербы изгоняли болезни и злых духов. Если ритуальная процессия встречала на своем пути татар или представителей какой-либо другой национальности, то от них требовали выкупа и удаляли за пределы села. Иноплеменников рассматривали как «нечистых» и опасных или даже как возможное воплощение злых духов и болезней. Духи умерших родственников также могли вызвать заболевания. Поэтому сразу после поминальных обрядов проводили очистительные обрядовые действия *сэрен*, *вирём*.

Покойники после смерти сохраняли связь с миром живых. Примером этого могут служить поминальные обряды. Если родственники забывали о поминках, то мертвецы (*вилё*) испытывали голод и жажду на том свете. Они являлись к своим родственникам во сне или давали о себе знать болью в животе и ломотою в пояснице. Чуваши рассматривали такие сновидения и боли как напоминание умершего живым о том, что мертвые на том свете голодают и скучают. Тогда варили пиво, готовили курицу, спекли блины и другие кушанья, и устраивали поминки [4. С. 140]. Помимо этого, каждый год весной, в *Калъм кун*, летом, в *Симёк* (Семьк), и осенью, в октябре, проводили общественные поминки.

Болезни, прежде всего инфекционные и повальные, остались в памяти истории каждого народа как слепая и жестокая сила, приводящая к огромному числу жертв. Поэтому и в чувашской мифологии присутствуют многочисленные боги и демоны, наказывающие людей болезнями «за грехи».

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. – Вып. I – XVII. – Казань. – Чебоксары, 1928-1950.
2. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В.К. Магницкий. – Казань, 1881.
3. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Пер. с венг. / Д. Месарош. – Чебоксары: ЧГИИ, 2000. – 360 с.
4. Сбоев В.А. Исследование об инородцах Казанской губернии. Записки о чувашах / В.А. Сбоев. – Казань, 1856.

*А.М. Иванова,
Чувашский государственный университет,
г. Чебоксары*

«СИМБИРСКИЕ ЧУВАШИ» Г.А. ЭРМАНА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Ловлажские города в истории чувашского литературного языка (дооктябрьский период)», проект № 09-04-22408 аВ

Для этнического сознания того или иного народа одним из важных составляющих следует признать восприятие его представителями других культур. Чувашеведение, зачинавшаяся как европейская и русская наука, изобилует такого рода текстами [2, 3, 4].

Адольф Эрман является одним из многих немецких ученых, вписавших свое имя в чувашеведение. Известное о нем резюмируется в виде аннотации к книге «Путешествие вокруг Земли через северную Азию, и оба океана в годах 1828, 1829 и 1830» [5]: «На пути от Сундыря до Анчикова (через Чебоксары и Аккозино в авг[усте] 1828 г.) встречал чуваш и описал их» [2. С. 84]. Между тем у этого автора имеется другая специальная «чувашская» публикация, еще неизвестная нашему читателю – очерк «Симбирские чуваша».

Георг Адольф Эрман (Georg Adolf Erman) (12 мая 1806, Берлин – 12 июля 1877, там же) – немецкий физик, путешественник, автор этнографических очерков.

В 1828–1830 гг. ученый совершил кругосветное путешествие, целью которого стало создание сети точных геомагнитных наблюдений по всему периметру Земли. Первая часть путешествия, осуществленная в России по маршруту Нарва – Санкт-Петербург – Москва – Казань – Пермь – Тобольск (ноябрь 1829 г.), прошла в составе магнитометрической экспедиции норвежского исследователя К. Хантсена (1784–1873). В ходе экспедиции Г.А. Эрман также был занят этнографическими наблюдениями, вел дневник, в котором описывал природу посещенных мест и быт населения.

Вернувшись с путешествия, ученый работал в университете Фридриха-Вильгельма приват-доцентом (с 1832), профессором физики (с 1834), экстраординарным профессором (с 1839); некоторое время преподавал математику в Коллеж франсез. В 1874 г. становится иностранным членом Лондонского королевского общества.

В 1841–1866 гг. Г.А. Эрманом издается журнал «Архив научных известий из России» (всего 15 выпусков). Его работа «Симбирские чуваша» напечатана в выпуске за 1851 г. [6]. В ней содержится описание жизни чувашей Симбирской и Казанской губерний 20-х гг. XIX в. Очерк позволяет установить более конкретный адрес – с. Штанаши Курмышского уезда

Симбирской губернии: «... у чувашей оно называется Штанаш, русские называют его Штанашего». Ныне село входит в Красночетайский район Чувашской Республики. Само сочетание «симбирские чувашаи» в современном восприятии относится к группе, которая и поныне живет непосредственно под Ульяновском (Чёмпёр) [1]. В данном случае Штанашаи по сути уже село не симбирское. Оно находилось на границе трех губерний – Симбирской, Казанской и Нижегородской.

Г.А. Эрман с любовью описывает чувашский быт. Его замечания созвучны с утверждениями других авторов того времени, а потому могут быть признаны объективными. В то же время ему, как носителю европоцентрических взглядов, присуще унижительное отношение к народам иных культур. У европейских путешественников действительно есть черта возвышать себя, показать превосходство образа жизни европейского народа. В наиболее сильной форме такое отношение проявляется в эпизоде, посвященном банному традициям чувашей: якобы, им чужды какие бы то ни было гигиенические процедуры и даже неизвестно мыло. Вполне вероятно, что та чувашская женщина повела себя неадекватно по физиологическим причинам. Но Г.А. Эрману было достаточно самого факта, чтобы столь красочно преподнести его европейскому читателю, хотя, как известно, и мыло, и даже вся парфюмерия были завезены в Европу арабами.

В самом деле, в древности мыло было предметом роскоши и ценилось наряду с дорогими предметами обихода. Даже зажиточные люди (не только чувашаи, но и многие другие народы) не могли себе позволить стирать им белье. Чувашаи редко пользовались мылом европейского производства, с древних пор они обходились подручными природными средствами санации: глиной, золой, травами. Самой известной травой, к примеру, была мыльнянка, которая обладала свойством пениться при настаивании.

В статье встречаются также примеры, сказывающие о грубости чувашей. Мы думаем, что Г.А. Эрман обобщил лишь отдельные факты; может быть, он столкнулся с ситуацией, где какой-либо чуваш выразил нетактичность. Если бы в другой ситуации чуваш проявил нежность и вежливость, вполне возможно, что автор назвал бы всех чувашей вежливыми и тактичными.

Очерк А. Эрмана переведен нами на русский язык и подготовлен к печати. Мы выражаем благодарность коллеге из Германии Андреасу Вайбелю за предоставленную возможность ознакомиться с данным очерком.

Литература

1. Матвеев Б.Г. Чувашаи ульяновские (симбирские) / Б.Г. Матвеев, В.П. Иванов // Краткая чувашская энциклопедия. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. - С. 469-490.
2. Николаева Э.Г. Исследователи чувашского края: биобиблиогр. указатель / Э.Г. Николаева, Н.Д. Никитина. - Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т., 2002. - 256 с.
3. Русские писатели о чувашаих / сост. Ф.Е. Уяр. 2-е изд., доп. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. - 589 с.

4. Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюц. период / сост. Н.И. Егоров, М.Г. Данилова; под ред. М.И. Скворцова. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. - 253 с.

5. Erman A. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830 ausgeführt von... Agth/A. Erman. Berlin, 1833. I, Bd. 1.

6. Erman G. A. Die Simbirskischen Tschuvaschen / G. A. Erman // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Rußland. Berlin, 1851. Bd. IX. S. 562-588.

Г.А. Эрман (Германия)

СИМБИРСКИЕ ЧУВАШИ

Как известно, существуют большие и маленькие поселения чувашей в наместничестве Казани, Симбирска, Пензы, Саратова и Оренбурга. В общих чертах все они похожи друг на друга, именуются лишь некоторые отличия в диалектах, национальных костюмах и обычаях. Казанские чувашаи, например, отдают предпочтение употреблению в речи причастия и герундия, нежели личных форм глагола; симбирские чувашаи, напротив, либо используют личные формы, либо хотя бы добавляют их. Таким образом, казанские чувашаи говорят: *wul kilsá* (вål килсе. – А.И.)*; *wul puchsá* (вål пухса. – А.И.); а симбирские чувашаи говорят: *wul kílhy* или *kaisá kílhy* (вål килнё, кайса килнё. – А.И.). С другой стороны, костюмы и наряды казанцев имеют более глубокий смысл, нежели наряды симбирян. Далее обратимся к симбирским чувашам, которые являются менее известными по сравнению с казанскими, и остаются верными первобытному образу жизни своих общих предков.

Симбирские чувашаи гораздо беднее чем их остальные соплеменники, они грубее, и в то же время более робкие по сравнению с казанскими чувашами, проживающими на близком расстоянии от военной дороги между Казанью и Москвой. Бедность, грубость и боязливость симбирских чувашей в некоторой степени объясняется их местонахождением, которое определило их судьбу.

В окрестностях Суры много богатых рыбой озер, сенокосных и полевых угодий, лесов; и столько возможностей для производства всевозможных продуктов, что за счет них могли бы стать достаточно богатыми миллионы предприимчивых людей. Однако чувашский житель не обращает внимания на эти дары природы; он живет одним днем, запасается на короткий промежуток времени и не бережет монету на следующий день. Если, например, нужно затопить печь, а дров нет, чуваш добудет один воз дров, и будет довольствоваться этим; если он живет в лесу или недалеко от него, он и вовсе не станет держать повозку. Из домашних животных у него есть несколько коз, из козьего молока он готовит свой любимый напиток уйран. Все остальное время, особенно зимой, он проводит, лежа на саганче, курит махорку или нюхает табак, в приятных раздумьях о том, что у него всегда будет

* Здесь и далее примечания в скобках А.М. Ивановой.

достаточно дров, чтобы сварить яшка (капустный суп). И лежит он так, в сладких раздумьях, пока не придет время платить налоги; а когда приходит время, день и ночь размышляет, откуда достать деньги, при этом он никогда не потратит свои 50 рублей, накопленные на всякий непредвиденный случай. Хотя есть и чуваша, которые занимаются пчеловодством, держат мельницы и увеличивают свои земельные угодья, арендуя новые земли для их возделывания; однако такое встречается редко, особенно в деревнях, расположенных в лесу.

Леса Симбирской губернии простираются на расстояние 400 верст вдоль и по меньшей мере 80 верст поперек. Здесь растут высокие березы, местами встречаются пихты и ели, коренастые липы, клены и осины, но чаще всего – крепкие многолетние дубы. В этих лесах есть такие места, куда, пожалуй, не ступала нога человека; и без преувеличений можно сказать, что даже волки и медведи не были в этих многочисленных лесных расселинах и чащах. Часто симбирские чуваша уходят за 30 верст глубоко в лес и живут там со своими семьями вдали от остальных людей.

Начнем описание образа жизни чувашей с избы, которая у всех сооружается однообразно, ее каждый уголок имеет свое значение, в особенности в отношении религиозных обычаев.

Изба чувашей строится таким образом, что вход в нее всегда направлен на восток, и он обычно не загораживается забором. Иногда две, три или даже пять семей строят свои избы в один ряд или друг за другом и огораживают их одним общим плетнем. Порой зажиточные чуваша строят вокруг дома забор из бревен и живут отдельно от всех, таким образом, показывая всем свое превосходство; так как рожап син (пуян сын. – А.И.), то есть богатый человек, для чувашей имеет то же значение, что и «умный, достойный уважения человек». Для домашних животных огораживают небольшие участки земли на южной стороне, куда выходит одно единственное окно закоптелой избы. Избы покрываются соломой и всегда состоят из одной комнаты без перегородок; выходя из избы, можно увидеть нечто вроде podmostje (помоста) в три аршина, который тянется вдоль восточной стороны избы. На этот помост ведут десять-двенадцать грубых дубовых ступенек, расположенных слева. На правой стороне находится нечто вроде навеса, под которым в летнее время семья принимает пищу, или хозяин дома сидит со своими друзьями в часы отдыха. Эта сторона избы играет главную роль при «изгнании черта». На расстоянии десяти сажен от ступенчатого помоста стоит небольшая кладовая для хранения муки, зерна, говядины и т. д.

Войдя в покои, то есть в избу, слева, на южной стене, можно увидеть окно высотой в три четверти и шириной в $1\frac{1}{2}$ или в две четверти – на восточной стене слева от входной двери расположено волоковое окно с деревянной задвижкой, которая во время определенных религиозных

церемоний служит нишей, на которую священник ставит восковую свечу. На южной и западной стене расположена саганча высотой в аршин и шириной от $1\frac{1}{2}$ до двух аршин. В северо-восточном углу избы стоит печь из глины, которая обращена к западной глухой стене. По всей ширине этой печи горит огонь. Дым выходит в помещение и рассеивается либо через открытую дверь, либо через волоковое окно, которое находится в углу над печью на северной стороне дома. В зимнее время, как только дым, похожий на черное облако, поднимающееся над саганчой, рассеивается, двери закрывают, и остаток дыма просачивается через полукруглое окошко над дверью. В некоторых домах перед печью располагается хозяйка дома со своими гостями. Здесь же неподалеку, между печью и юго-западным углом дома, располагается хозяин дома с неопрятными детьми; именно это место в доме отводится его близким родственникам и священнику из церковного округа. Левая сторона, начиная от этого угла до входной двери, предназначена для почетных гостей; бедняки и юные гости стоят между печкой и дверью. В переднем углу избы – треугольная ниша для икон. Под саганчой находится нечто вроде погреба со специальным входом прямо напротив печки, то есть в женском углу. В этом погребе хранят уголь, картофель, пиво и водку.

Пол и саганчу никогда не моют; пол подметают веником без листьев (голиком) или маленьким толстым березовым веником. Часто в доме накапливается грязь размером с ладонь и образует маленькие засохшие холмики, которые порой соскабливают с помощью скребка или железной лопаты. Избы сильно закоптелые из-за сажи, которая осажается на потолке и на стенах. Эта сажа и грязь, оседающие на единственном окне, через которое проходит свет, делают помещение очень мрачным; тем не менее, чуваш радуется жизни в этой норке; здесь он пирует и проводит религиозные церемонии. Двери избы и сарай обычно запираются деревянными замками, которые снаружи закрепляются четырьмя деревянными гвоздями. Замки открывают с помощью кривого, зубчатого деревянного ключа. По прочности такой замок не уступает железному, если учитывать то, сколько времени понадобится вору, чтобы взломать запертый замок.

У чувашей нет культуры купания и нет ничего подобного, похожего на ванну, так как они моются редко, за исключением купаний в летнее время. Мужчины меняют белье лишь в том случае, если они отправляются в дальнюю поездку или собираются в течение нескольких дней погостить у друга. О мыле, как о средстве гигиены, чуваша, пожалуй, не имеют ни малейшего представления, хотя в языке встречается слово sobon, что означает мыло. Однажды я подарил фунт мыла одной зажиточной чувашке, чтобы она передала его своей дочери, чтобы та помыла лицо; потом я вышел из дома и примерно в течение получаса чем-то занимался. Когда я зашел в дом, я увидел, что женщина все еще держала в руке маленький кусок мыла. На

вопрос: *men ase tuwadyng* (мён эсё таватан? – *А.И.*) *was machst du?* она совершенно спокойно ответила: *sábon sijádyb* (супань сьетёп – *А.И.*) *ich esse die Seife!* И действительно, женщина съела весь мой подарок.

Казанские чуваша строят свои дома тем же способом, однако во всем чувствуется опрятность. В особенности это заметно среди тех, кто проживает на военной дороге вдаль от лесов: они достаточно зажиточные; пусть это мелкий хворост или окоренное дерево, но у них в запасе есть дрова. Дома чаще всего крыты брусьями, реже – соломой; заборы чаще всего построены из бревен, нежели из плети. Казанские чуваша держат больше домашнего скота и птицы; скот лучше и крепче. И все это потому, что казанские чуваша трудолюбивей, чем симбирские чуваша. Однако они трудолюбивы потому, что имеют возможность продавать продукты с их хозяйства проезжим или на ярмарках.

Далее перейдем к ежедневным занятиям симбирских чувашей, к их домашнему хозяйству и времяпровождению.

Чуваша встают очень рано, особенно зимой. Естественно, сначала просыпается хозяин дома, откашливается, громко зевает и спрашивает у своей жены, спит ли она. Затем он говорит: *turás kérie* (тăрас кирлĕ. – *А.И.*) *wir müssen aufstehen!* Потом слегка причесывается и зевает еще страшней, идет к печи, раздувает огонь и закуривает первую трубку. Он сует сосновую лучину в *Swjetéz*, причесывается еще с полчаса и обувается. Следует заметить, что этот хозяин дома имеет три-четыре сына, две-три дочери и считается более или менее зажиточным, так как у него много рабочих рук. Вслед за хозяином дома встают все члены семьи, они умываются, пьют воду, сполчаса расчесываются и принимаются за работу, незаконченную накануне вечером. Отец располагается на саганче, растягивается на нем с курительной трубкой и лишь изредка спрашивает о чем-то. С наступлением рассвета дети выходят в карда, или скотный двор, чтобы убрать за домашними животными и покормить их. Зажиточный чуваш дает своим овцам и коровам сено, лошадям – овес и отруби из молотой соломы, замоченные кипяченой водой и посыпанные мукой. Свиной кормят мякиной из зерновых или ржи. Лошади бедных чувашей должны довольствоваться сеном, а остальные домашние животные – соломой, оставшейся после сбора летних зерновых хлебов.

В то время, когда сыновья ухаживают за домашними животными, дочери впускают всю домашнюю птицу в дом и кормят их овсом или семенами всяких трав, затем они идут за дровами и за водой. Хозяйка дома топтит печь и месит заготовленное еще с вечера тесто для хлеба. Испеченный хлеб поднимается на 3 вершка и достигает в диаметре 4 вершков, и его никогда не вытирают сверху, так что на верхней корке хлеба лежит мука порой с полпальца. Когда чуваш ставит хлеб в печь, он шепчет мистические слова над корочкой этого каравана и делает указательным пальцем от одного

до пяти ямочек, которые указывают на количество караваев, и в то же время имеют особое традиционное значение. Перед тем как посадить хлеб в печь, хозяйка печет из того же теста оладьи и раздает их всем домочадцам на завтрак. А хозяин, одевшись зимой в кафтан, рукавицы, меховую шапку, сидит там же внизу, кашляет или курит в ожидании, когда будет готова горячая соленая картошка и его любимый яшка, который чуваша варят в подвешенном над очагом котелке с выпуклым доньшком, похожим на используемый на судне котелок. Между хозяином и хозяйкой виляет худощавая кошка и извивается похожая на скелет собака, выискивая хлебные крошки и облизывая рассыпанную муку. Когда печь уже затоплена, а яшка уже готов, хозяйка начинает толочь салат в маленькой деревянной ступке; между тем все те, кто был во дворе, собираются к обеду и садятся за стол. После приема пищи все по очереди пьют холодную воду – их обычное питье; затем они заканчивают начатые дела или ложатся отдыхать; котелок с остатками яшка они ставят на печь на благо собаки. Вечером девушки собираются вместе, садятся вокруг хозяйки дома и выполняют всякую женскую работу, при этом они весело общаются. Сыновья присаживаются там же, отодвинув от печи дубовые пни, которые служат в качестве стульев, и делают лапти или ремонтируют хомуты, ремни, домашнюю утварь и такого рода предметы, в то же время остальные направляются к двери и выют бечеву, завязав небольшие связки мочала к дверной петле. А хозяин дома начинает пировать, если к нему приходит в гости сосед, что случается чуть ли не каждый день: он достает ведро пива или, если его нет, ивашку из погреба, угощает им своего гостя и пьет сам.

Чуваша варят отменное пиво и используют для этого большое количество солода: от Петербурга до Москвы не найти пива лучше. У этого *сутá* (сăра. – *А.И.*) горьковатый вкус и янтарный цвет. Оно все время пенится, как шампанское, опьяняет, но не вызывает головной боли, особенно когда его варят в марте и все лето хранят в погребе под снегом. У одного русского жителя в деревне Торай Казанской губернии я видел такое пиво, которое уже сорок лет хранилось в подвале в дубовой бочке объемом в 40 ведер, и его обычно пили, разливая в бокалы для вина: пиво было хмельное и необычайно вкусное. Выпив пару ведер такого пива, все мастера в округе начали варить пиво и отныне хранили его в бочках. Что касается ивашки, то это нечто иное, чем чувашское пиво, в составе которого $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ солода, что необходимо для изготовления хорошего пива, и большое количество хмеля. Именно поэтому этот напиток жидковатый, с терпким вкусом, быстро прокисает, и через некоторое время превращается в нечто среднее между квасом и пивом. Ивашка сильно опьяняет и вызывает сильные головные боли и понос. Кроме того, у чувашей есть особый охлаждающий напиток, который называется *Iren*

(уйран. – *АИ*), и готовят его преимущественно из прокисшего козьего молока; он молочно-белого цвета, кисловатый и довольно приятный на вкус.

В то время, когда отец пирует, девушки, находящиеся в доме, не имеют никаких забот: они прядут, шьют, вышивают и рассказывают друг-другу всякие былици и небылици, советуются между собой, что вышить на рубахе, которую жених получит в качестве свадебного подарка, или как украсить вышивкой подвенечный наряд для невесты, чтобы он был красивым и выделялся. Когда вышивают рубахи для жениха или для мужчин, края горловины шириной в два пальца, там где должен быть воротник, украшают разноцветными коралловыми бусами зеленого, красного, преимущественно черного цвета; разрез рубахи украшают черными шерстяными нитками. На воротнике женской рубахи, рукавах и краях платья шириной в 1½ вершка вышивают цветы и конусы, либо украшают их вышивкой из черных и красных шерстяных нитей без коралловых бус. Зажиточные чувашки вместо шерсти используют шелк.

Зимой приближение времени для отдыха чуваш определяет по своей зевоте и по тому, как молодые барашки и козлята прыгают и скачут в избе, аккомпанируя веселой болтовне девушек, и усталые, с наступлением вечернего времени, за два часа до того, как хозяйка лягут спать, ложатся под свет и дремлют на угольках, падающих от горящих щепок. Чувашки никогда не делают лучины из березы, так как они боятся того, что за причинение вреда этому священному дереву могут быть наказаны болезнью.

Летом отец, ожидая, когда приготовится яшка и освободятся его дети, начинает сцеживать пиво и мед, если конечно у него есть ульи. Затем маленькие медовые бочки прополаскивают водой, эта вода прокисает, туда добавляют хмель и, так же как и пиво, оставляют бродить. Когда медовая вода забродит и начинает убежать, ее переливают в бочонки и ставят в подвал на снег. После того как отстоится, она приобретает восковой цвет и становится прозрачным. Напиток в посудине становится игристым, крепким и вкусным. Он очень хмельной, особенно если его только что приготовили.

Те чувашки, у которых есть пасеки, порой живут в 30 верстах от приходской церкви глубоко в лесу; они редко держат ульи в деревне. На севере и северо-востоке пасеки находятся под защитой цепи холмов с высокоствольными лесами вдоль Суры; а на юге пасеки располагаются вблизи ручейков, на небольших полях, в лесочках с редкими липами, березами, кленами и молодыми дубами, которые нужны пчелам для сбора нектара. Ульи делают из загнившего с внутренней стороны дуба, который достигает трех аршин в высоту и одного аршина в диаметре. Сверху их покрывают корой вяза или березы, располагают в один ряд с севера на юг на расстоянии шести аршин друг от друга, с двух сторон подпирают дубовыми кольями и окружают их канавой глубиной в пол-аршина, чтобы дать возможность просачиваться воде во время дождя и защитить пчел от недугов

и муравьев. Передняя часть ульи всегда обращена на восток, чтобы восходящее солнце побудило пчел работать и согрело улей, если ночью было влажно, туманно или выпала роса. А днем такое расположение защищает от жарких солнечных лучей, которые, однако, не так сильно проникают внутрь ульи и не могут причинить вред пчелиным сотам.

При наличии такой колонии пчел чувашский крестьянин все же имеет огород и пашню, косит сено – т.е. он занимается домашним хозяйством, и ничего не может заманить его в деревню; пожалуй, это случается лишь тогда, когда заболевает кто-то из членов семьи: в этом случае, в тревоге, что больной может умереть без исповеди и причащения, прямо ночью чуваш идет к священнику церковного прихода и просит его приехать к нему домой. Добрый духовный пастырь сразу отправляется в дорогу, чтобы выполнить свой священный долг; он проходит около 30 верст, темными осенними ночами, через проливные дожди, а зимой – через снежную пургу, оглушаемый воем волков и пугаясь треска сучьев, которые падают со столетних дубов.

Пчеловоды платят налоги, покупают соль и табак, пьют выдержанную водку на деньги, вырученные от продажи меда русским кушам. Они мало занимаются земледелием – с одной стороны, потому, что могут удовлетворить свои потребности благодаря тому, что продают мед, с другой стороны, потому, что лесная почва не подходит для земледелия. Впрочем, живущие в деревнях чувашки тоже обрабатывают землю неряшливо, за исключением некоторых зажиточных семей, у которых есть лошади. Навоз для удобрения вывозят на пашню еще зимой, и он лежит там небольшими холмиками, пока не начнут пахать землю; при этом хлеба всходят хорошо лишь там, где земля была удобрена навозом; остальные участки пашни обрабатываются мало, либо вовсе не возделываются. Следует также обратить внимание на то, что чуваш использует землю неэкономно, так как между полями он оставляет невспаханными большие участки земли, плохо сеет, скудно боронит, вместо удобрений иногда бросает в поле несколько связок соломы или грязный лед, а некоторые чувашки и вовсе не удобряют землю и даже не спрашивают совета у своих единственных барометров, а именно стариков, когда начинать посев: остается только удивляться, как они не остаются без хлеба. Однако среди чувашек бывают исключения и встречаются хорошие земледельцы; у них есть и полные гумна, и солома на всю зиму, домашний скот и сильные лошади. С началом осени и до начала зимы главы семей почти не выходят из гумна и большую часть времени в году проводят в зерносушилках, где чутко следят за поддержанием огня и сушкой зерна.

Ток, в котором накапливается и молотится зерно, строят на краю деревень, а иногда и за пределами деревень, чтобы обезопасить их во время пожара. Зерно складывается в амбаре на голой земле в большой конусообразный стог с проветриванием внутри. Зерносушилки у чувашек в форме полукруга или

воронки, состоят из тонких жердей в три сажени, над продолговатой ямой глубиной в сажень, два локтя шириной и два сажени в длину. Стены ямы обшиты дубовыми досками, на западной стороне стоит печь для огня. Снопы расположены снаружи и вокруг жердей с проветриванием; проветриваемую сторону защищают широкой корой деревьев, которые так же, как и уложенные вокруг каркаса снопы, снизу доверху обмотаны канатом. Вход в яму находится на восточной стороне и снаружи каркаса жердей, так что бдительный хозяин при несчастном случае безопасно выпрыгивает из ямы, где падают снопы со всех сторон и сгорает очень малое количество зерна. У ленивых хозяев на току растет трава: крапива, полынь и другие сорняки загораживают вход; а трудолюбивые содержат его в чистоте, и зерновые стога видны издали; ток похож на город с башнями желтого цвета.

Подобные трудолюбивые, или точнее сказать, зажиточные чуваши, имели достаточное количество домашних животных и птиц, кухонные принадлежности, ветровые и водяные мельницы, а также сады. Зажиточный чуваш нередко имел от трех до десяти сильных коней, от двух до трех дойных коров, от двух до пяти коз, 20–30 кур, 5–15 уток, гусей и индеек, от десяти до двадцати свиней, которых чуваша, следуя примеру русских, начали разводить, начиная с 20-х годов этого столетия. Из молока своих коров и коз они готовили русское масло, которое продавали на рынке; но для домашнего потребления они делали свое, чувашское масло, в кусках весом от 0,5 до 2 фунтов и в форме, подобной продолговатому яйцу. Они также готовили сыр: он ничем не отличался от круглого, его сушили, а диаметр составлял 3 вершка. Своих баранов, коз, свиней, уток, гусей они иногда продавали на рынках русским торговцам, которые приходили к ним для этих целей; иногда они сами съедали мясо скотины в качестве лакомств. Чем жирнее птица, тем вкуснее она становится. Из мяса барана или козы они делали ширтан; так именно называется высушенная и некопченая колбаса, которая изготавливается таким образом: сушат мясо, затем его немного жарят, мелко нарезают, зашивают в желудок барана и вывешивают потом на солнце. Вкус этой колбасы из потрохов очень приятный, и она является легко усваиваемым блюдом; чуваш является большим мастером в изготовлении такого блюда, как и в пивоварении.

Овечью и козью шкуру они продавали на ярмарках. В огородах выращивали капусту, картофель, лук, чеснок, морковь, свеклу, мак, огурцы и т. п. Ветряные мельницы у них строились почти всегда плохо, при несильном ветре движение мельницы останавливалось. Во фруктовых садах росли в основном только яблони и несколько рябин, первые очень редко прививались и приносили не совсем подходящие плоды: яблоки в основном были мелкие и несладкие. У чувашей можно было встретить высокие дубы, коренастые березы, мощные вязы, клены, ароматные липы во дворе и в саду.

Если чуваша сбывали на рынке свой домашний скот и бытовые принадлежности, то за вырученные деньги они часто покупали выдержанную водку, особенно в зимнее время для вечерних посиделок, когда приходили приглашенные соседи и родственники из других деревень. Хозяин и хозяйка встречали гостей приветствием «килех». Во время приветствий бабы выпирались, чтобы показать свою прелесть и аккуратность, оборотной стороной руки, и делая каждый шаг, они кланялись всем туловищем, проходили на свои места напротив печи, когда как гости-мужчины всего лишь кивали головой и, делая каждый шаг, они крестились, после чего садились на места, указанные хозяином.

Я хочу описать одно вечернее общество, где я был гостем; но прежде я должен несколько слов сказать о чувашских деревнях в Симбирской губернии. То место, где я находился некоторое время, у чувашей называется Штанаш, русские называют его Штанашево. Эта деревня расположена в 14 верстах от реки Суры, на склоне горы. Западные возвышенности покрыты пашней; на северо-востоке и северо-западе протягиваются низкие горы, часть которых покрыта плодородными полями, часть – дубовыми рощами, между которыми то тут, то здесь расположены маленькие деревни с церквями из белых камней. Восточная сторона окружена также возвышенными горами, покрытыми лесным массивом Суры. Под горой и посередине деревни протекает ручей, который за свое существование благодарит несколько малых источников в лесу. На западном склоне стоит деревянная церковь Архангела Михаила; рядом красивое и удобное жилье местного священника, которое он построил своими руками в молодые годы. На западной стороне напротив окон, на горе и между ручейками, протекающими справа от дома, летом зеленеет березовая роща, окруженная прудом, поверхность которого в ясные и спокойные дни кишит карасями. Справа от дома протягивается окаймленная ивами дорожка, на склоне и высоком краю которой расположен сад с разными фруктовыми деревьями, между ними краснеет плод рябины, словно прославляет свою лечебную силу на всю местность. Летом здесь весело: вечерами время от времени вблизи леса виднеются пылающие костры, звучит чувашская мелодия, и слышно громкое ликование пар, которые до усталости танцуют на лугах, где также пасутся табуны лошадей. В конце августа по вечерам из всей деревни слышно веселье: звучание тысяч разнообразных литавр, это поют молодые чувашские женщины, которые после полевой работы обрабатывают изготовленный своими руками холст, при помощи ручного забивания, чтобы он был мягче, красивее и блестящим.

Мне повезло участвовать на чувашской вечерней посиделке у священника этой деревни, когда он у себя принимал людей. Подобные общества, которые устраивал священнослужитель, очень часто были полезны для их гостей; здесь у него была лучшая возможность сказать им

поучительные вещи, искоренить их ошибочные предрассудки в корне, развивать у них понятие чистой морали и правильное представление о жизни; и не только его одного слушали, даже каждый высказывал свое мнение, таким образом, в этом диалоге было основательное обучение. Священник, к которому меня пригласили, представил меня чувашам в качестве своего сына, недавно приехавшего из Петербурга. Было много вопросов и ответов; в конце концов, они пришли к выводу, что я, должно быть, «улпут», то есть большой господин или барин.

На следующий день один довольно зажиточный чуваш пригласил меня к себе на ужин. Мой хозяин дал мне пару лошадей вместе с кучером. Мы ехали на саних через поле в чудесный лес на Суре, который поседел от зимы; но через полчаса езды лошади вдруг остановились. «Men schajtan onda polny?» (Мён шуйттан унта пулнӑ? – *А.И.*) «Что там произошло?» – ворчал заслуженно мой извозчик. Причина была очень простой: он направил лошадей на покрытый снегом пень, и за него зацепились сани. Кучер спрыгнул со своего места, поправил сани и изо всех сил закричал: «Sirlach, Tora, anbrach!» (Сырлах, Турӑ, ан пӑрах! – *А.И.*) «Спаси нас, Бог, сжался!» При этом он выд, как волк: «Ой-йой-йой! Мён манӑн тӑвас?!» (Ой-йой-йой! Что мне делать?!). Первоначально я подумал, что он заметил стаю волков, которые на нас бросились; но вдруг на нас рассмеялся, когда заметил, что сломались лишь оглобли саней – на этом наша беда закончилась. Я помог ему кое-как закрепить оглобли, и через несколько минут в стороне от нас стала заметна деревушка. Я так сильно хотел прибытия в деревню, потому что на улице похолодало, а на моем чуваше был только кафтан, который закрывал всего лишь его грудь. Он дрожал от холода.

Мы заехали во двор знакомого моего извозчика. Я попросил извозчика отремонтировать сани и пошел в избу, чтобы посмотреть, чем занимается хозяин дома. Он сидел со своей семьей за столом. После того, как он поприветствовал меня, я объяснил ему, что я вошел погреться немножко, пока чинят мои сани.

На столе в одной большой деревянной посуде дымился всеми любимый напиток яшка, который является супом и готовится из ячменной крупы, летом из капусты с добавлением соли, масла или жира. Рядом с супом стояла четырехугольная деревянная солонка с крышкой, маленькая деревянная ступка, которой крошится соль (она добывается из соленого озера). Супруги сели в одном конце стола, напротив отца села старшая дочь, настоящая красавица, в белой чистой сшитой рубаше, с серьгами, которые при каждом движении звенели. Между матерью и сестрой сели грязные маленькие дети, спиной к двери сел двадцатилетний старший сын, огромный и широкоплечий молодой человек. Все взяли в руки круглые ложки, которые в четыре раза были больше русских столовых ложек. Женщины ели осторожнее, чем

мужчины: они поднимали ложки вертикально лбу и отправляли суп в рот под протяжный звук хлебания. Мужчины держали ложки за конец ручки, при приеме супа в рот ручку поворачивали к левому плечу и затем, в середине внезапного поворота направо, одним махом отправляли ценный суп в рот.

Вскоре вошел мой кучер и, почесывая голову, сообщил, что сани снова в порядке. Он тоже немного погрелся около печного дверца. Затем мы попросились и проехали дальше пять верст, пока не приехали в другую чувашскую деревню (цель нашего приезда), находящуюся в долине, окруженной лесом. Двор пригласившего нас человека загорожен забором из толстых досок; он содержал две избы и два отдельных амбара (или склады). Одна изба принадлежала хозяину, а другая – сыну, который отделился от него. Хозяин приветствовал нас при входе. Принимаемые гости были уже здесь, пили пиво, были и другие, ожидаемые с нетерпением.

Наконец послышался звон двух колокольчиков, и во двор въехали сани. В них сидела богатая супружеская пара из соседней деревушки. Хозяин и хозяйка поспешно вышли и сказали: «Килӑрех, Хветӑр Тимохвейч!» С этим приветствием они завели пару в избу и посадили их в противоположный угол западной стены.

На богатом чуваше была плюшевая черная шапка с черным украшением из курчавого меха ягненка, кафтан из серого сукна, завязанный красным широким шерстяным поясом, концы которого свисали по бокам, черные сапоги с наверху закрученными носами и маленький кнут в поясе. Его хозяйка была в такой же шапке и кафтане из такого же сукна, фасон которого был иной и сшит по-другому. Их гладко причесанные волосы блестели так, как будто были намазаны олифой. Поперек головы от уха до уха была изготовленная своими руками повязка из цветных шерстяных ниток. На концах этой повязки и на ушах спереди закреплено тонкое треугольное полотно, висящее под подбородком: символ замужних женщин. На конце, который прилегает к груди, висело Choschpa (хушпу – *А.И.*), длинный четырехугольник из кожи в три вершка и шириной в два, украшенный серебряными монетами. На верхнем хушпу тоже были серебряные монеты. Рубашка была сшита из прекрасного чисто белого льна, на воротнике и подоле закреплены пестрые шелковые цветы и завязаны широкой лентой из черного шелка. На висящих концах ленты с левой стороны были длинные и густые кисточки из черных шелковых ниток. От колен до обуви ноги закрывал длинный кусок толстого сукна – из тридцати витков, вследствие чего нога укутана полотном толщиной в 5 вершков. Над этим плотным покрытием и под платьем, которое достигает всего лишь до колен, виднелись льняные штаны. Такие штаны носит каждая чувашская женщина с ранних лет. На спине до пояса висел Sarpan (сурпан – *А.И.*) – кусок очень изящного льна шириной от пяти до шести вершков, с поперечными складками, которые

не защиты, а просто оформлены «давлением»; на спине сурпан верхним концом привязан к повязке головы, нижние углы закреплены к поясу. Таким образом, сурпан определяет длину косы, которая тоже заправлена в пояс. В каждом уже были по три кольца диаметром в три вершка, к ним привязаны нитки с красными, голубыми и черными стеклянными бусами.

Когда богатая пара вошла в избу, все перестали разговаривать. Слышны были только шаги хозяина, который пошел в угол к хозяйке; последняя объяснила ему, что он должен делать.

Хозяин сразу из угла своей половины принес выдержанную водку, откупорил торжественно, налил в бокалы и передал его приехавшему гостю. Он говорил *tawa sana!* (тав сана! – *А.И.*) и одним глотком опустошил бокал. Хозяин, с водкой в левой руке, ответил *tawach* (тавах – *А.И.*), почесал голову и поклонился. Когда чувашский господин или богач сказал тебе *taw sana*, а ты ответил дружелюбно *tawach*, то ты должен данный тебе напиток выпить до конца, иначе все присутствующие будут обижены.

После того, как хозяин угостил богача водкой, он по очереди угостил всех гостей с тем же приветствием и ответом. Тем временем хозяйка угощала гостей пивом, которое она подносила в небольших бокалах: одной рукой она держала посуду, а другой рукой держала гостью. Гостя немного выпила пива, облизывая губы, и хотела вернуть бокал, но хозяйка изычно отталкивала правой рукой посуду: гостя снова немного выпила, то же самое делала губами и снова хотела вернуть кубок. Снова было новое возражение со стороны хозяйки, и гостя наконец выпила пиво. Эта церемония продолжалась до 15 раз, и почти все происходило молча.

После того, как гости и музыканты были угощены водкой, хозяин угостил их в том же порядке пивом, которое стояло на столе в ведерке. И посмотрите! Из-за смешивания водки и пива фантазия чувашского богача разыгралась: он встал со своего места, выставил правую ногу, и с диктаторским выражением приказал, чтобы его и всех почтенных гостей радовали музыкой и танцами. Музыканты взяли свои инструменты, похожие на треугольную шляпу примерно длиной с локоть, с закрепленными струнами, другие достали маленькие рожочки из-за пазухи, и все было готово. Всемогущий гость взмахнул рукой и, радуя душу и голову, зазвучала музыка. Первая пауза дала возможность богатому гостю вечеринки налить артистам по два стакана водки и две кружки пива, после которого он пригласил пару на танец.

Танцор, по чувашской традиции, встал около двери напротив своей напарнице. Музыка снова заиграла и сопровождалась сильным хлопаньем. Танцор начал двигаться со своего места, сгибаясь и наклоняясь, при этом он попеременно протягивал то правую, то левую ногу. В середине комнаты он начал сильно топтать. Напарница парила напротив него; ее партнер снова вернулся к двери, затем они поменялись местами. Это было началом

настоящего танца – тихий предшественник страшной бури, которая вот-вот начнется. Хлопанье гостей, визг танцоров от души, звучание инструментов, дым дубовой лучины, свист и громкий крик – всё вместе произвело большое впечатление вихря возбуждения. Тем временем беспрерывно подавались пиво и водка, особенно последнее, из щедрой руки хозяйки.

Около десяти часов вечера женщины обняли друг друга и начали петь ой-йой-йой-йой!.. В первой строфе голос с высоких нот шел вниз, и последнее ой растягивалось; во второй строфе голос начинался глубже, чем первое ой, и снова понижался на пять тонов. Это кричащее пение ой-йой-йой, во многом не сочетающееся и становящееся от водки еще более зажигательным, почти с ужасом смешалось в единое с хлопаньем, диким смехом, криками: я не смог больше выдержать и со словами благодарности отпросился у хозяина, который в качестве ответа кивнул головой и вручил на посошок еще одну кружку пива.

С этим шумным весельем часто смешиваются также ссора и брань, как везде, где спиртные напитки в избытке. Драки этого народа очень своеобразны. Если один хочет подражаться с другим, то они выходят из избы, сопровождают свидетелями; после прелюдий один хватается санные вилы и наносит своему противнику три удара в шутку, пока тот не скажет: достаточно! Затем он дразнит его ругательными словами, чтобы таким образом обойтись с ним более мягко. Другой берет вилы и со своей стороны возвращает ему три удара, он тоже в свою очередь кричит: достаточно! Этот прием в интересах того, кто первым ударил, чтобы он не оказался единственным виновным. Если один хотел привлечь другого к судебной ответственности, то в город они чаще ездили вместе, где *A* управляет санями, а *B* сидит, повернувшись спиной в знак их ссоры. Оба они молчат в пути, как будто один из двух получает удовольствие от запаха табака другого, ни одна просьба не отказывается. Сильно обиженный во время процесса следит за лошадью и сбруей, менее виновный подает сани.

Симбирские чувашки похожи по росту и фигуре, цвету волос, одежде и поведению. Среди них есть мужчины очень высокие, сильные, бодрые, хорошо сложенные и красивые. Цвет их лица немного темно-коричневый; волосы у многих иссиня-черные, у многих с темным, светлым или красным переливом. Они отрачивают длинные волосы. Бороды у многих чувашей тоже темные и при этом довольно большие; никогда не причесываются; допускается даже, чтобы в знак счастья бороды были запутанные и длинные; такие люди должны иметь благосклонность у хозяев в гостях. В лесу я как-то видел пасечника, чья борода висела длиной с локтевую кость и образовывала три или четыре клубка.

Чувашские мужчины часто женятся в 18 или 19 лет на 40 и 50-летних вдовах или молодых женщинах, так как они были зажиточными или опытными, умели готовить яшка и печь хлеб, и могли образумить молодых

людей. Богатство чувашской женщины и ее ловкость в рукоделии измерялись количеством ее рубашек из домотканого полотна, и брали замуж только ту женщину, которая могла выполнить огромное количество такой работы своими руками. Чувашская девушка начинала работать с 16 лет на приданое и продолжала работать до 35 лет и даже дольше, чтобы с честью выйти замуж и завоевать внимание старших людей.

Девушкам в качестве приданого не дают наличные деньги; наоборот, жених платит за нее так называемый *Kalym* (хулӑн укҫи. – *А.И.*), который составляет от 10 до 100 рублей серебром.

Богатого или зажиточного чуваша можно узнать по веселому и дружелюбному выражению его лица, на нем новый или по крайней мере опрятный и недырявый кафтан, который завязан красивым поясом, зимой – рукавицы, новая или хотя бы опрятная шапка и, наконец, новая лаковая обувь и онучи, которые всегда чистые, черные как смола и многократно обвязаны. Если у такого джентльмена случается невезение и продолжается долго, то он превращается в другого человека: вся его одежда растрепанная и грязная; его бледное лицо имеет выражение глубокой подавленности; он дрожит от страха перед тем, что ему предстоит, выглядит жалко, чтобы выторговать из судебных издержек несколько рублей, которые он отложит на другой случай, и часть тех денег он хранит в кожаном кошелечке на груди под рубахой, а другую часть в онучах.

Чем богаче, тем опрятнее чувашская женщина. Бедная женщина имеет неприятный вид: ее волосы не причесаны, рубашка грязная до невозможности, онучи и обувь разодраны, несмотря на это, каждая замужняя женщина должна носить пеструю повязку на голове, хушпу на груди и сурпан сзади. Чувашская женщина Симбирской губернии на голове не носит другой одежды; только зимой, когда она куда-либо выезжает, надевает шапку. Зажиточная чувашская женщина Казанской губернии надевает на голову предмет в виде шлема, который украшен стеклянными бусинками. Кроме того, богатая женщина носит всегда рубашки – чистую нижнюю и грязную верхнюю, и когда в избу входит родственник мужского пола, она снимает верхнюю рубашку. Когда предстоит свадьба, то полотно сурпана меняется на такой же ширины кусок кожи; эта кожа украшена рублевыми монетами из серебра по всей поверхности: монеты и целые, и половинчатые. В Казани и Симбирске я часто видел подобный сурпан на татарских женщинах, он был расшит монетами из серебра и золота, или позолоченными половинчатыми рублевыми монетами.

О.П. Терехова,

*Чувашский государственный университет,
г.Чебоксары*

ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДОВЕДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СЛОВАРЕ Н.И. АШМАРИНА

Выдающиеся философы, этнографы, психологи и педагоги издавна утверждали, что каждый народ имеет собственные, исторически сложившиеся формы и средства национального воспитания. «В трудовом народе, - утверждает академик Г.Н. Волков, - испокон веков вырабатывался самобытный нравственный уклад, своя духовная культура. У всех народов было много обычаев и традиций, облагораживающих жизнь трудящихся. Они проявлялись и в отношении к природе, и в поэзии земледельческого труда, и в устном народном творчестве, и в удивительных народных ремеслах, и в добрых обычаях хорошего тона и правилах приличия» [2. С. 60]. В трудах известного исследователя чувашского языка, члена корреспондента АН СССР Н.И. Ашмарина содержатся различные сведения о природе, жизни чувашского народа. Его «Словарь чувашского языка» является филологическим и этнографическим справочником, помогает глубже узнать многие тайны духовной жизни чувашей.

Как утверждают исследователи, Н.И. Ашмарин всю свою жизнь посвятил созданию 17-томного словаря, который является, по словам М.Р. Федотова, «большим творческим трудом». Л.П. Петров отмечает, что «Словарь чувашского языка» сам автор назвал по-латински тезаурус (сокровище, клад, сокровищница), хотел включить в словарь весь словарный состав чувашского языка и сохранить это богатство языка для будущих поколений. В книге «Мое жизнеописание» Н.И. Ашмарин пишет, что начал собирать материал для словаря еще в 1896 году. Он тщательно изучал опубликованные в то время книги на чувашском языке, вышедшие в печати статьи о жизни, быте, традициях чувашского народа, материалы, собранные воспитанниками Симбирской чувашской учительской школы и предоставленные ему. И.Я. Яковлев в книге «Моя жизнь» вспоминает: «К числу интересных лиц, посещавших меня в Симбирской чувашской школе, следует причислить Николая Ивановича Ашмарина. Он родился в чисто русской семье. Отец его родился и жил среди чуваш, язык которых хорошо знал. Н.И. Ашмарин, вообще отличавшийся способностью по части изучения языков, знал монгольский язык. Он окончил с золотой медалью Нижегородскую гимназию и Лазаревский институт восточных языков. Им изданы были три выпуска (по буквам алфавита) задуманного им крайне интересного в научном отношении словаря чувашского языка (чувашско-латинского с русскими пояснениями).

При этом он задается целью «ознакомить культурно-европейские народы с чувашской народностью» [3. С. 353]. В рукописи, предоставленном Н.И. Ашмарину учащимися Симбирской чувашской учительской школы, были народные песни, пословицы и поговорки, сказки, названия рек, растений и т.п. «Цель моей работы, - отмечал он, - всесторонне изучить и показать жизнь чувашского народа. Жизнь народа отражается в его языке. Меня вдохновляет желание повысить культурный уровень чувашского народа. Судьба чувашского народа мне близка так же, как и судьба родного мне русского народа».

Г.Н. Волков утверждает, что «природа – это не просто место обитания, это и двор отцовского дома, и звезды на небе, и Вселенная, травы и букашки, заповедные (по-чувашски усыновленные) леса, священные дубравы и родники, это и пни тысячелетних дубов, срубленных прапрадедами и др.» [2. С. 61]. Он подчеркивает, что «в педагогике чувашей ясно видно стремление все окружающее, начиная от солнца и сердца человеческого и кончая песчинкой и каплей росы, подчинить задачам воспитания детей» [2. С. 62]. Слово «сут санталăк» (мир, Вселенная, природа) в такой форме блгует только в чувашском языке. В чувашских сказках, преданиях, пословицах, поговорках, песнях говорится о вечности природы. Природа воспринималась чувашами как единый живой организм, поэтому они считали, что нельзя вмешиваться в дела природы, нарушать существующие связи. Автор 17-томного словаря чувашского языка Н.И. Ашмарин пишет, что в чувашском языке для раскрытия значения слова «природосообразность» употреблялось слово «килĕшĕ» и однокоренные с ним слова: «килĕшĕллĕ», «килĕшĕллĕх», «килĕшлĕ», означающие «согласие», «приличие», «мир», «гармония». Детям внушалось, что добрым, благопристойным, приличным является только то, что не противоречит гармоническим законам природы. Приличие в словах и поступках состоит именно в соблюдении гармонии между человеком и природой» [1. VI. С. 214].

Для раскрытия значения слов, включенных в словарь, Н.И. Ашмарин приводил много примеров, что давало возможность показать многозначность слов, а также употребление этих слов в диалектных условиях. Рассмотрим некоторые термины и выражения из «Словаря чувашского языка». Например, «Сут-санталăк, свет, мир. Канн. Суккăрсем ĕмĕрне сут-санталăк курмасăр иргтересĕ. Йĕс. таканг. 35. Кĕркури. Анне пиллетĕр, сут-санталăкра суретĕр! Пирĕн тăканни те сайа каймасть. *Альи.* Çак сут-санталăкра мĕн хаклă? Ырлăхпа сывлăх пит хаклă. *Шорк.* Сут-санталăкра темĕн те куран. Сут-санталăк сутти пурне те ситет. 3. Çак хĕр сут-санталăка курсанах сұхалмалла (должна пропасть). 1в. Елĕ кун хушши пултăм, атгийя та, ашпийя та курман, тенĕ, тет, тата сут-санталăка та курман (не видала), тенĕ, тет. Авă епĕр мĕн куратпăр хамăр куспа: сĕрпыв тата сълте хĕвел, ойăх, сълтăрсем тата сълти кăвак пĕлет, апа

сут-санталăк тетĕр. // Назв. божества. Сут-санталăк турă сълĕ. Сут-санталăк амăшĕ, сұтсанталăк [1. VI. С.72].

«Сĕр, земля. *Юрк.* Тетене салтака хырссан (когда забрили в солдатты), епĕ сĕрпе тапа-тан йултам, нимĕн тума та пĕлместĕп. *Актай.* Каçар, пĕвĕм, чĕрĕ сĕр аннем (мать земли), пирĕн чуна кайма инсе, сĕклемĕ йывăр. *Сред. Юм.* Пĕрмай сăмăр сăвах тăрсан, сĕр хăпарат (почва разрыхляется), теçĕ. N. Сĕр сăхат. *Шиткин.* Орай пăлма тăна та, сĕртен сълелле ўкрĕ те вилчĕ (жена моя. Шутка). *Сунт.* Пăрахсах кайрам-ши сана, мĕн пĕлĕкрен сан снче сұхапупе чакаланса ўснĕ хура сĕрĕм? *Орау.* Сынни сăмахĕле сĕр айнех антарса ярат (т.е. от его слов готов провалиться сквозь землю). N. Ун (урхамахан) пуçĕ пĕлĕте тивмест, ури сĕре тивмест. *Янтик.* Сынна ылханă чухне сашла калаçĕ: ешлĕ сĕре хураттăр, тикĕс сĕре теметтĕр (пусть образует холмик; пожелание смерти). *Собр.* Чи малтан, юр кайса пĕтссен, сĕре е алăпа, е патакпа сасан, турă силенет, теçĕ. (Поверье). Сынна күрентерни сĕре укмест. (Изречение). 1в. Торра асанса сĕр сыртĕр (божился). *Н. Изамб.* † Ĕнтĕ сĕр саврăнать, сĕр саврăнать, ман пуçамри саврака сĕлĕк пек. T.VI. Ют сĕртен сĕр илсен, телей каять те, тырă пулмас, теçĕ. *Кан.* Хресченсен сĕр те питĕ сахал пулнă, саванпа начар пурăнăспа пурăннă» [1. VI. С. 283]. «Сĕр амăш, - амăшĕ, назв. божества 1 разр. *Кубово.* Сĕр амăшпе сĕр ашпĕ сĕре тытса тăраçĕ» [1. VI. С. 283].

«Сĕр ашпĕ, назв. божества 1 разряда. *Сред. Юм. Чăвашсем.* 3. Сĕр ашпĕ, сĕр амăш, ачана ан сăхлан, ан амсан, усме ирĕк пар, хамла пек хăпарат, сұлсă пек йарпайт. (Обряд «ача сурални»). *Вилĕ-йĕш.* Алтма пырсанах, чан малтан масар снче сăкăрпа чăкăт хываçĕ; ак сашла каласа хываçĕ: сĕр ашпĕ, сĕр амăшĕ, сак масар пуçлăхĕ, умăрта пултăр, теçĕ» [1. VI. С. 283].

«Сĕр-пыв, страна, местность. N. Вăл енчи сĕр-пыва пĕлетĕн-и? *Юрк.* Икĕ лапа тап йуртат, кайассине кайатпăр та, пуснă сĕр-пыв шел юлат. *ЧП.* Килметĕм ку сĕр-пыва. N. †Утă сұлнă күлĕсем, тырă вырнă анисем, еп (чит. еп йĕмесен, кам йĕрĕ), юла тку сĕр-пывĕсем. (Хĕр йĕрри). *ЧС.* Пирĕн ялсем сĕр-пыв типмесĕр (пока не обсохнет земля) кĕту кăлармаçĕ. *ГТТ.* Чăваш кирек мĕскерте те тĕнчене сĕр тĕлĕпĕпе пăхат: манан суралнă сĕр-пыва, ивĕреннĕ-килĕшнĕ сĕр-пыва хирĕç пымасть-и вăл (это), тет. Сĕр-пыв килĕшмен вырăн пулсан, унтан тухса та каять: килĕшмест! тет. Чураль-к. † Мамăк тупĕк сармашкăн, пĕчĕк пăлтăр кирлĕчĕ; пĕчĕк пăлтăр лартмашкăн, пĕчĕк сĕр-пыв кирлĕчĕ. *КАХ.* (Вăлсем) сĕрсĕр-пывсăр, сурт-йĕрсĕр сын мар, харпăр-хăйанне (т.е. каждый сон обязанности по отношению к киремети) кирек те епле туса пычăр (пусть исполняют). Из моленья киремети «пит-гури» во время «тайан сăра»). // Назв. божества. (Упомянуется в молитве чуклеме кĕлли)» [1. VI. С. 285].

«Хёвел, солнце, солнышко. *Ск. и пред. чув.* 88. Вут пек хёвел выляса сұл түпене хәпаратъ. *Пазух.* 92. Хёвел хёрлѣ хёресем, Турай хёрсеме тийейсе, суйламасар илес мар. *Дик. лѣб.* 43. Хёвел анса ситесе Елисан пиччѣшѣсем вѣссе таврәннә. Когда зашло солнце, в пещеру прилетели братья. КВИ. Сутә юхам унан айенче, сұлтен ылтган хёвел сүтатъ. Под ним струя светлей лазури, над ним луч солнца золотой. *Оп. Ис. Ч. II.* Сывлӑх пулсан таврӑнӑпӑр, хӗвел пекех саврӑнса. Если будем живы, то вернемся подобно тому, как обращается солнце. *Шурӑм-п. № 19.* Хёвел анса ларчѣ. Халѣ апат снет пулѣ, а́на амӑшӗ пӑтӑ пӗсӗрсе ситерет, тет. N. Сивѣ кун висѣ хёвел пулатъ. N. Хёвел витѣр (пӑхнӑ чухне) сӑмӑр сусан, тата тепѣр сӑмӑр пулатъ. Если сквозь солнце (когда оно светит) идет дождь, еще дождь будет. *С. Алг.* Кирк асга кайсан та пѣр хёвел, суратнӑ сѣр-пывсем шел юлатъ. N. Сар хёвелге (в солнечные дни) сырла часах писет. N. Хёвеле пӑх та уйӑха пӑх, хёвел суги сап-сарӑ, уйӑх суги сап-сугӑ. N. Пѣлѣт сичне илемлѣ хѣр сүрет. (Хёвел). N. Пӑх-пӑх, хёвел, пӑх, хёвел, су чашкипе су парам, пыл чашкипе пыл парам, ачу пыва кайсассӑн, кевенте пусѣпе туртса илѣп, сана хѣрли, мана шурри. (Савӑ). *Н. Карм.* Сирѣн пѣвѣр сичсе, сӑнӑр хитре, питѣр сичне хёвел сугти пур. N. Хёвел тѣтреленсен, уяр пулатъ, тецѣ. N. Тавану килнине курсассӑн, хёвел пулса чупса тух. *Торп-ж.* Карӑнтӑк витѣр ылтган туя кѣрѣ. (Хёвел). N. Еп сана савӑншӗн олгалап полсан, ман сине хёвел ан пӑхтӑр (пусть помру). N. Хёвел кантӑрлаччен вӑкӑрпа чӑпать, тет, кантӑрла иртсен, карсакпа чупать, тет. *Артишок.* Ачамсене пѣр пичѣ хёвел, тепѣр пичѣ уйӑх тавӑттӑм. Вусӑрах сунать, сунатсӑрах вѣсет, урасӑрах чупать. (Хёвел). *Магн. М.* 63, 64. Хёвел ашшѣ, амӑшӗ, хӑлхи, соначӗ, ори» [1. XVII. С. 5].

«Уйӑх, ойӑх, луна, месяц. *Трехбат.* Уйӑх йѣтем пысӑккӑшӗ, теччѣс ваттисем. *Альш.* Уйӑх сичне пыв кевентиллѣ хѣр тӑратъ, тецѣ. *Н. Седяк.* Уйӑх сичне кевентепе витре йӑтнӑ хѣр тӑратъ. Сав хѣрѣн икѣ вӑрӑ пиччѣшӗ пулнӑ, тет. А́на сурсӗр тӗлӗнче, вӑрӑран таврӑнсан, шыва янӑ, тет. Савӑнта хайхи хѣр макӑрса каланӑ: манна уйӑх хӑй патне илинчѣ, тенѣ. Вара а́на уйӑх илнѣ. *В. Олг.* Полнӑ ѣлӗкхи арамӑн хѣрѣ. Амӑшӗ осалпала пѣр шот тыгнӑ, осала качча пара стенѣ. Сиччас хѣре сор сѣрте кафанхи амӑш хусарат шу патне. Кайат хѣр шу патне макӑрса. Шу патне ситсен, осал илсе каймалла хѣре. – Ойӑх та пор, тет. хуел те пор, тет – осала качча кайиччен, илѣр манна, тет. Кафан торӑ хӑпартат она ойӑх патне витри-мѣнѣпе. *М. Вас. № 3, 19.* Уйӑх сине пӑхсамӑр, ваттисем: Марйе тӑратъ куйланса, ик айккинче витрисем. *Ст. Чек.* Ёлӗк уйӑх аслӑк тӑрринче кӑна пулнӑ, аслӑк сичне кацхине хѣрсем тѣрѣ тунӑ. Пѣр хѣрарӑм, таса марѣ кайнӑ чухне, сынсем сук чухне, вӑтаннипе уйӑх сине таса маррине сѣрнѣ. Уйӑх сичѣ кун, сичѣ кац шавласа хӑпарнӑ. *Обр. чув. пес. Пазухина.* Уйӑх пѣччен, теиссѣ: пѣччен мар-ске, сӑлтӑр пур; сар хѣр пѣччен,

теиссѣ: пѣччен мар-ске, каччи пур. *Сягра.* Сунатсӑрах вѣсет, тымарсӑрах ситенет. (Уйӑх). *Альш.* † Кӗркуннехи сѣрсем тѣттѣм сѣр: уйӑхсем пулмин те, сӑлтӑрѣ пур. *Собр.* † Уйӑх витѣр уй куранать. *Собр.* Уйӑх пур та, сугти сук. (Тамана шӑтӑкӗ – слуховое окно). Ст. Чек. Еп а́на уйӑх сугтинче (при свете м.) аран палларӑм. N † Тӗсӗр-пусӑр (ваш облик) тулнӑ уйӑх пек. B. Хирлешы. † Уйӑх суги пек варличчѣ; уйӑх сугипе уйрлас-и, хёвел сугипе уйрлас-ши? (Солд. П.). *Т.М. Матв.* Пуриншӗн те уйӑхпа хёвел пулаймӑн. (Поговорка). Сѣсен хирте туман урапа кусать. (Уйӑх). Зап. А. ФУКС, 165. «Новый год начинают они с наступлением зимы, и разделяют на 13 месяцев: 1) йопа-ойӑх, м. поминовения, ноябрь; 2) чӑк-ойӑх, м. жертвы, декабрь; 3) мӑн-кӑрлач ойӑх, большой крутой м. (сильно морозная часть декабря и января); 4) кӗсӗн-кӑрлач ойӑх, менее крутой м., часть января и февраля; 5) норӑс ойӑх, м. оттепели, февраль и часть марта; 6) пошӑ ойӑх, порожний м. (от тяжелой работы), март; 7) ака ойӑх, м. пашни (для ярового хлеба), апрель, часть мая; 8) су (сг. суюл) ойӑх, м. лега, июнь; 9) хѣр (сг. хьр) ойӑх, м. свадеб, июнь и часть июля; 10) угӑ ойӑх, м. сенокоса, июль; 11) сорла ойӑх, м. серпа, июль и часть авг.; 12) йѣтӗн ойӑх, месяц льна, сентябрь; 13) авӑн ойӑх, м. молотбы, сентябрь. Дальше автор приводит записанные Н.И. Золотницким, И.С. Степановым названия месяцев и занятия земледельцев по месяцам. Отмечает, что в Белебеевском уезде чувашские месяцы соответствуют европейским, их 12. В новых книгах на чувашском языке названия месяцев часто употребляются без нарицательного «уйӑх» и вполне соответствуют 12-ти мм. Солнечного года. Их порядок: кӑрлач, нарӑс, пуш, ака, су, сѣртме, угӑ, сурла, авӑн, йуа, чӑк, раштав» [1. I. С.186].

«Уйӑха вӑпӑр сини, затмение луны. *Городище Б.* Уйӑха вӑпӑр синѣ. (Произошло) лунное затмение. *Хурамал.* Уйӑх тѣттѣмлennѣ чух уйӑха вӑпӑр сийат, тецѣ. А́на курсассӑнах, пилеш сенѣ йушпине чѣрсе (=уйӑрса) пӑрахацѣ, унтан уйӑх еннелле тухса, уйӑха хирѣс вуглӑ кӗл сапацѣ; сапла тусан, вӑпӑр сине чарӑнагъ, тецѣ. *Богат.* Пѣр вӑпӑр карчӑк пулнӑ, тет, унан кѣрүшӗпе хѣрѣ пулнӑ, тет. Уйӑх тулса ситсессӗен, сав карчӑк кѣрүшпе хѣрне чӗнчѣ, тет те, пӑртак каласса ларчѣс, тет. Карчӑкки кѣрүшпе калать, тет: эсѣ уйӑха пусланӑ чух тура ан асӑн, тесе каларѣ, тет. Вара кӑмака самки сине вир акрѣс, тет, те, виссѣш виц пучушши сине утланса, уйӑх патне хӑпарса карѣс, тет. Карчӑккипе хѣрѣ иккѣшӗ те тура асӑнмасӑрах уйӑха пусласа сирѣс, тет. Кѣрүшӗ: турӑ сырлах, турӑ пулӑш! тесе сине пусларѣ, тет. Хуньамӑшӗ кѣрүшпе: апла ан кала, турӑ илтет! тесе каларѣ, тет. Турӑ илтсе пычѣ, тет те, карчӑккипе хѣрне шалча сине, кѣрүшпе улӑм ури сине лартрѣ, тет» [1. I. С.186-187].

«Сӑлтӑр, звезда. 1) Сичѣ сӑлтӑр, Большая Медведица, 2) икнѣ? сугӑ сӑлтӑр, вращаются вокруг неподвижной (оси), 3) хѣрес сӑлтӑр, 4) курка сӑлтӑр, 5) выйӑл сӑлтӑр, 6) христос сӑлтӑр, 7) такана сӑлтӑр,

СГИК. Ҫăлтăра чашкă пысăкăш теççĕ, уйăха йĕтем (ток) пысăкăш. *Альп.* Ирпе çăлтăрсем сунчĕс (погасли). *Ів.* Кашни сыннан пĕлĕт синче хайĕн пĕр çăлтăр пулат, тет: суралнă чухне тухать, тет те, вилнĕ чухне пĕлĕт синчен ўкет, тет. *Н.* Çăлтăр хыçсан çăлтăрсем, вĕсен шучĕ сук. *Н. Лебез.* Эпир, эпир, эпирчĕ, утмал икĕ хĕрчĕ, сутапиччен сук пултăмăр. (Çăлтăр). Юрк. Кĕвенте çăлтăр, сута çăлтăр, ала çăлтăр, сич çăлтăр. *Сред. Юм.* Пĕчик ача таса, илемлĕ пулсан: ачи çăлтăр пек, теççĕ. *Курм.* † Пирĕн куçран мĕн пăхас, сут çăлтăра корман-и?» [1. XIII. С.19].

«Çăлтăр ушкăнĕ, созвездие. *Баран.* 93.» [1. XIII. С.19].

«Шыв, вода. *НР.* Атăл шывне асмашкăн сута витре кирлĕ мар. Чтобы зачерпнуть волжскую воду, светлого ведра не нужно. *Хурамал.* Шыва ярсан, кĕмĕл ирĕлмĕ. Если пустить в воду серебро, не растворится. *Ів.* Шăнкăрчă чĕппи шыв ёснĕ чух хура пуллăн мĕн ёс пур. Когда молодой скворец пьет воду, какое до этого дело рыбе? *Ів.* 69. Шывран тислĕк шăрши, кукĕрт шăрши, çĕрнĕ шăршă кĕрет пулсан, вăл шыв аван мар пулат. *Ів.* 71. Шыва таса тăратас пулассан, унта тислĕк, сунĕ-сапă, вилĕсем тăкасран чарас пулат. *Ст. Чек.* Шыва юха пырат, пăрĕ шăна пырат. (Пир тĕртни). *Зап. ВНО.* Шыва ярсан путмĕ, çĕре хурсан курăнмĕ. (Çу). *Ів.* Шыва ярсан путмĕ, çĕре хурсан çĕрмĕ. (Кăмрăк). *Т. Григорьева.* Шыван турат сук, вутан али сук, теççĕ. *Никитин.* Хурсем шыв пур вырăна анчах çĕр кăсма ларасçĕ. *Ів.* Аслă шыва кĕтĕм ашăк тесе, ёнчĕ куçлă çĕрĕ пур тесе; ёнчĕ куçлă çĕрĕ шыв сuti, эпир атте-аннен куç сuti. Вошел я в большую реку, думал, что мелко, что есть там перстень с жемчужным камешком. Перстень с жемчужным камешком – свет реки, и мы у отца и матери – свет очей» [1. XVII. С.171].

«Аслă шыв, назв. божества. *С. Алл.* Аслă шыва çапла каласа йăлăнаççĕ: «Вылăха-чĕрлĕхе ырлăхне-сывлăхне пар. Сырлах, аминь» [1. XVII. С.175].

«Сывлăм шывĕ, роса. Альп. Укăлчаран тухрăм та тулă акрăм ирхи сывлăм шывĕпе вырмашкăн» [1. XVII. С.176].

«Шыв амăшĕ, назв. божества. *БАБ.* Шыв ашшĕ, шыв амăшĕ, сырлах пире! (Из моленья). *Сиктер.* Ыр шыв амăшĕ, сырлах» [1. XVII. С.177].

«Шыв ашшĕ, назв. божества. *БАБ.* Шыв ашшĕ, шыв амăшĕ, сырлах пире. (Из молнья «учю»)» [1. XVII. С.177].

«Сăл, клоч, родник. *Н.* Сăл тухать, пробивается родник (в реке). *ГТТ.* Сăл тухнă. *Ів.* Сăл тишĕ. *Бес. чув. 3.* Вăл сырма сулла сăл пек кăна юкса выртнă, суркунне темĕн тĕрлĕ хытă, сырма хĕррисене ише-ише юкса шыпă. *Ів.* Чăх ашне лĕçерме çав сăлтан (т.е. Йашутка çăлĕнчен) шыв асна чухне: эпир шыв аснашăн ан шлен, тесе, пĕр çăмарта ячĕ. (Поминки)» [1. XIII. С.17].

«Сăл-куç, родник, источник (хотя бы он был и на дне реки). *Ала 107.* Тохас сăл-куç çол тăваткалĕнче те тохать, тиççĕ. (Посл.). *Магн. М. 196.* Сăл-куçĕнчен топрăм (так говорят о родившемся ребенке). *Кильд.* Вăл сăл-куçĕ вĕрет утă купи пушпех (пысăккăшех)» [1. XIII. С.18].

В «Словаре чувашского языка» имеются названия многих сел, рек, оврагов, лесов, озер, родников, холмов, которые позволяют современным исследователям изучить историю народа, этнографию. Например, Хура Хăнтăрла, Ута сырми, Йорманлăх Олкаш и другие показывают, какие деревья, растения росли в этих местах, какие звери водились. Шăпи йусĕ, ласка (зверек).

Литература

1. Апшмарин Н.И. Словарь чувашского языка: вып. 1-17. – Чебоксары: Руссика, 1994.

2. Волков Г.Н. Чувашская этнопедагогика / Г.Н. Волков - Чебоксары: ЧИЭМ СПбГПУ, 2004.

3. Яковлев И.Я. Моя жизнь / И.Я. Яковлев. – М.: Республика, 1997.

*Л.Г. Афонькина,
МОУ «Гимназия №1»,
г. Ядрин*

ОСТАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ В ПЛАМЕНИ ВОЙНЫ

(по произведениям «Сашка» В. Кондратьева, «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина и «Матерь человеческая» В. Закруткина)

Война и мир... Всего два слова, а какой огромный смысл заключен в них. Мы не ценим в полной мере мир, пока его не нарушит война. Но в последнее время мы почти не можем выделить, где проходит граница между миром и войной. Поэтому снова и снова перечитываем книги о той войне, самой страшной из прошедших. Каждую минуту на земле происходят важные события: какой-то малыш впервые улыбается матери, кто-то объясняется в любви или мирится после долгой ссоры. Но в эту же минуту кто-то смотрит на свой горящий от взрыва дом или теряет родных. Неискушенному ребенку трудно понять, за что люди убивают друг друга, но еще сложнее представить, как меняет человека война.

Наверное, самое сложное на войне – сохранить в себе милосердие, даже к врагу. Не всем это удастся. В повести В. Кондратьева «Сашка» герой – молодой солдат, прошедший уже «огонь, воду и медные трубы». Ему предстоит расстрелять пленного немца... Любой поймет, что на войне иначе нельзя – это враг. Но Сашка не мог стрелять в безоружного, которому он, к тому же, обещал жизнь. Он проходит испытание властью: «Он, Сашка, сейчас

над жизнью и смертью другого человека волен». Он не ожесточился внутренне, и это позволяет ему оставаться человеком.

Против нас восвала хорошо вооруженная армия Гитлера, уверенная в своей победе, армия, отличавшаяся необычайной жестокостью и бесчеловечностью. Сашка, как бы то ни было, не сможет расправиться с безоружным, ведь тогда он утратит чувство собственного достоинства, правоты и нравственности. Когда у Сашки спрашивают, как же он решился не выполнить приказ – не стал расстреливать пленного, разве он не понимал, чем ему это грозит, он ответил: «Люди же мы, а не фашисты!» [2. С. 25] В этих его словах заложен глубокий смысл: они говорят о великой человечности, присущей русским солдатам.

Повесть «Сашка» посвящена обычному человеку, ничем не выделявшемуся среди других, бою местного значения и отрезку времени жизни других таких же солдат – его товарищей, которые и помыслить не могли тогда, что эти четыре года войны представятся им бесконечной вечностью... В Сашке Кондратьева воплотились самые лучшие черты народного мировосприятия: мужество, ум, бодрость духа в самых критических положениях, выносливость, трудолюбие, гуманизм и глубочайшая вера в победу. Таким образом, читая «Сашку», понимаешь, с какой ненавистью относится Кондратьев к войне; писатель чувствовал, что подлинная поэзия подвига в простоте и естественности. Жуткий лик войны: грязь, взрывы, вши, кровь, пули, трупы – все это составляет каждую войну, этому и посвящены многие повести Кондратьева. «Достоверность – первое качество кондратьевской прозы. Достоверность – не только деталей, обстановки (на чем он настаивал не раз), но и достоверность поступков, мыслей, чувств героя», – отмечает С.И. Журавлёв [1. С. 191].

В повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» речь идет о братьях-сиротах, чей детдом во время войны отправляют на Кавказ. А там своя трагедия – репрессируют целый народ. Итог этой безумной и жестокой затеи трагичен: детдом разгромлен, Сашка убит, Кольке лишь благодаря помощи чеченского мальчика-сироты Алхузура удается спастись. Именем детства в повести вершится нравственный суд над миром взрослых. И нет прощения тем, кто предал, струсил, унижил...

На произвол сталинской карательной машины горцы отвечают резней, направленной против русских, льется кровь, гибнут невинные люди. Дети порою удерживают взрослых от кровопролития. И, конечно же, не враждуют между собой – в них сохранилось то лучшее, доброе, что утратили взрослые в жестоком азарте борьбы. Колька и Алхузур находят спасение друг в друге, во взаимной привязанности. Их находят обнявшимися, в крайней степени дистрофии и психического истощения. В этом эпизоде заключается глубокий гуманистический смысл: детство органически отторгает всякое насилие и

вражду. «Разве нельзя сделать, чтобы никто никому не мешал, а все люди были живы?» – думает Колька [5. С. 45]. Ведь на жестокость тебе ответят жестокостью, и войне не будет конца.

Писатель пытается убедить нас в том, что нет вины одного народа перед другим, как нет хороших и плохих народов, что есть низкие, темные инстинкты, есть тупоумное невежество, берущееся решать государственные проблемы, есть беззаконие, грубо попирающее человеческое достоинство, есть радиация недоверия, разрушающая любое человеческое сообщество. Несомненно, повесть «Ночевала тучка золотая» оказалась совершенно необходимой нашей современности с ее обострением национальных противоречий, созвучной сегодняшним тревогам. Она напоминает нам о том, к каким последствиям приводит вражда между народами, предупреждает от новых ошибок.

Писатель Борис Васильев говорил: «Женщина для меня – это воплощенная гармония жизни. А война всегда дисгармония. И женщина на войне – это самое невероятное, несочетаемое сочетание явлений». Конечно, эти понятия несовместимы. Женщина создана природой для того, чтобы быть матерью, воспитывать детей, быть женой, оберегать и сохранять свой дом, свою семью. Но если на землю приходит война, отцы, мужья и сыновья уходят на смерть, женщина не может остаться в стороне, не может быть равнодушной. Многие наравне с мужчинами воевали на фронте, а другие все тяготы жизни и труда взвалили на свои плечи в тылу. Такой была Мария – героиня повести «Мать человеческая» В. Закруткина. Она своей добротой обогревает не только людей, но и как бы всю природу, покалеченную войной. Она тоже знает о жестоком законе времени: убивай или убьют тебя, – но когда судьба сводит ее с тяжелораненым фашистским солдатом, она не может побороть свой внутренний голос женщины и матери. Мария, у которой убили мужа и маленького сына, которая видела гибель своей деревни, теперь не может видеть врага в молоденьком мальчике, нуждающемся в ее помощи. Без таких людей, как Мария, не может держаться мир. В человеке тяга к жизни должна быть сильнее желания мести и убийства.

И когда человек убивает человека во имя идеи, из-за разногласий в религии, другого языка или из-за старой обиды – этим он лишает себя частицы жизни. Трагедия войны отражается не только в разрушенных городах и прерванных жизнях, но и в надломленных душах людей. Будем надеяться, что у человечества хватит мудрости решать свои проблемы мирным путем. И тем, кто желает понять, что не устареют такие понятия, как честность, патриотизм, человечность, готовность пожертвовать ради других, хочется предложить прочитать повести «Сашка» В. Кондратьева, «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина и «Мать человеческая» В. Закруткина. Ведь

в них они раскрыли не только события Великой Отечественной войны, но и высокую нравственность русского человека.

Учителя – дети фронтовиков - Крупина Н.Л., Соснина Н.А. в своей статье «Я вам жизнь завещаю» пишут: «Предложить юношеству эти честные и талантливые книги для обсуждения заставляют и факты, которые вызывают боль, тревогу, возмущение, протест: порой внуки фронтовиков, наши вчерашние и нынешние воспитанники стреляют по памятникам погибшим за Родину, глумятся над братскими могилами, решаются на преступления, чтобы завладеть ценными боевыми наградами» [4. С. 50].

Литература

1. Журавлёв С.И. Память пылающих лет / С.И. Журавлев. - М., 1985. - 191 с.
2. Закруткин В.А. Матерь человеческая / В.А. Закруткин. - М., 1998. - 150 с.
3. Кондратьев В.Л. Сапка / В.Л. Кондратьев. - М., 1992. - 125 с.
4. Крупина Н.Л., Соснина Н.А. «Я вам жизнь завещаю...» / Н.Л. Крупина, Н.А. Соснина // Литература в школе. - 1989. - №3. - С. 91-104.
5. Приставкин А.И. Ночевала тучка золотая / А.И. Приставкин. - М., 1987. - 170 с.

З.В. Наймушина,

*Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола*

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ НА ОСНОВЕ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ В РЕСПУБЛИКАНСКОМ ЦЕНТРЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Система культурных ценностей – это органическая взаимосвязь продуктов человеческой деятельности, специфических технологий их создания и потребления. На нее оказывает воздействие целый комплекс факторов, в числе которых можно выделить следующие: социально-экономический потенциал, морально-эстетико-правовой и социально-политический климат в обществе; научно-технический ресурс; образовательное пространство. Ценности – специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества [1. С. 23]. Ценностное отношение является отражением внутреннего мира личности, основными составляющими которого являются устойчивые смыслы и личностные ценности, олицетворенные во внутреннем мире в виде идеалов добра, красоты, совестливости, ответственности и др. Национальные ценности складывались в ходе исторического развития материальной и духовной культуры общества в соответствии с геополитическим положением страны. В качестве национальных ценностей во всех культурах выступают фундаментальные

нравственно-этические представления и нормы, выражающие своеобразие, самобытность, особенности характера, обычаи, традиции и жизненный уклад, наиболее важные потребности многонационального народа России. Образно говоря, они представляют собой ядро его духовной жизни, в котором в совокупности отражаются лучшие черты и качества народа. Национальные ценности определяют жизненную позицию человека, его отношение к обществу и государству, прошлому, настоящему и будущему своей страны, ответственность за сохранение и приумножение национального достояния. Национальные ценности имеют огромное значение для формирования мировоззрения юношества, в них синтезировано все лучшее, что было накоплено народом в течение столетий, поскольку именно юность является тем сложным и напряженным периодом формирования нравственного сознания, выработки ценностных ориентаций и идеалов, устойчивого мировоззрения, гражданских качеств личности.

Одной из самых больших народных ценностей является педагогическая культура, целью которой является воспитание совершенного человека с помощью народных традиций, поскольку воспитание оказывает большое воздействие на формирование ценностных ориентаций молодого поколения и, следовательно, на всю его дальнейшую жизнь. Формирование совершенного человека – лейтмотив народного воспитания [2. С. 48]. Именно в юности происходит становление человека как личности, когда молодой человек, пройдя сложный путь онтогенетической идентификации уподобления другим людям, присвоил от них социально значимые свойства личности, способность к сопереживанию, к активному нравственному отношению к людям, к самому себе и к природе; способность к усвоению конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе [4. С. 422].

Большую роль в формировании ценностных ориентаций молодежи играют учреждения дополнительного образования, которые ведут активную воспитательную работу и при этом носят добровольный характер. Среди них необходимо особо отметить учреждения, имеющие национально-культурную специфику, такие как этнокультурные центры, которые осуществляют свою образовательную и воспитательную деятельность на основе народных традиций. Этнокультурное образование – это целенаправленный непрерывный педагогический процесс приобщения учащихся к этнической культуре (или культурам) в учреждениях дошкольного, общего, дополнительного и профессионального образования, на основе взаимодействия с семьей, учреждениями культуры и средствами массовой информации. Народная художественная культура является предметом современного этнохудожественного образования, которое рассматривается как важнейший компонент этнокультурного образования. Этнокультурное образование обладает огромным педагогическим потенциалом в

формировании у учащихся этнической идентичности, толерантности, культуры межнационального общения, в профилактике межнациональных конфликтов [3. С. 5].

Марийская земля давно стала родиной для многих поколений русских, татар, чувашей, удмуртов и представителей других народов. Несмотря на частые межэтнические контакты, они не только смогли сохранить свои национальные черты, обычаи, культуру, но и продолжают развивать, совершенствовать бытовые, культурные и нравственные традиции. Учитывая многонациональный состав населения республики Марий Эл, этнокультурные центры одной из своих задач ставят сохранение национальных языков и культур, традиций и обычаев, художественных промыслов и ремесел. Работу по сохранению и развитию национальных культур народов Республики Марий Эл осуществляют государственные учреждения культуры: Республиканские центры марийской, русской, татарской культуры; Центры удмуртской и чувашской культуры в районах компактного проживания удмуртского и чувашского народов. Республиканский центр русской культуры был создан в декабре 1997 года в целях развития русской культуры, сохранения и дальнейшего развития культуры и духовного богатства русского, и других славянских народов, их обрядов, обычаев и традиций, развития творческих связей с государственными и общественными организациями, деятелями искусств, науки и культуры Российской Федерации [5. С. 2]. В своей деятельности Республиканский центр русской культуры использует самые разнообразные технологии по формированию ценностных ориентации молодежи. К их числу в первую очередь относятся народные игры, праздники, фестивали, конкурсы, выставки декоративно-прикладного искусства. Также Республиканский центр русской культуры проводит различные семинары и конференции, посвященные проблемам сохранения и популяризации русской традиционной культуры в современных условиях. При учреждении существуют творческие объединения, которые способствуют сохранению, развитию традиций и внедрению народной культуры в молодежную среду: танцевальный коллектив «Млада», фольклорная группа «Тальянка», студия по декоративно-прикладному искусству «Маруся», фольклорный театр «Ярило», музыкальная группа «Жива». В творческой деятельности участников находят отражение практически все виды и жанры народного творчества. Народные традиции очень активно используются в организации творческой деятельности молодежи входящей в состав этих коллективов. Технологии, по формированию ценностных ориентаций молодежи, применяемые в деятельности Республиканского центра русской культуры очень эффективны и актуальны в настоящее время, поскольку у молодежи пробуждается интерес

к национальной культуре к обычаям и традициям, которые несут огромные воспитательные возможности, проверенные веками.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза о том, что молодежь, занимающаяся творческой деятельностью, сохранением, распространением и популяризацией народных традиций имеет более высокие и устойчивые ценностные ориентации, чем остальные представители данной возрастной категории. Для того чтобы найти подтверждение данной гипотезы, было проведено исследование, включившее диагностику ценностных ориентаций с помощью методик В.Д. Григорьева «Диагностика личностного роста» и авторская методика неоконченных предложений среди участников творческих коллективов, функционирующих на базе Республиканского центра русской культуры и студентов МарГУ, не имеющих прямого отношения к народному творчеству. В большей степени в данном исследовании интересовало отношение молодежи к двум ценностям – к культуре и к представителям иной национальности, веры и культуры. Эксперимент показал следующие результаты: характер отношений к культуре студентов группы БЖД-31 (безопасность жизнедеятельности): устойчиво-негативное отношение отсутствует, ситуативно-негативное – 12%, ситуативно-позитивное – 64%, устойчиво-позитивное – 24%. Танцевальный ансамбль «Млада», функционирующий на базе Республиканского центра русской культуры, показал лучший результат: устойчиво-негативное и ситуативно-негативное отношение к культуре отсутствует; 24% имеют ситуативно-позитивное и 66% устойчиво-позитивное отношение. Характер отношений к представителям иной национальности у студентов специальности БЖД-31 имеет следующую специфику: устойчиво-негативное отношение отсутствует, ситуативно-негативное имеют 24%, ситуативно-позитивное – 54%, и устойчиво-позитивное – 24%. Ценностные приоритеты участников танцевального ансамбля «Млада» в этом пункте также имеют более высокий результат: устойчиво-негативное и ситуативно-негативное отношения к культуре в группе отсутствуют, 60% имеют ситуативно-позитивное и 30% устойчиво-позитивное отношение. В целом, исследование выявило, что система ценностных ориентаций молодежи, занимающейся народным творчеством к десяти ценностям: к Отечеству, к Земле, к миру, к труду, к культуре, к знаниям, к другим людям, к представителям иной национальности, веры и культуры, к своему здоровью и к своему внутреннему миру, отличается большей устойчивостью и сформированностью, чем у обычных студентов, в сферу интересов которых данный вид деятельности не входит. Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась.

Анализируя влияние народных традиций на формирование ценностно-ориентационной сферы молодежи, следует подчеркнуть наличие разных к ним подходов. Одним из таких направлений является понимание национальной духовности и национального достоинства как формы ее осознания личностью.

Основными элементами, формирующими национальную духовность, выступают народный язык, народные традиции, народная культура, накопленный народом запас знаний об окружающем мире. Именно усвоение основы этой культуры позволяет осознать свою этническую идентичность, развивает чувство национального достоинства. Поэтому современная задача деятельности Республиканского центра русской культуры – продолжать так же полно использовать в воспитании молодого поколения ценности национальной духовности. Каждый народ привносит в культуру свое, и каждое достижение народов является общим для всего человечества.

Литература

1. Бережнова Л.Н. Этнопедагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л.Н. Бережнова. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 240 с.
2. Волков Г.Н. Этнопедагогика: Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. завед. / Г.Н. Волков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 176 с.
3. Концепция этнокультурного образования в Российской Федерации / сост. Бакланова Т.И., Ершова Л.В., Шпикалова Т.Я. – Йошкар-Ола, 2005. – 15 с.
4. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов / В.С. Мухина. - 7-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 456 с.
5. Устав Республиканского центра русской культуры. – Йошкар-Ола, 2006. – 13 с.

ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВ Валентин Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор более 130 научных и учебно-методических работ.

АЛЕКСЕЕВА Ирина Владимировна, учитель русского языка и литературы МОУ «Гимназия №1» г. Ядрин Чувашской Республики. Автор 4 исследований в области языкознания, педагогики, психологии, истории России.

АНДРЕЕВА Светлана Юрьевна, ассистент кафедры английского языка Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

АНДРЕЕВА Людмила Георгиевна, преподаватель чувашской и русской литературы Федерального государственного образовательного учреждения среднего профессионального образования «Чебоксарский электромеханический колледж».

АНТОНОВ Леонид Владимирович, аспирант кафедры культурологии Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

АНТОНОВ Юрий Григорьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорских литератур Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева.

АНТОНОВА Анастасия Леонидовна, аспирантка кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

АФАНАСЬЕВА Екатерина Романовна, кандидат филологических наук, докторант Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор около 40 научных и учебно-методических работ.

АФОНЬКИНА Любовь Георгиевна, учитель русского языка и литературы МОУ «Гимназия №1» г. Ядрин Чувашской Республики. Автор 3 исследований.

БАЗЫЛЕВ Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина.

ВАСИЛЬЕВА Альбина Михайловна, учительница английского языка МОУ «Чувашско-Сорминская СОШ» Аликовского района Чувашской Республики.

ВАСИЛЬЕВА Людмила Михайловна, учительница чувашского языка и литературы МОУ «Атлашевская СОШ» Чебоксарского района Чувашской Республики.

ВИНОГРАДОВ Юрий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой чувашского языка и литературы ГОУ

«Чувашский республиканский институт образования». Автор более 100 научных и учебно-методических исследований.

ВЛАДИМИРОВА Ольга Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор около 30 научных и учебно-методических работ.

ВЛАСОВА Ирина Васильевна, учительница чувашского языка и литературы МОУ «СОШ № 47» г. Чебоксары.

ГАББАСОВА Кадрия Анваровна, кандидат филологических наук, лаборант-исследователь Института Истории имени Ш. Марджани Академии наук РТ, г. Казань. Автор 20 научных публикаций.

ДЕМИН Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики региональной журналистики Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева. Автор более 200 научных и учебно-методических исследований.

ЕГОРОВА Анна Семеновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор более 30 научных и учебно-методических работ.

ЕГОРОВА Наталья Вениаминовна, соискатель Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева. Автор 9 публикаций по проблемам эссеизма в современной художественной литературе и публицистике.

ЕМЕЛЬЯНОВА Маргарита Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор 25 научных трудов.

ЕРМАКОВА Галина Алексеевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор 160 научных и учебно-методических работ.

ЕФИМОВА Людмила Николаевна, учительница чувашского языка и литературы МОУ «Чувашско-Сорминская СОШ» Аликковского района Чувашской Республики.

ЗАХАРОВА Алена Геннадьевна, выпускница факультета филологии и журналистики Марийского государственного университета. Автор 2 научно-исследовательских работ.

ЗАХАРОВА Наталия Ивановна, ученый секретарь Чувашского национального музея. Автор 11 научно-исследовательских работ.

ИВАНОВА Алена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

ИВАНОВА Валентина Михайловна, учительница чувашского языка и литературы МОУ «Сугайкассинская СОШ» Канашского района Чувашской Республики

ИВАНОВА Василиса Васильевна, аспирантка кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

ИВАНОВА Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор более 10 научных публикаций.

ИВАНОВА Ирина Васильевна, учительница чувашского языка и литературы МОУ «Большеяниковская СОШ» Урмарского района Чувашской Республики.

ИВАНОВА Надежда Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент ГОУ «Чувашский республиканский институт образования». Автор около 60 научных и учебно-методических работ.

ИГНАТЬЕВА Анисия Павловна, учитель чувашского языка МОУ «СОШ № 12» г. Чебоксары, заслуженный учитель Чувашской Республики.

ИЛЬИНА Галина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского государственного университета имени И.Н.

КАЖИГАЛИЕВА Гульмира Абзалхановна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой практического русского языка Казахского национального педагогического университета имени Абая. Автор 175 публикаций.

КАЖИГАЛИЕВА Гульжан Абзалхановна, кандидат филологических наук, и.о. доцента, и.о. доцента кафедры русского языка Казахского национального медицинского университета имени С. Асфендиярова. Автор 40 исследований.

КИРИЛЛОВА Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, докторант Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор около 30 научных и учебно-методических работ.

КЛЕМЕНТЬЕВ Андрей Александрович, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой удмуртской филологии и национальных языков института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики. Автор 43 научных исследований и учебно-методических пособий.

КРАЮШКИНА Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Автор 87 публикаций.

КУДРЯВЦЕВА Раисия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Марийского государственного университета. Автор более 130 научных и учебно-методических работ.

ЛУУТОНЕН Йорма, доктор философии, доцент университета г. Турку, Финляндия. Автор около 30 публикаций.

МАКСИМОВА Татьяна Вячеславовна, аспирант кафедры английского языка Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

МИНЕЕВА Анастасия Валентиновна, аспирант кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

МИХАЙЛОВ Петр Петрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор 10 научных исследований.

МЫШКИНА Альбина Федоровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры культурологии Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор более 40 научных и учебно-методических работ.

НАЙМУШИНА Зоя Васильевна, выпускница факультета Культуры и Искусств Марийского государственного университета.

ОСИПОВА Альбина Дмитриевна, учительница чувашского языка и литературы МОУ «Ямашская СОШ» Канашского района Чувашской Республики.

ПЕТРОВА Людмила Германовна, методист кафедры чувашского языка и литературы ГОУ «Чувашский республиканский институт образования». Автор 17 научных и учебно-методических исследований.

РОДИОНОВ Виталий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой чувашского и сравнительного литературоведения, декан факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор более 200 научных и учебно-методических работ.

САВИНКОВ Владимир Ильич, кандидат социологических наук, ведущий советник аппарата Совета Федерации ФСРФ. Автор 25 исследований в области проблем социального управления, социальной и культурной политики.

САРБАШ Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор около 50 научных и учебно-методических работ.

СЕМЕНОВА Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания чувашского языка и литературы

Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор около 70 научных и учебно-методических работ.

СКВОРЦОВА Наталья Рудольфовна, ассистент кафедры английского языка Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

СОРОКИНА Оксана Васильевна, старший преподаватель кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

СОФРОНОВА Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор 35 научных и учебно-методических работ.

ТАЛАНОВА Тамара Владимировна, ст. преподаватель кафедры романо-германских языков Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

ТЕРЕХОВА Ольга Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры материаловедения и экологии Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор 80 публикаций.

ТИМОФЕЕВА Валентина Николаевна, МОУ «Гимназия №1» г. Ядрин Чувашской Республики.

ТИХОНОВА Алина Владимировна, аспирантка кафедры культурологии Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

ТРОФИМОВ Леонид Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор около 30 научных и учебно-методических работ.

УЛЬЯНОВА Татьяна Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор более 10 научных и учебно-методических работ.

ФЕДОРОВ Георгий Иосифович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой культурологии Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор более 100 научных и учебно-методических работ.

ФИЛОНЕНКО Вера Александровна, ассистент кафедры романо-германских языков Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

ФОМИН Эдуард Валентинович, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств. Автор более 60 научных исследований и учебно-методических пособий.

ХЛЕБНИКОВА Валентина Георгиевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор 180 научных публикаций.

ЧЕРНОЯРОВА Марина Юрьевна, ст. преподаватель кафедры русской литературы Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор 40 научных публикаций.

ШИКАНОВА Анастасия Николаевна, старший преподаватель кафедры романо-германских языков Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

ШМАНОВА Анар Нурибековна, кандидат педагогических наук, и.о. доцента кафедры казахского и русского языков Казахского экономического университета имени Т. Рыскулова. Автор 40 научных и учебных пособий.

ЯДРИЦОВА Алена Андреевна, учительница чувашского языка и литературы МОУ «СОШ № 2» Ибресинского района Чувашской Республики.

ЯКИМОВА Надежда Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Автор более 10 научных и учебно-методических работ

ЯКОВЛЕВА Кристина Юрьевна, аспирант, ассистент кафедры романо-германских языков Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

ЯКОВЛЕВА Ольга Николаевна, соискатель кафедры культурологии Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РФ

Родионов В.Г. Проблемы создания истории национальной литературы и литературная компаративистика.....	5
Федоров Г.И. Об одной из ветвей развития прозы народов Урала и Поволжья второй половины XX века.....	13
Кудрявцева Р.А. К вопросу о поэтике лирико-драматического рассказа в марийской и чувашской литературе 1960—1970-х годов («Гибкая ива» А. Александрова и «Вдова» Н. Максимова).....	17
Ермакова Г.А. Возвращение к сакральному в лирике чувашского этноса.....	22
Мышкина А.Ф. Менгальность национальной литературы: сравнительный анализ.....	25
Сарбаш Л.Н. Чувашский обряд «опахивания» в изображении В.Г. Короленко.....	30
Софронова И.В. Восточная тематика в чувашской литературе.....	34
Кириллова И.Ю. Современная чувашская драматургия в аспекте исторической и национальной самобытности.....	38
Ильина Г.Г. Обряд принесения «строительной жертвы» в фольклоре чувашей.....	41
Черноярова М.Ю. Мотив превращения в мифологической прозе русского населения Чувашии.....	44
Краюшккина Т.В. Действия сердца и души как средства выражения эмоций (на материале русских народных волшебных сказок Сибири и Дальнего Востока).....	47
Абрамов В.А. Мотивы Дао в чувашской словесности.....	52
Клементьев А.А. Лирика пермских народов второй половины XX века в контексте сравнительного литературоведения: к постановке проблемы.....	55
Демин В.И. Так начиналось (Новые изыскания в области зарождения мордовской печати и литературы).....	60
Афанасьева Е.Р., Михайлов П. Система ценностных координат в мировосприятии А.Тарасова.....	65
Антонов Ю.Г. Мордовская драматургия 1920 – 1930-х гг. на страницах периодической печати.....	67
Иванова Е.Ю. Художественная семантика образа дерева в поэзии А. Воробьева.....	71
Владимирова О.Г. Чăваш литературинчи философилĕ шухăшлав аталанăвĕн хăш-пĕр палăрăмĕсем.....	76
Трофимов Л.Ю. Яковлеведение как отрасль литературоведческой науки.....	79
Габбасова К.А. Национальные мотивы в пейзажной лирике Габдуллы Тукая.....	80

Егорова Н.В. Эссе: дистрибутивная полифония жанра в современной мордовской прозе.....	82
Яковлева К.Ю. Жанровые особенности литературной и народной сказок на различных уровнях структуры текста.....	88
Тихонова А.В. О некоторых особенностях автобиографической прозы в чувашской литературе.....	92
Яковлева О.Н. Илемлĕ литературари чĕр чун сĕнарĕсен пĕлтерĕшĕ тата халăхăн мистикашпа тавракурăмĕ.....	95
Минсеева А.В. Семейные ценности в произведении П.П. Хузангая «Род Аштрамана».....	98
Антонова А.Л. Вечные ценности в творчестве К. Иванова.....	100
Антонов Л.В. Некоторые аспекты изучения детской литературы (на материале чувашской литературы).....	101
Захарова А.Г. Экзистенциальные традиции в русской и чувашской прозе 1960-1970-х годов (сравнительный анализ рассказов В. Тендрякова «Хлеб для собаки» и Е. Лисиной «Кусок хлеба»).....	104
СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ГИПОТЕЗЫ	
Базылев В.Н. Перспективы социолингвистических исследований в российском языкознании.....	110
Ульянова Т.Б. Изучение темпоральной лексики в тюркском и славянском языках.....	117
Скворцова Н.Р. Проблема перевода английского просторечия на русский язык.....	122
Луутонен Й., Фомин Э.В. Новый обратный словарь чувашского языка.....	126
Филоненко В.А. Лингвокультурный концепт «совет» в английской и русской паремииологических картинах мира.....	131
Таланова Т.В., Шиканова А.Н. Синкретичные присубстантивные определения в простом предложении.....	132
Емельянова М.В., Максимова Т.В. Сингармонизм гласных в чувашском языке.....	136
Сорокина О.В. Аналитические конструкции с модальной семантикой 'невозможности' в турецком языке.....	138
Якимова Н.И. Межязыковые фразеологические аналоги.....	142
Алексеева И.В. Сравнительная характеристика происхождения фразеологизмов русского и чувашского языков.....	145
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ	
Семенова Г.Н. Диалог – основа профессии педагога.....	150
Кажигалиева Г.А., Кажигалиева Г.Ж.А. О некоторых актуальных вопросах современной казахстанской методики языкового обучения.....	153
Шиканова А.Н., Таланова Т.В. Контроль и обратная связь: аспекты интеграции.....	159
Хлебникова В.Г. Вĕренекенсен пушлевне аталантарма чăваш унерсенен произведенийĕсемпе усă курни.....	163
Егорова А.С. Пайăр ятсене шкулта вĕрентесси.....	169
Тимофеева В.Н. Вĕренекенсене тĕпчев ёсне явăштарасси.....	172

Шиканова А.Н. К проблеме развития творческого мышления в профессиональной подготовке лингвистов-переводчиков.....	175
Андреева С.Ю. Анализ словарной статьи как способ формирования коммуникативной компетенции (на примере словарной статьи «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина).....	177
Виноградов Ю.М. Экзамена сырнă сочиненисене тишкерни.....	180
Васильева Л.М. Изучение жизни и творчества К.В. Иванова в русскоязычной школе.....	185
Васильева А.М., Ефимова Л.Н. Две трагедии, две судьбы (сравнительный анализ трагедий К.В. Иванова «Слуга дьявола» и В. Шекспира «Макбет»).....	189
Игнатъева А.П. Своеобразие преподавания чувашского языка в городской школе.....	193
Петрова Л.Г. Ваттисен сĕмахĕсемпе каларăшсем (А. Артемьевĕн вĕрĕшĕ темпе сырнă хайлавĕсем тĕрĕх).....	198
Ядрицова А.А. К.В. Иванов - чăвашсен сўнми çĕлтĕрĕ (вырăс шкулĕнчи 7-мĕш класра ирттермелли чăваш çĕлхи урокĕ).....	200
Андреева Л.Г., Иванова Н.Г. Урок чувашской литературы в 10 классе с использованием кейс-технологии по теме «Творческий путь М. Федорова. Поэма-баллада «Леший»).....	203
Иванова И.В. К.В. Ивановĕн «Нарспи» поэмипе А.Н. Островскин «Гроза» пьесинчи пĕрпеклĕх.....	206
Власова И.В. Вырăс шкулĕсенчи чăваш çĕлхи урокĕсенче вĕйĕ мелĕпе усă курасси.....	211
Иванова В.М., Осипова А.Д. Константин Иванов пултарулăхĕ паянхи школ вĕрентĕвĕнче.....	212
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА	
Савинков В.И. Государство как субъект культурной политики.....	216
Фомин Э.В. Казань в истории чувашской книги дооктябрьского периода.....	219
Шманова А.Н. О диалоге культур как лингвометодической задаче.....	223
Иванова А.М. Казань в истории чувашского литературного языка.....	228
Захарова Н.И. К вопросу изучения названий наконных украшений в чувашском языке.....	231
Иванова В.В. Народные поверья как признак номинации некоторых названий болезней в чувашской мифологии.....	236
Иванова А.М. Симбирские чувашки Г.А. Эрмана.....	241
Терехова О.П. Отражение природоведческой терминологии в словаре Н.И. Ашмарина.....	257
Афонькина Л.Г. Остаться человеком в пламени войны (по произведениям «Сапка» В. Кондратьева, «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина и «Матерь человеческая» В. Закруткина).....	263
Наймушина З.В. Формирование ценностных ориентаций молодежи на основе народных традиций в Республиканском центре русской культуры.....	266
Об авторах	271

Научное издание

АШМАРИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 7

Сборник научных статей

Подписано в печать 30.06.2010. Формат 60×84/16.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Физ. печ. л. ... Тираж 100. Заказ № ...

Отпечатано в типографии ИП Сорокина А.В.
«Новое Время»
428034, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1.
Тел.: (8352) 41-27-98, 46-43-46.